

3 (70)
2025

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (70)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лакельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлагула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников
Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2025

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (70)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Содержание

Археология

Еньшин Д.Н. Нижнее Приишимье в V — начале IV тыс. до н.э. (современное состояние исследований).....	5
Дубовцева Е.Н., Клементьева Т.Ю. Ранненеолитическая плоскодонная керамика Западной Сибири: опыт экспериментального моделирования.....	16
Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В. Свайные конструкции на озерных поселениях IV–III тыс. до н.э. в Днепро-Двинском междуречье: новая форма архитектуры и часть общеевропейского феномена.....	27
Ши Ханьда. Андроновцы на Восточном Памире: к вопросу хронологии и происхождения могильника Сябаньди АII в Синьцзяне (Китай).....	40
Горашук И.В., Скочина С.Н., Семин Д.В., Ержанова А.Е. Опыт выявления признаков использования медных отжимников на поверхностях каменных наконечников стрел (экспериментально-трассологический анализ).....	55
Илюшина В.В., Зимина О.Ю. Технология изготовления керамики у групп населения переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку поселения Мергенъ 6 в Нижнем Приишимье.....	65
Давыдов Р.В., Супрунова Л.Е., Чистяков П.В. Серийное литье средневековой бронзовой торевтики малых форм Центральной Азии: результаты экспериментальных исследований.....	79
Зеленков А.С., Слепцова А.В., Конилов Б.А., Грачев М.А. Комплексы раннего средневековья из северной лесостепи Прииртышья — Ирчинский курганный могильник (по материалам В.А. Могильникова 1969 г.).....	89
Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Кипчакский «длинный» курган из могильника Меновное VII (Восточный Казахстан).....	103
Бравина Р.И., Прокопьева А.Н., Петров Д.М. Якутская элита XVII в.: погребение тойона Мазары Бозекова.....	115

Антропология

Альперович А.И., Сошкина А.Д., Андреева Т.В., Кунижева С.С., Адрианова И.Ю., Малярчук А.Б., Кузнецова И.Л., Гончарова Н.Н., Кабаев Д.А., Черняева Л.Л., Рогов Е.И. Генетический портрет индивида из средневекового некрополя «Патриарший сад» (г. Владимир) с редкой погребальной обрядностью — каменной подушкой.....	125
Слепцова А.В. Антропологический состав населения Среднего Прииртышья VI–XIII вв. по данным одонтологии (предварительные результаты).....	137

Этнология

Адаев В.Н. Воспоминания А.Х. Бенкендорфа о поездке 1802 г. к устью Оби как этнографический источник.....	150
Бардина Р.К., Тучкова Н.А. Семейный состав диалектно-локальных групп манси и среднеобских селькупов: опыт сравнительного анализа.....	162
Костомаров В.М., Туров С.В., Крестьянников К.Ю. Традиционная гидротехника в аспекте ландшафтно-пространственных взаимосвязей в Западной Сибири (XVII — начало XX в.).....	173
Рудь А.А., Карась П.Л. Природно-географические особенности сакральных ландшафтов хантов Сургутского Приобья.....	187
Глушенко М.А., Федоров Р.Ю. Этнокультурные и адаптационные аспекты трансформации народной архитектуры поздних переселенцев Среднего Приангарья (первая четверть XX в.).....	198
Перевалова Е.В., Киссер Т.С. Колгуевские ненцы: островная ментальность и кризис оленеводства.....	206
Информация для авторов	218
Список сокращений	221

На передней стороне обложки: деталь конского снаряжения, Ирчинский курганный могильник, кург. № 53, погр. 1; поселок Бугрино, о. Колгуев, вид с вертолета (фото Е.В. Переваловой, 2024 г.); портрет обдорского князя Тайшина из книги Ф.М. Беляевского [1833].

Contents

Archaeology

Enshin D.N. Lower Ishim River basin in the 5 th — early 4 th millennium BC (current state of research).....	5
Dubovtseva E.N., Klementyeva T.Yu. Early Neolithic flat-bottom pottery of Western Siberia: an effort of experimental modelling study	16
Mazurkevich A.N., Dolbunova E.V. Pile dwellings on lacustrine sites of the 4 th –3 rd millennium BC in the Dnieper-Dvina interfluvium: a new form of architecture and a part of a pan-European phenomenon.....	27
Shi Handa. Andronovites in the Eastern Pamirs: on the issue of dating and origins of the Xiabandi All cemetery in Xinjiang (China)	40
Gorashchuk I.V., Skochina S.N., Semin D.V., Erzhanova A.E. Experience of identifying copper pressure flaking tools on stone bifacial arrowhead surfaces (experimental use-wear analysis).....	55
Ilyushina V.V., Zimina O.Yu. Pottery-making technology in the population of the Transitional Period between the Bronze and Iron Ages in the settlement of Mergen 6 of the Lower Ishim River basin	65
Davydov R.V., Suprunova L.E., Chistyakov P.V. Serial casting of medieval small forms bronze artefacts from Central Asia: results of experimental studies	79
Zelenkov A.S., Sleptsova A.V., Konikov B.A., Grachev M.A. Early Medieval complexes from the northern forest-steppe of the Irtysh River region — Irchinsky burial ground (based on materials of V.A. Mogilnikov, 1969).....	89
Tkachev A.A., Tkachev A.I. Kipchak “long” mound from the Menovnoe VII burial ground (Eastern Kazakhstan)	103
Bravina R.I., Prokopeva A.N., Petrov D.M. Yakut elite of the 17 th century: the grave of toyon Mazary Bozekov.....	115

Anthropology

Alperovich A.I., Soshkina A.D., Andreeva T.V., Kunizheva S.S., Adrianova I.Yu., Malarchuk A.B., Kuznetsova I.L., Goncharova N.N., Kabaev D.A., Chernyaeva L.L., Rogojev E.I. The DNA portrait of an individual from the Medieval necropolis of “Patriarchal Garden” (Vladimir city) with a rare funeral rite — a stone pillow.....	125
Sleptsova A.V. Anthropological composition of the 6 th –13 th centuries population from the Middle Irtysh region according to data from dental analysis (preliminary results).....	137

Ethnology

Adaev V.N. Memories of A.C. Benkendorf about the 1802 trip to the mouth of the Ob River as ethnographic source.....	150
Bardina R.K., Tuchkova N.A. Family composition of the local dialectic groups of Mansi and Middle Ob River Selkups: an experience of comparative analysis.....	162
Kostomarov V.M., Turov S.V., Krestyannikov K.Yu. Traditional hydraulic engineering in the context of landscape-spatial interconnections in Western Siberia (17 th — early 20 th century).....	173
Rud' A.A., Karas' P.L. Natural and geographical features of sacred landscapes of the Khanty in the Surgut Ob region	187
Glushenko M.A., Fedorov R.Yu. Ethnocultural and adaptation aspects for the development of folk architecture of the late peasant resettlers in the Middle Angara region (first quarter of the 20 th century).....	198
Perevalova E.V., Kisser T.S. The Kolguev Nenets: island mentality and the crisis of reindeer herding ...	206
Memo to the authors	218
Abbreviations	221

АРХЕОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-1>

УДК 903.4

Еньшин Д.Н.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008
Email: Dimetrius666_72@mail.ru

НИЖНЕЕ ПРИИШИМЬЕ В V — НАЧАЛЕ IV тыс. до н.э. (СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Представлены результаты изучения новых керамических комплексов поздненеолитического времени с поселений северо-восточного побережья оз. Мергенъ (Мергенъ 3, 7, 8) в Нижнем Приишимье (лесостепная зона Западной Сибири), позволившие скорректировать существующую культурно-хронологическую схему. Проведен анализ возможности соотношения этих комплексов с поздними козловскими, маханджарскими, белкарагайскими, артыньскими и гребенчато-ямочными комплексами сопредельных территорий (лесостепное Зауралье, Северный Казахстан, Среднее Прииртышье и Бараба). На основании анализа морфологических и орнаментальных особенностей керамических коллекций, их стратиграфического и планиграфического расположения в поселенческих слоях, а также датирования (в том числе AMS) предложены варианты генезиса и последовательности бытования комплексов на территории Нижнего Приишимья. Сделан вывод об увеличении степени мозаичности культурного облика населения долины р. Ишим со второй половины V тыс. до н.э. как отражения процессов эпохальных изменений на рубеже неолита — энеолита.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Нижнее Приишимье, поздний неолит, керамический комплекс.*

Ссылка на публикацию: Еньшин Д.Н. Нижнее Приишимье в V — начале IV тыс. до н.э. (современное состояние исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 5–15. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-1>

Введение

Начальный этап академического изучения неолитических комплексов Нижнего Приишимья связан с работами Уральской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Генинга в 60-е гг. XX в. Целью исследований разных отрядов экспедиции, в том числе Ишимского, был поиск комплексов, имеющих потенциал стать опорными при разработке вопросов периодизации древнейшей истории Зауралья и Западной Сибири, и определение «степени обитаемости» в разные периоды [Голдина, 1969, с. 7, 10–11]. В том числе это касалось побережья оз. Мергенъ и близлежащих участков долины р. Ишим, и в частности введения в научный оборот материалов таких памятников, как поселение Кокуй I и II, Пахомовская Пристань III (рис. 1, 1а). Открытие этих комплексов имело настолько серьезное значение, что, являвшиеся до этого фактически белым пятном, древности нижнего течения р. Ишим на длительный период заняли одно из ключевых мест в культурно-хронологических схемах Ишимо-Иртышского региона [Генинг и др., 1970].

Обнаруженные комплексы характеризовались преимущественно округлодонными/остродонными сосудами баночной «полуяйцевидной» формы с линейно-волнистой (отступающе-прочерченная техника нанесения) и гребенчато-ямочной орнаментацией. Результатом работ исследователей под руководством В.Ф. Генинга стали первая периодизация древностей Ишимо-Иртышья и выделение самостоятельной, среднеиртышской археологической культуры, ранний этап которой получил наименование «кокуйский». Его хронологическая позиция (IV тыс. до н.э.) была определена с учетом аналогий в кельтеминарских материалах (миндалевидные наконечники из пещеры Джэбел) и общего сходства орнаментации и морфологии сосудов с емкостями ранней фазы зауральского неолита (козловской), выделенной В.Н. Чернецовым. Поселения среднеиртышской культуры включались в обширный круг неолитических культур Урала, Казахстана, Нижнего Приобья, Приаралья [Гам же].

В 1970-х гг. продолжалось накопление материалов, сходных с ишимскими, на территории Прииртышья, Барабинской лесостепи и т.д. Параллельно развернулось обсуждение предложенной уральскими археологами культурно-хронологической схемы, выделения самостоятельной культуры, вопросов ее генезиса, этапов существования и т.д. Так, В.И. Молодин, оперируя новыми материалами Барабы и Новосибирского Приобья, сложение среднеиртышской культуры связывал со слиянием носителей местной урало-западносибирской орнаментальной традиции (линейно-волнистый декор, взаи-

мопроникающие фигуры, прочерченная, отступающая техника и т.д.) и пришлой (гребенчато-ямочная) [1977]. В целом же отмечалась сложность интерпретации комплексов, поскольку они зачастую характеризовались многослойным характером, фрагментарностью и разнообразием керамики. Примером этого явилась дискуссия о хронологической последовательности функционирования сооружений в многом считавшегося опорным на тот момент поселением Кокуй I в долине Ишима.

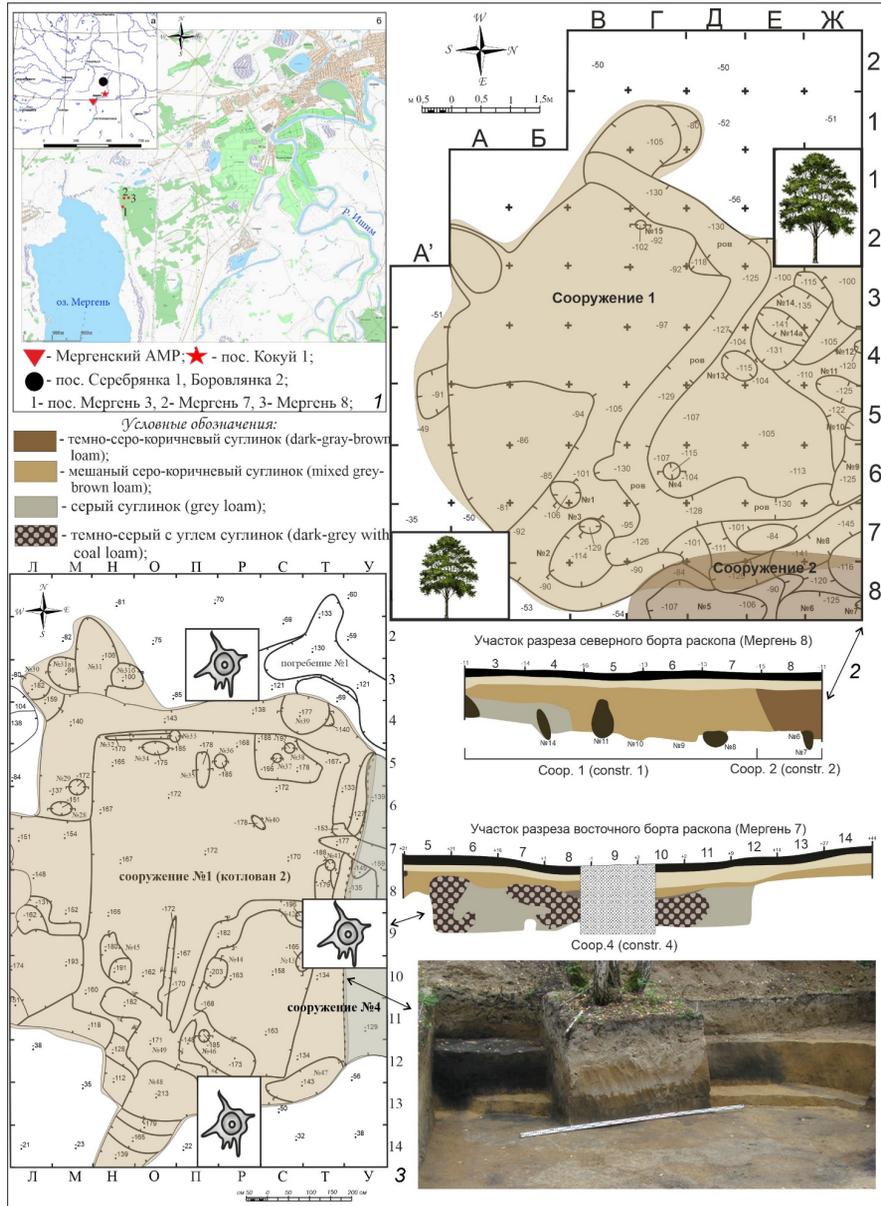

Рис. 1. Схема расположения: 1 — памятников Мергенского АМР, пос. Кокуй 1, Серебрянка 1, Боровлянка 2 в Нижнем Приишимье (а); пос. Мергель 3, 7, 8 на северо-восточном побережье озера Мергель (б). План взаиморасположения: 2 — сооружений 1 и 2 на пос. Мергель 8, участок стратиграфического разреза с перекрытием объектов; 3 — сооружений 1, 4 и погребения 1 на пос. Мергель 7. участок стратиграфического разреза с перекрытием объектов (фото).

Fig. 1. Location of the monuments of the Merghen archaeological microdistrict and the settlements Kokuy 1, Serebryanka 1, Borovlyanka 2 in the Lower Ishim River region (1); the plans of the relative positions of constructions in the settlement Merghen 8 and the settlement of Merghen 7 (2, 3).

Авторами раскопок был определен следующий порядок: жилище 3 с комплексом гребенчато-ямочной керамики (орнаментация коротким гребенчатым штампом) существовало раньше жили-

ща 2 с керамикой, декорированной шагающей гребенкой, линейно-волнистыми элементами в отступающе-прочерченной и накольчатой технике [Генинг, Голдина, 1969]. Этой же позиции относительно последовательности сооружений и керамических комплексов на поселении Кокуй I придерживался А.И. Петров [2014, с. 136]. Он предложил скорректировать наименование культуры позднего неолита — энеолита Ишимо-Иртышья, обозначив ее как «екатерининская», и выделить два хронологических этапа ее существования — ранний (материалы жилища 3 пос. Кокуй I, Екатериновка 1, 2, Ямсыса IV и др.) и поздний (материалы жилища 2 пос. Кокуй I, Пахомовская Пристань III, Артынская стоянка и т.д.) [Петров, 2014, с. 149]. Таким образом, подчеркивался хронологический приоритет традиции гребенчато-ямочной орнаментации сосудов «екатерининского» типа над линейно-волнисто-гребенчатым декором, с которым связывалась посуда артынского и кокуйского облика. Примечательно, что в культурно-хронологической схеме неолита Барабинской лесостепи и Новосибирского Приобья, предложенной в то время В.И. Молодиным, развитие орнаментальных традиций рассматривалось от прочерченно-накольчатой к гребенчатой, а не наоборот [1977].

Новые материалы, позволившие продвинуться в корректировке культурно-хронологической схемы для Нижнего Приишимья, появились лишь в конце 80-х гг. в процессе работ под руководством А.Н. Панфилова на многослойных поселениях подтаежной зоны Серебрянка 1 и Боровлянка 2 (рис. 1, 1а). На основании исследований этих комплексов автором раскопок была подвергнута сомнению предложенная участниками Уральской археологической экспедиции и А.И. Петровым последовательность формирования археологических комплексов на поселении Кокуй I. Согласно его точке зрения, керамика кокуйского типа (комплекс жилища 2, сосуды с отступающе-гребенчато-ямочным декором по А.Н. Панфилову), находящая аналогии в артынской, имеет более ранний возраст, чем гребенчато-ямочная (комплекс жилища 3, сосуды «екатерининского» типа). При этом поселения с кокуйской посудой предлагалось выделить в самостоятельную археологическую культуру второй половины V — начала IV тыс. до н.э. [Панфилов, 1993, с. 14]. Эту точку зрения поддержал В.А. Зах [2009, с. 195]. Нужно также отметить, что в самостоятельную культуру V тыс. до н.э., предшествующую появлению общин с гребенчато-ямочным декором сосудов, в последующее время были выделены поселения с посудой артынского типа Прииртышья и Барабинской лесостепи [Бобров, Марочкин, 2012; Юракова, 2017].

Что касается гребенчато-ямочных комплексов, то, с одной стороны, исследования последних десятилетий продемонстрировали длительность существования этой традиции, обширность территории распространения, типологическое разнообразие керамики, а с другой — так и не удалось построить их типологическую и хронологическую шкалу. В.И. Молодин, констатируя преждевременность выделения обособленных культур раннего металла с такой орнаментацией, предложил вернуться к более общей дефиниции — «гребенчато-ямочная общность» [2001, с. 39]. На наш взгляд, ситуация с гребенчато-ямочными комплексами «екатерининского» типа не менее сложная, что отражено и в работе А.Ю. Юраковой [2017, с. 180].

Таким образом, к середине 2010-х гг. представления о позднем неолите Нижнего Приишимья базировались на немногочисленных материалах поселений с посудой кокуйского типа, которые предлагалось выделить в самостоятельную культуру V — начала IV тыс. до н.э. На смену им приходит население с гребенчато-ямочной традицией декорирования емкостей. Под вопросом остался статус комплекса, схожего с сосновоостровской посудой поселений Нижнего Приобья, выделенного на поселении Серебрянка 1 (комплекс II), но не тождественного ей [Панфилов, 1993, с. 21].

Работы Мергенской археологической экспедиции в одноименном микрорайоне в последнее десятилетие позволили расширить представления о поздненеолитическом времени в регионе и скорректировать предложенную ранее культурно-хронологическую схему. Представление актуальных разработок в этом направлении является целью данного исследования.

Поздненеолитические материалы Мергенского археологического микрорайона

На основании датирования комплексов Мергенского АМР установлено, что неолит Нижнего Приишимья соответствует диапазону начала VII — начала IV тыс. до н.э. На территории микрорайона комплексы, характеризующие историко-культурную обстановку V — начала IV тыс. до н.э., зафиксированы на поселениях Мерген 3, 7, 8 (рис. 1. 1б).

Впервые в достаточной степени информативные материалы V тыс. до н.э. с северо-восточного побережья оз. Мерген (выборка артефактов с надежным контекстом, пригодная для статистической обработки) были получены в ходе раскопок поселения Мерген 7 в 2011 г. По их результатам было установлено, что с рубежа VI–V до середины V тыс. до н.э. в долине р. Ишим проживало население позднего этапа существования козловской культурной традиции Зауралья (козловско-

полуденковский комплекс; рис. 2, 1–4) [Еньшин, 2015]. Ближайшие аналогии им усматриваются в коллекциях памятников Среднего и Нижнего Притоболья, и в частности Андреевской озерной системы, что демонстрирует устойчивое сохранение фиксируемого с раннего неолита западного — юго-западного вектора связей древнего населения Нижнего Приишимья [Еньшин, Скочина, 2023]. Кроме того, в ходе работ вместе с козловской посудой был обнаружен импортный сосуд маханджарского облика и технологии изготовления (рис. 2, 5), а также выделена группа посуды синкретичной морфологии и орнаментации (рис. 2, 3) [Еньшин, 2015]. Данные факты позволили подтвердить существование южного вектора связей (рис. 2, 6, 7), поскольку ареал маханджарской культуры расположен в степной зоне (Тургай, современный Северный Казахстан). До этого, в раннем неолите, отмечались лишь «сырьевые связи» с месторождениями камня в Казахском мелкосопочнике.

Материалы середины V — начала IV тыс. до н.э. представлены в основном сильно фрагментированными немногочисленными, но в то же время типологически устойчивыми керамическими комплексами. Кроме того, в ряде случаев удалось проследить особенности планиграфии и стратиграфии их залегания.

В ходе работ по изучению котлована раннеолитического жилища на поселении Мергень 8 в 2015 г. (сооружение 1, первая пол. VII тыс. до н.э.) было зафиксировано перекрытие его северо-восточного контура небольшой частью сооружения 2 (рис. 1, 2), с которым связана посуда своеобразного облика [Еньшин, 2016]. Всего выявлено четыре сосуда, в том числе один археологически целый (рис. 2, 8–11). Емкости горшечной формы с приостренным дном, вытянутыми пропорциями и выраженным ребром на тулове. Венчики преимущественно отогнутые с плоским срезом. Толщина стенок 0,8–1 см. Декор, вероятно, покрывал всю внешнюю поверхность и наносился в технике «шагания», штампования, накола. В качестве орнаментов использовались гребенчатый штамп и стержень с округлым рабочим краем.

Полное представление о композиции получено по археологически целому сосуду (рис. 2, 8). Основным элементом декорирования является оттиск длинного тонкого гребенчатого штампа в наклонном или горизонтальном варианте. В верхней трети орнаментального поля, от края венчика до тулова, размещены четыре горизонтальных ряда наклонных оттисков с частичным наложением друг на друга. При этом верхние два имеют наклон вправо, а нижние — влево, образуя в целом пояс «длинногребенчатой елочки». Под ней, по тулову, нанесен один ряд наклонных влево оттисков, ограниченный сверху тремя, а снизу двумя прямыми горизонтальными линиями, образованными тем же, но горизонтально поставленным штампом. Ниже размещен пояс наклонных вправо линий. Придонная часть оформлена близко поставленными мелкими наколами.

Поверх основного декора нанесены три горизонтальных пояса ямочных вдавлений — в бордюрной зоне под венчиком, при переходе от шейки к тулову, в придонной части. Одиночное ямочное вдавление присутствует по центру приостренного дна.

Остальные сосуды представлены более фрагментарно. На одном бордюрная зона под венчиком оформлена поясом наклонных оттисков гребенчатого штампа (рис. 2, 9). Ниже размещены вертикальные пояса «шагающей» гребенки, поверх которых в пределах бордюра нанесен горизонтальный ряд ямочных вдавлений, а по тулову — разреженные единичные горизонтальные зигзаги из оттисков гребенчатого штампа. Орнаментальное поле другого (рис. 2, 10), по всей видимости, также заполнено вертикальными поясами «шагающей» гребенки, разделенными (чередующимися?) вертикальным строенным зигзагом, образованным оттисками гребенчатого штампа. Поверх основного декора в бордюрной зоне нанесен ряд ямочных вдавлений.

По углю из ямы в полу сооружения 2 методом AMS получена дата 5605 ± 69 BP (GV-02931) (4439 cal BC).

В 2019 г. продолжались работы на поселении Мергень 3. В результате был исследован котлован строения раннеолитического времени (первая половина VII тыс. до н.э.) с «впущенным» в него более поздним жилищем. Основной керамический комплекс (комплекс II) этого условного горизонта представлен фрагментированными емкостями баночной формы с округлым дном и слегка отогнутым венчиком (рис. 3, 1–4). Толщина стенок варьирует в диапазоне 0,6–0,7 см.

Орнамент в прочерченной, отступающе-прочерченной или накольчатой технике покрывает, вероятно, всю внешнюю поверхность сосудов. В качестве инструмента его нанесения использовался стержень с округлым рабочим краем. Декор довольно простой — монотонные разреженные горизонтальные прямые или волнистые линии, единично отмечено нанесение зигзага по тулову. Кроме того, в бордюрной зоне под венчиком и по тулову нанесены ряды ямочных вдавлений в линейном или шахматном порядке.

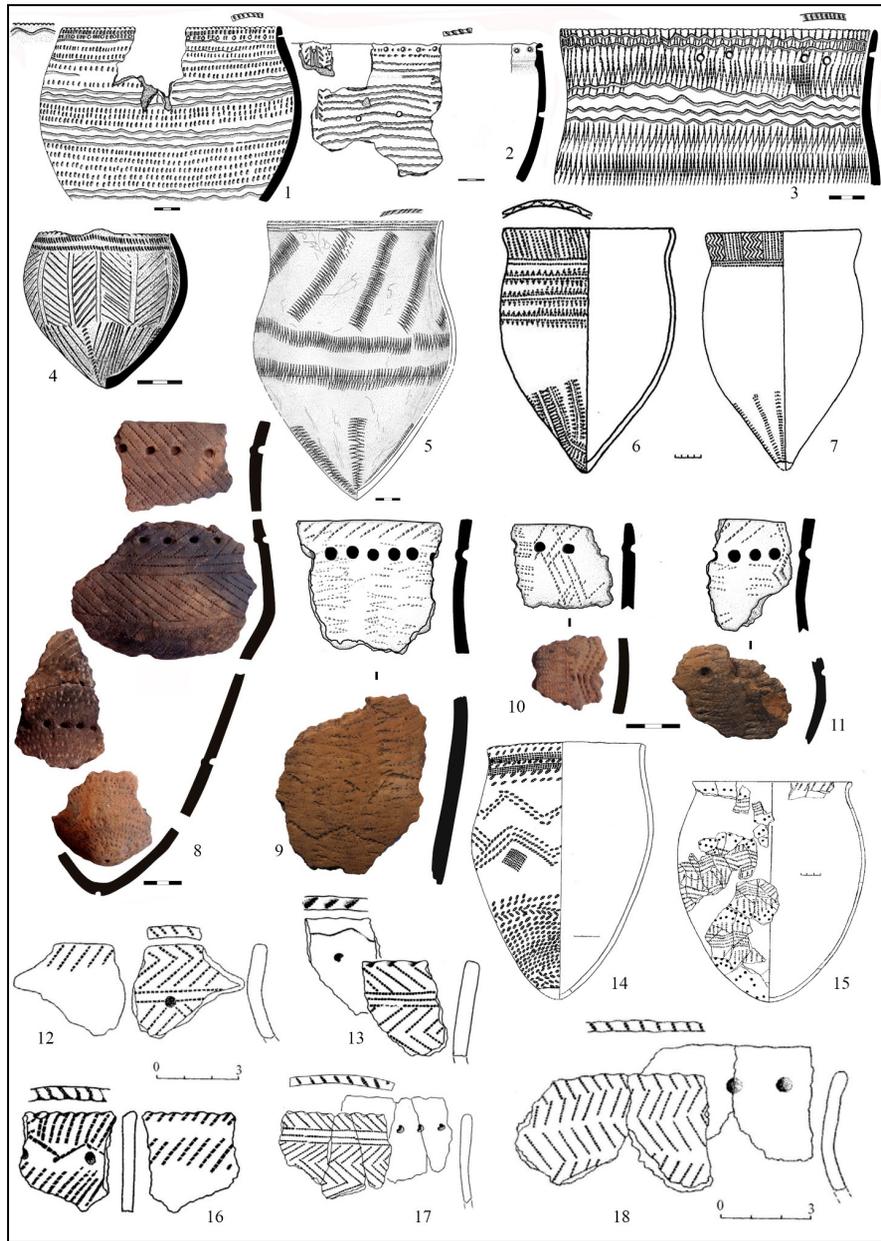

Рис. 2. Сосуды позднего этапа козловской культурной традиции пос. Мергенъ 7 (1–4); сосуд маханджарского типа пос. Мергенъ 7 (5); сосуды маханджарской культуры Тургая (6, 7) [Шевнина, 2018]; керамический комплекс сооружения 2 пос. Мергенъ 8 (8–11); сосуды белкарагайского типа поселений Тургая (12–18) [Шевнина, Логвин, 2022].

Fig. 2. Vessels of the late stage of the Kozlovo cultural tradition settlement Mergen 7 (1–4); vessel of the Makhanjar type settlements Mergen 7 (5); vessels of the Makhanjar culture Turgay (6, 7) [Shevnina, 2018]; ceramic complex construction 2 settlements Mergen 8 (8–11); vessels of the Belkaragai type settlements Turgay (12–18) [Shevnina, Logvin, 2022].

Фрагменты сосуда подобного типа были зафиксированы и на поселении Мергенъ 7 в условных горизонтах, стратиграфически залегающих на одном уровне и выше котлована сооружения 1 с козловским комплексом первой половины — середины V тыс. до н.э. Совокупность наблюдений стратиграфии и планиграфии локализации фрагментов сосудов данного типа, а также их типологические характеристики позволяют предварительно датировать данную группу емкостей серединой — второй половиной V тыс. до н.э.

Рис. 3. Керамический комплекс II пос. Мergenь 3 (1–4); сосуды артынской культуры (5, 6) [Юракова, 2017]; сосуды кокуйского типа пос. Кокуй 1, Серебрянка 1, Боровлянка 2 (7–11) [Генинг, Голдина, 1969; Панфилов и др., 1991; Панфилов, 1993]; керамический комплекс с гребенчато-ямочной орнаментацией пос. Мergenь 7 (сооружение 4) (12–17).

Fig. 3. Ceramic complex II settlements Mergen 3 (1–4); vessels of the Artyn culture (5–6) [Yurakova, 2017]; vessels of the Kokuy type settlements Kokuy 1, Serebryanka 1, Borovlyanka 2 (7–11) [Gening, Goldina, 1969; Panfilov et al., 1991; Panfilov, 1993]; ceramic complex with comb-pit ornamentation settlements Mergen 7 (construction 4) (12–17).

В верхних условных горизонтах практически всех неолитических поселенческих объектов северо-восточного побережья оз. Мergenь встречаются фрагменты сосудов с гребенчато-ямочной орнаментацией. Наиболее представительная коллекция этих емкостей с относительно надежным контекстом была получена на поселении Мergenь 7, где часть котлована сооружения 4, в котором они были обнаружены, перерезает восточную границу котлована жилища 1 с козловской посудой (рис. 1, 3) [Еньшин, 2013]. Сосуды этой группы баночной или слабопрофилированной формы, с приостренным или округлым дном (рис. 3, 12–17). Венчик отогнут и имеет уплощенный, реже — округлый срез. Стенки довольно тонкие, 0,5–0,7 см.

Декор плотный, покрывает всю внешнюю поверхность емкостей. Доминирует использование гребенчатого или гладкого штампа, эпизодически применялся стержень с округлым рабочим краем.

Основу орнаментальной схемы составляют монотонные горизонтальные ряды наклонных коротких оттисков гребенчатого или гладкого штампа, размещенные по всей поверхности сосуда от края венчика до дна. При этом отмечается такая особенность техники их использования на некоторых изделиях, при которой образуется подтреугольный отпечаток (рис. 3, 13; легкое протаскивание верхнего края?). В зоне тулова монотонные горизонтальные ряды нередко сменяются горизонтальными поясами из наклонных линий, составленных оттисками штампа, или горизонтальными зигзагами/треугольниками. На части сосудов поверх основного декора наносились вертикальные элементы орнаментации — пояса или прямые линии, составленные оттисками гребенчатого или гладкого штампа (рис. 3, 12–14).

Характерной чертой емкостей этой группы является нанесение рядов ямочных вдавлений округлой или овальной формы в бордюрной зоне под венчиком, а также по тулову поверх основного декора. Чаще всего это одиночные ряды, единично — сдвоенные.

О хронологической позиции комплекса гребенчато-ямочной посуды предварительно позволяет судить ряд факторов. Планиграфическая и стратиграфическая ситуация, указанная выше, определяет верхнюю границу их существования не раньше середины V тыс. до н.э. Вместе с тем в непосредственной близости от края котлована сооружения 4 с посудой данной группы было зафиксировано парное погребение 1 (рис. 1, 3). Могильная яма имела неправильные Y-образные очертания, размеры 0,5×2,3 и 0,5×1,5 м, глубину 0,6–0,7 м, ориентирована преимущественно по линии СВ–ЮЗ. Останки двух женщин находились на дне в юго-западной части могилы. Достаточно хаотичное расположение костей позволяет предположить вторичный характер захоронения, при котором двух усопших постарались уложить рядом друг с другом головами на ЮЗ. Необходимо также отметить, что на останках явно читались следы частичной кремации, а слой, в котором они были обнаружены, насыщен углистыми включениями. В северо-восточной части могилы были сконцентрированы крупные кости животных также со следами воздействия огня. Костяной сопроводительный инвентарь помещался в районе поясов усопших. У костяка 1 он представлен двумя стругами, изделием из ребра животного и фрагментом орудия, у костяка 2 — зубчатым острием с пазом и обломком стамески; все они были преднамеренно сломаны в древности.

По углю, кости животного и останкам одной из погребенных получены три даты. Значение по кости человека достаточно сильно выпадает — 5805 ± 25 BP (PSUAMS-2359) (cal BC 4663), а кость животного и уголь показали очень близкие значения: 5083 + 92 BP (NSKA-02312) (cal BC 3867) и 5085 ± 115 BP (COAH-8901) (cal BC 3873). Причиной выпадения первой даты может быть резервуарный эффект, в связи с чем достоверными считаются последние два значения, определяющие возраст погребения первой четвертью IV тыс. до н.э. — рубежом неолита — энеолита. Этот погребальный комплекс мы склонны связывать с носителями традиции изготовления сосудов с гребенчато-ямочной орнаментацией, а его даты считать нижней границей и наиболее вероятным временем их существования на текущий момент в пределах поселенческого комплекса Мергень 7. Такая позиция в целом не противоречит хронологической оценке типологически схожих комплексов Прииртышья и Барабы.

Обсуждение и результаты

Неолитические поселения разных периодов занимают одни и те же локации первой и второй озерных террас северо-восточного побережья оз. Мергень. Исключение составляет комплекс раннего неолита Мергень 6, расположенный в озерной пойме. Данная ситуация накладывает отпечаток на планиграфическую и стратиграфическую картину их залегания с частыми наслоениями. В меньшей степени это затрудняет выделение комплексов раннего и среднего неолита, поскольку для населения этих периодов характерны глубокие (до 1–1,2 м) и довольно большие по площади (до 100 м²) жилищные котлованы. Сложнее ситуация обстоит с менее врезанными в тело террасы сооружениями середины V — начала IV тыс. до н.э. Керамика из слоев этого времени редко фиксируется в положении *in situ*, а чаще всего встречается в переотложенном фрагментированном состоянии. Вместе с тем выделенные комплексы позволяют охарактеризовать культурно-историческую ситуацию на финальной стадии неолита в Нижнем Приишимье.

Как уже отмечалось ранее, в первой половине — середине V тыс. до н.э. в долине р. Ишим проживало население, для которого характерна гончарная традиция (технология, морфология, декор) позднего этапа существования козловской культуры Среднего Зауралья (Мергень 7, сооружение 1; рис. 2, 1–4). Вместе с этим населением, вероятно в результате семейно-брачных связей, на побережье озера Мергень появляются представители южного, степного социума — носители маханджарской культурной традиции (рис. 2, 5–7). Добавим, что в этот период вовле-

ченность маханджарского населения в социокультурные процессы отмечается по всей лесостепной зоне от восточных склонов Урала до Приишимья, что отразилось в появлении своеобразных по морфологии и орнаментации сосудов вместе с «классическими» поздненеолитическими боборыкинскими, козловско-полуденскими и т.д. [Яковлева, 2019]. Примечательно, что на поселении Ук 6 в Притоболье сосуды степного облика первоначально были отнесены к сосновоостровскому типу [Зах, 2009, с. 62] и лишь позднее включены в маханджарский.

По имеющимся данным, в середине — третьей четверти V тыс. до н.э. на северо-восточном побережье озера функционировал поселенческий комплекс со своеобразной посудой (Мергенъ 8, сооружение 2; рис. 2, 8–11). Первоначально он был интерпретирован как схожий с сосновоостровскими материалами Притоболья. Однако морфология емкостей — вытянутые остродонные сосуды с выраженной шейкой и ребром на тулове — отличают его от собственно сосновоостровских, для которых характерны скорее «классические» формы зауральского неолита — слегка раздутые округло- или остродонные емкости баночного типа [Усачева, 2016]. Не вполне присуще сосновоостровской посуде и нанесение рядов ямочных вдавлений по тулову. Наиболее близкими представленным емкостям в морфологическом отношении, на наш взгляд, являются сосуды маханджарской культуры (рис. 2, 6, 7), а в орнаментальном — недавно предложенный к выделению И.В. Шевниной и А.В. Логвиным белкарагайский тип керамики, как характеризующий ее поздний этап (рис. 2, 12–18). Не противоречит это и предварительной хронологической позиции белкарагайских комплексов Тургая — середина V — середина IV тыс. до н.э. [Шевнина, Логвин, 2022, с. 14–15]. Необходимо добавить также, что сами исследователи отмечают сходство белкарагайской и сосновоостровской посуды, в декоре которых в том числе появляется поясок жемчужин как характерная черта оформления бордюрной зоны под венчиком. В связи с этим не исключаем, что дальнейшее изучение комплекса сооружения 2 пос. Мергенъ 8 позволит продвинуться в установлении условий формирования традиции изготовления посуды с «жемчужным» орнаментом в Нижнем Приишимье, интерпретируемой как «схожая с сосновоостровской, но не тождественная ей». Данный тезис имеет под собой основания, тем более что подобный керамический комплекс с поселения Серебрянка 1 (комплекс II по А.Н. Панфилову), расположенный севернее Мергенского АМР (рис. 1, 1а), подкреплен датами, указывающими на тот же хронологический диапазон бытования — вторая половина V — начало IV тыс. до н.э. [Усачева, 2016, с. 11].

Керамический комплекс II, полученный при исследовании поселения Мергенъ 3 в 2019 г., обладает несколько иными характеристиками (рис. 3, 1–4), однако в целом, скорее всего, занимает ту же хронологическую нишу: середина — вторая половина V тыс. до н.э. Из раскопа 1990 г. происходят фрагменты семи сосудов этого типа, отнесенные автором к кокуйскому типу [Зах, Скочина, 2004]. Полученный нами комплекс также слабо информативен, но вызывает ощущение большего сходства с посудой артынской культуры Среднего Прииртышья и Барабы (рис. 3, 5, 6). Вопрос соотношения этих двух традиций лежит в плоскости их сложения. Основной ареал артынских древностей находится за пределами долины р. Ишим, кокуйские же встречены только здесь. По мнению А.Ю. Юраковой, сходство кокуйских и артынских комплексов может указывать на наличие общего культурного субстрата и локальной модификации в Приишимье в результате тесной интеграции с местными сосновоостровскими или полуденскими группами населения, синхронно артынской линии развития основного ареала [2012, 2017]. Полученные новые данные позволяют несколько скорректировать данную гипотезу. Признаков присутствия «отдельного культурного субстрата» с посудой «предартынского» или «предкокуйского» облика в долине р. Ишим на текущий момент не фиксируется. Первая половина — середина V тыс. до н.э. связана с существованием социумов козловско-полуденской и маханджарской (маханджарско-белкарагайской?) культурной традиции. Более вероятно проникновение в этот период в Приишимье артынцев и их интеграция с проживавшим здесь населением, результатом чего становится формирование синкретичного облика гончарства. Кокуйский тип керамики поселений Кокуй 1, Серебрянка 1 (комплекс I по А.Н. Панфилову) и Боровлянка 2 имеет сходство с артынским в морфологии, приемах декорирования, технологии изготовления (наличие в венчиках единичных сосудов каналов в декоре гребенчатых штампов в печатном, «шагающем» или «проташенном» вариантах (рис. 3, 7–11). Орнамент более плотный, присутствуют вертикальные и наклонные пояса «шагающей» гребенки, длинногребенчатая «елочка», характерные для посуды маханджарского и белкарагайского типов. Кроме того, на единичных емкостях присутствуют наплывы на внутренней поверхности под краем венчика, «ушки» по срезу, а также древовидные

изображения, типичные для зауральского неолита (кошкинская и козловская традиции) [Панфилов, 1991, 1993].

Рубеж неолита — энеолита в Нижнем Приишимье связан с появлением носителей гребенчато-ямочной традиции декорирования глиняных сосудов (рис. 3, 12–17). Происходит это, по всей видимости, не ранее рубежа V–IV тыс. до н.э. Комплекс этого времени с поселения Мергень 7 находит аналогии в материалах памятников Екатериновка I и II, Крапивка I, Ямсыса VII, мог. Хутор Бор IV, Нижняя Тунуска II Среднего Прииртышья (иртышская и тарская группы памятников по А.Ю. Юраковой) [Петров, 2014; Юракова, 2017]. В целом же сохраняется проблема культурно-хронологической интерпретации массива памятников, образующих общность гребенчато-ямочной керамики Западной Сибири. Актуальным в этой связи представляется тезис, обозначенный М.Ф. Косаревым еще в начале 80-х годов XX в.: «Мы зачастую не в состоянии судить, является ли столь огромная гребенчато-ямочная общность территорией одновременного существования родственных групп населения или она свидетельствует всего лишь о разновременных миграциях в пределах западносибирской равнины носителей гребенчато-ямочного орнаментального комплекса» [1981, с. 54].

Заключение

Таким образом, новые материалы Мергенского АМР существенно меняют наши представления о культурно-исторических процессах в долине Ишима в V тыс. до н.э. и позволяют скорректировать культурно-хронологическую схему неолита данной территории в целом, где на позднем этапе фигурирует не одна кокуйская культура, а общины разных традиций — козловско-полуденской, маханджарской (маханджарско-белкарагайской?), артынской и ее приишимского кокуйского варианта, гребенчато-ямочной. На основании их анализа рисуется картина динамичных изменений, которые базируются на интенсификации контактов, связей и подвижек различных групп населения сопредельных территорий. Особая мозаичность в культурном отношении фиксируется во второй половине — конце V тыс. до н.э., что, по всей видимости, характеризует наступление кардинальных изменений, связанных со сменой эпох.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.: Вел. Новгород, 2011. Т. I. С. 106–108.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Поселение Кокуй 1 // ВАУ. 1969. Вып. 8. С. 30–47.
- Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. С. 12–51.
- Голдина Р.Д. Перечень работ Уральской археологической экспедиции в 1963 г. // ВАУ. 1969. Вып. 8. С. 7–29.
- Еньшин Д.Н. Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье): Характеристика и интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 15–27.
- Еньшин Д.Н., Скочина С.Н. Нижнее Приишимье в социокультурном пространстве зауральского неолита (по данным Мергенского АМР) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 3 (62). С. 5–13. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-62-3-1>
- Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
- Зах В.А., Скочина С.Н. Поселение Мергень 3 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2004. № 4. С. 37–57.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.
- Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 173 с.
- Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.
- Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А. Боровлянка 2 — памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники по этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1991. С. 25–50.
- Панфилов А.Н. Многослойное поселение Серебрянка 1 в Нижнем Приишимье: (Итоги полевых исследований). Препр. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. 80 с.
- Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. Омск: ОмГУ, 2014. 348 с.
- Усачева И.В. Сосновоостровская культура: Идентификация керамики и вопросы хронологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 5–17.

Еньшин Д.Н.

Шевнина И.В. Керамический комплекс маханджарской культуры в системе неолитических древностей Евразийских степей // Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18. № 4. С. 63–74.

Шевнина И.В., Логвин А.В. К вопросу о выделении белкарагайского типа неолитической керамики Тургая // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 3 (58). С. 5–16. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-58-3-1>

Юракова А.Ю. Проблема культурно-хронологического соотношения неолитических комплексов лесостепного Ишимо-Иртышья и Барабы (история изучения и современное состояние) // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 186–189.

Яковлева Е.С. Следы маханджарской культуры в лесостепном Притоболье // Самар. науч. вестник. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 158–166. <https://doi.org/10.24411/2309-4370-2019-13208>

ИСТОЧНИКИ

Еньшин Д.Н. Отчет о раскопках поселения Мерген 7 в Ишимском районе Тюменской области в 2011 году // Архив ЛАЕНМ ИПОС СО РАН. 2013.

Еньшин Д.Н. Отчет о НИР «Археологические исследования поселения Мерген 8 в Ишимском районе Тюменской области в 2015 г.» // Архив ЛАЕНМ ИПОС СО РАН. 2016.

Юракова А.Ю. Неолит Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2017.

Enshin D.N.

Tyumen Scientific Centre SB RAS
Cheruvshevskiy trakt st., 13, Tyumen, 625008, Russian Federation
E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru

Lower Ishim River basin in the 5th — early 4th millennium BC (current state of research)

Presented are the results of the study of new Late Neolithic pottery complexes from the settlements of the north-eastern shore of Lake Mergen (Mergen 3, 7, 8) in the Lower Ishim River region (forest-steppe zone of Western Siberia), which allow adjusting the existing cultural-chronological scheme. The analysis of the possibility of their correlation with the late Kozlov, Makhanjar, Belkaragay, Artyn and pit-comb complexes of adjacent territories (forest-steppe Trans-Urals, Northern Kazakhstan, Middle Irtysh, and Baraba regions) has been carried out. Based on the analysis of morphological and ornamental features of ceramic assemblages, their stratigraphic and planigraphic location in settlement layers, as well as dating (including AMS), a number of suggestions regarding their genesis and the sequence of their existence in the territory of the Lower Ishim River have been proposed. The conclusion has been made about the increase of the degree of patchiness in the cultural appearance of the population of the Ishim River valley from the second half of the 5th millennium BC, reflecting the processes of epochal changes at the turn of the Neolithic and Eneolithic.

Keywords: Late Neolithic, Western Siberia, Lower Ishim River basin, ceramic complexes.

Funding. The research was carried by within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (theme No. FWRZ-2021-0006).

REFERENCES

Bobrov, V.V., Marochkin, A.G. (2011). Artyn culture. In: *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda. T. 1*. St. Petersburg; Moscow; Velikii Novgorod, 106–108. (Рус.).

Enshin, D.N. (2015). A pottery complex from the settlement of Mergen' 7 (Low Ishim basin): Description and interpretation. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 29(2), 15–27. (Рус.).

Enshin, D.N., Skochina, S.N. (2023). The Lower Ishim Basin in the Sociocultural Space of the Trans-Ural Neolithic (based on data from the Mergen archaeological microregion). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 62(3), 5–13. (Рус.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-62-3-1>

Gening, V.F., Goldina, R.D. (1969). The settlement of Kokuy 1. *Voprosy arkheologii Urala*, (8), 30–47. (Рус.).

Gening, V.F., Gusentsova, T.M., Kondrat'ev, O.M., Stefanov, V.I., Trofimenko, V.S. (1970). Periodization of the settlements of the Neolithic and Bronze Age in the Middle Irtysh basin. In: *Problemy khronologii i kul'turnoi prinalozhnosti arkheologicheskikh pamiatnikov Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: TGU, 12–51. (Рус.).

Goldina, R.D. (1969). List of works of the Ural archaeological expedition in 1963. *Voprosy arkheologii Urala*, (8), 7–29. (Рус.).

Kosarev, M.F. (1981). *Bronze Age of Western Siberia*. Moscow: Nauka. (Рус.).

Molodin, V.I. (1977). *The Neolithic and Bronze Ages of the Forest-Steppe Ob-Irtysh Region*. Novosibirsk: Nauka. (Рус.).

Molodin, V.I. (2001). *Monument Sopka-2 on the Om River (cultural and chronological analysis of the Neolithic and Early Metal Age complexes)*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Рус.).

Нижнее Приишимье в V — начале IV тыс. до н.э. (современное состояние исследований)

Panfilov, A.N. (1993). *A multilayer settlement of Serebryanka 1 in the Lower Ishim basin: Results of field studies. Preprint*. Tyumen': IPOS SO RAN. (Rus.).

Panfilov, A.N., Zakh, E.M., Zakh, V.A. (1991). Borovlyanka 2, a monument of the Neolithic and the transition time from the Bronze Age to the Iron Age in the Lower Ishim basin. In: *Istochniki po etnokul'turnoi istorii Zapadnoi Sibiri*. Tyumen': TyumGU, 25–50. (Rus.).

Petrov, A.I. (2014) *The Late Neolithic and Early Bronze Age in the Middle Irtysh Region*. Omsk: OmGU. (Rus.).

Shevnina, I.V. (2018). Ceramic complex of the Makhandzhar culture in the system of Neolithic antiquities of the Eurasian steppes. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, 18(4), 63–74. (Rus.). <https://doi.org/10.14529/ssh180409>

Shevnina, I.V., Logvin, A.V. (2022). On the issue of identifying the Belkaragai type of Neolithic pottery of Turgai. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 58(3), 5–16. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-58-3-1>

Usacheva, I.V. (2016) Sosnovooostrovskaya culture: Identification of ceramics, questions of chronology. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 35(4), 5–15. (Rus.).

Yakovleva, E.S. (2019). Traces of Mahanjar culture in the forest-steppe Tobol region. *Samarskii nauchnyi vestnik*, 28(3), 158–166. (Rus.). <https://doi.org/10.24411/2309-4370-2019-13208>

Yurakova, A.Yu. (2012). The problem of cultural-chronological correlation of Neolithic complexes of forest-steppe Ishim-Irtysh region and Baraba (history of study and current state). In: *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya*. Tyumen': IPOS SO RAN, 186–189. (Rus.).

Zakh, V.A. (2009). *Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal of the forest Tobol-Ishim basin*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Zakh, V.A., Skochina, S.N. (2004). The settlement Mergen 3. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 37–57. (Rus.).

Еньшин Д.Н., <https://orcid.org/0000-0001-6970-2359>

Сведения об авторе: Еньшин Дмитрий Николаевич, научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the author: Enshin, D.N., Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 09.06.2025

Article is published: 15.09.2025

Дубовцева Е.Н.^{a,*}, Клементьева Т.Ю.^{a, b}

^a Институт истории и археологии УрО РАН, Ул. Софьи Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620108

^b ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие», ул. Токарей, д. 24, оф. 9, Екатеринбург, 620028

E-mail: ket1980@yandex.ru (Дубовцева Е.Н.); klementjevat@yandex.ru (Клементьева Т.Ю.)

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ ПЛОСКОДОННАЯ КЕРАМИКА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Исследование посвящено технологии изготовления неолитической плоскодонной керамики таежной зоны Западной Сибири (мулымьинский, каюковский типы). Археологические данные о составе навыков конструирования сосудов неполны и противоречивы, а этнографические — указывают на возможность применения различных способов. Гипотезы о составе навыков конструирования посуды каюковского и мулымьинского типа нами проверены экспериментально: созданы модели сосудов, изготовленных лоскутным налепом на плоскости с емкостным начином и лоскутным налепом на форме-основе с емкостнодонным начином; зафиксированы характерные признаки этих способов. Сравнение экспериментальных и археологических образцов показало, что на раннеолитическом поселении Мулымья 3 в сооружениях № 25 и 22 залегали сосуды, изготовленные разными способами. Для объяснения этого явления необходимо проведение корреляции способа формовки с рецептурой формовочных масс, особенностями морфологии и орнаментации. В рамках историко-культурного подхода использование одним коллективом нескольких субстратных навыков интерпретируется как смешение населения. Мы полагаем, что это явление, зафиксированное в раннем неолите, могло быть и результатом совершенствования технологии гончарного производства. Вопрос о конструировании ранней плоскодонной керамики нуждается в дальнейшем изучении археологических коллекций, а также в постановке новых экспериментов.

Ключевые слова: Западная Сибирь, ранний неолит, эксперимент, конструирование, лоскутный налеп, мулымьинский, каюковский тип керамики.

Ссылка на публикацию: Дубовцева Е.Н., Клементьева Т.Ю. Раннеолитическая плоскодонная керамика Западной Сибири: опыт экспериментального моделирования // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 16–26. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-2>

Введение

В уральском неолитоведении 80–90-х гг. XX в. плоскодонная керамика традиционно ассоциировалась с боборыкинской культурой позднего неолита. Оригинальность плоскодонных форм служила одним из аргументов гипотезы о пришлом характере боборыкинской культуры [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 235–236]. Изучение памятников мулымьинского, амнинского, каюковского типов, мергенского этапа боборыкинской культурной традиции и барабинской культуры в конце XX — начале XXI в. показало, что традиция изготовления плоскодонной посуды появляется в урало-западносибирском регионе уже в VII тыс. до н.э. Высказана идея об ее автономности [Молодин и др., 2020; Клементьева, Погодин, 2020]. Поскольку навыки конструирования емкостей относятся к наиболее устойчивым (субстратным) и изменяются очень медленно даже в ситуации смешения населения [Бобринский, 1978, с. 124–130], их изучение может способствовать решению вопроса о появлении керамики в Западной Сибири. Цель работы — выявление навыков конструирования неолитической плоскодонной посуды таежной зоны Западной Сибири. Работа основана на сопоставлении следов различных приемов конструирования на древней керамике и экспериментальных моделях. В задачи входило изучение строительных элементов, способов лепки, навыков создания начина и полого тела. Вместе с обозначенной целью, эксперимент был направлен на верификацию способа определения объема плоскодонных сосудов раннего неолита по диаметру устья [Клементьева, 2024]. Актуальность исследования обусловлена тем, что навыки конструирования и формообразования в публикациях освещены неполно, для раннеолитической керамики определены различные способы конструи-

* Corresponding author.

рования [Мыльникова и др., 2019; Дубовцева и др., 2020, Илюшина, 2022], часто противоречащие друг другу.

Источники

Феномен «плоскодонного неолита» представлен несколькими типами памятников и археологическими культурами, распространенными в таежной и лесостепной зонах Зауралья и Западной Сибири (рис. 1). Появление древнейшей посуды с плоским дном зафиксировано в VIII–VII тыс. до н.э. в Барабинской лесостепи и Приишимье [Мыльникова и др., 2019; Еньшин, 2021]. Во второй половине VII тыс. до н.э. такая посуда появляется на р. Конде — мулымьинский тип [Клементьева, Погодин, 2023]; на рубеже VII–VI тыс. до н.э. — в Нижнем Приобье — амнинский тип [Дубовцева и др., 2020;]; в первой половине VI тыс. до н.э. — в Среднем Приобье — каюковский тип [Кардаш и др., 2020]. Интересно, что вся керамика барабинской раннеолитической культуры и мулымьинского типа плоскодонная, а для амнинского и каюковского типов характерны как плоскодонные, так и округлодонные емкости. Керамика боборыкинских культур в Зауралье датируется в настоящее время второй половиной VI — V тыс. до н.э. [Мосин, 2020, с. 143]. Разнообразие форм боборыкинских емкостей, способов их изготовления и ornamentации, возможно, является результатом длительного пути развития гончарной традиции.

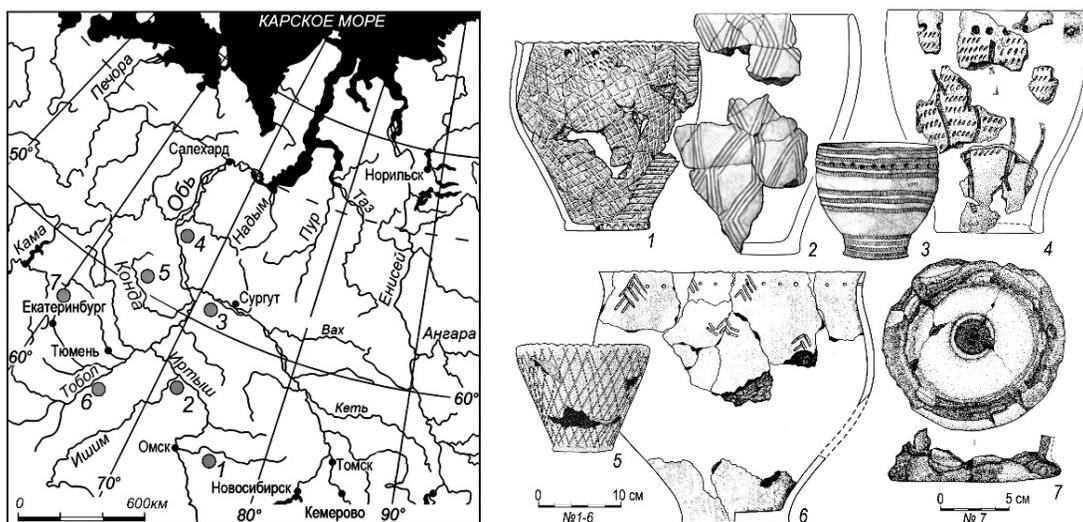

Рис. 1. Неолитические памятники с плоскодонной керамикой:

1 — Тартас-1; 2 — Мергенъ 6; 3 — Каюково 2; 4 — Амня 1; 5 — Мулымья 3; 6 — Пикушка 1; 7 — Шайдурихинское V.

Fig. 1. Neolithic monuments with flat-bottomed ceramics.

Нами проанализирована керамика раннеолитических памятников каюковского и мулымьинского типов. Для сравнения привлечены данные по технологии изготовления посуды амнинского типа, барабинской и боборыкинской культур, в том числе раннего, мергенского, этапа последней [Мыльникова и др., 2019; Дубовцева и др., 2020; Клементьева, Погодин, 2020; Еньшин, 2021; Илюшина, 2022; Дубовцева и др., 2022, с. 29]. Сводная характеристика приемов конструирования приведена в табл. 1.

В качестве строительных элементов для большинства керамических типов определены лоскуты. Керамика амнинского и боборыкинского типов изготавливалась также из жгутов. Для керамики барабинской культуры и мулымьинского типа предполагается использование форм-моделей. При этом следы прокладок между основной-формой фиксируются редко или отсутствуют. Преобладают сосуды с довольно толстыми (0,8–1,2 см) стенками. По-видимому, для конструирования таких емкостей выбивание не применялось. Определить начин раннеолитической керамики сложно из-за плохой сохранности днищ и придонных частей.

Сосуды *каюковского типа* — в основном с открытой горловиной, раздутым туловом, вытянутой придонной частью и плоским дном. Переход от стенок к плоскому дну оформлен через прогиб, плоские днища часто имеют валик. Гораздо реже изготавливались округлодонные сосуды с открытым устьем [Кардаш и др., 2020, рис. 3, 10, 11]. Конструирование происходило на плоскости лоскутным налепом. Следов выбивания, прокладок от форм-моделей не зафиксировано. Поверхности тщательно заглажены преимущественно мягкими материалами.

Посуда *мулымьинского типа* плоскодонная, баночной формы (70 %) или с выделенной шейкой. Венчики с плоским срезом, некоторые утолщены, имеют Т- или Г-образный профиль. Переход стенок к плоскому дну обычно маркирован придонным валиком. Сосуды изготовлены бессистемным лоскутным налепом с донным начином¹. Поверхность тщательно заглажена и уплотнена каменным или костяным гладким инструментом [Клементьева, Погодин, 2023].

Эксперимент

В 2023 г. на базе «Молодежной археологической экспедиции» Института археологии Севера в п. Салым² состоялся первый этап эксперимента, направленный на определение оптимального способа конструирования сосудов каюковского типа. В 2024 г. в совместной экспедиции ИИиА УрО РАН и ТюмНЦ СО РАН по экспериментальному изучению древних технологий эпохи камня и металла на оз. Мергень проверялась гипотеза о конструировании ранненеолитических плоскодонных сосудов лоскутным налепом на плоскости по емкостной программе.

Первый этап эксперимента. Поскольку плоские днища каюковской посуды не были доступны для непосредственного изучения, процесс конструирования сосудов по археологическим данным не был до конца ясен. В ходе эксперимента апробировано четыре способа, зафиксированных на материалах других ранненеолитических комплексов (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики плоскодонной керамики Зауралья и Западной Сибири

Table 1

Characteristics of flat-bottomed ceramics from the Trans-Urals and Western Siberia

Культурная принадлежность	Способ конструирования		Параметры (см)		
	Начин	Строительные элементы	Толщина стенок	Диаметр венчика	Диаметр дна
Барабинская культура	Емкостный на форме-основе	Лоскуты	0,8–0,9	Нет данных	10–11
Мергенский этап боборыкинской культуры	Донно-емкостный, возможно на форме-модели	Лоскуты	0,8–1,2	13–44	Нет данных
Мулымьинский тип	Донный начин, форма-основа	Лоскуты	0,5–1,3	7–38	5–14
Каюковский тип	Нет данных	Лоскуты	0,8–1,1	15–37	9–13
Амнинский тип	Донный	Лоскуты, жгуты	0,8–1,5	20–27	10–14
Боборыкинская культура Среднего Зауралья	Донный, емкостный	Жгуты	0,5–1,2	4–60	5–17

Для лепки использовалась запесоченная ожелезненная глина, добытая на берегу оз. Сырковый сор. Формовочная масса была максимально приближена к глиняному тесту керамики гордища Каюково 2. В качестве примеси использованы некалиброванный шамот и охра. Тесто получилось грубым и тяжелым. Общий объем примесей составил 16–20 %, что соответствует концентрации 1:5, 1:4.

1-й способ — донный начин. Плоское дно округлой формы выдавливали из одного куска глины, затем к нему, несколько отступив от края, примазывали первый жгут. Такой отступ был необходим для формирования придонного валика, характерного для ранней плоскодонной керамики. Этот способ формовки дна был самым легким и привычным для участников эксперимента. Далее сосуды формовались жгутовым налепом по кольцу (рис. 2, А: 1), формообразование происходило на плоскости, путем выдавливания глины, регулировка диаметра разных частей достигалась подлепом жгута с разных сторон. Если необходимо было увеличить диаметр тулова, жгут подлеплялся снаружи, если уменьшить — изнутри. В ходе формовки возникали трудности. Разница в диаметре дна и максимальном диаметре тулова и венчика в ряде случаев достигала 10–15 см. При этом необходимо было соблюсти резкий переход от узкого дна к раздуту тулову. Угол отклонения от вертикальной оси на сохранившихся придонных частях сосудов каюковского типа около 20° (на сосудах мулымьинского типа, около 15–25°, на некоторых сосудах боборыкинского типа — до 25–30°). Под собственной тяжестью стенки сосудов деформировались и распадались на части. Соблюсти сложную профилировку каюковских сосудов было проблематично, приходилось останавливаться и подсушивать готовую часть изделия. Это заставило нас изменить начин с донного на емкостный.

¹ По уточненным в этом исследовании данным, высказанный ранее тезис о донном начине при конструировании сосудов мулымьинского типа не соответствует действительности.

² Эксперимент 2023 г. был направлен на получение точных копий сосудов каюковского типа для экспонирования в школьном музее п. Салым. Процесс изготовления всех сосудов, с комментариями, снят на видео. Материал выложен на YouTube, а также видео и фото размещены на странице Института археологии Севера в VK (<https://www.youtube.com/watch?v=OeQUY9gED8> M&list=PLeo_FYfNQ_NizzsA44oAoWgzFitFX3SnA&index=14; <https://vk.com/nordarchoe>).

Раннеолитическая плоскодонная керамика Западной Сибири...

Рис. 2. Экспериментальное моделирование плоскодонных сосудов:

А — первый этап эксперимента: 1 — конструирование сосуда жгутовым налепом по донной программе; 2 — конструирование сосуда жгутовым налепом по емкостной программе; 3 — процесс наращивания стенок сосуда жгутами; 4 — прикрепление дна; 5 — изготовление сосуда на форме-основе лоскутным налепом по донно-емкостной программе; 6 — экспериментальные сосуды после обжига. **Б** — второй этап эксперимента: 1 — создание устья из лоскутов по емкостной программе; 2 — выравнивание поверхности; 3 — конструирование нижней части емкости; 4 — примазывание дна снаружи, сосуд № 2; 5 — дно сосуда № 3; 6, 7 — граница стенки и дна сосуда № 1 до и после примазывания дополнительного жгута; 8 — начало конструирования сосуда № 4 на форме-основе по донно-емкостной программе.

В — прототипы и экспериментальные модели плоскодонных сосудов.

Fig. 2. Experimental modeling of flat-bottomed vessels:

A — the first stage experiment: 1 — construction the vessel by rolls on the bottom program; 2 — construction of the vessel by rolls on the capacitive program; 3 — process of building up the walls of the vessel by rolls; 4 — attachment of the bottom; 5 — manufacturing of the vessel on the form-model by patch from the bottom to the mouth; 6 — experimental vessels after firing. **B** — the second stage of experiment: 1 — creation of the mouth from flaps; 2 — leveling of a surface; 3 — construction of the bottom part of the vessel; 4 — lapping the bottom from the outside, vessel 2; 5 — bottom of vessel 3; 6, 7 — border of wall and bottom of vessel 1 before and after an additional roll; 8 — the beginning of construction of vessel 4 on a form-model from the bottom to the mouth. **B** — prototypes and experimental models of flat-bottomed vessels.

2-й способ — емкостный начин. В качестве строительных элементов использовались жгуты, налеп производился по кольцу (рис. 2, А: 2, 3). Формовочная масса из-за обилия примесей не раскатывалась в длинные жгуты. Пришлось перейти на короткие жгуты, что сблизило этот метод с лоскутным налепом. Лепить модели каюковских сосудов с венчика оказалось проще, массивное первое кольцо легко удерживало стенки емкости. По мере формирования стенок нижние строительные элементы подсыхали. Они не деформировались. Этот способ позволил довольно быстро изготовить сосуды нужной формы, пропорции и объемов.

На сосудах каюковского типа не зафиксировано следов выбивания и следов от формы-основы, кроме единственного случая. Возможно, крупные сосуды формировались на плоскости. Косвенным признаком этого способа является толщина стенок до 1,1 см.

3-й способ — донно-емкостная программа на форме-основе — был связан с воспроизведением округлодонных сосудов каюковского типа. Экспериментальные округлодонные емкости создавались на формах-основах, в качестве которых выступали другие керамические сосуды, прокладкой служила хлопчатобумажная ткань (рис. 2, А: 5). Конструирование начиналось по донно-емкостной программе; использовался комковатый лоскутный налеп; толщина стенок выравнивалась выбиванием гладкой деревянной лопаткой. Этот способ оказался самым быстрым и удобным, сосуды получились заданной формы и размеров.

4-й способ — разновидность третьего, но с тем отличием, что в конце создания округлодонной емкости (в некоторых случаях на следующий день) к ее дну с внешней стороны прилеплялись дополнительная лента и лепешка плоского дна. Форма сосудов, изготовленных таким образом, была идентична форме археологических образцов (рис. 2, А: 6). Переход от тулова к дну получался плавным, без резких перегибов. Схожий профиль зафиксирован на некоторых боборыкинских сосудах [Ковалева, Зырянова, 2010, рис. 47, 3; 56, 8, 10; 80, 2].

В результате первого этапа эксперимента установлено, что донные и донно-емкостные программы неудобны для конструирования посуды каюковского типа, приводят к браку изделий. Была высказана гипотеза об изготовлении крупных плоскодонных сосудов со сложной профилировкой лоскутным налепом на плоскости начиная с устья.

Второй этап эксперимента. Для проверки этой гипотезы необходимы были дополнительные экспериментальные исследования. Они состоялись в 2024 г. на оз. Мургень.

Было изготовлено 4 сосуда, прототипами служили сосуды мулымьинского типа (рис. 2, В). В качестве исходного сырья для изготовления сосудов-моделей № 1–3 использовалась сильнозапесоченная глина, добытая на берегу оз. Мургень. К ней добавлены шамот в концентрации 1:6 и навоз коровы. По емкостной программе упорядоченным лоскутным налепом по кольцу изготовлено 3 сосуда (рис. 2, В: 1–7; В: 1–3). После наращивания трех или четырех колец лоскутов производилось заглаживание внутренней и внешней поверхностей гладким деревянным или костяным шпателем (рис. 2, В: 2). Формообразование шло по ходу работы, для чего использовалось как простое вытягивание (рис. 2, В: 3), так и выбивание гладкой колотушкой без наковальни. В результате происходило уплотнение стенок и придавалась необходимая форма.

Основные различия в формовке сосудов № 1–3 заключались в прикреплении плоского дна. Для сосуда № 1 (рис. 2, В: 1) была подготовлена большая круглая лепешка дна, она примазывалась за счет стенок сосуда. Диаметр дна превышал диаметр придонной части на 3 см, что позволило сформировать выраженный придонный валик. Круглая лепешка дна сосуда № 2 примазывалась за счет перераспределения глины с самой лепешки на придонную часть (рис. 2, В: 4; В: 2). Она была больше диаметра придонной части и толще стенок. Днище сосуда № 3 (рис. 2, В: 3) вкладывалось внутрь придонной части и примазывалось частично дополнительными лоскутами, частично глиной со стенок. Из-за того что сосуд был установлен на устье, днище прогнулось внутрь (рис. 2, В: 5). После окончания формовки полого тела сосуда на двое суток оставили сушиться в закрытой палатке, нижняя часть емкостей была укрыта влажной тканью, верхняя оставлена открытой. Нужно было подсушить дно и придонную часть изделий, чтобы они выдержали вес стенок, когда сосуд будет перевернут и установлен на днище. При первой попытке (сразу после окончания формовки) влажная глина в придонной части начала деформироваться. После подсушки сосуда № 1–3 перевернули. Спаи между лоскутами на внутренней стороне стенок еще можно было замазать, но спай между днищем и туловом уже подсох, для его укрепления был использован дополнительный жгут (рис. 2, В: 6, 7). Далее производились окончательная обработка поверхности, оформление венчика, валиков и орнаментации. Модели обожжены в муфельной печи при температуре 800 °С.

Еще одна модель — сосуд № 4 (рис. 2, В: 4) — была изготовлена из голубой глины без примесей. Сосуд вылеплен на форме-основе по донно-емкостной программе. В качестве строительных элементов использованы небольшие порции глины (лоскуты), которые налеплялись бессистемно, швы между лоскутами заглаживались пальцами (рис. 2, Б: 8). После завершения конструирования сосуд был снят с основы и установлен для просушки устьем вниз. Поверхность выравнивалась на следующий день костяным шпателем. Для придания формы стенки слегка выбивались без использования наковальни. После выравнивания сосуд был орнаментирован и высушен. Обжиг не проводился. Время, потраченное на создание сосудов № 1–3, распределялось следующим образом: подготовительная стадия (добыча сырья, замес формовочной массы) заняла один день; конструирование — 2,5 часа; обработка поверхности и орнаментация — 4 часа; сушка — более 5 дней. Обжиг сосудов № 1–3 проводился в течение 12 часов. У всех емкостей были измерены вес, объем, высота, толщина стенок, диаметры устья и тулова (табл. 2). Уменьшение высоты емкости, диаметра устья и тулова после сушки и обжига незначительное — от 0,5 до 1,0 см. Усадка изделий составила 5–10 %.

Экспериментальные сосуды имели равный или больший объем относительно линии тренда корреляции параметров «диаметр устья» и «внутренний объем», рассчитанной по реконструированным раннеолитическим емкостям р. Конды [Клементьева, 2024, с. 172, рис. 6]. Отклонение от расчетных значений для сосудов-моделей № 2 и 3 составило от 0,8 до 1 л, что, вероятно, связано с более широким (по сравнению с прототипами) туловом этих изделий.

Таблица 2

Параметры экспериментальных сосудов и их прототипов

Table 2

Parameters of experimental vessels and their prototypes

Прототип модели	№ модели	Высота емкости (см)		Диаметр устья (см)		Диаметр дна (см)		Толщина стенок (см)		Толщина дна (см)		Вес модели после обжига (г)	Объем (л)	
		Прототип	Модель	Прототип	Модель	Прототип	Модель	Прототип	Модель	Прототип	Модель		Прототип	Модель
Большая Умытья 2, сосуд 108	1	>32,0	21,5	31,0	25,0	Не опред.	11,0	0,6–1,0	1,0–1,4	Не опред.	1,4	Не опред.	6,0	
Мульмя 3, сосуд 5	2	21,0	23,0	28,0	21,5	9,5	9,5	0,9	0,9–1,5	0,9	1,0	3084	6,0	4,6
Мульмя 3, сосуд 8	3	21,0	20,0	26,0	21,5	12,3	11,0	0,5	1,0	0,7	1,1	2900	6,6	4,8
Мульмя 3, сосуд 117	4	8,5	9,0	14,0	12,5	8,4	9,2	0,6	0,7	0,6	0,5	300	0,6	0,8

В результате второго этапа экспериментального моделирования получены три модели сосудов, изготовленных упорядоченным по кольцу лоскутным налепом на плоскости по емкостной программе (сосуды № 1–3), и одна модель сосуда, вылепленного на форме-основе бессистемным лоскутным налепом по донно-емкостной программе (сосуд № 4). Днища сосудов № 1–3 изготовлены из одного куска глины и примазаны к стенкам различными способами. Стык между дном и стенками укреплялся дополнительной лентой. Наши эксперименты показали, что устойчивая связь между лоскутным налепом и использованием форм-моделей, на которую обращали внимание предшественники [Васильева, Салугина, 2010, с. 80], не обязательна.

Сопоставление экспериментальных и археологических данных

Характеристика изломов экспериментальных сосудов № 1–4. С целью изучения изломов экспериментальные модели были разбиты так, чтобы получились продольные и поперечные изломы. Емкости разбились на крупные куски, распадение на ленты не зафиксировано. В вертикальных и горизонтальных изломах (рис. 3, 2d, 3a, 4b) зафиксированы признаки лоскутного налета [Бобринский, 1978, с. 176; Васильева, Салугина, 2010, с. 80].

Днища всех четырех сосудов различаются. В придонной части сосуда № 1 (рис. 3, 1) четко фиксируется дополнительный жгут, использованный для укрепления спая (рис. 3, 1a). Нижняя часть стенки, примыкающая к днищу, немного прогнута и сплющена, зафиксировано диагональное течение формовочной массы (рис. 3, 1c). Деформация является следствием примазывания стенок к днищу с внешней стороны. В центре дна и в придонной части стенки выражены следы прикрепления дополнительного жгута (рис. 3, 1b). Донце с подобными следами известно в комплексе боборыкинской культуры поселения Шайдурихинское V (рис. 1, Б: 7) [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 169]. На сломе придонной части сосуда № 2 хорошо виден дополнительный жгут (рис. 3, 2b, d). Торцы стенки в нижней части сохранили овальные очертания (рис. 3, 2c), поскольку примазывание производилось за счет глины с днища с внешней стороны и дополнительного жгута с внутренней. На лепешке дна четко фиксируется неглубокая борозда — место соединения стенки и днища, ширина борозды соответствует толщине стенки (рис. 3, 2a, c). Днище сосуда № 3 прогнуто в центре (рис. 3, 3c). Пере-

ход от стенки к дну сглаженный. На дне фиксируется бороздка от крепления дополнительного жгута (рис. 3, 3a, b). Между стенками и дном образовалась складка, дополнительный жгут не смог ее полностью заполнить (рис. 3, 3c). Торец стенки овальной формы или слегка сплюснут. Днище сосуда № 4 тонкое (0,5 мм) и ровное, переход от стенок к дну четкий (рис. 3, 4d). Фиксируется естественное перераспределение глины от дна к стенкам. Днище обломано ровно по краю, часть сохранившейся придонной части высотой не более 2 см (рис. 3, 4a, c). Интересно, что часть днищ поселения Мулымя 3 имеют схожий характер фрагментации (рис. 4, 4, 5).

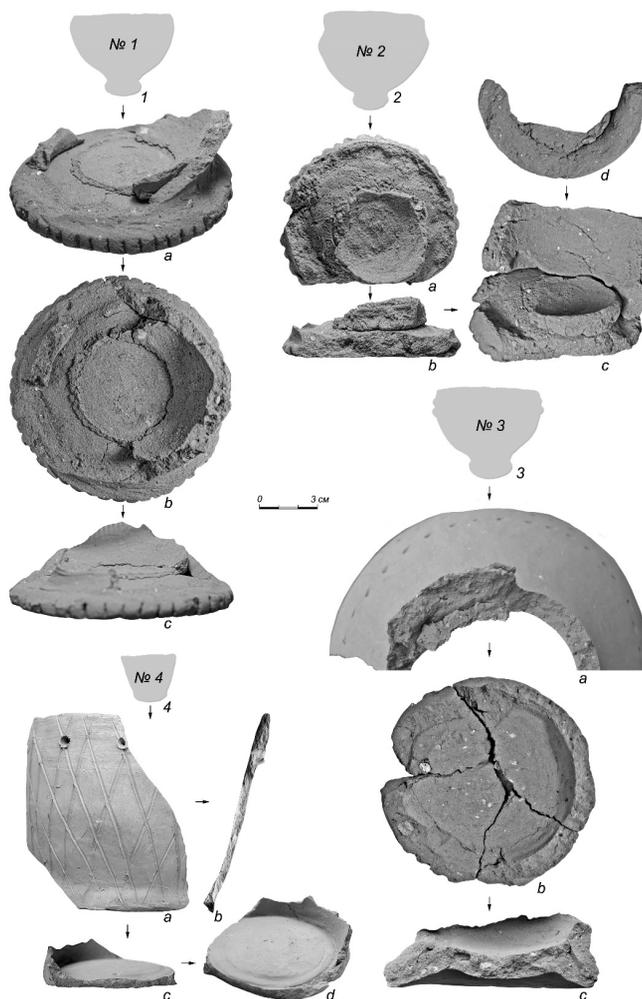

Рис. 3. Фрагменты экспериментальных сосудов, изготовленных на плоскости по емкостной программе (1–3) и на форме-основе по емкостно-донной программе (4).

Fig. 3. Fragments of the experimental vessels were made with patch on a plane from the walls to the bottom (1–3) and vessel was made on the form-model from the bottom to the mouth (4).

Характеристика изломов, поверхностей и деталей формы сосудов мулымянского типа

Исследованы плоские днища 24 сосудов мулымянского типа ранненеолитического поселения Мулымя 3³. Многие из них фрагментированы, представлены частью внешнего края дна и придонного валика. Не менее 13 образцов имеют признаки лоскутного налепа. В нескольких случаях из лоскутов изготовлена и лепешка дна (рис. 4, 4, б). Реконструировано два способа создания емкостей: на форме-основе по емкостно-донной программе и на плоскости по емкостной программе.

Следы конструирования в изломах 9 сосудов поселения Мулымя 3 соответствуют следам на экспериментальном сосуде № 4 (рис. 3, 4), изготовленном лоскутным налепом на форме-основе:

³ Коллекция поселения Мулымя 3 содержит 3340 фрагментов керамики мулымянского типа. В комплексе учтено 117 сосудов. Из 154 фрагментов плоских днищ 47 было распределено по 22 сосудам.

в изломе фиксируется естественный переход от стенок к дну (рис. 4, 1, 2); переход от на к стенкам резкий (рис. 4, 3, 4); емкости без придонного валика; толщина стенок и днищ 0,4–0,6 см. Судя по направлению спаев в стенках мулымьинских сосудов (рис. 4, 1–3), они созданы по емкостно-донной программе [Салугина, Васильева, 2010, рис. 22], в отличие от экспериментального сосуда № 4 (рис. 4, 2, 3; 3, 4), лепка которого начиналась с дна. Следов прокладки или выбивки на археологических образцах не замечено, вероятно, они были затерты в процессе обработки поверхности гладким шпателем. Таким образом, косвенными признаками использования форм-основ при отсутствии следов прокладок на мулымьинской посуде может выступать небольшая толщина дна, одинаковая по всей площади, резкий переход от дна к стенкам без каких-либо складок.

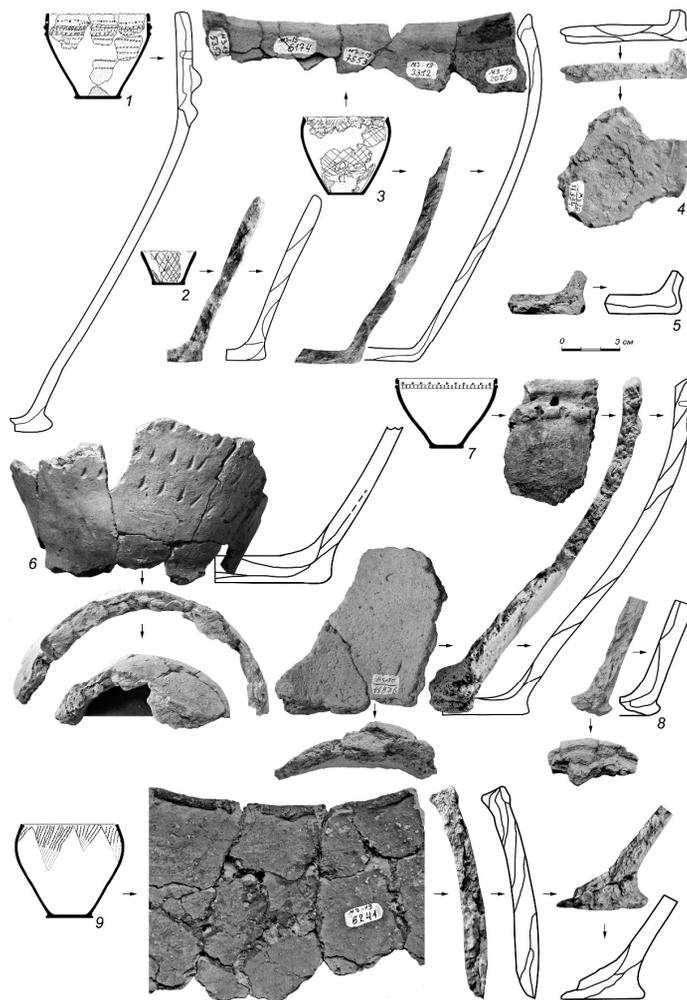

Рис. 4. Фрагменты плоскодонных сосудов раннеолитического поселения Мулымья 3, изготовленных на форме-основе по емкостно-донной программе (1–5) и на плоскости по емкостной программе (6–9).

Fig. 4. Fragments of flat-bottomed vessels from the Early Neolithic settlement Mulymya 3 were made on the form-model from the mouth to the bottom (1–5) and vessels were made with patch on a plane from the walls to the bottom (6–9).

Для 13 сосудов поселения Мулымья 3 определен способ конструирования на плоскости по емкостной программе. Днища этих сосудов более массивные — толщиной от 0,8 до 1,2 см. Придонный валик более рельефный и массивный. Переход от стенок к дну плавный и сглаженный. Для соединения конструктивных частей использовался дополнительный жгут (рис. 4, 7–9). Судя по следам в поперечных и продольных изломах (рис. 4, 6, 7, 9) и по наличию дополнительного жгута, сосуды изготовлены лоскутным наклепом по емкостной программе. Дополнительный жгут для укрепления стыка между днищем и стенкой является наиболее четким признаком емкостного начина [Бобринский, 1978, с. 131]. На днищах двух мулымьинских сосудов, изготовленных на

форме-основе, зафиксировано использование дополнительного укрепления придонного стыка. Вероятно, дополнительный жгут прикреплялся уже после снятия сосуда с основы. Проверка этого предположения требует дальнейших экспериментальных исследований.

В результате сопоставления экспериментальных и археологических данных установлено, что сосуды мулымьинского типа изготавливались двумя способами: лоскутным наклепом на формах-основах по емкостно-донной программе и на плоскости лоскутным наклепом по емкостной программе. Анализ распределения керамики по сооружениям поселения Мулымья 3 показал, что емкости, изготовленные разными способами, принадлежали к одному жилищному комплексу. Их совместное залегание прослежено в сооружениях № 22 и 25 [Клементьева, Погодин, 2023, с. 107].

Заключение

Работа по изучению субстратных навыков изготовления ранненеолитической посуды Зауралья и Западной Сибири только начата. Необходимо дальнейшее изучение коллекций керамики амнинских, каюковских, сатыгинских, мулымьинских, кошкинских памятников. Одна из перспективных задач — выявление связи (или ее отсутствия) между способами конструирования, рецептурами формовочных масс, особенностями морфологии, орнаментами и функции емкостей.

Остается открытым вопрос: почему несколько субстратных навыков конструирования встречаются на посуде одного типа в рамках одного поселения и/или жилища. В рамках историко-культурного подхода использование одним коллективом нескольких навыков интерпретируется как смешение населения с несколькими гончарными традициями. Поскольку навыки конструирования относятся к субстратным, контакт, приведший к их смешению, должен быть не мимолетным взаимодействием, а длительным сосуществованием гончаров с различными традициями [Бобринский, 1978, с. 124–130]. Следуя этой логике, можно предположить, что наиболее ранние неолитические комплексы севера Западной Сибири (мулымьинские — последняя треть VII тыс. до н.э.) должны иметь несмешанные навыки конструирования посуды, а более поздние (боборыкинские — вторая половина VI — V тыс. до н.э.) — обладать признаками смешения. Действительно, навыки конструирования боборыкинской посуды очень разнообразны, как и сортамент посуды, но в мулымьинских комплексах ожидаемой однородности не наблюдается. Возможно, наличие двух способов может объясняться поиском оптимальных решений для создания посуды, отличающейся по размеру и функции. Еще один вариант объяснения может быть связан с «традицией-многообразием». Например, исследователи часто отмечают, что посуда боборыкинской культуры типологически довольно разнородна. Однако попытки разделить разные по форме и орнаменту сосуды, выделить локальные или хронологические различия не увенчались успехом. Типологическое разнообразие посуды характерно также для амнинских, каюковских, мулымьинских и сатыгинских памятников. Возможно, вместо смешения населения мы имеем дело с совершенствованием технологии, адаптацией или особой традицией, которой не свойственна жесткая стандартизация?

Благодарности. Благодарим организаторов и участников экспериментальных экспедиций О.В. Кардаша, Д.Н. Еньшина, С.Н. Скочину, К.Г. Гюрджоян, А.А. Пилькину и студентов отряда «ARTIFEX» Санкт-петербургского политехнического университета Петра Великого за помощь в проведении эксперимента.

Финансирование. Работа выполнена в рамках бюджетной темы ИИА УрО РАН № 124032100052-6 «Культурное пространство Урала: археологические и этнологические исследования».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П. Лоскутный наклеп // Древнее гончарство: Итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С. 72–87.
- Дубовцева Е.Н., Косинская Л.Л., Пиецонка Х., Чаиркина Н.М. Поселения амнинского культурного типа в контексте раннего неолита севере Западной Сибири // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2020. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 94–108. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-94-108>
- Еньшин Д.Н. Неолитический керамический комплекс поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (группы I и II): Характеристика и интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 5–19. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-1>
- Ивасько Л.В. Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. С. 7–25.
- Илюшина В.В. Ранненеолитический керамический комплекс поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье: Технологический аспект // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 120–134. <https://doi.org/10.24852/pa2022.3.41.120.134>

Кардаш О.В., Чаиркина Н.М., Дубовцева Е.Н., Пиезонка Х. Новые исследования городища раннего неолита Каюково-2 на севере Западной Сибири // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2020. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 109–124. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-109-124>

Клементьева Т.Ю. Поселенческая посуда эпохи неолита Кондинского бассейна // Вестник истории керамики. М.: ИА РАН, 2024. Вып. 6. С. 157–184. <https://doi.org/10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-434-0.157-184>

Клементьева Т.Ю., Погодин А.А. Мулымьинский культурный тип памятников раннего неолита р. Конды: Типология, хронология, стратиграфия // УИВ. 2023, № 3(80). С. 105–118. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-3\(80\)-105-118](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-3(80)-105-118)

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург, 2010. 308 с.

Молодин В.И., Райнхольд С., Мильникова Л.Н., Ненахов Д.А., Хансен С. Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит в Барабе) // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2018. Т. 17. № 3: Археология и этнография. С. 39–56. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2018-17-3-39-56>

Мосин В.С. Комплексы с плоскодонной керамикой в неолите от Волги до Оби: Хронологический аспект // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2020. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 139–149. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-139-149>

Мильникова Л.Н., Молодин В.И., Бобров В.В., Стефанов В.И. Керамика эпохи раннего неолита Западной Сибири (результаты термического анализа) // УИВ. 2019. № 4 (65). С. 17–29. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4\(65\)-17-29](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4(65)-17-29)

Dubovtseva E.N.^{a,*}, Klementyeva T.Yu.^{a,b}

^a Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620108, Russian Federation

^b Scientific-Analytical Centre of the Preservation of Cultural and Natural Heritage Problems “AV COM-Heritage”
Tokarey st., 24, Yekaterinburg, 620028, Russian Federation

E-mail: ket1980@yandex.ru (Dubovtseva E.N.); klementjevat@yandex.ru (Klementyeva T.Yu.)

Early Neolithic flat-bottom pottery of Western Siberia: an effort of experimental modelling study

The study is focused on the manufacturing technologies of Neolithic flat-bottom pottery of the taiga zone of Western Siberia (Mulymyinsky and Kayukovsky types). Archaeological data on the extent of construction skills are incomplete and contradictory, while ethnographic data indicate the possibility of using various methods. We have tested experimentally the hypotheses about the composition of the skills related to construction of vessels of the Kayukovo and Mulymyinsky types by making models with patch on a plane from the walls to the bottom and those with patch on the basis of a template from the bottom to the mouth; the characteristic features of these methods have been recorded. The comparison of experimental and archaeological specimens has shown that at the Early Neolithic settlement of Mulymya 3, vessels made by different methods were found in structures No 25 and No 22. To explain this, it is necessary to correlate the moulding method with the moulding compound formulation, morphology, and ornamentation features. Within the framework of the historical-cultural approach, the use of several substrate skills by a single community can be interpreted as the result of population being mixed. We believe that this phenomenon, recorded in Early Neolithic, could also be the consequence of the improvement of pottery manufacture technology. The question of the construction of early flat-bottom pottery requires further analysis of archaeological collections, as well as new experimental evidence.

Keywords: Western Siberia, Early Neolithic, experiment, construction, patch-based molding.

Acknowledgments. We thank the organizers and participants of the experimental expeditions O.V. Kardash, D.N. Enshin, S.N. Skochina, K.G. Gyurjuyan, A.A. Pilkina and students of the “ARTIFEX” team of St. Petersburg Peter the Great Polytechnic University for their help in conducting the experiment.

Funding. The work was carried out within the framework of the budgetary theme of the Institute of Archaeological and Ethnological Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences № 124032100052-6 “Cultural Space of the Urals: Archaeological and Ethnological Research” References.

REFERENCES

- Bobrinskii, A.A. (1978). *Pottery of Eastern Europe*. Moscow: Nauka. (Рус.).
- Dubovtseva, E.N., Kosinskaia, L.L., Piezonka, H., & Chairkina, N.M. (2020). Settlements of the Amnya cultural type in the context of the Early Neolithic of Northern Western Siberia. *Vestnik NGU. Seriya Istoriya, filologiya*, 19(7), 94–108. (Рус.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-94-108>
- Enshin, D.N. (2021). Neolithic ceramic complex of the Mergen 6 settlement in the Lower Ishim region (groups I and II): Characteristics and interpretation. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 5–19. (Рус.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-1>

* Corresponding author.

- Iliushina, V.V. (2022). Early Neolithic ceramic complex of the Mergen 6 settlement in the Lower Ishim region: Technological aspect. *Povolzhskaya arkheologiya*, (3), 120–134. (Rus.). <https://doi.org/10.24852/pa2022.3.41.120.134>
- Ivasko, L.V. (2002). Fortified Stone Age settlement Kayukovo 2. In: Vizgalov G.P. (Ed.). *Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri*. Yekaterinburg: Izd-vo UrGU, 7–25. (Rus.).
- Kardash, O.V., Chairkina, N.M., Dubovtseva, E.N., & Pietsonka, H. (2020). New studies of the Early Neolithic Kayukovo-2 fortified settlement in Northern Western Siberia. *Vestnik NGU. Seriya Istoriya, filologiya*, 19(7), 109–124. (Rus.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-109-124>
- Klement'eva, T.Yu., & Pogodin, A.A. (2023). Mulym'ya cultural type of Early Neolithic monuments of the Konda River: Typology, chronology, stratigraphy. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (3), 105–118. (Rus.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-3\(80\)-105-118](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-3(80)-105-118)
- Klement'eva, T.Yu. (2024). Settlement pottery of the Neolithic in the Konda River Basin. *Vestnik istorii keramiki*, (6), 157–184. (Rus.). <https://doi.org/10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-434-0.157-184>
- Kovaleva, V.T., & Zyrianova, S.Yu. (2010). *Neolithic of the Middle Trans-Urals: Boborykino culture*. Yekaterinburg: Uchebnaya kniga. (Rus.).
- Molodin, V.I., Rainkhold, S., Myl'nikova, L.N., Nenakhov, D.A., & Khansen, S. (2018). Radiocarbon dates of the Neolithic complex of the Tartas-1 monument (Early Neolithic in Baraba). *Vestnik NGU. Seriya Istoriya, filologiya*, 17(3), 39–56. (Rus.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2018-17-3-39-56>
- Mosin, V.S. (2020). Complexes with flat-bottomed pottery in the Neolithic from the Volga to the Ob: Chronological aspect. *Vestnik NGU. Seriya Istoriya, filologiya*, 19(7), 139–149. (Rus.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-139-149>
- Myl'nikova, L.N., Molodin, V.I., Bobrov, V.V., & Stefanov, V.I. (2019). Early Neolithic pottery of Western Siberia (results of thermal analysis). *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (4), 17–29. (Rus.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4\(65\)-17-29](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4(65)-17-29)
- Vasil'eva, I.N., & Salugina, N.P. (2010). Patch-based molding. In: Tsetlin Yu.B., Vasil'eva I.N., & Salugina N.P. (Eds.). *Drevnee goncharstvo: Itogi i perspektivy izucheniya* Moscow: IA RAN, 72–87. (Rus.).

Дубовцева Е.Н., <https://orcid.org/0000-0003-3214-7173>
Клементьева Т.Ю., <https://orcid.org/0000-0001-7414-4937>

Сведения об авторах:

Дубовцева Екатерина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.

Клементьева Татьяна Юрьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург; специалист, археолог, ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие», Екатеринбург.

About the authors:

Dubovtseva, E.N., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch RAS, Ekaterinburg.

Klementyeva, T.Yu., Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch RAS, Ekaterinburg; Specialist-Archaeologist, Scientific-Analytical Centre of the Preservation of Cultural and Natural Heritage Problems "AV COM-Heritage".

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 09.06.2025

Article is published: 15.09.2025

Мазуркевич А.Н. *, Долбунова Е.В.

Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000
E-mail: a-mazurkevich@mail.ru (Мазуркевич А.Н.); katjer@mail.ru (Долбунова Е.В.)

СВАЙНЫЕ КОНСТРУКЦИИ НА ОЗЕРНЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ IV–III тыс. до н.э. В ДНЕПРО-ДВИНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ: НОВАЯ ФОРМА АРХИТЕКТУРЫ И ЧАСТЬ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ФЕНОМЕНА

Культура строителей озерных свайных поселений второй половины IV — III тыс. до н.э. в Днепро-Двинском междуречье — уникальное явление для территории Восточной Европы. Наиболее полно исследованы поселения Усвяты IV и Сертея II, которые позволяют реконструировать структуру и особенности свайных сооружений. Мы предприняли попытку обобщить накопленный материал и проследить особенности конструктивных решений и причин выбора этой новой формы архитектуры на памятниках неолита Днепро-Двинского междуречья. Причины возникновения традиции строительства свайных поселений в озерных ландшафтах данного региона могли быть различны: необходимость защиты, легкость устройства дома на сваях в мягком прибрежном слое, близость к разным природным ресурсам, освобождение плодородных почв. Но в первую очередь это было культурное явление, связанное с адаптацией человека к изменившимся климатическим и экологическим условиям суббореального периода. Исследования показывают небольшую площадь существовавших здесь свайных поселений. Описанная структура позволяет предположить своеобразную хуторскую систему расселения строителей свайных поселений с двумя синхронными и/или последовательно возводившимися постройками, прямоугольными в плане, с набором определенных архитектурных элементов.

Ключевые слова: свайные поселения, неолит, архитектура, экология, торфяниковые стоянки, подводная археология.

Ссылка на публикацию: Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В. Свайные конструкции на озерных поселениях IV–III тыс. до н.э. в Днепро-Двинском междуречье: новая форма архитектуры и часть общеевропейского феномена // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 27–39. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-3>

Введение

Свайные поселения, расположенные в торфяниках и под водой, датируются широким временным интервалом — от V тыс. до н.э. до раннего железного века (VII в. до н.э.) и принадлежат к различным археологическим культурам на территории альпийского региона [Ebersbach, 2013], Балкан [Naumov, 2020] и циркум-Балтийского ареала [Pranckenaite et al., 2021]. Особые условия залегания культурных слоев во влажной среде обеспечили отличную сохранность органических материалов [Schlichtherle et al., 2013]. Выбор тех или иных архитектурных приемов определялся технологическими, культурными соображениями, а также факторами окружающей среды [Martinelli, 2014].

На восточной периферии в циркум-Балтийском регионе свайные поселения существуют в разных ландшафтных условиях, приурочены к морским побережьям и берегам внутренних водоемов [Pranckenaite et al., 2021; Girininkas, 2005; Piličiauskas, 2016; Loze, 2011; Kriiska, Roio, 2011; Charniauskis, Kryvaltsevich, 2011]. Появление традиции строительства свайных построек на Восточно-Европейской равнине фиксируется во второй половине IV тыс. до н.э. Эта традиция не имеет сплошного территориального распространения. Самый восточный памятник открыт в 1938 г. А.Я. Брюсовым на р. Модлона [Брюсов, 1951]. В 1964 г. А.М. Микляевым были обнаружены свайные поселения в бассейне верхнего и среднего течения р. Западной Двины [Микляев, 1971; Mazurkevich, 2013].

Исследователи выделяют несколько строительных традиций при возведении построек, расположенных на затапливаемых берегах. К свайным конструкциям относят столбовые постройки, постройки на песчаных подушках, с опорами под столбами, либо свайные постройки с

* Corresponding author.

поднятыми над землей полами и брусовой системой, призванной укреплять основание. Сложность реконструкции связана с сохранностью деталей построек, которые встречаются довольно редко в торфяниковых памятниках, где часто остаются лишь поля свай, а конструктивные остатки оказываются смыты [Ebersbach, 2013]. В Днепро-Двинском междуречье наиболее полно исследованы поселения Усвяты IV и Сертея II, которые позволяют реконструировать структуру и особенности свайных сооружений. В данной работе мы предприняли попытку обобщить полевые наблюдения, проследить особенности конструктивных решений и причин выбора этой новой формы архитектуры на памятниках неолита указанной территории.

Формирование культуры строителей свайных поселений в Днепро-Двинском междуречье

В Днепро-Двинском междуречье было выявлено более 30 торфяниковых неолитических памятников, из которых часть можно отнести к остаткам свайных поселений: Усвяты III, IV, V, стоянки на Большом и Малом островах в Усвятском озере, Дяздица 1 и 2, Дубокрай I, V, Сертея II, X, VIII (?), XI, Наумово [Микляев, 1969, 1995; Mazurkevich, Dolbunova, 2011] (рис. 1). Они расположены в пяти археологических микрорегионах — на оз. Сенница, Усвятском и Жижицком озере, в бассейне рек Сертейка и Дяздица. Находки керамики, характерной для культуры строителей свайных поселений, на озерных памятниках в г. Новоржеве, ст. Голдобино (Великолукский р-н Псковской обл.), ст. Шугайлово и Скореево, которые расположены Смоленском Поозерье, позволяют наметить ареал данной культуры.

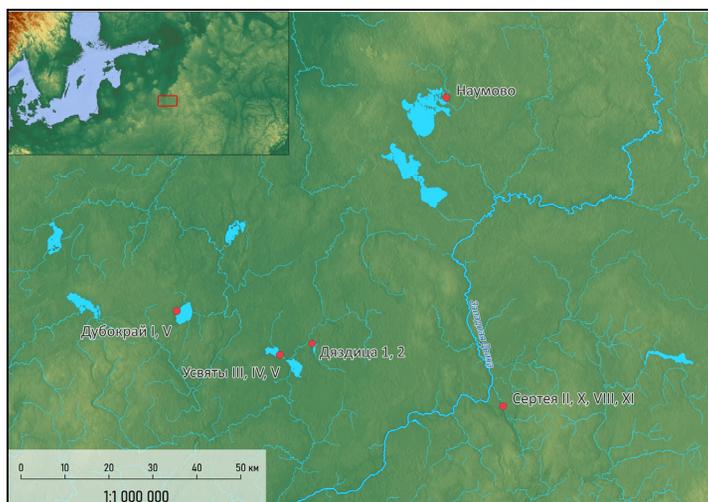

Рис. 1. Распространение свайных поселений в Днепро-Двинском междуречье.

Fig. 1. Pile-dwellings distribution in Dniepr-Dvina region.

Формирование традиции конструирования дома с приподнятыми полами происходит на фоне климатической перестройки, повлекшей деградацию широколиственных лесов, понижение уровня водоемов, их заболачивание и уменьшение их продуктивности, что могло привести к сокращению объема естественных пищевых ресурсов на этой территории и затруднило доступ к водным ресурсам [Kittel et al., 2020a, 2020b; Wieckowska-Lüth et al., 2021; Mroczkowska et al., 2021]. Об изменении стратегии хозяйства свидетельствует изменение в топографии памятников. Поселения начинают устанавливаться на стыке различных ландшафтов, которые включают озеро и прибрежно-болотные образования по его берегам, участки конечноморенного ландшафта с суглинистыми почвами, покрытые смешанным широколиственным лесом, участки озерно-ледникового рельефа с песчаными сильно оподзоленными почвами, покрытые сосновыми борами [Dolukhanov, Miklyayev, 1986].

Сочетание вышеуказанных типов ландшафтов обеспечивало наибольшую рентабельность хозяйства присваивающего типа и определяло процесс расселения в это время. Поселения становятся обитаемыми круглый год. К культурам строителей свайных поселений относят усвятскую и жижицкую культуры, в формировании которых большую роль сыграли археологические культуры шаровидных амфор, памятники Лубанской котловины, энеолитические культуры Подонья [Mazurkevich et al., 2020b].

Методика исследования. Особенности залегания культурных слоев вышеуказанных стоянок обусловили развитие методов торфяниковой и подводной археологии, ориентированных на

исследование памятников, расположенных во внутренних водоемах [Ольховский, Мазуркевич, 2011]. При их изучении применялись одинаковые принципы раскопок для стоянок, культурные слои которых расположены в торфяниках и под водой: фиксация всех конструктивных элементов, объектов, артефактов и экофактов в трехмерной системе координат, сквозная нумерация всех элементов конструкций, отбор образцов конструктивных остатков, полевая консервация и последующая реставрация изделий из органических материалов, глиняных сосудов [Vasilieva, 2020].

Описание конструкций стоянки Усвяты IV слой Б и Наумовского поселения

В 1963 г. было открыто первое в рассматриваемом регионе свайное поселение Усвяты IV, его исследования до 1966 г. проводил А.М. Микляев. Поселение располагалось на окончании мыса, экспонированного на южную сторону, при впадении в древнее озеро межозерной протоки. Уже тогда первооткрыватель — А.М. Микляев описал отличительные признаки данного типа памятников [Микляев, 1971; Микляев, Семенов, 1979]. Стоянка была исследована им целиком на площади 450 м². В нижнем культурном слое Б выделено 3 строительных горизонта, которые интерпретировались как хронологические этапы в развитии усвятской археологической культуры. Остатки конструкций и строительные горизонты выделены по сочетанию признаков: отметок вершин свай, уровней «рогатых» свай, залегания литологических слоев, залегания заточенных концов вертикальных свай-столбов, характера заточки концов свай-столбов. По расположению свай-столбов внутри строительного горизонта и с учетом характера залегания находок, архитектурных деталей были сделаны предположения о форме и размерах построек. Нижние концы свай были зафиксированы в стерильном алевролите, углубленными в него в среднем на 50–60 см. Сваи первого строительного этапа сохранились на длину около 1 м [Микляев, 1971, с. 11]. Верхние концы сильно эродированы, так как разрушались последующими трансгрессиями палеоводоема. В более поздних строительных горизонтах сохранившаяся длина составила до 150 см. Высота пола свайной постройки реконструируется на основе высот рогатых свай и высоты кровли культурного слоя, который залегает ниже высоты рогатых свай и ниже сохранившихся верхушек свай этого горизонта. По этой разнице высот автор раскопок предположил, что высота полов на разных участках поселения над древней дневной поверхностью была от 30 до 80 см [Микляев, 1971, с. 10–14].

В первом строительном горизонте мощностью около 29 см было выявлено 180 свай-столбов диаметром от 5 до 25 см. Для свай использовались неокоренные стволы дуба, реже — сосны, ольхи и березы. Редко встречались сваи-столбы из стволов, расколотых надвое или на четыре части. Их концы были заточены двумя разными по ширине орудиями. Узким рубящим орудием производилась тщательная заточка, широким — делалось несколько надрубов, а щепки просто отламывались. Реконструируется овальная постройка диаметром около 8 м, она частично попала в раскоп.

Для второго строительного горизонта характерны постройки прямоугольной формы размером 5,5×4,5 м, ориентированные длинной осью по линии В–3. Было выявлено 450 свай-столбов, мощность слоя 18–20 см. Конструкции этого горизонта погибли в пожаре, что фиксируется по обгоревшим вершинам свай-столбов и большому количеству углей, обгоревших плах, досок. Поселение на этом месте возникает через небольшой хронологический период, за который произошло разрушение предшествующих построек и остатки покрылись слоем сапропеля около 10 см. В пользу данного предположения говорит и тот факт, что плахи и доски первого горизонта пробиты сваями-столбами второго. Большинство свай-столбов обрабатывалось рубящим орудием с узким лезвием.

Строительные остатки третьего горизонта сохранились лучше, так как не подвергались антропогенному воздействию в более позднее время, как предшествующие. Поселение возникает через некоторое время на этом месте, о чем свидетельствует образование над вторым горизонтом слоя сапропеля. Поселение смещено к востоку, выше по склону, что говорит о медленном подъеме воды в палеоводоеме. Было выявлено 660 свай-столбов, мощность слоя — от 11 до 20 см. Здесь также реконструируется постройка размером около 5,5×4,5 м и еще несколько хозяйственных построек небольшого размера прямоугольной и овальной форм. Поблизости от свай-столбов зафиксированы скопления мха, сосновых (?) лучин, куски коры, на месте реконструируемой постройки — линзы песка. Похожие находки были сделаны на пос. Сертея II, описаны далее. Концы свай обработаны либо рубящим орудием с узким лезвием, либо орудием нового типа — вероятно, желобчатым, с широким лезвием, что позволяло производить заточку свай-столбов диаметром 10–15 см всего двумя противоположными ударами. В культурном слое Б найдено только два обломка рубящих орудий, которые теоретически могли быть использованы для обработки концов свай [Микляев, 1971, рис. 2].

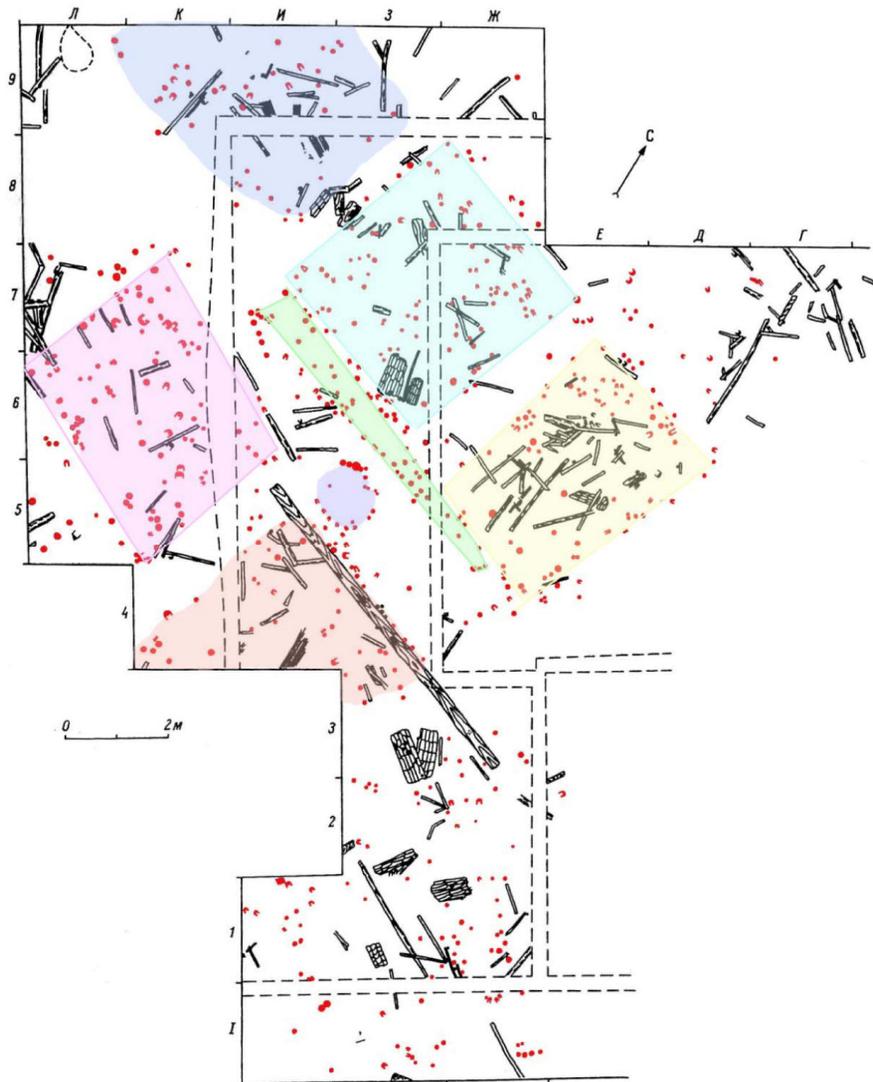

Рис. 2. Усвяты IV. План распределения свай и остатки деревянных конструкций (по: [Микляев, 1969], с изменениями).

Fig. 2. Usviaty IV site. Piles distribution and remains of wooden structures marked by colours (after [Miklyaeв, 1969] modified).

Платформы 1 и 3 этапов были обрушены в процессе археологизации, а второго этапа — погибли в пожаре. После обрушения строительные остатки находились на подтопляемой древней дневной поверхности, пока не были погребены донными отложениями озера, образовавшегося во II тыс. до н.э.

Находки располагались вокруг остатков конструкций с восточной стороны. Скопление мусорных куч, состоявших из скорлупы лесных и водяных орехов, желудей, костей, с восточной стороны и рядом позволяет предположить, что с этой стороны располагался вход в постройку. О жилом характере этих участков свидетельствует скопление обломков сосудов, орудия из камня и кремня, кости и рога, развалы обожженных камней, которые частично концентрируются внутри построек, маркируя остатки очагов, участки скопления золы и углей, песка — возможно, остатки подочажных подсыпок, глины (вероятно, остатки обмазки стен), наличие вокруг конструкций и под ними копролитов [Микляев, Семенов, 1979]. Форма и залегание мусорных куч на древней дневной поверхности свидетельствуют, что они формировались в относительно сухой промежуток времени. На наличие специальных ритуальных площадок или совершаемых ритуальных действий на периферии поселения может указывать находка деревянной чаши, ручка которой украшена головой медведя. В эту чашу специально были уложены жженные кости медведя. Чаша стояла на доске, а рядом были рассыпаны зола и угли [Микляев, 1971].

Наличие большого количества деревянных изделий и других предметов из органических материалов свидетельствует, что они долгое время лежали на влажном грунте и в момент подтопления не могли быть смыты, перемещены в другое место. Именно смывом течением можно объяснить отсутствие большого количества архитектурных деталей, которые не успели пропитаться водой, и мелких предметов. Еще одна отличительная особенность этого памятника — отсутствие развалов сосудов и небольшое количество реконструируемых целых сосудов. Орудия либо сломаны, либо сильно сработаны. Эти наблюдения могут говорить, что древнее население покинуло жилища либо они сгорели при пожаре, следы которого фиксируются на уровне второго горизонта.

Наумовское поселение. Памятник расположен в лагуне, отсеченной от древнего озера косой и при впадении реки в палеозеро. Памятник исследован на небольшой площади, что затрудняет понимание его структуры. Всего исследовано 316 м² двумя раскопами: раскоп 1 — 236 м², выявлено 99 свай-столбов; раскоп 2 — 80 м², выявлено 88 свай-столбов.

Культурные остатки свайных конструкций приурочены к трем культурным горизонтам. Культурный слой залегает не сплошным массивом, а пятнами, сопровождая остатки отдельных построек. Относительная хронология построек показывает, что они существовали последовательно или синхронно существовали две постройки на расстоянии 50–60 м друг от друга. Возможно реконструировать прямоугольную постройку 7×4 м, вытянутую длинной осью по линии С–Ю. Здесь встречены мусорные завалы из пищевых остатков и строительного мусора. Отличительной особенностью данного комплекса является большое количество развалов целых сосудов. Это может быть свидетельством специфики археологизации культурных остатков, происходившей в условиях стоячего водоема, особенности расположения памятника внутри небольшой закрытой лагуны, где отсутствовало сильное течение.

Структура свайного поселения Сертея II: жилые конструкции

Памятник Сертея II исследуется начиная с 1983 г., большая часть свайного поселения изучалась методами подводной археологии (рис. 3). Поселение расположено на оконечности мыса, экспонированного на восток, вдающегося в протоку между палеозерами. Стратиграфический разрез, заложенный по оси В–З [Mazurkevich et al., 2020a], показывает отсутствие водных отложений, синхронных свайному поселению, что свидетельствует о существовании поселения на открытой, не обводненной постоянно площадке. Последняя образовалась на толще сапропелей, которые отложились в предшествующее время, когда здесь находился глубоководный водоем, на протяжении VI — начала IV тыс. до н.э. В это время прибрежная мысовая зона была периодически обитаема, о чем свидетельствуют находки раннего и среднего неолита. Прибрежная зона водоема тогда интенсивно использовалась в хозяйственных целях, о чем говорят находки рыболовных конструкций. Непосредственно на заболоченной поверхности свайная конструкция появляется на рубеже IV–III тыс. до н.э. Это сваи-столбы, образующие подквадратную конструкцию, и, вероятно, с ней связаны находки керамики усвятского типа. После временного hiatus, во второй четверти III тыс. до н.э., на этом месте последовательно возникают три жилые конструкции.

Постройки маркируются столбами-сваями (рис. 3), служившими основой для стен, к которым крепились полы-помосты. В качестве свай-столбов, большая часть которых служила основой для стен, выбирались стволы деревьев диаметром 8, 9–10, 12, 14, 16, 18 и более 20 см. Сваи-столбы больших диаметров концентрировались в основном по углам настилов, а между ними, по периметру, — спаренные столбы-сваи меньших диаметров. На материке вокруг свай прослеживается затекание глины, что свидетельствует о расшатывании свай и образовании в сухой период времени пустот, которые заполнялись в периоды подтопления глиной. В этих же местах фиксируется увеличение количества колов, укреплявших постройку. Особенно усиливались подпорками и столбами-сваями участки, где располагались песчаные подсыпки под очаги (рис. 4, 1). В качестве свай в основном использовались ель и ясень, реже сосна, вяз, клен, дуб, ива, липа, береза, тополь [Колосова, Мазуркевич, 1998]. В культурных слоях встречены фрагменты кровельных желобов и плах с боковым упором для устройства полов, балок с гнездами-отверстиями. Сохранившиеся верхушки свай имеют разные высотные отметки. Это свидетельствует об их пребывании на открытой поверхности, когда они подверглись естественной обработке водой и льдом, в результате чего их высоты соответствуют уровню различных периодов трансгрессивно-регрессивных сезонных режимов. По расположению свай-столбов можно предположить прямоугольную конфигурацию построек размером приблизительно 7,0×4,5 м, вытянутых по линии ЮВ–СЗ.

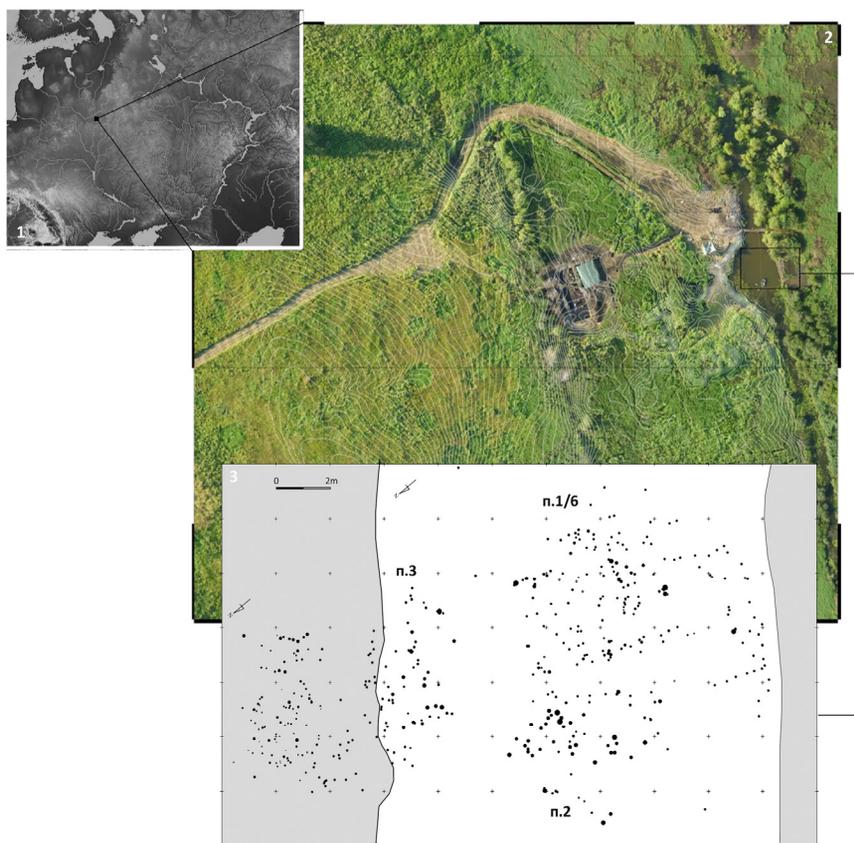

Рис. 3. Поселение Сертея II. Топографический план и расположение свай на участке свайного поселения.
Fig. 3. Serteya II site. Topographic plan and piles distribution at the pile-dwelling area.

Полы состояли из прямоугольных помостов, прикрепленных к сваям с помощью веревок (судя по находкам фрагментов веревок, в том числе из корневищ черники, вдавленных в сваи) и поддерживаемых снизу «рогатыми» сваями. Основание помоста составляли бревна диаметром около 9–12 см. На бревна, поперечно им, были плотно уложены жерди диаметром 5–8 см (рис. 4, 3). Поверх, перпендикулярно жердям, положены неокоренные сосновые плашки толщиной около 6 см. Сверху лежал слой мха мощностью до 8 см, который был присыпан крупнозернистым белым песком — подочажная подсыпка. Очаг диаметром около 50 см образовывали крупные камни, выложенные по кругу. Песок неравномерно был насыщен мелкими угольками, кальцинированными косточками, рыбьими костями, кремневыми отщепами и чешуйками. Это свидетельствует о периодической подсыпке чистого песка около очагов. На слое песка, т.е. в приочажной зоне, фиксировались развалы горшков, большое количество костей животных и рыб, часть из них со следами пребывания в огне, мелкие отщепы, орудия из кремня и дерева, оброненные украшения из янтаря и костей животных. Благодаря подочажным песчаным подсыпкам уцелели центральные части жилых платформ. Очаги и очажная зона располагались в центре постройки. Настилы периодически подвергались ремонту. Обветшавший настил сбрасывался в основание постройки и возводился новый. При раскопках нами были выявлены остатки 5 настилов в постройке № 1, которые обозначены как строительные горизонты. Наиболее хорошо сохранился последний настил — строительный горизонт № 1, а хуже всех — самый ранний, № 5. Конструкция всех пяти настилов сходная. Основное различие — в ширине и ориентации коры, лежавшей под песком (рис. 4, 2–4), а также в наборах глиняной посуды. О многочисленных перестройках и ремонтах построек свидетельствует разновременность столбов-свай, которая установлена по датировкам ^{14}C и данным дендроанализа [Мазуркевич и др., 2016].

В кв. С/II были прослежены остатки каркаса стены, выполненного из тонких сосновых лучин прямоугольного сечения 0,5×1,3 см, скрепленных между собой веревкой из растительного волокна. Рядом был обнаружен небольшой слабообожженный фрагмент глиняной обмазки с от-

Свайные конструкции на озерных поселениях IV–III тыс. до н.э. в Днепро-Двинском междуречье...

печатками лучин. Ветки, очищенные от боковых ответвлений, найдены в большом количестве в культурном слое и, как правило, залегали скоплениями возле рядов свай. Возможно, их использовали при организации крыши или внешних стен.

Рис. 4. Поселение Сертея II (подводные исследования):
1 — исследование песчаной подсыпки; 2–4 — остатки архитектурных элементов конструкции.

Fig. 4. The Serteya II site (underwater research):
1 — investigation of the sand layer; 2–4 — remains of architectural elements of the structure.

Культурный слой распространен пятнами. Основная часть его находилась с восточной стороны построек, заполняя пространство между ними. Такое расположение и характер культурного слоя позволяют предположить, что он формировался при входах в дома. Он состоял из различного типа мусорных куч, различающихся по составу. Это кухонные отбросы: скорлупа водяных и лесных орехов, желудей (рис. 5, 2), костей животных, птиц и рыб (редко обожженных), створок беззубки, иногда в них встречались крупные фрагменты керамики, каменные грузила с обмоткой из травы, поплавки, фрагменты веревок, сетей, ткани (рис. 5, 1).

На части скорлупы водяного и лесного ореха есть следы термической обработки. Иногда эти кучи начинали формироваться в ямах. Отмечены и специализированные кучи, которые состояли только из створок раковин или костей млекопитающих. Одна из таких костных куч располагалась в плетеной корзине (рис. 5, 3), основание которой было найдено на дне ямы. В материковой яме, синхронной строительному горизонту 5 постройки № 1, была прослежена крышка из сосновых лучин (рис. 5, 2). Характер мусорных куч свидетельствует, что в период накопления они лишь подтапливались и немного размывались. Отличительная особенность культурного слоя в пространстве между постройками и мусорных кучах — отсутствие дебитаж, мелких орудий и фрагментов керамики, развалов глиняной посуды. В нем также много строительного мусора и копролитов животных, часть из которых принадлежала собакам [Maicher et al., 2021]. Последние концентрировались либо под платформой построек № 1 и 3, либо около мусорных ям у построек. То, что органические предметы, фрагменты сосудов, крупные костяные и кремневые предметы сохранились на месте, свидетельствует, что они длительное время лежали на влажной поверхности либо были втопты в древнюю дневную поверхность и не перемещались при сезонных колебаниях воды, в то время как мелкие предметы уносились течением межозерной протоки. Культурный слой в приочажной зоне на платформе состоял из дебитаж, различ-

ных кремневых костяных и деревянных орудий и их заготовок, пренуклеусов, развалов глиняных сосудов (рис. 5, 4), углей, кальцинированных костей рыб, птиц и животных, оброненных украшений. Это говорит о том, что основная хозяйственная деятельность происходила внутри домов. Наличие целых сосудов указывает на то, что они археологизировались на тех местах, на которых были оставлены в момент оставления/забрасывания постройки. Разделка туш животных, судя по остаткам костей, возможно, совершалась в некотором удалении к западу от домов на более высоком участке берега [Mazurkevich et al., 2020a]. Раскопки и датирование деревянных свай-столбов и отдельных конструктивных элементов данного памятника [Мазуркевич и др., 2016] позволяют предположить структуру поселения на основании взаимного расположения конструкций. Первой возникла постройка 2, несколько позже южнее параллельно возведена постройка 1, которая претерпела пять этапов реконструкций. В это время забрасывается постройка 2, а восточнее по линии С–Ю сооружается новая постройка [Гук, 2014]. Можно допустить, что входы построек были расположены друг против друга. Это объясняет пятнистость в распространении культурного слоя, так как он образовывался наиболее интенсивно во входной зоне.

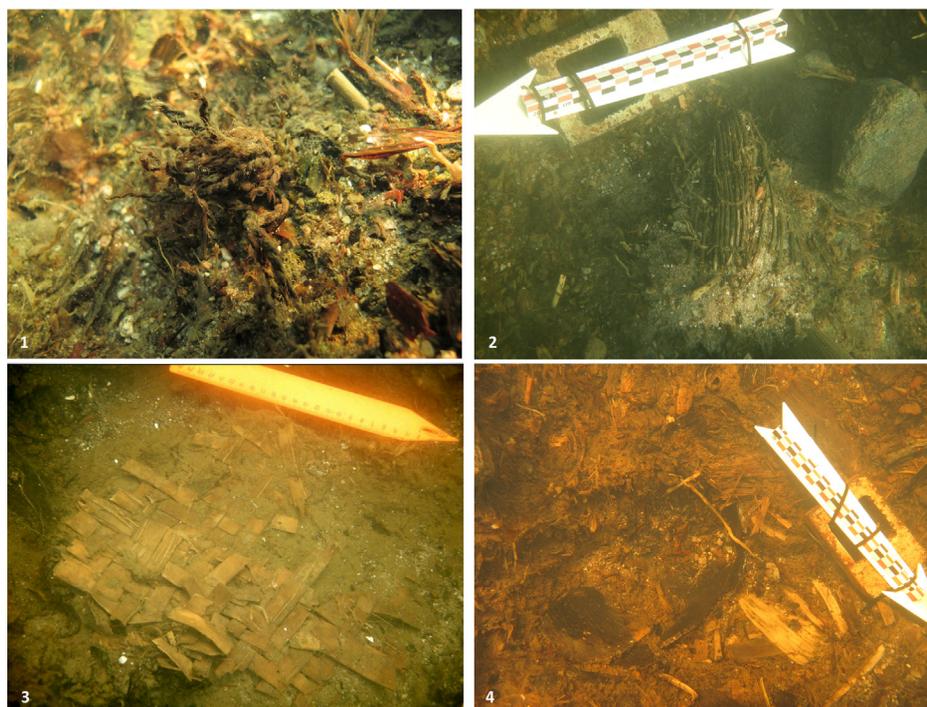

Рис. 5. Поселение Сертея II (подводные исследования):

- 1 — фрагмент тканого изделия; 2 — остатки переплетенных лучин и скопление лесных орехов;
3 — дно плетеной корзины; 4 — нижняя часть сосуда рядом с настилом из коры.

Fig. 5. The Serteya II site (underwater research):

- 1 — fragment of a woven item; 2 — remains of interwoven beams and accumulation of hazelnuts;
3 — bottom of a wicker basket; 4 — bottom of a vessel next to a bark floor.

Обсуждение

Свайные постройки – нетипичная форма архитектурных конструкций для лесной зоны Восточной Европы, где наибольшее распространение получили землянки, полуземлянки и легкие наземные конструкции, расположенные на минеральных берегах. Среди множества исследованных торфяниковых поселений в культурных слоях лишь нескольких зафиксированы жилища с приподнятым полом. Это небольшие конструкции размером около 7×4,5 м, в отличие от реконструируемых жилищ второй половины III тыс. до н.э. в Карелии, Среднем Поволжье — от 8,7 до 180 м² при средних значениях 47,5–77,2 м² [Жульников, 2003]. Для исследуемого региона типичны конструкции с приподнятыми прямоугольными платформами, прикрепленными к сваям (в основном наибольшего диаметра — около 8–10 см, часто парным) с помощью веревок и поддерживаемыми снизу «рогатыми» сваями. О конструкциях с приподнятыми полами могут свидетельствовать как уровень рогатых свай, так и находки копролитов под настилами. Уровень

древней подстилающей поверхности можно реконструировать по опустившейся и неповрежденной жилой платформе. Основание платформы состояло из бревен диаметром 9–12 см. Столбы диаметром 5–8 см были плотно уложены на бревна в поперечном положении. Сверху под прямым углом к столбам были уложены обработанные доски толщиной около 6 см, на котором лежал слой мха, присыпанный крупнозернистым песком. Очаг, расположенный на песчаной подсыпке, был сложен из больших камней, выложенных по кругу. Стенки могли быть сделаны из веток, очищенных от боковых ответвлений. Основные части сооружений, не покрытые толстым слоем песка, были разрушены и смыты потоками воды, как и большинство артефактов, лежавших на древней дневной поверхности. В основном уцелели центральные части жилых платформ, покрытые несколькими толстыми слоями песка, которые служили площадкой для очага, и ямы для хранения/мусора, где было найдено большинство артефактов. Входная зона построек ориентирована как на водоем, так и на максимальное солнечное освещение.

Отличие от памятников с рыболовными сооружениями, где также были зафиксированы ряды кольев (см., напр.: [Лозовский и др., 2013]), проявляется в отсутствии на последних жилого контекста, наличии частей рыболовных ловушек или запоров, единичных артефактов, отсутствия костей млекопитающих, птиц, единичных находках костей рыб.

Для Днепро-Двинского междуречья типично возведение конструкций с поднятыми полами в низовых торфяниках, в затапливаемых долинах рек, на затапливаемых берегах озер или в условиях обводненного озера, в основании мысов, вдающихся в палеоводоем, с максимальной годовой освещенностью. Выбор расположения поселения на озере или на болоте — решение, обусловленное экологическими и климатическими факторами, с одной стороны, и культурными факторами — с другой [Ebersbach, 2013]. Различные строительные методы и приемы организации сооружений были направлены на существование поселений в этих условиях с периодическими поднятиями уровня воды [Schlichtherle et al., 2013]. Свайные поселки на Северо-Западе России, в отличие от европейских аналогов, не столь масштабны по структуре, количеству синхронных домов. Исследованные памятники позволяют выдвинуть гипотезу, что это были небольшие хутора, состоящие из 1–3 домов, которые существовали синхронно или последовательно. На небольшом расстоянии от жилой зоны расположены хозяйственные площадки, например, для разделки животных, или складирования мусора из очагов, или для проведения ритуалов. Именно такой поселенческой структурой и обусловлена «пятнистость» культурного слоя и его состав. Относительная хронология памятников III тыс. до н.э. в Усвятском, Сертейском, Жижицком и Сенницком археологических микрорегионах позволяет предположить, что синхронно в них могло существовать 1–2 поселения.

Заключение

Культура строителей озерных свайных поселений, появляющаяся на рубеже IV–III тыс. и существующая на протяжении III тыс. до н.э. в Днепро-Двинском междуречье, представляет собой уникальное культурное явление для территории Восточной Европы. Климатические и природные изменения в начале суббореала могли предопределить возникновение свайных поселений на влажных заторфованных берегах озер в Днепро-Двинском междуречье. Свайные поселения были организованы на обнажившихся донных отложениях, на поверхности со слабым дерновым слоем. Детальный анализ культурного слоя (его состава, характера находок и их пространственного распределения и сочетания, структуры литологического слоя), процесса археологизации объектов позволили детально реконструировать структуру памятников и конструкций. Проведенные исследования мест расположения конструкций и прилегающей площади, результаты бурения показывают небольшую площадь существовавших здесь свайных поселений. Описанная структура позволяет предположить своеобразную хуторскую систему расселения строителей свайных поселений с несколькими синхронными и/или последовательно возводившимися постройками и несколькими отдельными хуторами в археологических микрорегионах Верхнего Подвинья.

Свайные поселения можно рассматривать как общеевропейский феномен, однако сложно предположить, насколько коммуникации между различными частями Европы могли повлиять на распространение этой формы архитектуры и выбора прибрежных затапливаемых территорий для поселений. Причины ее возникновения могли быть различны: необходимость защиты, легкость устройства дома на сваях в мягком прибрежном слое, близость к разным природным ресурсам, освобождение плодородных почв, но в первую очередь это было культурное явление, связанное с адаптацией человека к изменившимся климатическим и экологическим условиям суббореального периода [Schlichtherle et al., 2013; Pétrequin, 1991; Dolukhanov et al., 2004; Pydyn, Gackowski, 2011].

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00086 «Между востоком и западом: охотники-собиратели озерного края на Западе России в VII–III тыс. до н.э. (экономические стратегии, культурные традиции, межрегиональные взаимосвязи и палеоэкологические условия)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брюсов А.Я. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. 1951. № 20.

Ванкина Л.В. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига: Зинатне, 1970. 268 с.

Гук Д.Ю. Применение нечеткой логики для дендрохронологического анализа конструкций свайного поселения Сертея II // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н.э.: Хронология культур и природно-климатические ритмы. СПб.: Периферия, 2014. С. 105–114.

Жульникова А.М. Древние жилища Карелии. Петрозаводск: Скандинавия, 2003. 200 с.

Колосова М.И., Мазуркевич А.Н. Идентификация деревянных предметов по признакам анатомического строения древесины из неолитических торфяниковых памятников Ловатско-Двинского междуречья // Поселения: Среда, культура, социум: Материалы тематич. науч. конф., СПб, 6–9 окт. 1998 г. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 52–56.

Лозовский В.М., Лозовская О.В., Клемента-Конте И. (ред.). Замостье 2: Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита-неолита в бассейне Верхней Волги. СПб: Изд-во ИИМК РАН, 2013. 240 с.

Мазуркевич А.Н., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Долбунова Е.В., Семенов А.А., Ришко С.А. Абсолютная хронология неолитических древностей Днепро-Двинского междуречья VII–III тыс. до н.э. // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. Смоленск: Свиток, 2016. С. 317–355.

Микляев А.М. Памятники Усвяцкого микрорайона. Псковская область // АСГЭ. 1969. № 11. С. 18–40.

Микляев А.М. Неолитическое свайное поселение на Усвятском озере // АСГЭ. 1971. № 13. С. 7–29.

Микляев А.М. Каменный-железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. 1995. № 9. С. 5–39.

Микляев А.М., Семенов В.А. Свайное поселение на Жижицком озере // Труды ГЭ. 1979. XX. С. 5–22.

Ольховский С.В., Мазуркевич А.Н. Методика подводных археологических исследований на затопленных поселениях. М.: ИА РАН, 2011. 32 с.

Dolukhanov P.M., Miklyayev A.M. Prehistoric lacustrine pile dwellings in the North-western part of the USSR // *Fennoscandia archaeologica*. 1986. III. P. 81–89.

Charniauski Max.M., Kryvaltsevich M.M. Belarusian wetland settlements in Prehistory // *Wetland settlements of the Baltic: A prehistoric perspective*. Vilnius, 2011. P. 113–131.

Dolukhanov P.M., Shukurov A.M., Arslanov K.A., Mazurkevich A.N., Savel'eva L.A., Dzinoridze E.N., Kulikova M.A., Zaitseva G.I. The Holocene Environment and Transition to Agriculture in Boreal Russia (Serteya Valley Case Study) // *Internet Archaeology*. 2004. № 17. <http://intarch.ac.uk/journal/issue17>

Ebersbach R. Houses, households, and settlements. Architecture and Living Spaces. Chapter 17 // *The Oxford Handbook of Wetland Archaeology*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 283–301.

Girininkas A. Ar buvo polinių gyvenviečių akmens amžiuje Lietuvoje? // *Lituanistica*. 2005. № 2 (62). P. 33–45.

Kittel P., Mazurkevich A., Alexandrovskiy A., Dolbunova E., Krupski M., Szymańska J., Stachowicz-Rybka R., Cywa K., Mroczkowska A., Okupny D. Lacustrine, fluvial and slope deposits in the wetland shore area in Serteya, Western Russia // *Acta Geographica Lodziensia*. 2020a. № 110. P. 103–124. <https://doi.org/10.26485/AGL/2020/110/7>

Kittel P., Mazurkevich A., Wieckowska-Lüth M., Pawłowski D., Dolbunova E., Gauthier E., Krąpiec M., Maigrot Y., Danger M., Mroczkowska A., Okupny D., Płóciennik M., Szymańska J., Thiebaut E., Słowiński M. On the border between land and water: The environmental conditions of the Neolithic occupation from 4.3 until 1.6 ka BC at Serteya, Western Russia // *Geoarchaeology an International Journal*. 2020b. № 36. 2. P. 173–202. <https://doi.org/10.1002/gea.21824>

Kriiska A., Roio M. Prehistoric archaeology of etlands in Estonia // *Wetland settlements of the Baltic: A prehistoric perspective*. Vilnius, 2011. P. 55–73.

Loze I. Wetlands and tone Age Wetland settlements in Latvia // *Wetland settlements of the Baltic: A prehistoric perspective*. Vilnius, 2011. P. 75–91.

Maicher C., Maigrot Y., Mazurkevich A., Dolbunova E., Le Bailly M. First contribution of paleoparasitology to the study of coprolites from the Neolithic site Serteya II (NW Russia) // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2021. № 38. 103093. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2021.103093>

Mazurkevich A. Das Waldgebiet in Osteuropa am Ende des 4 — Beginn des 2. Jahrtausends v. Chr. // *Bronzezeit. Europa ohne grenzen*. 4.–1. Jahrtausend v. Chr. Ausstellungskatalog. St. Petersburg, 2013. P. 106–119.

Mazurkevich A., Dolbunova E. Underwater Investigations in Northwest Russia: Lacustrine archaeology of Neolithic pile dwellings // *Submerged Prehistory*. Oxford: Oxbow Books, 2011. P. 158–172.

Mazurkevich A., Kittel P., Maigrot Y., Dolbunova E., Mroczkowska A., Wieckowska-Lüth M., Piech W. Natural and anthropogenic impact on deposits' formation in the wetland shore area: Case study from the Serteya site, Western Russia // *Acta Geographica Lodziensia*. 2020a. № 110. P. 81–102. <https://doi.org/10.26485/AGL/2020/110/6>

Mazurkevich A., Sablin M., Dolbunova E., Kittel P., Maigrot Y., Kazakov E. Landscape, seasonality and natural resources use in the 3rd millennium BC by pile-dwelling communities (NW Russia) // *Settling Waterscapes in*

Europe. The Archaeology of Neolithic and Bronze Age Pile-Dwellings. Open Series in Prehistoric Archaeology 1. Bern and Heidelberg: Propylaeum, 2020b. P. 17–36.

Martinelli N. Prehistoric pile-dwellings in northern Italy: An archaeological and dendrochronological overview // ARCADE. Approche diachronique et Regards croisés: Archéologie, Dendrochronologie et Environnement, Apr 2014, Aix-en-Provence, France. P. 69–78.

Mroczkowska A., Pawłowski D., Gauthier E., Mazurkevich A., Luoto T.P., Peyron O., Kotrys B., Brooks S.J., Nazarova L.B., Syrykh L., Dolbunova E.V., Thiebaut E., Pióciennik M., Antczak-Orlewska O., Kittel P. Middle Holocene climate oscillations recorded in the Western Dvina Lakeland // *Water*. 2021. № 13. 1611. P. 1–24. <https://doi.org/10.3390/w13111611>

Naumov G. Neolithic wetland and lakeside settlements in the Balkans // *Settling Waterscapes in Europe: The Archaeology of Neolithic and Bronze Age Pile-Dwellings*, OSPA — Open Series in Prehistoric Archaeology, Propylaeum, Heidelberg, 2020. P. 111–135.

Pétrequin P. (ed.). Construire une maison 3000 ans avant J.-C. Le lac de Chalain au Néolithique. Editions Errance. 1991.

Pétrequin A.-M., Pétrequin P. Habitat lacustre du Bénin. Une approche ethnoarchéologique. Editions Recherche sur les Civilisations, Memoire 39, Paris, 1984. 214 p.

Piličiauskas G. Lietuvos pajūris subneolite ir neolite. Žemės ūkio pradžia // *Lietuvos archeologija*. 2016. № 42. P. 25–103.

Pranckenaite E., Dolbunova E., Mazurkevich A. Pile-dwellings in the Circum-Baltic area // *Documenta Praehistorica*. 2021. XLVIII. P. 102–116. <https://doi.org/10.4312/dp.48.14>

Pydyn A., Gackowski A. Wetland Archaeology of the Late Bronze and Early Iron Age settlements from Poland // *Wetland settlements of the Baltic: A prehistoric perspective*. Vilnius, 2011. P. 133–149.

Schlichtherle H., Hafner A., Borello M.A. Les villages préhistoriques des bords des lacs circumalpines entre le V et le IVe millénaire av. J.-C. Les Hommes Préhistoriques Et Les Alpes. Document du Département de géographie et environnement de l'Université de Genève (2011) // *British Archaeological Reports. International Series*. 2013. 2476. P. 69–84.

Vasilyeva N.A. Field Conservation of Waterlogged Organic Archaeological Finds // *Network in Eastern European Neolithic and Wetland Archaeology*. Bern working papers on prehistoric archaeology. 2020. N 3. P. 62–79.

Wieckowska-Lüth M., Gauthier E., Thiebaut E., Słowiński M., Krąpiec M., Dolbunova E., Mazurkevich A., Maigrot Y., Danger M., Kittel P. The palaeoenvironment and settlement history of a lakeshore setting: An interdisciplinary study from the multi-layered archaeological site of Serteya II, Western Russia // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2021. Vol. 40. Part B. P. 1–17. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2021.103219>

Mazurkevich A.N.* , Dolbunova E.V.

The State Hermitage Museum, Dvortsovaya nab., 34, St. Petersburg, 190000, Russian Federation
E-mail: a-mazurkevich@mail.ru (A.N. Mazurkevich); katjer@mail.ru (E.V. Dolbunova)

Pile dwellings on lacustrine sites of the 4th–3rd millennium BC in the Dnieper-Dvina interfluvium: a new form of architecture and a part of a pan-European phenomenon

The tradition of lacustrine pile dwellings, which appeared in the second half of the 4th millennium BC and existed throughout the 3rd millennium BC in the Dnieper-Dvina basin, represents a unique cultural phenomenon for the territory of Eastern Europe. In the Dnieper-Dvina interfluvium, the most fully investigated sites are Usvyaty IV and Serteya II, which allow reconstruction of the structure and features of pile buildings. In this paper, we attempt to give an overview of the gathered data and to determine the characteristics of the construction solutions for those buildings and the reasoning behind the choice of this new form of architecture at the Neolithic sites of the Dnieper-Dvina basin. Various reasons for the emergence of tradition of building pile settlements in the lake landscapes of the Dnieper-Dvina could involve protective function, the ease of building a house on piles in a soft shore layer, proximity to various natural resources, release of fertile soils, and, first and foremost, the cultural phenomenon which reflected human adaptation to changed climatic and ecological conditions of the Subboreal period. Surveys of the adjacent territories and the analysis of geological cores indicate a small area of pile settlements that existed here. The described scheme suggests the existence of a peculiar farmstead settlement system for the builders of pile settlements with two synchronous and/or sequentially erected buildings, rectangular in plan, with a set of specific architectural elements.

Keywords: pile settlements, Neolithic, architecture, ecology, peat bog sites, underwater archaeology.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00086 “Between East and West: Hunter-gatherers of the lacustrine region in Western Russia in the VIth–IIIrd millennia BC (economic strategies, cultural traditions, interregional interrelations and palaeoecological conditions)”.

* Corresponding author.

REFERENCES

- Brusov, A.Ya. (1951). Pile settlement on the Modlona River and other sites in Charozersky district of the Volga region. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, (20). (Rus.).
- Dolukhanov, P.M., Miklyayev, A.M. (1986). Prehistoric lacustrine pile dwellings in the North-western part of the USSR. *Fennoscandia archaeologica*, (III), 81–89.
- Charniauski, Max.M., Kryvaltsevich, M.M. (2011). Belarusian wetland settlements in Prehistory. *Wetland settlements of the Baltic: A prehistoric perspective*. Vilnius, 113–131.
- Dolukhanov, P.M., Shukurov, A.K., Arslanov, K.A., Mazurkevich, A.N., Savel'eva, L.A., Dzinoridze, E.N., Kulkova, M.A., Zaitseva, G.I. (2004). The Holocene Environment and Transition to Agriculture in Boreal Russia (Serteya Valley Case Study). *Internet Archaeology*, (17). <http://intarch.ac.uk/journal/issue17>.
- Ebersbach, R. (2013). Houses, households, and settlements. Architecture and Living Spaces. Chapter 17. *The Oxford Handbook of Wetland Archaeology*. Oxford: Oxford University Press, 283–301.
- Girininkas, A. (2005). Ar buvo polinių gyvenviečių akmens amžiuje Lietuvoje? *Lituanistica*, 2(62), 33–45.
- Hookk, D.Yu. (2014). Fuzzy logic application to the dendrochronological analysis of the constructions on the pile-dwelling site Serteya II. *Archaeology of lake-settlements IV–II mill. BC: Chronology of cultures, environment and palaeoclimatic rhythms*. St. Petersburg: Periphery, 105–114.
- Kittel, P., Mazurkevich, A., Alexandrovskiy, A., Dolbunova, E., Krupski, M., Szymańska, J., Stachowicz-Rybka, R., Cywa, K., Mroczkowska, A., Okupny, D. (2020a). Lacustrine, fluvial and slope deposits in the wetland shore area in Serteya, Western Russia. *Acta Geographica Lodziensia*, (110), 103–124. <https://doi.org/10.26485/AGL/2020/110/7>
- Kittel, P., Mazurkevich, A., Wieckowska-Lüth, M., Pawłowski, D., Dolbunova, E., Gauthier, E., Krapiec, M., Maigrot, Y., Danger, M., Mroczkowska, A., Okupny, D., Plóciennik, M., Szymańska, J., Thiebaut, E., Słowiński, M. (2020b). On the border between land and water: The environmental conditions of the Neolithic occupation from 4.3 until 1.6 ka BC at Serteya, Western Russia. *Geoarchaeology an International Journal*, 36 (2), 173–202. <https://doi.org/10.1002/gea.21824>
- Kolosova, M.I., Mazurkevich, A.N. (1998). Identification of wooden objects based on the anatomical structure of wood from Neolithic peat bog sites of Lovat-Dvina basin. *Poseleniya: Sreda, kul'tura, socium: Materialy tematicheskoy nauchnoj konferencii, SPb, 6–9 oktjabrja 1998 g., St. Petersburg*. St. Petersburg: SPbGU, 52–56. (Rus.).
- Kriiska, A., Roio, M. (2011). Prehistoric archaeology of etlands in Estonia. *Wetland settlements of the Baltic: A prehistoric perspective*. Vilnius, 55–73.
- Loze, I. Wetlands and tone Age Wetland settlements in Latvia. *Wetland settlements of the Baltic: A prehistoric perspective*. Vilnius, 75–91.
- Lozovsky, V.M., Lozovskaya, O.V., Clemente-Conte, I. (Eds.) (2013). *Zamostje 2. Lake Settlement of the Mesolithic and Neolithic Fisherman in Upper Volga Region*. St. Petersburg: Izdatel'stvo IIMK RAN. (Rus.).
- Maicher, C., Maigrot, Y., Mazurkevich, A., Dolbunova, E., Le Bailly, M. (2021). First contribution of paleoparasitology to the study of coprolites from the Neolithic site Serteya II (NW Russia). *Journal of Archaeological Science: Reports*, (38). 103093. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2021.103093>
- Mazurkevich, A. (2013). Das Waldgebiet in Osteuropa am Ende des 4. — Beginn des 2. Jahrtausends v. Chr. *Bronzezeit. Europa ohne grenzen. 4.–1. Jahrtausend v. Chr. Ausstellungskatalog*. St. Petersburg: Chisty list, 106–119.
- Mazurkevich, A., Dolbunova, E. (2011). Underwater Investigations in Northwest Russia: Lacustrine archaeology of Neolithic pile dwellings. In: *Submerged Prehistory*. Oxford: Oxbow Books, 158–172.
- Mazurkevich, A., Kittel, P., Maigrot, Y., Dolbunova, E., Mroczkowska, A., Wieckowska-Lüth, M., Piech, W. (2020a). Natural and anthropogenic impact on deposits' formation in the wetland shore area: case study from the Serteya site, Western Russia. *Acta Geographica Lodziensia*, (110), 81–102. <https://doi.org/10.26485/AGL/2020/110/6>
- Mazurkevich, A., Sablin, M., Dolbunova, E., Kittel, P., Maigrot, Y., Kazakov, E. (2020b). Landscape, seasonality and natural resources use in the 3rd millennium BC by pile-dwelling communities (NW Russia). *Settling Water-scapes in Europe. The Archaeology of Neolithic and Bronze Age Pile-Dwellings. Open Series in Prehistoric Archaeology*, (1). Bern and Heidelberg: Propylaeum, 17–36.
- Mazurkevich, A.N., Zaitseva, G.I., Kulkova, M.A., Dolbunova, E.V., Sementsov, A.A., Rishko, S.A. (2016). Absolute chronology of Neolithic antiquities of the Dnieper-Dvina basin of the VII–III millennium BC. In: *Radiouglerodnaja hronologija jepohi neolita Vostochnoj Evropy VII–III tysjacheletija do n.je*. Smolensk: Svitok, 317–355.
- Martinelli, N. (2014). Prehistoric pile-dwellings in northern Italy: An archaeological and dendrochronological overview. *ARCADE. Approche diachronique et Regards croisés: Archéologie, Dendrochronologie et Environnement*. Aix-en-Provence, France, 69–78.
- Miklyaev, A.M. (1969). Sites of Usvyaty microregion. Pskov Oblast. *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Jermitezha*, (11), 18–40. (Rus.).
- Miklyaev, A.M. (1971). Neolithic pile settlement on Usvyaty Lake. *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Jermitezha*, (13), 7–29. (Rus.).
- Miklyaev, A.M. (1995). Stone-Iron Age in the interfluvium of the Western Dvina and Lovat River. *Peterburgskij arheologicheskij vestnik*, (9), 5–39. (Rus.).
- Miklyaev, A.M., Semenov, V.A. (1979). Pile settlement on Lake Zhizhitsky. *Trudy Gosudarstvennogo Jermitezha*, (XX), 5–22. (Rus.).
- Mroczkowska, A., Pawłowski, D., Gauthier, E., Mazurkevich, A., Luoto, T.P., Peyron, O., Kotrys, B., Brooks, S.J., Nazarova, L.B., Syrykh, L., Dolbunova, E.V., Thiebaut, E., Plóciennik, M., Antczak-Orlewska, O., Kittel, P. (2021).

Свайные конструкции на озерных поселениях IV–III тыс. до н.э. в Днепро-Двинском междуречье...

Middle Holocene climate oscillations recorded in the Western Dvina Lakeland. *Water*, 13(1611), 1–24. <https://doi.org/10.3390/w13111611>

Naumov, G. (2020). Neolithic wetland and lakeside settlements in the Balkans. *Settling Waterscapes in Europe: The Archaeology of Neolithic and Bronze Age Pile-Dwellings*, OSPA — Open Series in Prehistoric Archaeology, (1). Propylaeum, Heidelberg, 111–135.

Olhovskij, S.V., Mazurkevich, A.N. (2011). *Methods of underwater archaeological investigations on submerged sites*. Moscow: IA RAN. (Rus.).

Pétrequin, P. (Ed.) (1991). *Construire une maison 3000 ans avant J.-C. Le lac de Chalain au Néolithique*. Paris: Editions Errance.

Pétrequin, A.-M., Pétrequin, P. (1984). *Habitat lacustre du Bénin. Une approche ethnoarchéologique*. Editions Recherche sur les Civilisations. Paris: ADFP.

Piličiauskas, G. (2016). Lietuvos pajūris subneolite ir neolite. Žemės ūkio pradžia. *Lietuvos archeologija*, (42), 25–103.

Pranckenaite, E., Dolbunova, E., Mazurkevich, A. (2021). Pile-dwellings in the Circum-Baltic area. *Documenta Praehistorica*, (XLVIII), 102–116. <https://doi.org/10.4312/dp.48.14>

Pydyn, A., Gackowski, A. (2011). Wetland Archaeology of the Late Bronze and Early Iron Age settlements from Poland. *Wetland settlements of the Baltic: A prehistoric perspective*. Vilnius, 133–149.

Schlichtherle, H., Hafner, A., Borello, M.A. (2013). Les villages préhistoriques des bords des lacs circumalpins entre le V et le IVe millénaire av. J.-C. Les Hommes Préhistoriques Et Les Alpes. Document du Département de géographie et environnement de l'Université de Genève (2011). *British Archaeological Reports, International Series*, (2476), 69–84.

Vankina, L.V. (1970). *Peat bog site Sarnate*. Riga: Zinatne. (Rus.).

Wieckowska-Lüth, M., Gauthier, E., Thiebaut, E., Słowiński, M., Krąpiec, M., Dolbunova, E., Mazurkevich, A., Maigrot, Y., Danger, M., Kittel, P. (2021). The palaeoenvironment and settlement history of a lakeshore setting: An interdisciplinary study from the multi-layered archaeological site of Serteya II, Western Russia. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 40(B), 1–17. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2021.103219>

Zhulnikov, A.M. (2003). *Ancient dwellings of Karelia*. Petrozavodsk: Scandinavia. (Rus.).

Мазуркевич А.Н., <https://orcid.org/0000-0003-1394-1814>

Долбунова Е.В., <https://orcid.org/0000-0003-1843-9620>

Сведения об авторах:

Мазуркевич Андрей Николаевич, старший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Долбунова Екатерина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

About the authors:

Mazurkevich, A.N., Senior Researcher, The State Hermitage Museum, St. Petersburg.

Dolbunova, E.V., Candidate of Historical Science, Senior Researcher, State Hermitage Museum, St. Petersburg.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 15.11.2024

Article is published: 15.09.2025

Ши Ханьда

Центр исследований и сотрудничества в археологии Шелкового пути, Северо-Западный университет
Проспект Сюэфу, 1, Сиань, КНР, 710127
E-mail: shihanda@edu.hse.ru

АНДРОНОВЦЫ НА ВОСТОЧНОМ ПАМИРЕ: К ВОПРОСУ ХРОНОЛОГИИ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ МОГИЛЬНИКА СЯБАНЬДИ AII В СИНЬЦЗЯНЕ (КИТАЙ)

Исследуются вопросы бронзового века Восточного Памира на материалах могильника Сябаньди AII, с обобщением характеристик погребального обряда, инвентаря и анализа планиграфии памятника. Считаем материалы Сябаньди AII представляющими локальный вариант андроновской культурно-исторической общности на Восточном Памире. На основании новейших радиоуглеродных датировок евразийских степных памятников и традиционного типологического метода установлена хронология Сябаньди AII в рамках XVII–XVI/XV вв. до н.э. Генетико-генеалогические и антропологические данные указывают на западное степное происхождение населения, оставившего могильник, связанное с арийскими миграциями. Погребальный обряд и состав инвентаря свидетельствуют о южноказахстанском происхождении группы, преимущественно связанном с кульсайской культурой (или типом), при возможных контактах с населением Северного Китая эпохи бронзы.

Ключевые слова: могильник Сябаньди AII, андроновская культурная общность, Памирское нагорье, бронзовый век, кульсайская культура, евразийская археология, миграции ариев.

Ссылка на публикацию: Ши Ханьда. Андроновцы на Восточном Памире: к вопросу хронологии и происхождения могильника Сябаньди AII в Синьцзяне (Китай) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 40–54. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-4>

Введение

Могильник Сябаньди расположен в деревне Сябаньди, поселок Банди, Ташкурганский таджикский автономный округ, Кашгарский район, Синьцзян, на восточной оконечности Памирского нагорья, на высоте более 3000 м над уровнем моря. Погребения в основном расположены на второй террасе, в нижнем течении р. Курган (рис. 1). В 2003–2004 гг. Синьцзянский институт культурного наследия и археологии исследовал здесь в общей сложности 178 древних погребений. Среди них было 92 погребения бронзового века в могильнике AII и могильнике AI D (только одно разрушенное погребение, AI DM1). В отчете о раскопках У Юн (吴勇) утверждал, исходя из особенностей погребального ритуала, керамики и находок характерных раструбовидных серег, что могильник является результатом миграции андроновцев на юг из евразийской степи. Поскольку датировка памятников андроновской культурной общности в Синьцзяне в целом более поздняя, чем в евразийской степи, в соответствии с логикой миграционного пути с запада на восток, У Юн установил X век до н.э. как нижнюю границу датировки могильника Сябаньди AII [Wu, Zhang, 2004; Wu, 2012b]. Шао Хуэйцю (邵会秋) впервые отметил сходство в погребальном ритуале и материальной культуре могильника Сябаньди AII с памятниками андроновской общины в Семиречье и датировал могильник XIV–X вв. до н.э. [Shao, 2009, 2018]. В пользу этой хронологической рамки высказывается и Тань Юйхуа (谭玉华). Сравнивая материал из могильника Сябаньди AII с кульсайским типом, распространенным в Семиречье, он выдвигает гипотезу, что культурные особенности могильника Сябаньди AII являются следствием миграции носителей кульсайского типа [Tan, 2011].

Очевидно, что большинство выполненных ранее исследований основаны на типологических сопоставлениях. Не отрицая такой модели, отметим, что в последние годы накоплен богатый материал по локальным типам андроновской культурной общности как в Синьцзянском регионе, так и в Центральной Азии, особенно в результате естественно-научных исследований. Эти исследования позволили уточнить хронологию локальных вариантов андроновской культурной общности и их взаимосвязи и выявили общую тенденцию к удревнению первоначальных хронологических рамок. Кроме того, мы обнаружили отсутствие значимых преемственных свя-

зей между материалами могильника Сябаньди АII и других локальных вариантов андроновской культурной общности в Синьцзянском регионе. Вместе с тем, с учетом географического положения и сходства памятников, в большинстве предыдущих исследований указывается, что источник андроновских памятников Северо-западного Синьцзяна находится в Семиречье [Ruan, 2013; Cong et al., 2013; Cong, Jia, 2019; Молодин и др., 2013]. Поэтому считаем необходимым заново проанализировать хронологию, происхождение и процесс локализации могильника Сябаньди АII в регионе Синьцзян.

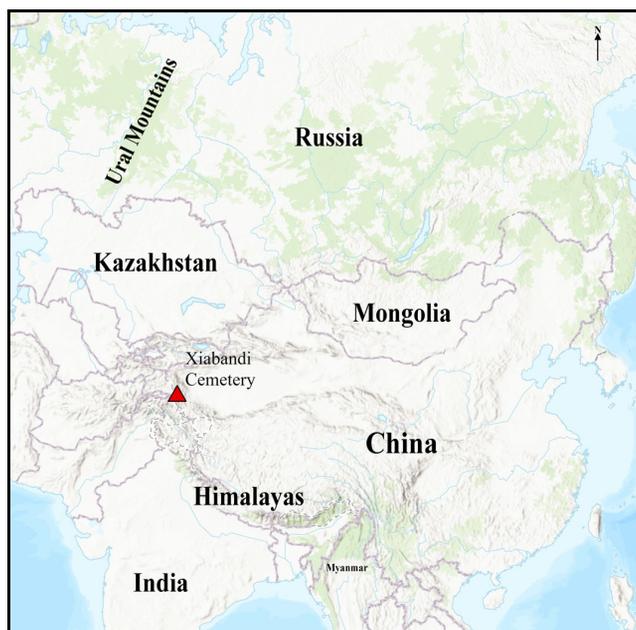

Рис. 1. Схематическая карта расположения могильника Сябаньди АII.
Fig. 1. Schematic location map of Xiabandi Cemetery AII.

Характеристика могильника Сябаньди АII

Погребения Сябаньди АII имеют надземные сооружения разных размеров и форм, которые можно разделить на три категории по форме конструкции: оградка из камней, курганная насыпь и оградка в сочетании с каменной насыпью. Погребения с оградкой обычно представляют могильную яму, вокруг которой сооружен круг из камней. Камни в основном имеют квадратную форму, а длина сторон варьируется от 1 до 3 м. Круг из камней сооружался вокруг погребальной камеры, а затем камни укладывались поверх насыпи, диаметр которой варьировал от 1,5 до 3 м. Большинство оградок из камней, использовавшихся в погребальных сооружениях, были из черного сланца с близлежащих холмов, а некоторые — из речной гальки.

Погребальный ритуал преимущественно представлял собой труположение, таких погребений 74. Обнаружены также 17 погребений с трупосожжением и 2 биритуальных погребения. В восьми погребениях был сопроводительный инвентарь в виде керамических сосудов или костей животных (рис. 2). В нескольких ямах на поверхности обнаружены следы досок и травяного покрытия. За исключением оградки М103 — катакомбы, все могильные ямы грунтовые, округлых прямоугольных или овальных форм. В большинстве курганов находилось по одной яме. По четыре ямы было найдено в кургане М5 и оградке М110 и по две — в кургане М52 и оградке М90. Размеры грунтовых могильных ям зависят от возраста умершего: от 70–90 см длиной — для младенцев до 110–140 — см для взрослых. Большинство погребений одиночные. Есть два типа совместных захоронений: мужчины вместе с женщиной (М31, М52) и взрослой женщины вместе с младенцем (М36). В 47 погребениях человек лежал на левом боку в скорченном положении, в 4 погребениях — на правом боку в скорченной позе, в 7 погребениях — на животе в скорченной позе, в 1 погребении — на спине в скорченной позе (М45).

Трупосожжение осуществлялось как на месте, так и на стороне. Следует отметить, что шесть могил с кремацией (М23, М27, М33, М34, М50 и М111) имели особую форму, состояли из нескольких каменных плит, наклоненных внутрь и образующих каменный ящик площадью ме-

нее 1 м², верхняя часть ящика обнажена до земли. Судя по расположению могил, захоронения совершались без какого-либо плана. Погребения по обряду трупосожжения и труположения не имели особой локализации на площади могильника. Представители различных половозрастных групп также захоронены в разных частях могильника, каких-либо тенденций в их расположении не выявлено (рис. 3).

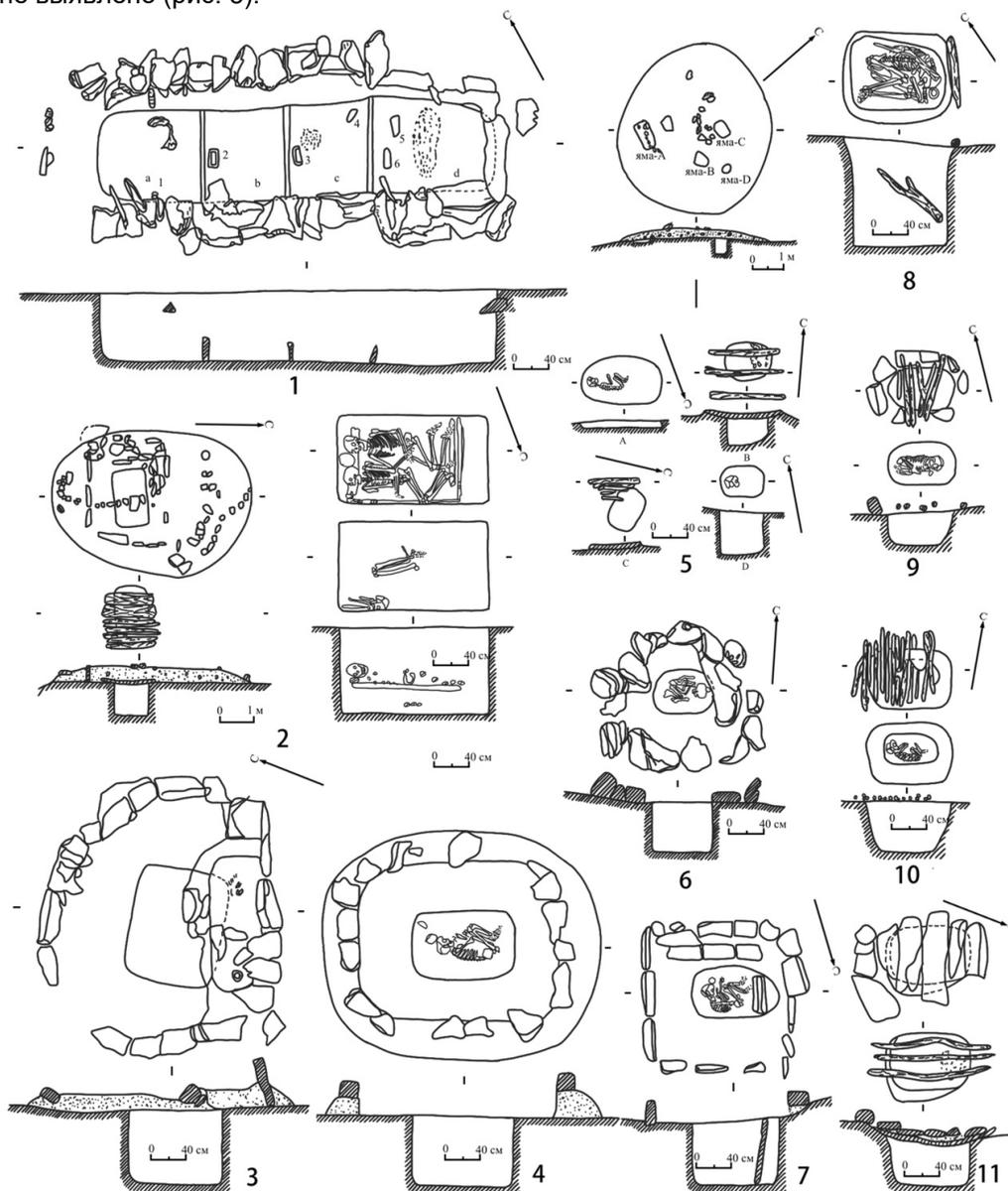

Рис. 2. Погребение могильника Сябаньди All:

1 — оградка M10; 2 — оградка M18; 3 — оградка M90; 4 — оградка M20; 5 — курган M5; 6 — оградка M89;
7 — оградка M93; 8 — курган M54; 9 — оградка M28; 10 — курган M35; 11 — оградка M25.

Fig. 2. Burials of the cemetery Xiabandi All:

1 — fence M10; 2 — fence M18; 3 — fence M90; 4 — fence M20; 5 — kurgan M5; 6 — fence M89; 7 — fence M93;
8 — kurgan M54; 9 — fence M28; 10 — kurgan M35; 11 — fence M25.

Результаты изучения палеоантропологических материалов могильника свидетельствуют о низкой средней продолжительности жизни населения. Без учета младенцев средняя продолжительность жизни составляла 22,86 года для мужчин и 25 лет для женщин, а пожилых умерших не зафиксировано. Из 58 индивидов, пол и возраст которых удалось определить, 15 были взрослые мужчины, 12 — взрослые женщины, 31 — дети и подростки различных возрастов, причем доля

Андроновцы на Восточном Памире: к вопросу хронологии и происхождения могильника Сябаньди АII...

умерших индивидов, не достигших взрослого возраста, составляет 53,4 %. Однако предметы вооружения среди погребального инвентаря практически отсутствовали, а анализ скелетов выявил наличие и заживление травм только в трех случаях [Wei et al., 2020]. Низкий средний возраст и высокий уровень детской смертности могут быть связаны с чрезвычайно суровыми природными условиями Памирского нагорья в древности [Shnaider et al., 2023].

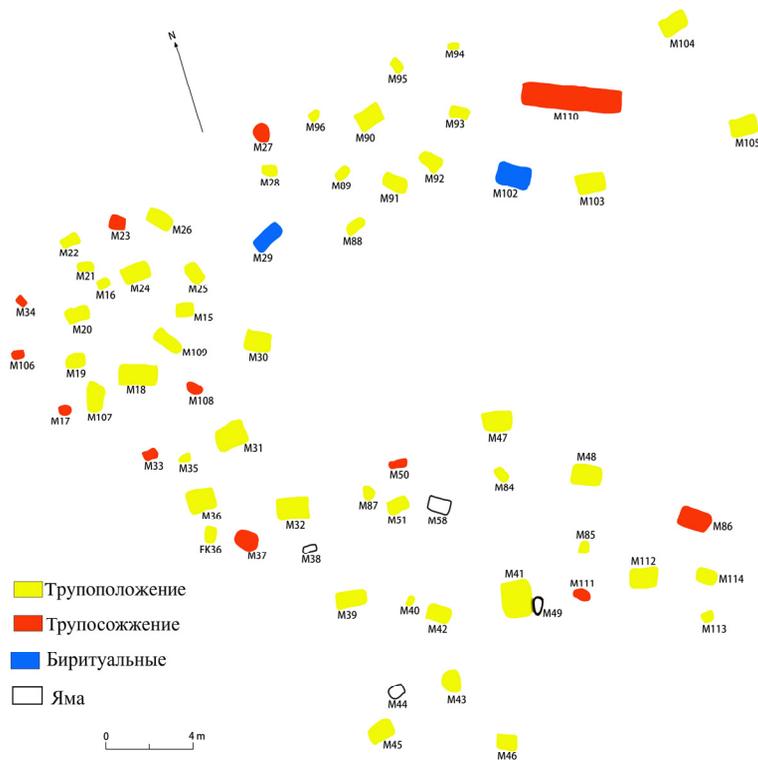

Рис. 3. План могильника Сябаньди АII (частичный).
Fig. 3. Plan of the Xiabandi AII burial ground (partial).

Погребальный инвентарь помещался возле головы умершего. В инвентаре преобладали посуда и декоративные предметы, оружия и орудий нет. Среди предметов — керамические сосуды, деревянные и медные изделия, серебряные серьги, изделия из кожи и текстиль. Все сосуды лепные, имеют серо-коричневый или красновато-коричневый цвет (рис. 4). Большинство емкостей не имели орнамента, но на нескольких был нанесен геометрический орнамент в виде точек и треугольников. Серьги, браслеты и другие украшения, в основном бронзовые, были найдены среди инвентаря женских погребений (рис. 5). Найдена одна пара серебряных раструбовидных серег (АIIМ 4:2). Останки некоторых погребенных хорошо сохранились, так же как и фрагменты одежды и кожаной обуви. Органика и предметы в погребениях с кремацией сохранились плохо, но, судя по некоторым следам, эти погребения могли содержать керамические сосуды. Некоторые бронзовые украшения деформированы под воздействием огня. В нескольких погребениях с кремацией у входа в погребение помещена целая овца или кости ягненка. Лучшей сохранностью обладают погребения с кремацией на стороне. По форме могильной ямы погребения с кремацией схожи с погребениями по обряду труположения.

Датировка могильника Сябаньди АII

Большинство китайских исследователей обращаются к хронологии, установленной Е.Е. Кузьминой при изучении андроновской культуры, а именно: первый этап — синташтинско-петровский (XVIII/XVII–XIV вв. до н.э.); второй — период смешанных алакульских и федоровских типов (XV–XIII вв. до н.э.); третий — поздний период, срубно-андроновский культурный комплекс (XIII/XII–IX вв. до н.э.), причем он распространяется с запада на восток [Kuz'mina, 2007]. Представления Е.Е. Кузьминой относительно федоровской хронологии и датировки в пределах XV–XIII вв. до н.э. базировалось на ее понимании соотношения андроновских культур и преж-

ней связи с исторической хронологией. Она утверждала, что роговые псалии и артефакты с микенскими декоративными стилями позволяют установить связь между памятниками новокумакского типа и микенскими шахтными гробницами. Хронологические рамки микенской цивилизации, в свою очередь, определены связями с Египтом и Ближним Востоком, что позволяло датировать их XVII–XVI веками до н.э. [Kuz'mina, 2007, p. 457–466]. Соответственно алакульская культура, синхронизированная с федоровской, датирована с XV в. до н.э. В то время культуры финального этапа бронзового века были отнесены к XIII–XII вв. до н.э., без прямой связи с исторической хронологией.

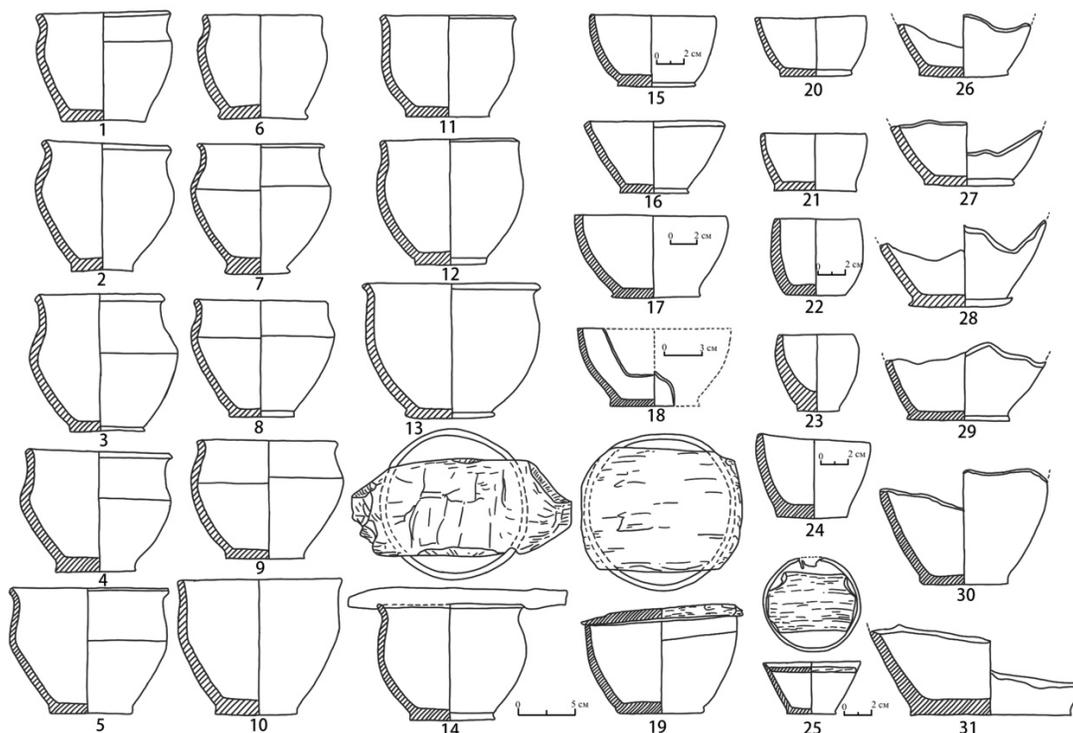

Рис. 4. Керамика из могильника Сябаньди Алл:

1, 17 — из оградки M31; 2, 8 — из оградки M36; 3, 13 — из оградки M41; 4, 7 — из кургана M05; 5 — из оградки M103; 6 — из оградки M47; 9 — из оградки M92; 10 — из оградки M90; 11 — из кургана M4; 12 — из кургана M12; 14 — из кургана M52A; 15 — из оградки M35; 16 — из кургана M100; 18 — из кургана M97; 19 — из оградки M20; 20 — из кургана M13; 21 — из оградки M87; 22 — из оградки M89; 23 — из оградки M45; 24 — из оградки M95; 25 — из оградки M19; 26 — из оградки M15; 27 — из кургана M56; 28 — из кургана M43; 29 — из кургана M26; 30 — из кургана M27; 31 — из кургана M16.

Fig. 4. Ceramics from the cemetery Xiabandi All:

1, 17 — from fence M31; 2, 8. from fence M36; 3, 13 — from fence M41; 4, 7 — from kurgan M05; 5. from fence M103; 6 — from fence M47; 9 — from fence M92; 10 — from fence M90; 11 — from kurgan M4; 12 — from kurgan M12; 14 — from kurgan M52A; 15 — from fence M35; 16 — from kurgan M100; 18 — from kurgan M97; 19 — from fence M20; 20 — from kurgan M13; 21 — from fence M87; 22 — from fence M89; 23 — from fence M45; 24 — from fence M95; 25 — from fence M19; 26 — from fence M15; 27 — from kurgan M56; 28 — from kurgan M43; 29 — from kurgan M26; 30 — from kurgan M27; 31 — from kurgan M16.

В конце прошлого века Е.Н. Черных удревнил хронологию андроновской культуры в целом, хотя большая часть этой работы была основана на анализе LSC. В его схеме периодизации абашевско-синташтинские древности (1 этап Евразийской металлургической провинции — ЕАМП) и алакульско-федоровские памятники (2 этап ЕАМП) были отнесены к XX–XV вв. до н.э. [Chernykh, 1992; Kuz'mina, 2007]. Есть серия более поздних его работ с датами от XX–XIX вв. до н.э. [Chernykh, 2008, 2011].

Результаты все большего числа исследований показывают, что хронологические рамки, установленные Е.Е. Кузьминой, подлежат значительному удревнению [Görsdorf et al., 2001; Chernykh, 2004, 2011; Григорьев, 2020; Jia et al., 2017]. Новые датировки демонстрируют два пика в хронологических данных по алакульской культуре — 2300–1950 и 1900–1450 (2600–1400) гг. до н.э., в то время как датировки федоровской культуры укладываются в один интервал — XVIII–XV вв. до н.э. [Молодин и др., 2014, с. 136–167]. С другой стороны, формирование федоровской культуры нельзя

рассматривать как простое наследование алакульской. Декоративные мотивы и типы керамики алакульской культуры хорошо прослеживаются в некоторых федоровских памятниках [Зах и др., 2013].

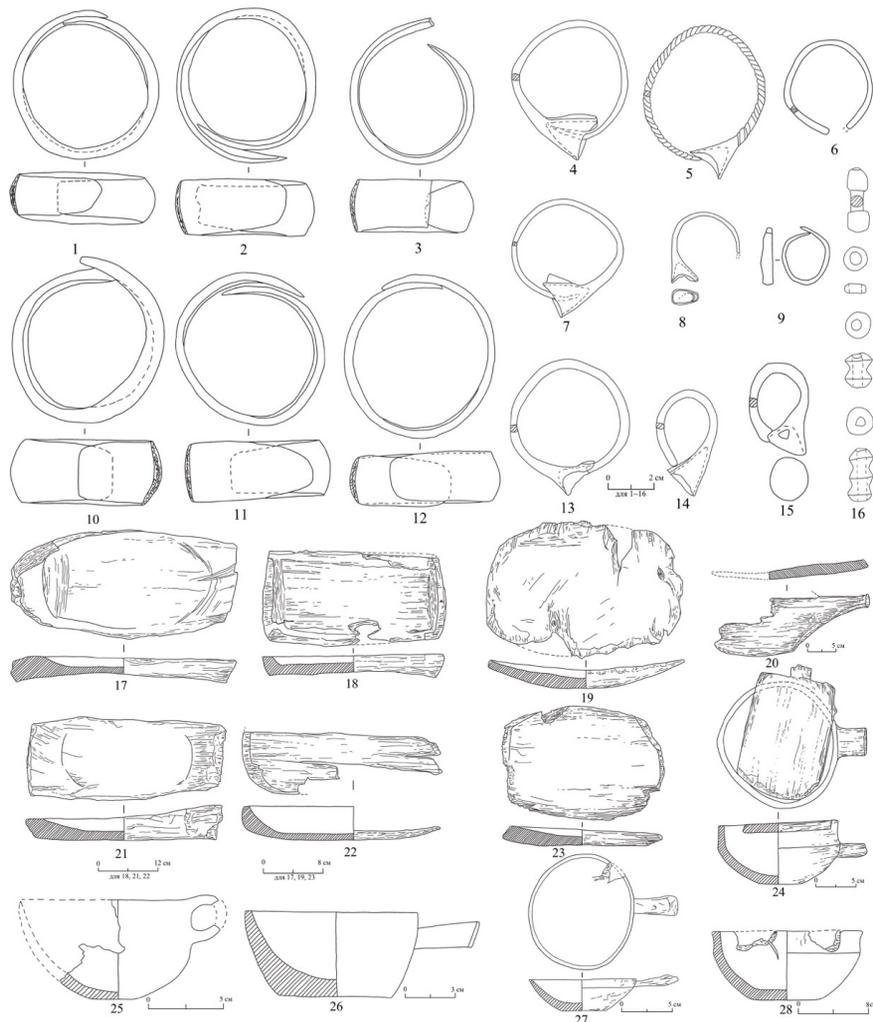

Рис. 5. Бронзовый (1–16) и деревянный (17–28) инвентарь с могильника Сябаньди АII:

1–3, 10–12 — браслеты; 4–9, 13–15 — серьги; 16 — бусы; 17–22 — тарелка; 24–28 — сосуды; 1, 6, 10, 14 — из оградки М42; 2, 5, 11, 13, 16, 24 — из оградки М32; 3, 12 — из оградки М3; 4, 7 — из кургана М4; 8 — из кургана М5 яма-А; 9, 15, 20 — из кургана М39; 17–22, 27 — из кургана М62; 23 — из оградки М104; 25 — из кургана М109; 26 — из кургана М54.

Fig. 5. Bronze (1–16) and wooden (17–28) implements from the cemetery Xiabandi AII:

1, 6, 10, 14 — from fence M42; 2, 5, 11, 13, 16, 24 — from fence M32; 3, 12 — from fence M3; 4, 7 — from kurgan M4; 8 — from kurgan M5 pit-A; 9, 15, 20 — from kurgan M39; 17–22, 27 — from kurgan M62; 23 — from fence M104; 25 — from kurgan M109; 26 — from kurgan M54.

Все вышесказанное позволяет предположить, что первоначальное суждение о датировке могильника Сябаньди АII, вынесенное китайскими исследователями с учетом схемы Е.Е. Кузьминой, устарело. Необходимо пересмотреть датировку могильника Сябаньди АII XIV–X вв. до н.э.

Четыре радиоуглеродные даты, опубликованные в отчете о раскопках могильника Сябаньди АII, находятся в пределах XIX–XV вв. до н.э., что значительно раньше первоначально предполагавшихся XIV–X вв. до н.э. (табл.). Важно отметить, что все материалы, использовавшиеся для анализа, — деревянные, и необходимо учитывать «эффект старой древесины», который может дать возраст старше, чем на самом деле. Если сопоставить вновь установленные хронологические рамки андроновской культуры в евразийской степи, то окажется, что эти данные согласуются с хронологией федоровской культуры на востоке. А.В. Поляков датирует памятники андроновской (федоровской) культуры в среднем течении Енисея XVII–XV вв. до н.э., а миграция андроновцев с запада на восток, по его мнению, заканчивается в Минусинской котловине [2019, 2020, 2022]. Таким обра-

зом, даже если рассматривать схему миграции с запада на восток в евразийской степи, андроновские памятники в Синьцзяне должны быть ненамного древнее, чем в Минусинской котловине. Это также означает, что верхней предел датировки могильника Сябаньди All — XV в. до н.э. Чжан Синьюй (张昕煜) датировал образцы человеческих костей из оградок M32, M46, M48, M90, кургана M61, и результаты показали, что эти памятники относятся к XVII–XVI вв. до н.э. [Zhang, 2017, p. 133].

Помимо данных радиоуглеродного датирования, еще одним источником данных для датировки могильника Сябаньди All являются результаты типологического анализа. Раструбовидные серьги, наиболее узнаваемое украшение андроновской (федоровской) культуры, найдены на памятниках бронзового века в Казахстане, Синьцзяне и северных районах Китая. Линь Юнь (林云), впервые изучивший раструбовидные серьги из северных районов Китая, пришел к выводу, что происхождение этих серег связано с андроновской культурой в Казахстане [Lin, 2002]. Такого же мнения придерживается американский исследователь Emma C. Bunker, которая считает, что во второй половине II тыс. до н.э. бронзовые изделия, в том числе серьги с раструбами, были завезены из евразийской степи на восток в Центральные равнины [Bunker, 1998]. Е.Е. Кузьмина, основываясь на своих суждениях о хронологическом возрасте федоровской культуры, придерживается противоположного мнения, поскольку считает, что абсолютная датировка федоровской культуры находится в диапазоне XV–XIII вв. до н.э., в то время как найденные в Северном Китае раструбовидные серьги датируются 2000–1600 гг. до н.э., т.е. раньше, чем аналоги им из степного региона Евразии [Kuz'mina, 2007]. Собрав материалы памятников, где были найдены раструбовидные серьги (рис. 4), и основываясь на результатах нового хронологического исследования памятников с такими серьгами, мы присоединяемся к мнению Е.Е. Кузьминой, что раструбовидные серьги, популярные в евразийской степи в эпоху бронзы, происходят из северной части Китая. Они часто встречаются в Северном Китае эпохи бронзы, от Синьцзяна до Ляонина на северо-востоке, и использовались до конца правления династии Шан (около XI в. до н.э.). В частности, они известны в культурах Цицзя (XXII–XVI вв. до н.э. (齐家文化)), Сяцзядянь Нижняя (XX–XV вв. до н.э. (夏家店下层文化)) и Юэши (XX–XV вв. до н.э. (岳石文化)) в первой половине II тыс. до н.э.

К примеру, могильник Ганьгуя, в котором обнаружены раструбовидные серьги, по стратиграфии и типологии относится к позднему этапу культуры Сыба и по данным радиоуглеродного анализа датируется 1850–1500 гг. до н.э. [Li, Shui, 2012], а последние данные радиоуглеродного датирования также показывают, что культура Сыба относится к XVIII–XV вв. до н.э. [Zhang et al., 2021]¹. В средний период цицзянской культуры (XX–XVII вв. до н.э.) сформировались устойчивые технологические схемы бронзолитейного производства. Наблюдается стандартизация соотношения компонентов в бронзовых сплавах и номенклатуры типов изделий. Появились бронзовые браслеты того же типа, что и в могильнике Сябаньди. Раструбовидные серьги встречаются в основном в материалах типа Могоу культуры позднего Цицзя, наряду с распространенными в мунх-хайрханской культуре овальными несомкнутыми кольцами с двумя литыми противопоставленными раструбами. Результаты радиоуглеродного анализа для типа Могоу показывают дату 1750–1400 гг. до н.э. [Wang et al., 2022], что согласуется с датой мунх-хайрханской культуры при синхронизации культур [Ковалев, Эрдэнэбатар, 2014].

Согласно А.А. Ковалеву, несомкнутые кольца с двумя литыми противопоставленными раструбами, серьги с расрубами с крючком, литые выпуклые бляхи с петелькой и пластинчатые бронзовые ножи треугольного сечения по всей длине и т.д. позволяют нам синхронизировать культуры Сыба, мунх-хайрханскую, поздний период культуры Цицзя (тип Могоу), культуру нижнего слоя Сяцзядянь и отнести их к XVIII–XV вв. до н.э. [Ковалев, 2023].

Наш таксономический анализ раструбовидных серег из Северного Китая показывает следующую тенденцию: раструб постепенно увеличивался, а технология изготовления заключалась вначале в ковке плоского завершения (группа I), придании раструбу трехмерной формы (подгруппа 1), а затем использовалось только литье (подгруппа 2, группа III) (рис. 6). Если рассматривать Центральную Азию, то, при том, что серьги с раструбами распространены практически по всему региону — от Зауралья до Енисея, выясняется сосредоточенность основного количества находок в федоровских памятниках. Морфологические изменения данных украшений

¹ Согласно опубликованным данным, в погребении M47 культуры Сыба были найдены по меньшей мере две золотые раструбовидные серьги, а результаты ускорительного радиоуглеродного датирования (AMS) человеческой кости из этого погребения составили 3330 ± 30 BP и 3300 ± 30 BP, калиброванные — 1690–1520 BC (95,4 %) и 1670–1500 BC (95,4 %) соответственно.

выражены слабо, а четкой эволюционной линии их развития проследить не удается [Аванесова, Аскаров, 1991, С. 52–62]. Найденные в могильнике Сябаньди АII серьги с небольшим раструбом были изготовлены методомковки и свертывания в раструб и сделаны не только из бронзы, но и из одного куска серебра. В связи с этим очевидно, что нижний предел существования могильника Сябаньди АII не может быть столь же поздним, как финал династии Шан (около XI в. до н.э.), и что общий возраст могильника должен быть таким же, как и у раструбовидных серег, которые обычно находят на памятниках северных регионов Китая первой половины II тыс. до н.э. В совокупности могильник Сябаньди А II следует датировать XVII–XVI/XV вв. до н.э.

Данные радиоуглеродного датирования могильника Сябаньди АII

Radiocarbon dating data from the Xiabandi AII burial ground

Номер лаборатории	Источник образца	Номер образца	C ¹⁴ возраст, BP	Интервалы cal BC	
				1σ (68.2 %)	2σ (95.4 %)
BA06488	Дерево	AIIIM114	3525 ± 35	1910–1860 (24.1 %) 1850–1770 (44.1 %)	1950–1750 (95.4 %)
BA06489	Дерево	AIIIM32	3475 ± 40	1880–1740 (68.2 %)	1900–1680 (95.4 %)
BA06491	Дерево	AIIIM62	3425 ± 45	1870–1840 (7.4 %) 1780–1660 (60.8 %)	1880–1620 (95.4 %)
BA06492	Дерево	AIIIM37	3300 ± 35	1620–1525 (68.2 %)	1680–1490 (95.4 %)
UCIAMS177008	Кость	AIIIM32	3575 ± 15	—	1683–1607 (95.4 %)
UCIAMS177009	Кость	AIIIM46	3575 ± 15	—	1589–1531 (95.4 %)
UCIAMS177010	Кость	AIIIM48	3580 ± 15	—	1685–1609 (95.4 %)
UCIAMS177011	Кость	AIIIM61	3595 ± 15	—	1685–1615 (95.4 %)
UCIAMS177012	Кость	AIIIM90	3585 ± 15	—	1687–1611 (95.4 %)

Происхождение населения, оставившего могильник Сябаньди АII

Существуют три основные точки зрения на происхождение носителей культуры могильника Сябаньди АII. Первая, принадлежащая руководителю раскопок У Юну, основывается на концепции С.П. Толстова о происхождении тазабагыябской культуры. Согласно этой гипотезе, население, оставившее могильник Сябаньди АII, представляет собой одну из групп носителей андроновской культуры, мигрировавших из евразийских степей в Ферганскую долину с последующим продвижением на восток [Wu, 2012a, p. 146–152; 2012b].

Оставляя в стороне дискуссию о взаимосвязи тазабагыябской и андроновской культур, отметим существенные отличия погребальной практики Сябаньди АII. Если рассматривать исключительно ритуальные особенности тазабагыябской культуры — отсутствие курганных насыпей, каменных или деревянных конструкций, а также специфику керамического комплекса, то данные характеристики демонстрируют принципиальную разницу с материалами могильника Сябаньди АII.

Вторая гипотеза, опирающаяся на антропологические и палеогенетические данные, предполагает возможную связь населения могильника Сябаньди АII с носителями ямной культурно-исторической общности. Из 31 индивида могильника удалось секвенировать мтДНК 16 образцов, выявив гаплотипы U4c1a, U1a1c, I1b, H5b, Ua1, H11b, HV, U2e3, H6a1a, U2e1, I4a, R1b, U2e2a4, T2a1b1, которые практически полностью имеют западноевразийское происхождение [Ning, Zheng, Zhang et al., 2021; Macaulay, Richards, 2006]. Полногеномный анализ индивида Сябаньди АIIIM29 (включая Y-хромосомные маркеры) определил его Y-гаплогруппу как R1a-Z94 — субкладу, возникшую не ранее 5000 л.н. Данная линия характерна для европейских популяций периода 4900–4500 л.н., демонстрирующих 63,7 % генетического вклада ямной общности и 36,3 % компонента среднеевропейских неолитических групп [Ning et al., 2016]. Согласно молекулярным часам и анализу основателей, миграция предков населения Сябаньди из прародительской популяции произошла около 4500 л.н. [Ning, 2017].

Примечательно присутствие гаплотипов, ассоциированных с БМАК (I4a, R1b1, U2e2a1d). Хотя исследователи интерпретируют это как следствие южной миграции андроновцев через Памир в Синьцзян, более убедительной представляется гипотеза изначального присутствия южных компонентов в федоровской популяции, интегрированных в местный субстрат. Y-гаплогруппа R1a широко распространена среди носителей культур шнуровой керамики, колоколовидных кубков (Центральная Европа), фатьяновской, бабинской, катакомбной, срубной, потаповской, синташтинской культур (Поволжье — Урал) и БМАК (Средняя Азия), что традиционно связывается с миграциями арийских групп [Allentoft et al., 2015; Haak et al., 2015; Underhill et al., 2015].

Сравнительный анализ краниометрических показателей 27 индивидов, обнаруженных в могильнике Сябаньди АII, выявил определенные закономерности. По результатам кластерного анали-

за (иерархическая агломеративная кластеризация с применением евклидова расстояния), наименьшие значения дистанции (< 5) зафиксированы между группой Сябаньди All и представителями ямной, а также катакомбной культуры. В то же время расстояние между группой All и краниологическими сериями андроновской (федоровской) культуры Минусинской котловины и федоровской культуры Казахстана превысило пороговое значение 5. Наиболее значительная дистанция (приближающаяся к 25) отмечена при сравнении с казахстанской федоровской группой [Wei et al., 2020a, 2020b]. Как известно, порог агломеративной кластеризации в пределах 5 единиц позволяет предположить тесные генетические или культурные связи между сравниваемыми группами.

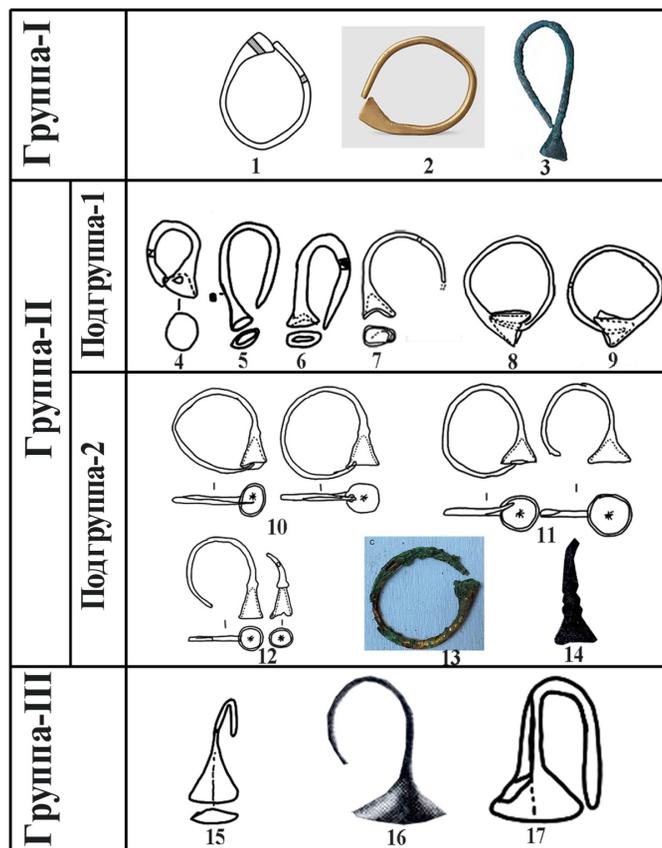

Рис. 6. Раструбовидные серьги, найденные в Китае:

1, 2 — Хошаогу; 3 — Могоу; 4, 7–9 — Сябаньди All; 5 — Фусинь Пиндиншань; 6 — Ганьгуя; 10–12 — Танбалэйсай; 13 — Адунцяолю; 14 — Кулэсай; 15 — Пинганбао; 16 — Люцзяхэ; 17 — Сяогуаньчжуань (за исключением 2 — золотой, остальные — бронзовые).

Fig. 6. Trumpet-shaped earrings found in China:

1, 2 — Huoshaogou; 3 — Mogou; 4, 7–9 — Xiabandi All; 5 — Fuxin Pingdingshan; 6 — Ganguya; 10–12 — Tangbalesayi; 13 — Adunqiaolu; 14 — Kulesayi; 16 — Liujiahe; 17 — Xiaoguanzhuang (except for 2, which are gold, the rest are bronze).

Заключительный анализ однозначно свидетельствует: как данные мтДНК, так и результаты краниометрических исследований указывают на происхождение населения могильника Сябаньди All из западно-степного региона (Western Steppe MLBA — генетический профиль, характерный для средне- и позднебронзового века евразийских степей) [Медникова и др., 2024]. Однако между ямной культурой и могильником Сябаньди All существует значительный хронологический и территориальный разрыв (более 1000 лет и свыше 2000 км). Сходство в генетических гаплогруппах (Y-хромосомная R1a-Z94, мтДНК U4c1a и др.) и краниометрических параметрах объясняется масштабной экспансией арийских групп в евразийских степях в раннем бронзовом веке. Это позволяет предположить, что, несмотря на общее генетическое наследие, носители ямной культуры и популяция Сябаньди All к моменту формирования могильника уже дивергировали в культурно-историческом плане — их обрядовые практики, материальная культура и этническая идентичность претерпели существенную трансформацию под влиянием локальных субстратов и хронологических факторов.

Третья гипотеза, которую мы считаем наиболее обоснованной, предполагает тесную связь могильника Сябаньди АII с кульсайским типом археологических памятников (также именуемым кульсайской культурой). Ареал кульсайской группы памятников охватывает южные районы Казахстана, преимущественно зону Заилийского Алатау Юго-Восточного Семиречья. В 1980–1990-х гг. исследователи выделили в этом регионе особый комплекс, отличный от синхронных культурных образований, локализовав его в восточной части Семиречья [Марьяшев, Горячев, 1999]. К изученным памятникам относятся Тургень II, Талапты II [Марьяшев и др., 2017], Узунбулак-I [Горячев, 2001], Кызыбулак-I, II, IV [Марьяшев, Горячев, 1999].

На основе накопленных материалов можно реконструировать ключевые черты кульсайской культуры (типа). Погребальные сооружения включают два типа наземных конструкций: каменные ограды (овальной или прямоугольной формы, сложенные из плит или валунов) и земляные насыпи (диаметром 4–5 м). Глубина могильных ям варьирует от 0,5 до 1,5 м, в некоторых зафиксированы деревянные каркасы из бревен. Отдельные ямы укреплены каменной кладкой. Погребальная практика демонстрирует разнообразие: труположение (преобладает), кремация, биритуальные захоронения и кенотафы. Представлены индивидуальные, парные и коллективные погребения, причем последние организовывались либо в виде цепочек отдельных ям (Кызыбулак-I) [Bendezu-Sarmiento, 2004], либо как комплекс соединенных прямоугольных камер (Узунбулак-I), иногда с общими стенками [Горячев, 2001]. Последний тип напрямую коррелирует с курганом М62² могильника Сябаньди АII (рис. 2, 1).

Для труположений характерно скорченное положение на левом боку с ориентацией головы на восток или северо-восток. Как и в Сябаньди АII, в кульсайских погребениях остеологический материал крайне скуден — зафиксированы единичные кости КРС и диких животных [Гасс, Горячев, 2016].

Среди бронзовых изделий выделяются браслеты со спиралевидными окончаниями, кованые серьги раструбовидной формы, пластинчатые украшения, подвески, амулеты и бусы. Серьги с раструбом, бусы и браслеты также характерны для бронзового комплекса могильника Сябаньди АII. Керамический инвентарь представлен преимущественно сосудами горшковидного и банкообразного типов, причем отдельные экземпляры имеют перфорацию в верхней части — особенность, зафиксированная и в керамике Сябаньди АII.

Однако ключевые маркеры кульсайской культуры (тип), такие как браслеты с двойными спиральными окончаниями и керамика с пиктографическими знаками, отсутствуют в материалах Сябаньди АII. В то же время для последнего характерны деревянные орудия труда и миниатюрная керамика (чаши, кубки), редко встречающаяся в памятниках кульсайского типа.

Исследование погребального обряда и инвентаря демонстрирует синхронность кульсайской культуры (типа) Семиречья с федоровской культурой. Радиоуглеродные датировки определяют хронологические рамки кульсайской культуры (типа) в пределах XIX–XV вв. до н.э. [Гасс, Горячев, 2016], что исключает возможность датировки могильника Сябаньди АII второй половиной II тыс. до н.э.

Следует отметить, что катакомбный погребальный обряд (курган М103 могильника Сябаньди) отсутствует в памятниках кульсайской культуры (типа). Данный погребальный обряд зафиксирован в памятниках таутаринского типа Южного Казахстана и БМАК, при этом исследователи датируют таутаринский тип первой половиной II тыс. до н.э. [Дмитриев, 2017]. Бронзовые браслеты из пластин и серьги с раструбом, обнаруженные в могильнике Сябаньди АII, имеют прямые аналогии в материалах могильника Шербай таутаринского типа [Смагулов, Баратов, 2004].

Таким образом, полагаем, что население, оставившее могильник Сябаньди АII, происходило из Южного Казахстана и, вероятнее всего, являлось носителями кульсайской культуры (типа), что подтверждается как погребальным обрядом, так и инвентарным комплексом. В процессе миграции на Восточный Памир эта группа могла воспринять традиции других народов (катакомбный погребальный обряд). Отдельно подчеркнем важность генетико-генеалогических дан-

² Курган М62 имеет вытянутую форму, на поверхности сооружена насыпь из лесса, длина которой составляет 33,2 м, ширина — 9,1 м, высота — 0,3 м. Могильная яма имела длину 30,7 м, ширину в самом широком месте 1,15 м, глубину в самом глубоком месте 1,2 м (рис. 2, 1). У входа и на дне ямы лежал слой травы. На дне камеры находились три скопления перемешанных человеческих костей. На дно также были уложены предметы погребального инвентаря, при этом по одному предмету на равном расстоянии друг от друга. Всего было 24 предмета. Рядом с ними обычно находились ребра и таранные кости овец. В западной части погребальной ямы расчищены три деревянные плиты, одна из которых была окрашена в красный цвет. Очевидно, что М62 было не обычным захоронением, а погребением ритуального типа.

ных: хотя они не указывают на прямую связь с западными степными территориями, их изучение существенно для реконструкции арийских миграций.

Заключение

Памирское нагорье, будучи ключевым узлом древнего Шелкового пути, имеет важнейшее значение для изучения формирования и развития доисторических трансконтинентальных коммуникаций, а также взаимодействия восточных и западных цивилизаций. Могильник Сябаньди является единственным систематически исследованным памятником в данном регионе, что подчеркивает его исключительную научную ценность. Исследования позволяют датировать могильник Сябаньди III первой половиной II тыс. до н.э. (XVII–XVI/XV вв. до н.э.). Население эпохи бронзы, оставившее данный памятник, вероятно, происходило из Южного Казахстана и принадлежит к кульсайской культуре (типу), что соответствует представлениям об арийских миграционных процессах. При этом погребальный обряд, элементы инвентаря (серьги с рас-трубами) и антропологические характеристики демонстрируют связи с синхронными группами населения Северного Китая. Таким образом, определение конкретных миграционных маршрутов и характера контактов с северокитайскими регионами станет ключевой задачей наших дальнейших изысканий.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке ключевого проекта Китайского национального фонда социальных наук (КНФСН) «Исследование культурных паттернов и взаимодействий эпохи бронзы в аридных регионах Центральной Азии вдоль Шелкового пути» (№ 23AKG009) и проекта Программы «Возрождение археологических кадров Китая» (№ 2024-267).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесова Н.А., Аскароев А.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР: по металлическим изделиям // Ташкент: Ташкент: ФАН УзССР, 1991. С. 52–62.
- Гасс А., Горячев А.А.* К вопросу о типологии и хронологии могильников эпохи бронзы в высокогорной зоне Заилийского Алатау // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2016. Т. 15. № 5: Археология и этнография. С. 85–123.
- Горячев А.А.* О погребальном обряде в памятниках кульсайского типа // История и археология Семиречья. 2001. № 2. С. 45–62.
- Григорьев С.А.* Хронология синташтинских и ближневосточных колесниц // *Magistra Vitae*: Электрон. журнал по историческим наукам и археологии. 2020. № 2. С. 69–80. <https://doi.org/10.24411/2542-0275-2020-0206>
- Дмитриев Е.А.* Таутаринский тип (к вопросу о генезисе и хронологии) // Самар. науч. вестник. 2017. № 6 (4). С. 139–144.
- Зах В.А., Рябогина Н.Е., Илюшина В.В., Иванов С.Н., Мурзина Е.И.* Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1. С. 10–23.
- Ковалев А.А.* О хронологической позиции металлокомплекса культуры Сыба (Северо-Западный Китай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. № 1. С. 70–79.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д.* Открытие в центре Евразии новой культуры эпохи развитой бронзы (мунх-хайрханская культура) // Рос. археол. ежегодник. 2014. № 4. С. 194–225.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Памятники кульсайского типа эпохи поздней и финальной бронзы Семиречья // История и археология Семиречья. Алматы, 1999. С. 44–56.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Потапов С.А.* Древние поселения и могильники хребта Ешкюльмес // История и археология Семиречья. 2017. № 5. С. 91–110.
- Медникова М.Б., Канапин А.А., Самсонова А.А., Моргунова Н.Л.* Между Волгой и Уралом: О родственных связях абашевско-синташтинского населения эпохи бронзы в свете данных генетики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 4. С. 184–198. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-67-4-14>
- Молодин В.И., Елпмахов А.В., Марченко Ж.В.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.
- Молодин В.И., Комиссаров С.А., Ван П.* Могильники эпохи бронзы Сябаньди на восточном Памире (Синьцзян, Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2013. № 19. С. 270–275.
- Поляков А.В.* Радиоуглеродные даты памятников андроновской (федоровской) культуры на Среднем Енисее // Записки ИИМК. 2019. № 20. С. 163–173. <https://doi.org/10.31600/2310-6557-2019-20-163-173>
- Поляков А.В.* Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин // СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.
- Смагулов Е.А., Баратов С.Р.* Некрополь эпохи бронзы в окрестностях г. Туркестан: (Археологические работы в 2000 году на могильнике Шербай) // Отан тарихи. 2004. № 3–4. С. 75–88.

Андроновцы на Восточном Памире: к вопросу хронологии и происхождения могильника Сябаньди All...

- Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.G., et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature*. 2015. № 522 (7555). P. 167–172. <https://doi.org/10.1038/nature14507>
- Bunker E. Cultural diversity in the Tarim Basin vicinity and its impact on ancient Chinese culture // *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*. Washington: Institute for the Study of Man, 1998. P. 604–618.
- Chernykh E.N. Ancient Metallurgy in the USSR: The Early Metal Age / Translated by S. Wright. Cambridge University Press, 1992. 325 p.
- Chernykh E.N. Ancient metallurgy of northeast Asia: From the Ural to the Saiano-Altai // *Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from Ural to the Yellow River*. 2004. P. 25–30.
- Chernykh E.N. Eurasian Steppe Belt: radiocarbon chronology and metallurgical provinces // *Anatolian Metal* Vol. 2011. P. 151–171.
- Chernykh E.N. Formation of the Eurasian “Steppe Belt” of Stockbreeding Cultures: Viewed Through the Prism of Archaeometallurgy and Radiocarbon Dating // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2008, 35 (3). P. 36–53. <https://doi.org/10.1016/j.aeae.2008.11.003>
- Cong D., Jia W. Exploration of the “Andronovoid” Remains Found in Xinjiang // *An anthology of essays in honor of the 80th anniversary of Mr. Meng Fanren*. Beijing: China Science Publishing & Media Ltd. (CSPM) [聚才揽粹著新篇——孟凡人先生八秩华诞颂寿文集]. 2019. P. 32–50. (China).
- Cong D., Jia X., Guo W., Shang G. Ge L. The Site and Cemetery of Adunqiaolu, Wenquan County, Xinjiang // *Archaeology* [考古]. 2013. № 7. P. 25–32. (China).
- Görsdorf, J., Parzinger, H., Nagler, A. New radiocarbon dates of the north Asian steppe zone and its consequences for the chronology // *Radiocarbon*. 2001. Vol. 43. No. 2B. P. 1115–1120. <https://doi.org/10.1017/S003382220004176X>
- Haak W., Lazaridis I., Patterson N., et al. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // *Nature*. 2015. № 522 (7555). P. 207–211. <https://doi.org/10.1038/nature14317>
- Jia P.W., Betts A., Cong D., Jia, X., Dupuy P.D. Adunqiaolu: new evidence for the Andronovo in Xinjiang // *China Antiquity*. 2017. Vol. 91. No. 357. P. 621–639. <https://doi.org/10.15184/aqy.2017.67>
- Kuz'mina E.E. *The origin of the Indo-Iranians*. Leiden; Boston: Brill, 2007. 762 p.
- Li S., Shui T. The Ganguya Cemetery in Jiuquan City, Gansu // *Acta Archaeologica Sinica* [考古学报]. 2012. № 1. P. 351–367. (China).
- Lin Y. Bronze Vessels of Xia Dynasty Found in North China // *Research of China's Frontier Archaeology* [边疆考古研究]. 2002. № 1. P. 1–12. (China).
- Macauley V., Richards D. M. Human mitochondrial DNA and the evolution of Homo sapiens. Springer, 2006. 271 p.
- Ning C., Gao S., Deng B. et al. Ancient mitochondrial genome reveals trace of prehistoric migration in the east Pamir by pastoralists // *Journal of Human Genetics*. 2015. Vol. 61. No. 2. P. 103–108. <https://doi.org/10.1038/jhg.2015.128>
- Ning C., Zheng H.X., Zhang F. et al. Ancient mitochondrial genomes reveal extensive genetic influence of the steppe pastoralists in western Xinjiang // *Frontiers in Genetics*. 2021. Vol. 12. P. 740167. <https://doi.org/10.3389/fgene.2021.740167>
- Ruan Q. Research on Andronovo cultural remains founded in Xinjiang // *Western Archaeology* [西部考古]. 2013. № 1. P. 125–154. (China).
- Shao H. An Analysis of the Related Remains of Andronovo Culture in Xinjiang // *Research of China's Frontier Archaeology* [边疆考古研究]. 2009. № 8. P. 81–97. (China).
- Shao H. *The Development of the Pre-historic Culture in Xingjiang and the Interaction with Neighbor* [新疆史前时期文化格局的演进及其与周邻文化的关系]. Beijing: China Science Publishing & Media Ltd. (CSPM) [-北京: 科学出版社]. 2018. 432 p. (China).
- Shneider S., Zhilich S.V., Zotkina L.V. et al. Occupation of highland Central Asia: New evidence from Kurteke rockshelter, Eastern Pamir // *Archaeological Research in Asia*. 2023. Vol. 34. P. 100443. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2023.100443>
- Tan Y. A New Exploration to the Cemetery Xiabandi All in Tash — Kurgan County in Xinjiang // *The Western Regions Studies* [西域研究]. 2011. № 3. P. 83–90. (China). <https://doi.org/10.16363/j.cnki.xyyj.2011.03.004>
- Underhill P.A., Poznik G.D., Rootsi S. et al. The phylogenetic and geographic structure of Y-chromosome haplogroup R1a // *European Journal of Human Genetics*. 2015. № 23 (1). P. 124–131. <https://doi.org/10.1038/ejhg.2014.50>
- Wang L., Mei J., Chen K. et al. Analysis and Research on Qijia Culture Copper Ware Unearthed at Mogou Site, Lintan County, Gansu, China // *Archaeology* [考古]. 2022. № 7. P. 71–95.
- Wei D., Wang Y., Wu Y. A study on the pathology and trauma of the bronze age population in Xiabandi cemetery, Xinjiang // *Research of China's Frontier Archaeology* [边疆考古研究], 2020. Vol. 28. P. 441–454. (China).
- Wei D., Wang Y., Wu Y. Skull measurement traits of the Bronze Age crowd from Xiabandi Cemetery // *Acta Anthropologica Sinica* [人类学学报]. Vol. 39. № 3. August 2020. P. 404–419. (China) <https://doi.org/10.16359/j.cnki.cn11-1963/q.2019.0057>

Wu Y. Cemetery Xiabandi in Xinjiang [新疆下坂地]. Beijing: Cultural Relics Press [-北京: 文物出版社]. 2012a. 520 p. (China).

Wu Y. On the Bronze Culture of Xiabandi Cemetery in Kashi, Xinjiang // *The Western Regions Studies* [西域研究]. 2012b. № 4. P. 36–44. <https://doi.org/10.16363/j.cnki.xyyj.2012.04.013>

Wu Y., Zhang T. Report on the Archaeological Excavation of Xiabandi Cemetery, Tashkurgan County // *Cultural Relics of Xinjiang* [新疆文物]. 2004. № 3. P. 1–59. (China).

Zhang X., Wang H. Zhang L., et al. Excavation Brief of Huoshaogou Cemetery of the Siba Culture in Yumen City, Gansu // *Archaeology and Culture Relics* [考古与文物]. 2021. № 5. P. 3–21. (China).

Bendezu-Sarmiento J. Les structures funéraires à crémation de l'Âge du Bronze au Semirech'e, Kazakhstan (nécropoles de Kul'saj, de Kyzyl-Bulak et d'Oj-Dzhajljau) // *Paléorient*. 2004. № 30 (1). P. 181–204. <https://doi.org/10.3406/paleo.2004.1019>

ИСТОЧНИКИ

Поляков А.В. Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2020. 414 с.

Ning C. Paleogenomic research of Ancient Population Populations from Northern China: Taking the Xiabandi Site in Xinjiang and Houtaomuga site in Jilin as examples: PhD dissertation. Changchun, 2017. 92 p. (China).

Zhang X. *The Bioarchaeological Research of Millet Spread and Utilization in Western Xinjiang: Case Studies at the Xiabandi and Jilintai Cemeteries*: Dissertation. University of Chinese Academy of Sciences, 2017. 133 p. (China).

Shi Handa

Collaborative Research Centre for Archaeology of the Silk Roads, Northwest University,
1 Xuefu ave., Xi'an, China, 710127
E-mail: shihanda@edu.hse.ru

Andronovites in the Eastern Pamirs: on the issue of dating and origins of the Xiabandi All cemetery in Xinjiang (China)

This study examines the Bronze Age period in the Eastern Pamirs using materials from the cemetery of Xiabandi All, through the analysis of its burial practices and grave goods, and planigraphy of the site. We argue that the site represents a local variant of the Andronovo Cultural-Historical Community within the Eastern Pamir region. By integrating new radiocarbon data from the Eurasian steppe contexts with traditional typological analysis, we propose a chronological framework for Xiabandi All within the 17th–16th/15th centuries BC. Genetic, genealogical and anthropological evidence reveals the western Eurasian steppe origin of the population, potentially linked to Indo-Iranian (Aryan) migrations. The burial rite and the composition of the material goods demonstrate close affinities with southern Kazakhstan, particularly the Kulsai cultural type, while also suggesting possible interactions with the Bronze Age groups of northern China.

Keywords: Xiabandi cemetery All, Andronovo cultural community, Pamir Plateau, Bronze Age, Kulsai Culture, Eurasian archaeology, Indo-Iranian (Aryan) Migrations.

Funding. The work was supported by the Chinese National Social Science Foundation (23AKG009) and Archaeological Talent Promotion Program of China (2024-267).

REFERENCES

Allentoft, M.E., Sikora, M., Sjögren, K.G., Rasmussen, S., Rasmussen, M., Stenderup, J., ... & Willerslev, E. (2015). Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature*, 522(7555), 167–172. <https://doi.org/10.1038/nature14507>

Avanesova, N.A., Askarov, A.A. (1991). Culture of pastoral tribes of the Bronze Age of the Asian part of the USSR: On Metal Products. Tashkent: FAN UzSSR, 52–62. (Rus.).

Bendezu-Sarmiento, J. (2004). Les structures funéraires à crémation de l'âge du Bronze au Semirech'e, Kazakhstan (nécropoles de Kul'saj, de Kyzyl-Bulak et d'Oj-Dzhajljau). *Paléorient*, 30(1), 181–204. <https://doi.org/10.3406/paleo.2004.1019>

Bunker, E. (1998). Cultural diversity in the Tarim Basin vicinity and its impact on ancient Chinese culture. *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*. Washington, Institute for the Study of Man, 604–618.

Chernykh, E.N. (1992). *Ancient metallurgy in the USSR: The early metal age*. Cambridge University Press.

Chernykh, E.N. (2004). Ancient metallurgy of northeast Asia: From the Ural to the Saiano-Altai. *Metallurgy in ancient Eastern Eurasia from Ural to the Yellow River*, 25–30.

Chernykh, E.N. (2008). Formation of the Eurasian “steppe belt” of stockbreeding cultures: Viewed through the prism of archaeometallurgy and radiocarbon dating. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 35(3), 36–53. <https://doi.org/10.1016/j.aear.2008.11.003>

Chernykh, E.N. (2011). Eurasian Steppe Belt: radiocarbon chronology and metallurgical provinces. *Anatolian Metal V*, 151–171.

- Cong, D., Jia, W. (2019). Exploration of the “Andronovoid” Remains Found in Xinjiang. In: Xiao Xiaoyong, (Ed.). *An anthology of essays in honor of the 80th anniversary of Mr. Meng Fanren* [聚才揽粹著新篇——孟凡人先生八秩华诞颂寿文集]. Beijing: China Science Publishing & Media Ltd. (CSPM) [北京: 科学出版社, 32–50. (China).
- Cong, D., Jia, X., Guo, W., Shang, G., Ge, L. (2013). The Site and Cemetery of Adunqiaolu, Wenquan County, Xinjiang. *Archaeology* [考古]. (7), 25–32. (China).
- Dmitriev, E.A. (2017). Tautarinsky type: On the genesis and chronology. *Samarskij nauchnyj vestnik*, 6(4), 139–144. (Rus.).
- Gass, A., & Goryachev, A.A. (2016). On the typology and chronology of Bronze Age burial grounds in the high-altitude zone of the Zailiysky Alatau. *Vestnik NGU. Seryia Istorija, filologiya: Arheologiya i etnografiya*, 15(5), 85–123. (Rus.).
- Görsdorf, J., Parzinger, H., & Nagler, A. (2001). New radiocarbon dates of the north Asian steppe zone and its consequences for the chronology. *Radiocarbon*, 43(2B), 1115–1120. <https://doi.org/10.1017/S003382220004176X>
- Goryachev, A.A. (2001) On a Funeral Rite of the Kulsal Type of Monuments. *Istorija i arheologiya Semirech'ya*, (2), 45–62. (Rus.).
- Grigoriev, S.A. (2020). Chronology of Sintashta and Near Eastern chariots. *Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology*, (2), 69–80. (Rus.). <https://doi.org/10.24411/2542-0275-2020-0206>
- Haak, W., Lazaridis, I., Patterson, N., Rohland, N., Mallick, S., Llamas, B., ... & Reich, D. (2015). Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature*, 522(7555), 207–211. <https://doi.org/10.1038/nature14317>
- Jia, P.W., Betts, A., Cong, D., Jia, X., & Dupuy, P.D. (2017). Adunqiaolu: new evidence for the Andronovo in Xinjiang, China. *Antiquity*, 91(357), 621–639. <https://doi.org/10.15184/aqy.2017.67>
- Kovalev, A.A. (2023) On the Chronological Position of Siba Culture Metal Artifacts, Northwest China. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 51(1), 70–79. (Rus.).
- Kovalev, A.A., Erdenebaatar, D. (2014). Discovery of a new culture of the developed Bronze Age in the center of Eurasia (Munkh-Khairkhan culture). *Rossijskij arheologičeskij ezhegodnik*, (4), 194–225. (Rus.).
- Kuz'mina, E.E. (2007). *The origin of the Indo-Iranians*. Leiden; Boston: Brill.
- Li, S., Shui, T. (2012). The Ganguya Cemetery in Jiuquan City, Gansu. *Acta Archaeologica Sinica* [考古学报], (1), 351–367. (China).
- Lin, Y. (2002) Bronze Vessels of Xia Dynasty Found in North China. *Research of China's Frontier Archaeology* [边疆考古研究]. (1), 1–12. (China).
- Macaulay, V., & Richards, D.M. (2006). *Human mitochondrial DNA and the evolution of Homo sapiens*. Springer.
- Maryashev, A.N., Goryachev, A.A. (1999). Materials of New Memorials of Semirechie of the Bronze-time. *Istorija i arheologiya Semirech'ya*, (5), 44–56. (Rus.).
- Maryashev, A.N., Goryachev, A.A., Potapov, S.A. (2017). Ancient Settlements and Burial Grounds of the Eshkiolmes Ridge. *Istorija i arheologiya Semirech'ya*, (5), 91–110. (Rus.).
- Mednikova, M.B., Kanapin, A.A., Samsonova, A.A., & Morgunova, N.L. (2024). Between Volga and Ural River basins: Concerning family ties of the Abashevo and Sintashta population of the Bronze Age in the context of genetic data. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 67(4), 184–198. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-67-4-14>
- Molodin, V.I., Epimakhov, A.V., Marchenko, Zh.V. (2014). Radiocarbon chronology of the South Urals and the south of the Western Siberia cultures: 2000–2013 years investigations (principles and approaches, achievements and problems). *Vestnik NGU. Seryia. Istorija, filologiya: Arheologiya i etnografiya*, (3), 136–167. (Rus.).
- Molodin, V.I., Komissarov, S.A., & Van, P. (2013). Bronze Age burial grounds of Syabandi in the Eastern Pamir (Xinjiang, China). *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij*, (19), 270–275. (Rus.).
- Ning, C., Gao, S., Deng, B., Zheng, H., Wei, D., Lv, H., ... & Cui, Y. (2016). Ancient mitochondrial genome reveals trace of prehistoric migration in the east Pamir by pastoralists. *Journal of human genetics*, 61(2), 103–108. <https://doi.org/10.1038/jhg.2015.128>
- Ning, C., Zheng, H. X., Zhang, F., Wu, S., Li, C., Zhao, Y., ... & Cui, Y. (2021). Ancient mitochondrial genomes reveal extensive genetic influence of the steppe pastoralists in western Xinjiang. *Frontiers in Genetics*, 12, 740167. <https://doi.org/10.3389/fgene.2021.740167>
- Poliakov, A.V. (2019). Radiocarbon dates from the Andronov (Fyodorovo) culture sites on the Middle Yenisei. *Zapiski Instituta istorii material'noj kul'tury*, (20), 163–173. (Rus.). <https://doi.org/10.31600/2310-6557-2019-20-163-173>
- Poliakov, A.V. (2022). *Chronology and cultural genesis of the Paleometal epoch sites in Minusinsk basins*. St. Petersburg: Institut istorii material'noj kul'tury RAN. (Rus.).
- Ruan, Q. (2013). Research on Andronovo cultural remains founded in Xinjiang. *Western Archaeology* [西部考古], (1), 125–154. (China).
- Shao, H. (2009). An analysis of the Related Remains of Andronovo Culture in Xinjiang. *Research of China's Frontier Archaeology* [边疆考古研究], (8), 81–97. (China).
- Shao, H. (2018). The Development of the Pre-historic Culture in Xingjiang and the Interaction with Neighbor [新疆史前时期文化格局的演进及其与周邻文化的关系]. Beijing: China Science Publishing & Media Ltd. (CSPM) [-北京: 科学出版社]. (China).
- Shnaider, S., Zhilich, S.V., Zotkina, L.V., Boxleitner, K.A., Taylor, W.T., Sayfullaev, N., ... & Spengler, R. (2023). Occupation of highland Central Asia: new evidence from Kurteke rockshelter, Eastern Pamir. *Archaeological Research in Asia*, 34, 100443. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2023.100443>

- Smagulov, E.A., & Baratov, S.R. (2004). Bronze Age necropolis in the vicinity of Turkestan City: Archaeological works in 2000 at the Sherbai burial ground. *Otan Tarikhi*, (3–4), 75–88. (Rus.).
- Tan, Y. (2011). A New Exploration to the Cemetery Xiabandi All in Tash — Kurgan County in Xinjiang. *The Western Regions Studies* [西域研究], (3), 83–90. (China). <https://doi.org/10.16363/j.cnki.xyyj.2011.03.004>
- Underhill, P.A., Poznik, G.D., Rootsi, S., Järve, M., Lin, A.A., Wang, J., ... & Villems, R. (2015). The phylogenetic and geographic structure of Y-chromosome haplogroup R1a. *European Journal of Human Genetics*, 23(1), 124–131. <https://doi.org/10.1038/ejhg.2014.50>
- Wang, L., Mei, J., Chen, K., et al. (2022) Analysis and Research on Qijia Culture Copper Ware Unearthed at Mogou Site, Lintan County, Gansu, China. *Archaeology* [考古], (7), 71–95. (China).
- Wei, D., Wang, Y., Wu, Y. (2020a). A study on the pathology and trauma of the bronze age population in Xiabandi cemetery, Xinjiang. *Research of China's Frontier Archaeology* [边疆考古研究], (28), 441–454. (China).
- Wei, D., Wang, Y., & Wu, Y. (2020b). Skull measurement traits of the Bronze Age crowd from Xiabandi Cemetery. *Acta Anthropologica Sinica* [人类学报], 39, 404–419. (China). <https://doi.org/10.16359/j.cnki.cn11-1963/q.2019.0057>
- Wu, Y. (2012a). Cemetery Xiabandi in Xinjiang [新疆下坂地]. Beijing: Cultural Relics Press [-北京: 文物出版社]. (China).
- Wu, Y. (2012b). On the Bronze Culture of Xiabandi Cemetery in Kashi, Xinjiang. *The Western Regions Studies* [西域研究], (4), 36–44. (China). <https://doi.org/10.16363/j.cnki.xyyj.2012.04.013>
- Wu, Y., Zhang, T. (2004). Report on the Archaeological Excavation of Xiabandi Cemetery, Tashkurgan County. *Cultural Relics of Xinjiang* [新疆文物], (3), 1–59. (China).
- Zakh, V.A., Ryabogina, N.Ye., Ilyushina, V.V., Ivanov, S.N., & Murzina, Ye.I. (2013). The Fyodorovo Kurja 1 settlement in a system of the Andreyevo Lakes. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 20(1), 10–23. (Rus.).
- Zhang, X., Wang, H., Zhang, L., et al. (2021). Excavation Brief of Huoshaogou Cemetery of the Siba Culture in Yumen City, Gansu. *Archaeology and Culture Relics* [考古与文物], (5), 3–21. (China).

Ши Ханьда, <https://orcid.org/0000-0003-3066-349X>

Сведения об авторе:

Ши Ханьда, докторант, Центр исследований и сотрудничества в археологии Шелкового пути, Северо-Западный университет, Сиань, КНР.

About the author:

Shi, Handa, PhD student, Collaborative Research Centre for Archaeology of the Silk Roads, Northwest University, Xi'an, China.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 09.06.2025

Article is published: 15.09.2025

Горашук И.В.^a, Скочина С.Н.^{b,*}, Семин Д.В.^c, Ержанова А.Е.^d

^a ООО «Бифас», Гагарина, 86, Самара, 443045

^b ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, ул. Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008

^c ООО НПЦ «Универсальные технологии и разработки», ул. Самарская, 139, к. 3, Самара, 443041

^d Институт археологии им. А.Х. Маргулана, просп. Достык, 44, Алматы, 050000, Республика Казахстан

E-mail: goraschuk@mail.ru (Горашук И.В.); sveta_skochina@mail.ru (Скочина С.Н.);

seminDVArch@yandex.ru (Семин Д.В.); erjanova_a@mail.ru (Ержанова А.Е.)

ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕДНЫХ ОТЖИМНИКОВ НА ПОВЕРХНОСТЯХ КАМЕННЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Трасологические исследования двухсторонне обработанных каменных наконечников стрел эпохи бронзы степных районов Поволжья, Южного Урала и Центрального Казахстана показали наличие на них микроостатков — следов металлических инструментов. Целью исследования — выявить экспериментальным путем признаки использования металлических орудий расщепления в процессе изготовления каменных наконечников стрел. Для экспериментальных работ были изготовлены медные отжимники и контрольная серия двухсторонне обработанных наконечников стрел из кремня, кварцита, яшмы и халцедона. В результате установлено, что микроостатки меди фиксируются не на всех образцах, следовательно, особую важность приобретают линейные следы, образовавшиеся в результате срыва медного отжимника от кромки изделия. В местах соприкосновения поверхности камня с отжимником отмечаются имеющие разную локализацию царапины, характеризующиеся металлическим блеском. Необходимо отметить, что линейные следы в большинстве случаев относятся к числу редких явлений. На основании особенностей расположения признаков износа на экспериментальных наконечниках разработана схема вероятного расположения микроостатков меди и царапин, которая облегчит поиск признаков применения металлических инструментов на поверхности археологических двухсторонне обработанных наконечников стрел эпохи бронзы.

Ключевые слова: эпоха бронзы, бифасы, медные отжимники, анализ микроостатков металла, линейные следы, экспериментально-трасологический анализ.

Ссылка на публикацию: Горашук И.В., Скочина С.Н., Семин Д.В., Ержанова А.Е. Опыт выявления признаков использования медных отжимников на поверхностях каменных наконечников стрел (экспериментально – трасологический анализ) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 55–64. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-5>

Введение

Исследования по распознаванию следов применения металлических инструментов в каменной индустрии энеолита — бронзы разрозненны и единичны. Для раннего этапа распространения металла в период энеолита исследователями рассматривается тезис о применении медных отжимников для оформления каменных изделий с помощью пильчатой и струйчатой ретуши, однако данный вопрос относится к числу дискуссионных [Карманов, 2023, с. 28]. В отечественной археологической историографии применение медных отжимников при обработке кремневых бифасиальных наконечников стрел бронзового века Карелии убедительно доказано А.Ю. Тарасовым. Показателями служат морфология предметов, качество вторичной обработки и наличие на заготовках наконечников стрел вкраплений медных окислов [Тарасов, 2002, с. 388–389; 2023, с. 280]. Недавние исследования сейминско-турбинских кремневых изделий, происходящих из памятников севера Западной Сибири, позволили сделать вывод, что при изготовлении каменных изделий — тонких бифасов, пренуклеусов, нуклеусов и отжиге пластин применялись бронзовые орудия. Е.Ю. Гирей выделены подробные морфологические характеристики продуктов расщепления, послужившие основой для доказательной констатации наличия следов использования металлических инструментов. В процессе скрупулезного описания параметров пластин, отщепов, характеристики ударных бугорков и форм негативов фасеток ретуши на поверхности бифасов, оформленных в технике отжима, им наглядно аргументировано применение металлических ретушеров-отжимников в изучаемых контек-

* Corresponding author.

стах расщепления [Гиря, 2024, с. 508–521]. В зарубежной историографии доказательством применения металлических инструментов служат следы окислов меди, например, на наконечниках Арморики, происходящих из могил раннего бронзового века Бретани [Nicolas, Guéret, 2014, p. 111–112]. Достаточно информативны результаты экспериментальных работ по изготовлению моделей скандинавских поздненеолитических кремневых кинжалов металлическими отжимниками, показателем комплекс признаков, образовавшихся во время их изготовления и трансформации при функциональном износе [Tanner, 2015, p. 12–27]. Существует подход к выявлению возможных свидетельств использования медных инструментов, основанный на комплексном анализе технических сколов, возникающих в процессе изготовления орудий [Moiken et al., 2024].

Изучение этнографических источников являлось важным пунктом в наших исследованиях, поскольку фиксирует реальные инструменты и прямые действия по производству наконечников стрел металлическими стержнями. В работе мы использовали этнографические данные о качестве отжимников и процессе изготовления стрел с помощью бронзовых и железных стержней, зафиксированные у коренных народов Америки, Австралии, островов Океании и Новой Гвинеи [Schumacher, 1877, p. 547; Akerman, Bindon, 1995, p. 95, fig. 6E, F; Akerman et al., 2002, p. 15; Idriess, 1937, p. 60–62; Porteus, 1931, p. 111; Basedow, 1925, p. 367–370; Moore, 2015, p. 924; Maloney, 2020, p. 3]. В частности, в просмотренных источниках указывается причина использования металлических отжимников: «...инструмент должен цепляться за кромку обрабатываемого материала, поэтому кончик из рога постоянно выкрашивается, тогда как металлический — просто мнется, что требует меньшего ухода за орудием при расщеплении и только незначительной заточки его на абразиве» ([Redding, 1879, p. 670]; а также: [Pope, 1918, p. 116–117].

Подводя итог небольшому экскурсу в проблематику темы исследования, констатируем, что подтверждают обработку камня металлом обнаружение микроостатков окислов меди в виде точечных и линейных вкраплений «натиров», а также определенная морфология продуктов расщепления.

Цель нашего исследования — выявить экспериментальным путем дополнительные признаки использования металлических орудий расщепления в процессе изготовления каменных наконечников стрел. Задачей является демонстрация наглядной схемы вероятных мест расположения микроостатков меди и царапин, возникших от срыва отжимника, с тем чтобы можно было идентифицировать подобные следы на поверхности двухсторонне обработанных наконечников стрел, относящихся к эпохе бронзы.

Источники

Работа по выявлению следов применения медных отжимников на наконечниках стрел эпохи бронзы целенаправленно велась нами с начала 2000-х гг. Микроостатки меди встречены на двухсторонне обработанных наконечниках, происходящих из могильника Каменный Амбар синташтинской культуры, на наконечниках потаповского типа из Потаповского и Утевского могильников, из могильников раннеалакульского времени Центрального Казахстана, на поселении Талдысай, отнесенном к синташтинско-петровскому кругу памятников (рис. 1) [Ержанова и др., 2025]. Следует оговорить, что поиск следов применения медных инструментов был направлен на нахождение микроостатков — окислов меди на проксимальных участках фасеток ретуши и царапин с окислами и мы не занимались изучением различий в форме продуктов расщепления при использовании металла и твердых органических орудий.

Выявленные в археологическом материале следы окислов представляют собой «натир» двух типов: первый — точечные включения меди, как правило, на площадках фасеток ретуши или внутри этих фасеток (рис. 1, 1А, 2Б, 3А, 3Б), второй — полосы окислов меди на поверхности негативов ретуши (рис. 1, 2Б). Доказательством того, что это именно следы меди, служит сканирование поверхности наконечника стрелы № 2 из Потаповского могильника (рис. 1, 3). Исследование проводилось при помощи сканирующего электронного микроскопа Tescan Vega с микроанализатором Inga Energy (TES-CAN, ускоряющее напряжение 30 кВ). Анализ в точке локализации микроостатка выявил содержание меди в количестве 2,14 %¹ от общего количества элементов, что свидетельствует о том, что наблюдаемые нами следы — проявление металла, оставленного медным инструментом.

¹ Благодарим за проведенный анализ А.А. Мельникова, доцента кафедры технологии металлов и авиационного материаловедения Самарского национального исследовательского университета им. акад. С.П. Королева.

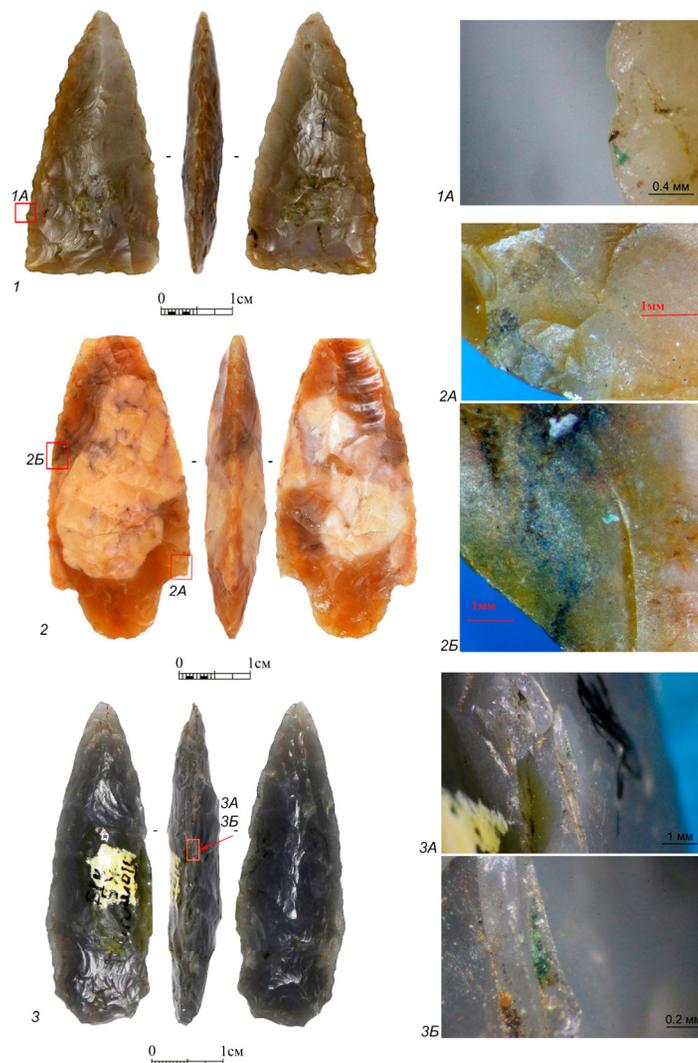

Рис. 1. Двухсторонне обработанные наконечники стрел Потаповского могильника (1, 3), поселения Талдысай (2): 1А, 2Б, 3А, 3Б — микроостатки меди; 2А — вмазанные деформации, пятна произвольной конфигурации с микроостатками меди (1, 3 — фото Д.В. Семина; 2 — фото А.Е. Ержановой).

Fig. 1. Bifacial arrowheads from the Potapovsky burial ground (1, 3), the settlement of Taldysay (2): 1A, 2B, 3A, 3B — residues of copper; 2A — smeared deformations, spots of arbitrary configuration with residues of copper.

Методика

Наши исследования строились в основном на применении экспериментально-трасологического анализа серии двухсторонне обработанных наконечников стрел, изготовленной в ходе работы Мергенской экспериментальной экспедиции в 2024 г.

Трасологический анализ проводился с помощью микроскопа Альтами SM0745-T, фиксация следов — на фотоаппарат Canon 700D. Полученное изображение передавалось на компьютер и обрабатывалось в программе Altami Studio версии 4.0. Также в работе использовался исследовательский микроскоп Olympus BX-51 с увеличением в 50–200 раз в темно- и светлопольном освещении с фотокамерой ProgRes C10. Изображения обрабатывались в программе Helicon Focus 7.7.5.

Процесс выявления микроостатков меди и микроследов, оставленных медным отжимником на наконечниках, состоял из двух этапов. Первый — фиксация следов изготовления до очистки, второй — деликатная чистка наконечников стрел в ультразвуковом очистителе Codyson CD-4820 при температуре воды 65 °С в течение 45 мин и последующая за ней фиксация микроследов, являющихся довольно сложными в плане их поиска и определения на археологических находках. Таким образом, нами смоделирована ситуация, при которой микроостатки меди смывались с оружия, т.е. учтено влияние на них условно постдепозиционных процессов.

Необходимо также отметить, что экспериментальная разработка и визуальная демонстрация признаков сработанности на орудиях, относящихся к металлообрабатывающему производству периода поздней бронзы [Костомарова, 2020], способствовали нашим исследованиям в процессе идентификации характера микроостатков металла и следов сработанности на поверхности каменных изделий.

Эксперимент

Обращение к корпусу этнографических источников и данным изучения цветного металла, согласно которым на твердость отливок влиялаковка изделий (напр.: [Дегтярева, 2010, с. 15]) позволили выработать схему производства экспериментальных медных наконечников отжимников. Медные наконечники отжимников были отлиты с помощью газовой печи в пенодиатомитовых формах из металла электролитической чистоты И.В. Горащук. Один из отжимников подвергнут абразивной обработке, направленной на заострение окончания; второй — сначала холодной укрепляющей ковке, а затем абразивной обработке, так, чтобы кончики были закругленными (рис. 2). Первый вариант отжимника использовался для производства наконечников из яшмы и кремня (рис. 2, 3, 4); второй — для изготовления наконечников из кварцита (рис. 2, 2) и халцедона. В ходе изготовления наконечников стрел отмечено, что отжимники обоих типов работают практически одинаково, однако кончик только заточенного инструмента приходилось подправлять на абразиве в два раза чаще, чем орудия, подвергнутого упрочняющей ковке. Отмечено, что остатки меди от откованного отжимника фиксируются на всех наконечниках, а от заточенного — выявлены лишь в 5 случаях из 11.

Рис. 2. Этапы экспериментальных работ:

1 —ковка отлитого медного острия; 2–4 — изготовление наконечников стрел с применением медных отжимников.

Fig. 2. Stages of experimental work:

1 — forging of a cast copper tip; 2–4 — making of arrowheads using a copper pressure flaking tool.

Наконечники стрел изготовлены И.В. Горащук. В подавляющем большинстве экспериментов использовалась схема, описанная Б. Реддингом по наблюдениям за производственным процессом [Redding, 1879]. Она предусматривала несколько операций: отделение отщепы — заготовки; выправление профиля будущего изделия; вторичная обработка его поверхности. Первоначальная операция производилась отбойниками из отростков лосиного рога весом от 250 до 980 г, последующие — отжимниками с медными наконечниками. В зависимости от производственной необходимости использовались различные движения при давлении. Изготовление площадок на торцах заготовки достигалось поворотом кисти руки. При снятии крупных чешуек, предназначенных для выправления профиля заготовки, прикладывался вес сидящего человека. При этом рука жестко фиксировала отжимник и давление производилось всем телом, с поворотом поясничного

Опыт выявления признаков использования медных отжимников на поверхностях...

отдела. Фасетки ретуши преимущественно отделялись поворотом предплечья. Для удержания заготовки в нужном положении использовался деревянный брусок с пазом.

Для проведения экспериментальных работ нами выбрана и апробирована одна схема изготовления наконечников стрел, она заключалась в том, что заготовка отделялась прямым ударом или через посредник, а потом оформлялась отжимным способом. Выбор именно этой схемы обусловлен конкретными задачами исследования — получение признаков воздействия металлического инструмента на поверхности каменных наконечников стрел. В ходе работ было изготовлено 22 экспериментальных двухсторонне обработанных наконечника стрел листовидной и треугольной форм с черешком и без него, имеющих аналогии в материалах эпохи бронзы на обширной территории лесостепной и степной зоны Евразии (рис. 2). Шесть экземпляров изготовлено из халцедона (рис. 2, 1), пять из кварцита (рис. 2, 2), семь из яшмы (рис. 4, 1, 2), четыре из кремня (рис. 5, 1, 2). В целом ретушь, образующаяся в ходе отжима медным стержнем, характеризуется удлиненными четко очерченными по краям негативами фасеток, иногда заканчивающимися «рифленными язычками». Кромочная линия сильно выкрошена, она зубчатая в плане и зигзагообразная в профиле.

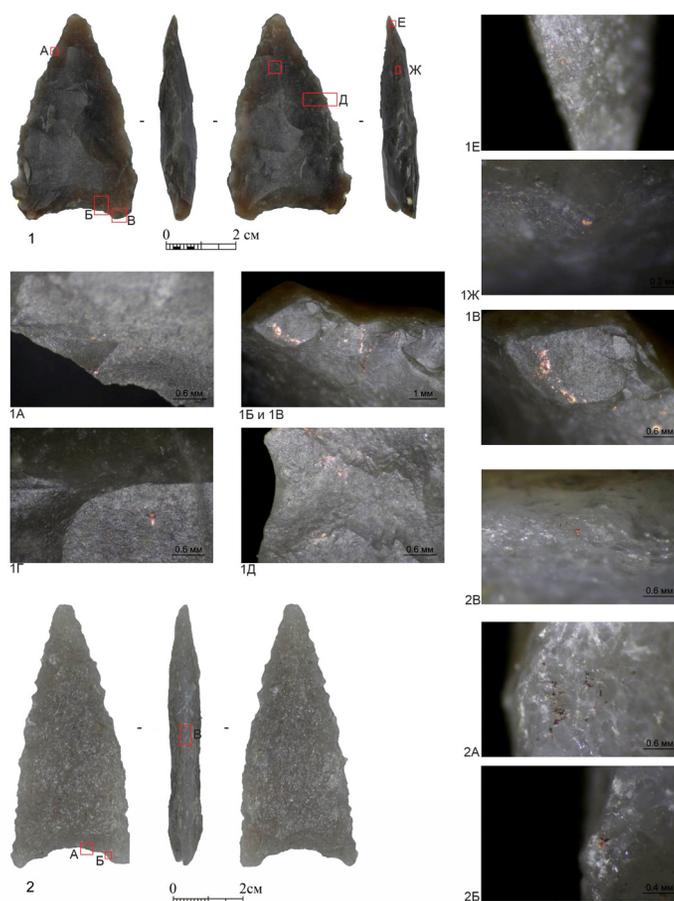

Рис. 3. Экспериментальные наконечники из халцедона (1) и кварцита (2) и микрофотографии остатков меди от применения медных отжимников (фотографии выполнены Д.В. Семиным).

Fig. 3. Experimental arrowheads made of chalcedony (1), quartzite (2) and microphotographs copper residue from the use of copper pressure flaking tool (photos by D.V. Semin).

Серию экспериментальных наконечников стрел мы разделили на две части для определения влияния опыта исследователя на успешность фиксации признаков обработки металлом. Первую — наконечники из яшмы и кремня — обрабатывала С.Н. Скочина, не имевшая опыта выявления следов обработки металлическими инструментами на наконечниках поздних эпох. Для первой серии с помощью ультразвуковой ванны было смоделировано влияние условно постдепозиционных процессов. Вторая часть контрольной серии наконечников, из пластичного

халцедона и зернистого, прочного кварцита, обработана Д.В. Семиным, принимавшим участие в обработке коллекций Потаповского и Утевского могильников. На экспериментальной серии, состоящей из 22 наконечников стрел, следы, оставленные медными отжимниками, выявлены на 15 образцах. На 11 наконечниках из кварцита и халцедона зафиксированы лишь микроостатки меди. Из 11 предметов, выполненных из кремня и яшмы, только на 6 имеются вкрапления меди на кромке и на 4 они комбинируются с линейными следами в виде царапин.

Рис. 4. Экспериментальные наконечники из яшмы:

1A, 2A — микрофотографии остатков меди; 1Б, 1В — царапины от срыва отжимника; 2Б — пятна металлического блеска после очистки в зоне линий окислов меди, отмеченных на фотографии 2A (фотографии С.Н. Скочины).
Условные обозначения см. на рис. 5.

Fig. 4. Experimental arrowheads made of jasper:

1A, 2A — microphotographs of copper residues; 1B, 1B — scratches from pressure flaking tool; 2B — spots of metallic shine after cleaning in the area of copper oxide lines marked in photograph 2A (photos by S.N. Skochina).

Остатки меди и царапины, зафиксированные условным «новичком», обнаружены по большей части на орудиях, имеющих технологический брак: это заломы, вызванные как ошибками приложения скалывающей нагрузки, так и неоднородностями сырья. Таким образом, вероятность обнаружения следов меди повышается на изделиях, имеющих дефекты изготовления. Это связано с тем, что на участках, обнаруживающих неоднородности, вероятность срыва отжимника повышается. Кроме того, попытки исправить положение — удалить заломы сопряжены с дополнительными действиями. Следовательно, вероятность обнаружения натиров от отжимников и вмазанных окислов металла также повышается. Из этого следует вывод, что интенсивность следов обусловлена вынужденными или невынужденными ошибками расщепления. Поэтому не имеющим соответствующего

Опыт выявления признаков использования медных отжимников на поверхностях...

опыта исследователям мы рекомендуем начинать поиск медных проявлений именно на изделиях с подобными дефектами.

Схема расположения выявленных признаков описывается следующим образом. Микроостатки меди от обработки выявляются на остатках зон расщепления — площадок снятия фасеток уплощения и линейных следах на поверхности наконечников (рис. 4, 1, 2; 5, 1, 2). Их вид двойкий: точечные участки (натиры) (рис. 3, 1А, Г, Е, Ж; 2А, Б; рис. 4, 1А; рис. 5, 1А); вмазанные в площадки фасеток расщепления окислы металла линейной направленности (рис. 3, 1Б, В; 4, 2А; 5, 1Б, 2А). Иной признак — линейный след в виде царапины от срыва отжимников (рис. 4, 1Б, В; 5, 2Б).

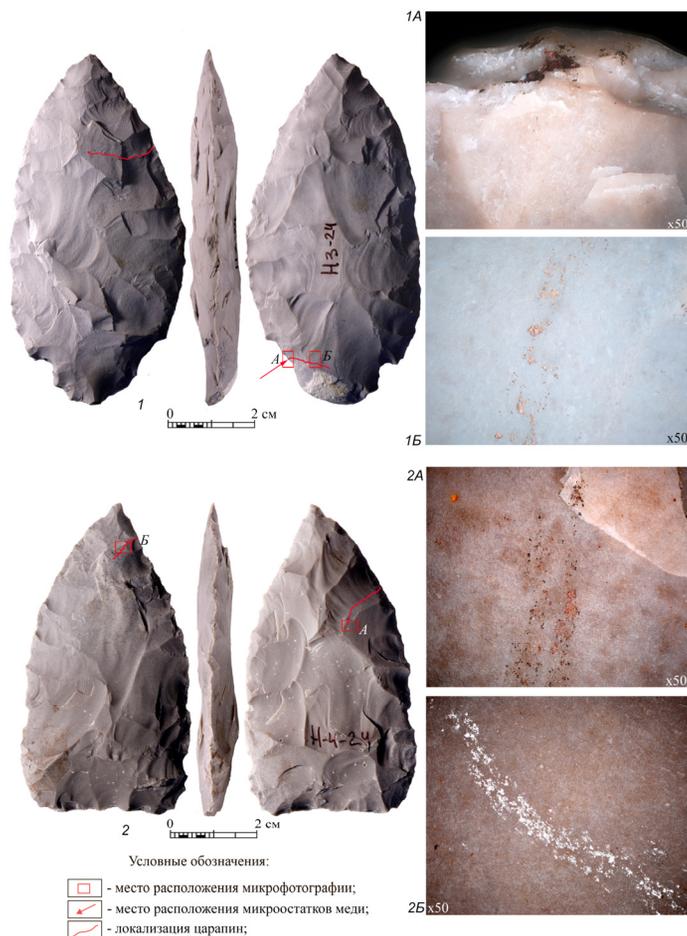

Рис. 5. Экспериментальные наконечники из кремня:

1А, 1Б, 2А — микрофотографии остатков меди; 2Б — царапина металлического блеска после очистки (фотографии С.Н. Скочиной).

Fig. 5. Experimental arrowheads made of flint:

1А, 1Б, 2А — microphotographs of copper residues; 2Б — scratch on metallic shine after cleaning (photos by S.N. Skochina).

Характеристика выявленных признаков следующая:

— микроостатки меди в точке приложения отжимника к площадке фасетки уплощения на кромке заготовки. Основные скопления меди остаются в углублениях и неровностях кромочной линии, подвергающейся ретушированию. При микроанализе остатки меди проявляются в трех цветах — рыжем, черном и иногда зеленом, как сочетающихся как в одной зоне, так и расположенных по отдельности (рис. 3, 1А–Ж, 2А–В; 4, 1А; 5, 1А).

— микроостатки меди в виде линий, удлинённых пятен, возникающих в ходе соскакивания отжимника. Образуются от неудачного приложения медного стержня к кромке или снятия чешуйки ретуши. Линии чаще всего расположены под углом к кромочной линии, могут быть разной длины и ширины, ровными и волнистыми на конце, в их зоне расположены остатки меди — рыжего и черного цвета (рис. 4, 2А; 5, 1Б, 2А).

При моделировании постдепозиционных процессов, после очистки шести наконечников стрел в ультразвуковой ванне, на кромочной линии остатки меди в четырех случаях уменьшились в размерах, в двух — исчезли, характер линий от микроостатков меди проявился в следующих вариантах:

— в одном случае зафиксирована царапина в виде «зеркальной», четкой, строго очерченной непрерывной линии (рис. 4, 1Б, В);

— в трех случаях на месте линий с окислами металла после очистки остались разрозненные редко расположенные пятна (рис. 4, 2Б) и сгруппированные удлинённые риски (рис. 5, 2Б) металлического блеска.

Таким образом, выделенные признаки на экспериментальных наконечниках стрел (микроостатки меди и царапины) имеют определенную локализацию и характеристики и могут содействовать поиску подобных следов на археологических каменных изделиях. Важно упомянуть, что фиксация микроостатков меди иногда может являться результатом случайного соприкосновения с металлическими изделиями. Например, это отмечается при анализе каменного двусторонне обработанного кинжала из набора инструментов Этци, на поверхности которого обнаружены бессистемные царапины с остатками меди [Wierer et al., 2018, fig. 2].

Заключение

В рамках экспериментальных работ по выявлению признаков использования металлических орудий расщепления на каменных двусторонне обработанных наконечниках стрел, помимо микроостатков меди, дополнительно зафиксированы линейные следы от соскакивания отжимника. Таким образом, экспериментально получены данные, позволяющие описать конкретные признаки в дополнение к результатам предыдущих исследований [Тарасов, 2023; Гиря, 2024], которые могут быть использованы для выявления доказательств применения медных инструментов в камнеобрабатывающем производстве эпохи бронзы и на начальной стадии распространения металла в период энеолита.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гиря Е.Ю. Доказательная интерпретация кремневых артефактов эпохи средней бронзы Севера Западной Сибири: (Опыт определения культурно-производственной модели) // Погодин А.А., Труфанов А.Я. Поселения эпохи средней бронзы на реке Конде. Екатеринбург: АВ КОМ — Наследие, 2024. С. 469–557.

Деятарева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.

Ержанова А.Е., Горащук И.В., Чотбаев А.Е. «Охота — война»: каменные наконечники стрел поселения Талдысай (Центральный Казахстан) // Археология Казахстана. 2025. № 2 (28). С. 338–358. <https://doi.org/10.52967/akz2025.2.28.338.358>

Карманов В.Н. Кремневые индустрии энеолита на крайнем северо-востоке Европы: Явление новой сложности // УИВ. 2023. № 1 (78). С. 26–37. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-26-37](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-26-37)

Костомарова Ю.В. Орудия кузнечной обработки металла у населения позднего бронзового века лесостепного Притоболья: (Опыт экспериментально-трасологического анализа) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 3. С. 48–60. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-50-3-4>

Тарасов А.Ю. Об использовании медных инструментов для обработки камня на поселениях бронзового века в Карелии // Твер. археол. сборник. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 388–392.

Akerman K., Bindon P. Dentate and related stone biface points from Northern Australia // The Beagle: Records of the museums and art galleries of the northern territory. Darwin, 1995. № 12. P. 89–99. <https://doi.org/10.5962/p.264280>

Akerman K., Fullagar R., van Gijn A. Weapons and wunan: Production, function and exchange of Kimberley Points // Australian Aboriginal Studies Journal of the Australian Institute of Aboriginal Studies. 2002. № 1. P. 14–42.

Basedow H. The Australian Aboriginal. Adelaide: The Hassell Press, 1925. 422 p.

Idriess I. Over the Range: Sunshine and Shadow in the Kimberley. Angus & Robertson Sydney, 1937. 316 p.

Moiken H., Khurram S., Eriksen B.V., Kienle L. Copper and Flint — Exploring Technological Interfaces in South Scandinavian Early Metal Using Societies // IntechOpen. Copper Overview - From Historical Aspects to Applications / Ed. by D. Fernández González. L., 2024. P. 17–42. <http://dx.doi.org/10.5772/intechopen.1004180>

Maloney T.R. Kimberley points of Western Australia: Pressure flaking, projections and prestige // Journal of Lithic Studies Published by the School of History, Classics and Archaeology. University of Edinburgh. 2020. Vol. 7. P. 1–27. <https://doi.org/10.2218/jls.2968>

Moore M.W. Bifacial Flintknapping in the Northwest Kimberley, Western Australia // Journal of Archaeological Method and Theory. 2015. Vol. 22. № 3. P. 913–951. <https://doi:10.1007/s10816-014-9212-0>

Nelson N.C. Flint Working by Ishi // William Henry Holmes Anniversary Volume / Ed. by F.W. Hodge, Washington: DC., 1916. P. 397–402.

Nicolas C., Guéret C. Armorican arrowheads biographies: Production and function of an Early Bronze Age prestige good from Brittany (France) // Journal of Lithic Studies. 2014. Vol. 1. No. 2. P. 101–128. <https://doi.org/10.2218/jls.v1i2.1126>

Pope S.T. Yahi Archery // University of California Publications in American Archaeology and Ethnology. Berkeley: University of California Press, 1918. Vol. 13. № 3. P. 103–152.

Porteus, S.D. The psychology of a primitive people: A study of the Australian Aborigine. L.: Edward Arnold and Co., 1931. 438 p.

Redding B.B. How Our Ancestors in the Stone Age made their Implements // The American Naturalist. Chicago: The University of Chicago Press, 1879. Vol. 13. № 11. P. 667–674.

Schumacher P. Methods of making stone weapons // Bull. U. S. Geol. And Geog. Surv. Terr. Washington, 1877. Vol. III. P. 547–549.

Wierer U., Arrighi S., Bertola S., Kaufmann G., Baumgarten B., Pedrotti A., Pernter P., Pelegrin J. The Ice-man's lithic toolkit: Raw material, technology, typology and use // PLoS ONE. 2018. Vol. 13 (6). P. e0198292. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0198292>

ИСТОЧНИКИ

Тарасов А.Ю. Материальное производство и обмен в северо-восточной Европе периода позднего неолита/энеолита (на примере индустрии орудий русско-карельского типа): Дис. ... д-ра ист. наук. Петрозаводск, 2022. 774 с.

Tanner G. When Metal Met Stone. Searching for Traces of Metal Tool Utilization During the Production of Late Neolithic Nordic Flint Daggers: Master's Thesis. Stockholm: Stockholm University, 2015. 49 p.

Gorashchuk I.V.^a, Skochina S.N.^{b,*}, Semin D.V.^c, Erzhanova A.E.^d

^aBiface Ltd., Gagarina st., 86, Samara, 443045, Russian Federation

^bTyumen Scientific Centre SB RAS, Chervisheskiy trakt st., 13, Tyumen, 625026, Russian Federation

^cUniversal Technologies and Developments LLC, Samarskaya st., 139, Samara, 443041, Russian Federation

^dMargulan Institute of Archeology, Dostyk ave., 44, Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan

E-mail: goraschuk@mail.ru (Gorashchuk I.V.); sveta_skochina@mail.ru (Skochina S.N.);

seminDVArch@yandex.ru (Semin D.V.); erjanova_a@mail.ru (Erzhanova A.E.)

Experience of identifying copper pressure flaking tools on stone bifacial arrowhead surfaces (experimental use-wear analysis)

Trace studies of stone bifacial arrowheads of the Bronze Age from the steppe areas of the Volga region, Southern Urals and Central Kazakhstan revealed the presence of micro-residues left on them by metal tools. The aim of the study is to identify experimentally the signs of using metal flaking tools in the process of manufacturing of stone arrowheads. For the experimental work, copper pressing tools and a control series of double-sided arrowheads made of flint, quartzite, jasper and chalcedony, were prepared. As a result, it has been found that copper micro-residue is not present on all samples, so linear traces formed by a chip of the copper pressing tool on the edge of the product become particularly important. At the point of contact of pressure flaking tool with the surface of the stone, scratches of various localizations with a characteristic metallic luster can be seen. Noteworthy, in most cases the linear traces are rare. Based on the location of wear traces on experimental arrowheads, a schematic pattern of the probable location of copper residue and scratches has been developed, that will allow easier determination of traces of the use of metal tools on the surface of double-sided arrowheads dated to the Bronze Age.

Keywords: Bronze Age, stone bifacial arrowheads, copper pressure flaking tool, residue analysis for metals, linear traces, use wear analysis.

Funding. The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. FWRZ-2021-0006).

REFERENCES

Akerman, K., Bindon, P. (1995). Dentate and related stone biface points from Northern Australia. *The Beagle: Records of the museums and art galleries of the northern territory*, (12). Darwin, 89–99. <https://doi.org/10.5962/p.264280>

Akerman, K., Fullagar, R., van Gijn, A. (2002). Weapons and wunan: Production, function and exchange of Kimberley Points. *Australian Aboriginal Studies Journal of the Australian Institute of Aboriginal Studies*, (1), 14–42.

Basedow, H. (1925). *The Australian Aboriginal*. Adelaide: The Hassell Press.

* Corresponding author.

Giryа, E.Yu. (2024). Evidence-based interpretation of flint artifacts of the Middle Bronze Age in the North of Western Siberia (an attempt to determine the cultural and production model). In: Pogodin A.A., Trufanov A.Ya. *Poseleniya epokhi sredney bronzy na reke Konde*. Yekaterinburg: AV KOM — Heritage, 469–557. (Rus.).

Degtyareva, A.D. (2010). *History of metal industry of the south High Urals basin during the Bronze Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Idriess, I. (1937). *Over the Range: Sunshine and Shadow in the Kimberley*. Angus & Robertson Sydney.

Karmanov, V.N. (2023). Eneolithic Flint Industries in Far Northeastern Europe: An Appearance of New Complexity. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 78(1), 26–37. (Rus.). <https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1>

Kostomarova, Yu.V. (2020). Metal forging tools among the Late Bronze Age population of the forest-steppe Tobol region: (Experience of experimental traceological analysis). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 48–60. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-50-3-4>

Maloney, T.R. (2020). Kimberley points of Western Australia: Pressure flaking, projections and prestige. *Journal of Lithic Studies Published by the School of History, Classics and Archaeology*. (7). University of Edinburgh, 1–27. <https://doi.org/10.2218/jls.2968>

Moiken, H., Khurram S., Eriksen, B.V., Kienle, L. (2024). Copper and Flint — Exploring Technological Interfaces in South Scandinavian Early Metal Using Societies. In: *IntechOpen. Copper Overview — From Historical Aspects to Applications*. 17–42. <http://dx.doi.org/10.5772/intechopen.1004180>

Moore, M.W. (2015). Bifacial Flintknapping in the Northwest Kimberley, Western Australia. *Journal of Archaeological Method and Theory*, 22(3), 913–951. <https://doi:10.1007/s10816-014-9212-0>

Nelson, N.C. (1916). *Flint Working by Ishi. William Henry Holmes Anniversary Volume*. Washington: DC, 397–402.

Nicolas, C., Guéret, C. (2014). Armorican arrowheads biographies: production and function of an Early Bronze Age prestige good from Brittany (France). *Journal of Lithic Studies*, 1(2), 101–128. <https://doi:10.2218/jls.v1i2.1126>

Pope, S.T. (1918). Yahi Archery. *University of California Publications in American Archeology and Ethnology*, 13(3), 103–152.

Porteus, S.D. (1931). *The psychology of a primitive people: A study of the Australian Aboriginal*. London, Edward Arnold and Co.

Redding, B.B. (1879). How Our Ancestors in the Stone Age made their Implements. *The American Naturalist*, 13(11), 667–674.

Schumacher, P. (1877). Methods of making stone weapons. *Bull. U.S. Geol. and Geog. Surv. Vol. 3*. Washington, 547–549.

Tarasov, A.Yu. (2002). On the use of copper tools for stone processing in Bronze Age settlements in Karelia. *Tverskoy arkheologicheskiy sbornik*, (5), 388–392. (Rus.).

Wierer, U., Arrighi, S., Bertola, S., Kaufmann, G., Baumgarten, B., Pedrotti, A., Pernter, P., Pelegrin, J. (2018). The Iceman's lithic toolkit: Raw material, technology, typology and use. *PLoS ONE*, 13(6), e0198292. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0198292>

Yerzhanova, A., Gorashchuk, I., Chotbaev, A. (2025). "Hunting — war": stone arrowheads of the Taldysai settlement (Central Kazakhstan). *Arkheologiya Kazakhstana*, 28(2), 338–358. (Rus.). <https://doi.org/10.52967/akz2025.2.28.338.358>

Горащук И.В., <https://orcid.org/0000-0003-0881-4503>

Скочина С.Н., <https://orcid.org/0000-0001-8162-4779>

Семин Д.В., <https://orcid.org/0009-0002-4738-7436>

Ержанова А.Е., <https://orcid.org/0000-0002-2241-228X>

Сведения об авторах:

Горащук Игорь Владиславович, кандидат исторических наук, ведущий специалист, ООО НПЦ «Бифас», Самара.

Скочина Светлана Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

Семин Дмитрий Валерьевич, научный сотрудник, ООО «Универсальные технологии и разработки», Самара.

Ержанова Альбина Ергшебаевна, PhD, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Республика Казахстан.

About the authors:

Gorashchuk, I.V., Candidate of Historical Sciences, Leading Specialist, Bifas Ltd., Samara.

Skochina, S.N., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

Semin, D.V., Researcher, Universal Technologies and Developments LLC, Samara.

Yerzhanova, A.Ye., PhD, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Republic of Kazakhstan.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 09.06.2025

Article is published: 15.09.2025

Илюшина В.В. *, Зимина О.Ю.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008
E-mail: vika_tika@mail.ru (Илюшина В.В.); o_winter@mail.ru (Зимина О.Ю.)

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ У ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ 6 В НИЖНЕМ ПРИИШИМЬЕ

Исследованы навыки гончарного производства у групп населения переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку, проживавшего на территории поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (Западная Сибирь). Ранее по особенностям формы и орнаментации керамики переходного периода, полученной в ходе исследований на памятнике в 1990, 2002–2011 гг., выделены три основные группы, соотносимые с традициями красноозерской, гамаюнской, иткульской культур, и «синкретичная» группа посуды. Проведен технико-технологический анализ 190 сосудов выделенных групп в рамках историко-культурного подхода и методики, разработанных А.А. Бобринским. По результатам анализа и информации, полученной о представлениях гончаров об исходном пластичном сырье, навыках составления формовочных масс, механической обработке поверхностей, обжиге сосудов, выявлены традиционные приемы изготовления керамики у групп изучаемого населения. На основании полученных данных о составах формовочных масс, а также о составе шамота, использовавшегося при составлении рецептов, установлено, что группы населения гамаюнской и иткульской культур являлись пришлыми. Исходя из наличия в формовочных массах красноозерских сосудов шамота, содержащего тальк, выдвинуто предположение о контактах местного и пришлого населения, основанных на семейно-брачных отношениях.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Приишимье, поселение Мергень 6, переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку, красноозерская культура, гамаюнская культура, иткульская культура, «синкретичная» керамика, историко-культурный подход, технико-технологический анализ.

Ссылка на публикацию: Илюшина В.В., Зимина О.Ю. Технология изготовления керамики у групп населения переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 65–78. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-6>

Введение

Переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку на территории Нижнего Приишимья связан с красноозерской культурой, формирование которой в регионе происходило в результате смешения традиций местного бархатовско-сузгунского и пришлых таежных групп населения [Панфилов и др., 1991, с. 44; Матвеев, Горелов, 1993, с. 54, 55; Полеводов, 2004, с. 221–224; Костомарова, 2016; Зимина, Скоробогатова, 2018]. Одним из памятников, на котором представлен комплекс красноозерских древностей, является многослойное поселение Мергень 6 (рис. 1).

По результатам анализа керамической коллекции переходного от бронзы к железу времени поселения Мергень 6 — форм емкостей и особенностей их орнаментации — О.Ю. Зиминной выделены группы сосудов, соотносимые с красноозерской, гамаюнской, иткульской культурными традициями, а также группа «синкретичной» керамики, со смешанными красноозерско-гамаюно-иткульскими чертами [Зимина и др., 2023].

Целью настоящего исследования является введение в научный оборот нового источника историко-культурной информации, а именно — данных по технологии изготовления керамики, существовавшей у групп населения переходного времени от бронзового века к железному, проживавших на поселении Мергень 6.

Методика и методология исследования

Технико-технологическому анализу подвергнуты сосуды всех культурных и морфологических групп керамики (подробнее см.: [Зимина и др., 2023, с. 122–128]). Всего изучено 190 сосудов:

* Corresponding author.

— группа I — красноозерские сосуды с дуговидными шейками (108 экз.); подгруппа I/1 — керамика, украшенная крестовым штампом (37 экз.); подгруппа I/2 — украшенная гладким штампом (26 экз.); подгруппа I/3 — украшенная наколами (25 экз.); подгруппа I/4 — украшенная гребенчатым штампом (20 экз.);

— группа II — красноозерские сосуды с отогнутыми шейками (38 экз.); подгруппа II/1 — керамика, украшенная крестовым штампом (10 экз.); подгруппа II/2 — украшенная гладким штампом (20 экз.); подгруппа II/3 — украшенная наколами (3 экз.); подгруппа II/4 — украшенная гребенчатым штампом (5 экз.);

— группа III — гамаюньские сосуды (9 экз.);

— группа IV — иткульские сосуды (8 экз.);

— группа V — «синкретичные» красноозерско-гамаюно-иткульские сосуды (27 экз.).

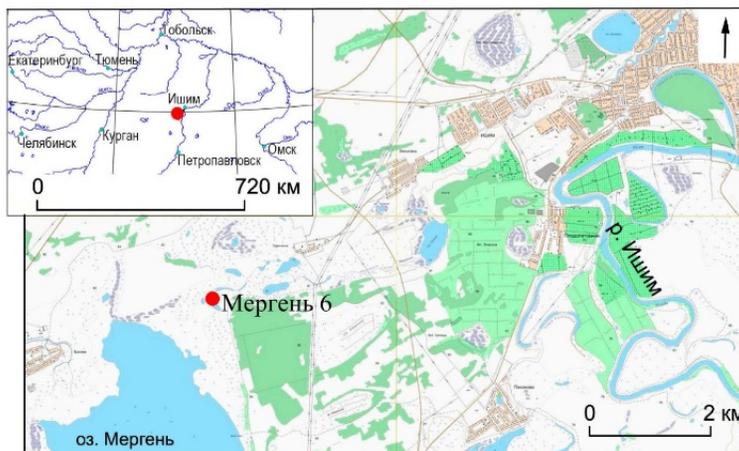

Рис. 1. Расположение поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье.
Fig. 1. The location of the settlement Mergen 6 in the Lower Ishim River region.

Исследование осуществлено в рамках историко-культурного подхода и методики, разработанных А.А. Бобринским [1978; 1999, с. 9–11]. Технологические следы, выявленные в изломах и на поверхностях керамики, идентифицировались с базой эталонов, а также опубликованными И.Н. Васильевой и Н.П. Салугиной результатами анализа эталонной коллекции, сформированной за годы работы Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства [2020]. С целью более строгого определения степени ожелезненности исходного пластичного сырья и характера искусственных и естественных примесей небольшие обломки каждого экземпляра были нагреты в муфельной печи до 850 °С в окислительной атмосфере.

Вследствие того что выявленные особенности навыков труда гончаров, принадлежавших к разным культурным группам, а также мастеров, изготавливавших разные морфологические группы сосудов, сходны на всех изученных ступенях гончарного производства, полученная информация далее приведена в обобщенном виде. Данные по каждой группе и подгруппе изделий отражены в таблицах.

Результаты технико-технологического анализа сосудов

Отбор, добыча и подготовка исходного пластичного сырья (далее — ИПС) (ступени 1–3). По всему изученному материалу выявлено применение двух видов ИПС — природной глины (98 сосудов, или 51,6 %) и илистой глины (92 сосуда, или 48,4 %) (табл. 1). Исходя из количественных характеристик примеси песка, содержащегося в глинах и илистых глинах, размера песчинок, а также в единичном случае степени ожелезненности сырья, выделены 8 подвидов глин и 7 подвидов илистых глин (табл. 2). Следует подчеркнуть, что минералогический состав большинства выделенных подвидов природных глин и илистых глин имеет определенную степень сходства, что указывает на близость расположения их залежей. Вероятно, места отбора обоих видов ИПС были приурочены к водоемам: илистых глин — в непосредственной близости к воде, а глин — на более удаленных от водоемов участках.

Глина 1. Сильной степени ожелезненности, слабо запесоченная. Содержит окатанный полупрозрачный кварцевый песок, размер частиц которого составляет от менее 0,1 мм (незначительное

количество) до 0,1–0,2 мм, реже — до 0,3 мм (30–45 включений на 1 см²), единичные песчинки размером до 0,5–1,0 мм. Зафиксированы железистые включения в виде комочков размером от 0,2–0,5 до 1,0 мм (от единичных до 10–20 включений на 1 см²), легко разрушающихся иглой, а также частицы бурого оолитового железняка размером 0,3–2,5 мм. Отмечены пылевидные листочки слюды.

Глина 2. Сильной степени ожелезненности, слабо запесоченная. Содержит окатанный полупрозрачный кварцевый песок, размер частиц которого составляет от менее 0,1 мм (незначительное количество) до 0,1–0,2 мм, реже — до 0,3 мм (50–80 включений на 1 см²), песчинки размером до 0,5–1,0 мм (до 10 включений на 1 см²). Присутствуют редкие железистые включения размером 0,3–0,7 мм, частицы бурого оолитового железняка размером 0,5–2,0 мм, а также пылевидные листочки слюды.

Глина 3. Сильной степени ожелезненности (красно-коричневого цвета), слабо запесоченная. Отмечены редкие включения песка размером 0,1–0,3 мм, единично — 0,5 мм и железистое включение размером 1,0 мм.

Глина 4. Сильной степени ожелезненности, средне запесоченная. Содержит окатанный полупрозрачный кварцевый песок, размер частиц которого составляет от менее 0,1 мм (незначительное количество) до 0,1–0,2 мм (не менее 100 включений на 1 см²), единичные песчинки размером от 0,3 до 0,5–1,0 мм. Присутствуют железистые включения размером 0,3–1,0 мм (в изломах некоторых сосудов до 10 включений на 1 см²), частицы бурого оолитового железняка размером 0,3–3,0 мм, а также единичные пылевидные листочки слюды.

Глина 5. Сильной степени ожелезненности, сильно запесоченная. Содержит значительное количество пылевидного (менее 0,1 мм) песка, определяемого по блеску и мелкой рельефности излома, частицы размером 0,1–0,3 мм (не менее 50 включений на 1 см²), редко — до 0,5–1,0 мм. Встречаются редкие включения окислов и гидроокислов железа размером 0,1–0,5 мм, частицы бурого железняка оолитовой формы размером от 0,3 до 2,5 мм (от единичных включений до 3–4 на 1 см²), а также пылевидные листочки слюды.

Глина 6. Сильной степени ожелезненности, сильно запесоченная. Не содержит пылевидного песка (менее 0,1 мм), а основная масса частиц, фиксирующихся в изломе, размером 0,1–0,3 мм (не менее 200 включений на 1 см²), песчинки до 0,5 мм — до 10–15 на 1 см², единичны — до 1,5 мм. Часто отмечаются разнообразные железистые включения — округлые, рыхлые размером до 0,5 мм, оолы бурого железняка до 2,0 мм, твердый, не царапающийся иглой, обломок аморфной формы с окатанными краями размером 5,0 мм.

Глина 7. Сильной степени ожелезненности, сильно запесоченная. Содержит песок размером от менее 0,1 мм до 0,1–0,3 мм (не менее 500 включений на 1 см²), встречаются частицы размером 0,5–0,8 мм. Присутствуют железистые включения размером 0,3–0,7 мм, бурый железняк оолитовой формы размером в основном 0,3–1,5 мм, единично — до 3,0–5,0 мм.

Глина 8. Сильной степени ожелезненности, сильно запесоченная. Содержит песок размером до 0,1–0,3 мм (не менее 1000 включений на 1 см²), а также частицы 0,5–1,0 мм (от 5 до 20 включений на 1 см²). Присутствуют железистые включения размером 0,5–1,0 мм, бурый железняк оолитовой формы размером в основном 0,3–0,8 мм, единично — до 2,0 мм.

Илистая глина 1. Сильной степени ожелезненности, слабо запесоченная. Количественный и качественный состав песчаной примеси аналогичен таковому выделенного подвида глины 1. Фиксируются железистые включения, рыхлые, легко разрушающиеся иглой, размером 0,2–0,8 мм, частицы бурого оолитового железняка размером от 0,4–1,0 до 2,0–4,0 мм. Единично отмечены окатанные комочки чистой глины размером 1,5 мм. Имеются фрагменты косточек рыб размером 0,3–2,0 мм (рис. 2, 1, 2), отпечатки обрывков стеблей и листьев растений длиной от 0,5–5,0 до 10,0–15,0 мм (рис. 2, 7, 8), отпечаток семени растения размером 2,0 мм. В изломах фрагментов двух сосудов выявлены единичные обломки раковин речных моллюсков размером 0,5 мм (рис. 2, 5).

Илистая глина 2. Сильной степени ожелезненности, слабо запесоченная. Минералогический состав данного подвида илистой глины аналогичен составу выделенного подвида глины 2. Содержатся фрагменты косточек рыб размером 0,5–1,0 мм (1–3 включения на несколько изломов), фрагмент чешуи рыбы размером 1,5 мм (рис. 2, 3, 4). Отмечен отпечаток раковины улитки 1,5 мм (рис. 2, 6). Фиксируются отпечатки обрывков стеблей и листьев растений длиной от 0,5 до 10,0 мм.

Илистая глина 3. Сильной степени ожелезненности, слабо запесоченная. В качестве минеральных примесей содержит частицы кварцевого окатанного и полуокатанного песка размером от менее 0,1 мм до 0,1–0,2 мм (не менее 50 включений на 1 см²), редкие частицы размером до 0,3–0,5 мм, а также включения оолитового бурого железняка размером 0,4–1,5 мм. Фиксируются отпечатки обрывков стеблей и листьев растений длиной от 0,5 до 5,0–15,0 мм, фрагмент

косточки рыбы размером 15,0 мм и включение чешуи размером 9,0 мм, единично отмечен фрагмент раковины речного моллюска размером 0,5 мм.

Илистая глина 4. Сильной степени ожелезненности, средне запесоченная. Минералогический состав данного подвида илистой глины аналогичен составу выделенного подвида глины 4. Единично отмечен окатанный комочек чистой глины размером 0,8 мм. Фиксируются отпечатки обрывков стеблей и листьев растений длиной от 0,5–5,0 мм до 10,0–30,0 мм, обломки косточек рыб 0,4–1,0 мм и чешуи 0,5–3,0 мм.

Илистая глина 5. Сильной степени ожелезненности, сильно запесоченная. Минералогический состав данного подвида илистой глины аналогичен таковому выделенного подвида глины 5. Единично встречаются окатанные комочки чистой глины 0,5–2,0 мм. Зафиксированы отпечатки обрывков стеблей и листьев растений от 1,0–5,0 до 8,0–13,0 мм, обломки косточек рыб размером 0,2–1,5 мм и фрагменты чешуи от 1,0 до 4,0–7,0 мм, единично встречаются фрагменты раковин речных моллюсков размером 0,5 мм.

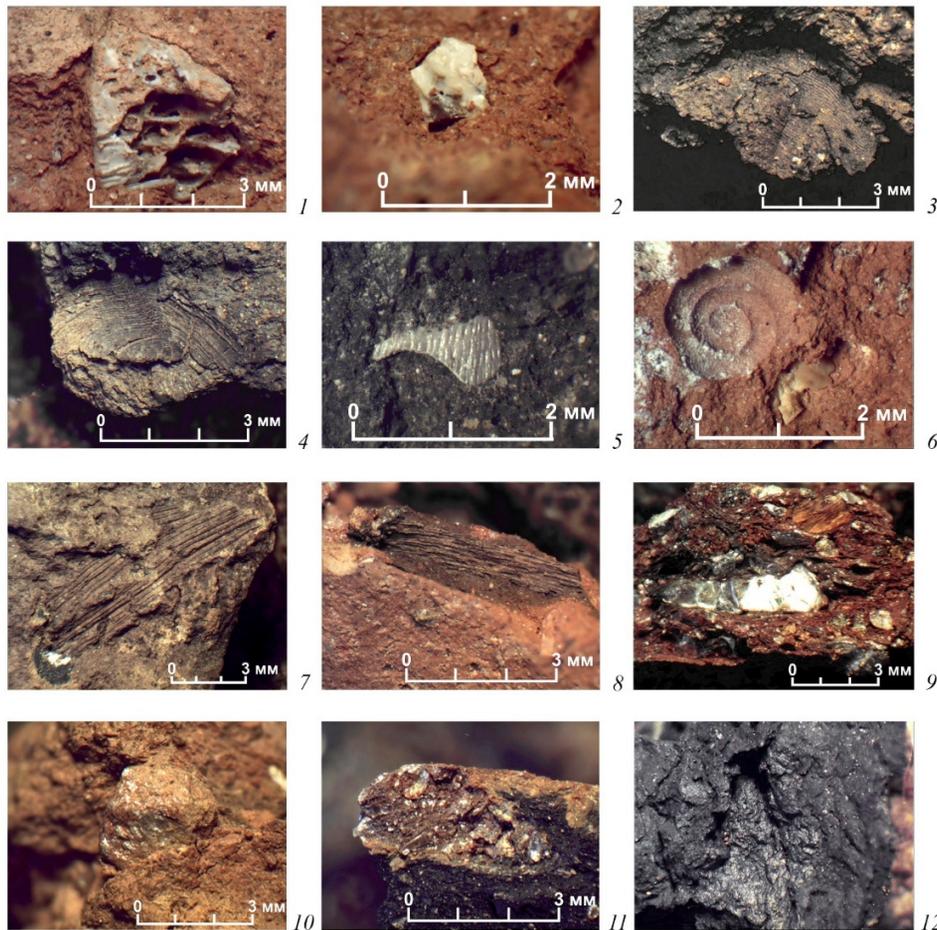

Рис. 2. Микроснимки естественных примесей в сырье и искусственных добавок в формовочных массах сосудов переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку поселения Мергень 6: 1, 2 — фрагменты костей рыб; 3, 4 — отпечатки чешуи рыб; 5 — фрагмент раковины речных моллюсков; 6 — отпечаток улитки и фрагмент кости рыбы; 7, 8 — отпечатки растений; 9 — тальковая дресва; 10, 11 — шамот с тальковой дресвой; 12 — следы органического раствора.

Fig. 2. Microphotographs of natural admixtures in raw materials and artificial components in the pottery paste of vessels of the Transitional Period from the Bronze to the Iron Age of the settlement of Mergen 6:

1, 2 — fragments of bones of fishes; 3, 4 — prints of fish scales; 5 — fragment of shell and the fragment of bone of fish; 7, 8 — prints of plants; 9 — chamotte with talc; 10, 11 — chamotte with talc; 12 — traces of organic solution.

Илистая глина 6. Сильной степени ожелезненности, сильно запесоченная. По минералогическому составу данный подвид илистой глины аналогичен выделенному подвиду глине 7. Зафиксированы отпечатки обрывков растений от 0,5 до 20,0 мм, включения нитевидных водорослей длиной 5,0–7,0 мм, фрагменты косточек рыб размером от 0,3–2,0 мм до 4,0–6,0 мм и чешуи

Технология изготовления керамики у групп населения переходного периода...

размером от 0,5–0,6 до 8,0–15,0 мм. В изломах фрагментов шести сосудов встречены фрагменты раковин речных моллюсков размером 0,5–2,0 мм.

Илистая глина 7. Сильной степени ожелезненности, сильно запесоченная. Минералогический состав данного подвида илистой глины аналогичен составу выделенного подвида глины 8. Так же как и в других подвидах илестых глин, зафиксированы отпечатки обрывков растений длиной от 1,0 до 8,0 мм, обломки косточек рыб размером 0,4–2,0 мм и чешуи размером 0,5–6,0 мм, единично отмечены фрагменты раковин речных моллюсков размером 0,5–0,8 мм.

Таблица 1

Виды исходного пластичного сырья сосудов переходного времени от бронзы к железу поселения Мергень 6

Table 1

The types of raw materials of vessels of the Transitional Period from the Bronze to the Iron Age of the settlement of Mergen 6

Виды ИПС	Группы сосудов										
	I				II				III	IV	V
	I/1	I/2	I/3	I/4	II/1	II/2	II/3	II/4			
Глины	20/54 *	16/61,5	5/20	11/55	8/80	12/60	2/66,6	3/60	5/55,6	5/62,5	11/40,7
	52/48,2				25/65,8						
Илестые глины	17/46	10/38,4	20/80	9/45	2/20	8/40	1/33,3	2/40	4/44,4	3/37,5	16/59,2
	56/51,8				13/34,2						
Всего сосудов	37/100	26/100	25/100	20/100	10/100	20/100	3/100	5/100	9/100	8/100	27/100
	108/100				38/100						

* Здесь и далее: в числителе — количество сосудов в группе/подгруппе, в знаменателе — % от общего количества сосудов в группе/подгруппе.

Таблица 2

Соотношение видов и подвидов исходного пластичного сырья сосудов переходного времени от бронзы к железу поселения Мергень 6

Table 2

The ratio of the types and subspecies of raw materials of vessels of the Transitional Period from the Bronze to the Iron Age of the settlement of Mergen 6

Виды и подвиды ИПС	I				II				III	IV	V	Всего
	I/1	I/2	I/3	I/4	II/1	II/2	II/3	II/4				
Гл. * 1	7/18,9	3/11,5	—	—	4/40	—	—	—	1/11,1	—	—	15/7,9
	10/9,2				4/10,5							
Гл. 2	—	—	1/4	1/5	2/20	—	—	—	—	1/12,5	—	5/2,6
	2/1,8				2/5,2							
Гл. 3	—	—	—	—	—	—	—	—	1/11,1	—	—	1/0,5
	—				—							
Гл. 4	2/5,4	5/19,2	—	2/10	1/10	2/10	1/33,3	—	—	—	1/3,7	14/7,4
	9/8,3				4/10,5							
Гл. 5	2/5,4	1/7,7	2/8	4/16	1/10	2/10	1/33,3	1/20	2/22,2	1/12,5	5/18,5	22/11,6
	10/9,2				5/13,1							
Гл. 6	1/2,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/0,5
	1/0,9				—							
Гл. 7	6/16,2	6/23,1	2/8	4/20	—	6/30	—	—	1/11,1	2/25	2/7,4	29/15,3
	18/16,7				6/15,8							
Гл. 8	2/5,4	1/3,8	—	—	—	2/10	—	2/40	—	1/12,5	3/11,1	11/5,8
	3/2,8				4/10,5							
ИГ 1	2/5,4	2/7,7	1/4	—	—	—	—	1/20	1/11,1	—	1/3,7	8/8,7
	5/4,6				1/2,6							
ИГ 2	—	—	—	1/5	—	1/5	—	—	—	—	1/3,7	3/3,26
	1/0,9				1/2,6							
ИГ 3	—	—	1/4	—	—	—	—	—	—	—	1/3,7	2/2,2
	1/0,9				—							
ИГ 4	2/5,4	—	3/12	1/5	—	—	—	—	—	—	1/3,7	7/7,6
	6/5,6				—							
ИГ 5	3/8,1	3/11,5	3/12	3/15	—	2/10	1/33,3	—	1/11,1	—	7/25,9	23/25
	11/10,2				3/7,9							
ИГ 6	8/21,6	3/11,5	10/40	4/20	2/20	3/15	—	—	2/22,2	1/12,5	3/11,1	36/39,1
	25/23,1				5/13,1							
ИГ 7	2/5,4	2/7,7	2/8	—	—	2/10	—	1/20	—	2/25	2/7,4	13/14,1
	6/5,6				3/7,9							
Всего сосудов	37/100	26/100	25/100	20/100	10/100	20/100	3/100	5/100	9/100	8/100	27/100	190/100
	108/100				38/100							

* Здесь и далее: Гл. — природная глина; ИГ — илестая глина.

Представленные в таблицах 1 и 2 данные демонстрируют следующее:

1) красноозерские гончары, изготовлявшие сосуды с отогнутой шейкой (группа II), гамаюнские и иткульские мастера (группы сосудов III, IV) отдавали предпочтение природным глинам как сырью, необходимому для изготовления посуды. Несколько больший процент изделий, из-

готовленных из илистых глин, отмечается по группе «синкретичных» сосудов (группа V). Красноозерские изделия с дуговидными шейками (группа I) практически в равном количестве изготовлены из природных глин и илистых глин, можно лишь отметить, что наиболее массово илистые глины применялись гончарами, делавшими сосуды с дуговидными шейками и орнаментированными их в накольчатой технике (подгруппа I/3);

2) гончары массово использовали сырье средней и сильной степени запесоченности, применение слабо запесоченных глин и илистых глин выявлено по незначительному количеству сосудов;

3) наибольшее разнообразие условных источников добычи сырья отмечается по красноозерским (группы I и II) и «синкретичным» (группа V) изделиям. Вместе с тем не исключено, что меньшее количество условных залежей, из которых добывалось сырье гамаюнскими (группа III) и иткульскими (группа IV) гончарами, связано с весьма небольшим количеством изученных сосудов;

4) корреляция выделенных групп сосудов и подвидов природных глин и илистых глин выявила следующее:

— гончары всех культурных групп использовали условные залежи, где добывались глины 5 и 7, илистая глина 6;

— применение глины 8 и илистой глины 7 выявлено по красноозерским, иткульским изделиям и сосудам, включенным в «синкретичную» группу;

— гончары гамаюнской и иткульской культур использовали те же источники сырья, что и красноозерские мастера, исключение составляет единственный гамаюнский сосуд, изготовленный из глины 3, не выявленной по остальным изученным изделиям;

— илистые глины 2, 3 и 4 использовались только гончарами, изготовлявшими сосуды, отнесенные к группе красноозерской культуры, и сосуды со смешанными культурными признаками («синкретичные»), при этом применение илистых глин 3 и 4 отмечено только по красноозерским сосудам с дуговидными шейками;

— илистые глины 1 и 5 использовались красноозерскими и гамаюнскими гончарами, а также мастерами, изготовлявшими сосуды синкретичного облика.

Все виды ИПС применялись в состоянии естественной влажности, признаков предварительного их высушивания и дробления не зафиксировано.

Составление формовочных масс (далее — ФМ) (ступень 4). По исследованному материалу зафиксировано, что в качестве искусственных примесей при составлении ФМ использовались шамот, тальковая дресва и органические примеси.

Шамот не подвергался калибровке, а допускался лишь верхний предел размера его зерен (табл. 3). В ФМ более чем половины всех изученных изделий размер частиц шамота варьирует в пределах от менее 0,5 до 5,0–7,0 мм, единично — до 10,0 мм. В изломах 50 сосудов (26,3 %) размер включений шамота не превышал 4,0 мм, в изломах 41 сосуда (21,6 %) — 3,0 мм. Концентрация данной примеси в ФМ варьирует от единичных включений до 1:4, но чаще всего шамот добавлялся в концентрации 1:5 и 1:6 (всего 130 сосудов, или 68,4 %).

Корреляция размерности, концентрации шамота и выделенных групп сосудов определенных закономерностей не обнаружила. Можно отметить лишь, что размер шамота, не превышающий 3,0 мм, зафиксирован в большей части красноозерских изделий с отогнутыми шейками, орнаментированными крестовым штампом (подгруппа II/1). Значительно количество сосудов с таким шамотом в группе гамаюнских сосудов. При составлении формовочных масс шамот в концентрации 1:4 использовался только гончарами, изготавливавшими сосуды в красноозерской традиции, а единичные частицы шамота отмечены лишь по гамаюнскому и «синкретичному» изделиям.

Тальк в качестве компонента ФМ представлен в основном чешуйчатыми включениями, сопровождающимися частицами с волокнистой структурой (рис. 2, 9). Данная примесь не калибровалась, включения представлены как пылевидной фракцией, так и крупными обломками размером до 5,0–8,0 мм. Концентрация талька составляет 1:1/2.

В качестве органических компонентов при составлении формовочных масс использовались растворы, изготовленные, по всей вероятности, на основе веществ животного или растительно-го происхождения, и выжимка из навоза жвачных животных.

Органические растворы фиксируются по наличию в изломах аморфных, округлых или узких вытянутых пустот размером 0,5–3,0 мм, покрытых бесцветными или углистыми пленками, имеющими жирный блеск (рис. 2, 12). Такие пленки наблюдаются и на поверхности минеральных примесей, отдельных участках изломов, на смятах между «строительными элементами». В изломах некоторых сосудов зафиксированы углистые включения размером до 1,0 мм.

Технология изготовления керамики у групп населения переходного периода...

Выжимка из навоза жвачных животных выявлена по присутствию в изломах сосудов незначительного количества отпечатков сильно измельченной растительности размером 0,5–3,0 мм, иногда длиной до 5,0–10,0 мм, пустотам аморфной формы с бесцветными матовыми поверхностями размером 0,5–3,0 мм. В изломах некоторых сосудов в полостях зафиксированы углефицированные остатки сгустков выгоревшей органики размером до 1,0 мм.

Таблица 3

Соотношение размера и концентрации шамота в формовочных массах сосудов переходного времени от бронзы к железу поселения Мергень 6

Table 3

The ratio of size and concentration of chamotte in pottery paste of vessels of the Transitional Period from the Bronze to the Iron Age of the settlement of Mergen 6

Особенности шамота	I				II				III	IV	V	Всего
	I/1	I/2	I/3	I/4	II/1	II/2	II/3	II/4				
Размер шамота												
До 3,0 мм	6/16,2	6/23,1	7/28	3/15	7/70	2/10	—	—	4/44,4	1/12,5	5/18,5	41/21,6
	22/20,4				9/23,7							
До 4,0 мм	11/29,7	11/42,3	2/8	6/30	2/20	4/20	—	2/40	1/11,1	4/50	7/25,9	50/26,3
	30/27,8				8/21,1							
До 5,0 мм и более	20/54,1	9/34,6	16/64	11/55	1/10	14/70	3/100	3/60	4/44,4	3/37,5	15/55,6	99/52,1
	56/51,8				21/55,2							
Концентрация шамота												
1:4	4/10,8	—	4/16	2/10	—	1/5	—	—	—	—	—	11/5,8
	10/9,2				1/5,6							
1:5	10/27	9/34,6	5/20	8/40	5/50	5/25	2/66,6	—	3/33,3	2/25	7/25,9	56/29,5
	32/29,6				12/31,5							
1:6	17/46	13/50	9/36	4/20	2/20	9/45	1/33,3	3/60	3/33,3	3/37,5	10/37	74/38,9
	43/39,8				15/39,5							
1:7	5/13,5	1/3,8	7/28	4/20	1/10	3/15	—	1/20	2/22,2	2/25	7/25,9	33/17,4
	17/15,7				5/13,2							
1:8/9	1/2,7	3/11,5	—	2/10	2/20	2/10	—	1/20	—	1/12,5	2/7,4	14/7,3
	6/5,6				5/13,2							
Единый	—	—	—	—	—	—	—	—	1/11,1	—	1/3,7	2/1,1
	—				—							
Всего сосудов	37/100	26/100	25/100	20/100	10/100	20/100	3/100	5/100	9/100	8/100	27/100	190/100
	108/100				38/100							

Таблица 4

Соотношение рецептов формовочных масс сосудов переходного времени от бронзы к железу поселения Мергень 6

Table 4

The ratio of recipes of the pottery pastes of vessels of the Transitional Period from the Bronze to the Iron Age of the settlement of Mergen 6

Рецепты ФМ	I				II				III	IV	V	Всего
	I/1	I/2	I/3	I/4	II/1	II/2	II/3	II/4				
Гл.+Ш *	1/2,7	—	—	—	—	—	—	—	—	2/25	—	3/1,6
	1/0,9				—							
Гл.+Ш+В	14/37,8	14/53,8	4/16	9/45	8/80	12/60	1/33,3	2/40	3/33,3	—	5/18,5	72/37,9
	41/37,9				23/60,5							
Гл.+Ш+ОР	5/13,5	2/7,7	1/4	2/10	—	—	1/33,3	1/20	1/11,1	3/37,5	6/22,2	22/11,6
	10/9,25				2/5,3							
Гл.+Т+Ш	—	—	—	—	—	—	—	—	1/11,1	—	—	1/0,5
	—				—							
ИГ+Ш	2/5,4	—	4/16	2/10	—	2/10	—	—	2/22,2	—	5/18,5	17/8,9
	8/7,4				2/5,3							
ИГ+Ш+ОР	15/40,5	10/38,5	16/64	7/35	2/20	6/30	1/33,3	2/40	2/22,2	3/37,5	11/40,7	75/39,5
	48/44,4				11/28,9							
Всего сосудов	37/100	26/100	25/100	20/100	10/100	20/100	3/100	5/100	9/100	8/100	27/100	190/100
	108/100				38/100							

* ИГ — илестая глина; Гл. — глина; Ш — шамот; ОР — органический раствор; В — выжимка из навоза жвачных животных; Т — тальковая дресва.

Таким образом, исходя из сочетания искусственных компонентов с различными видами ИПС по исследованному материалу выделено шесть рецептов составления формовочных масс (табл. 4). Корреляция выделенных групп сосудов и составов ФМ определенных закономерностей не выявила. Отметим лишь следующее: 1) ФМ, составленная по рецепту «глина + шамот + выжимка из навоза», чаще использовалась красноозерскими мастерами, изготовившими сосуды с отогнутыми шейками (группа II); 2) иткульскими гончарами и мастерами, изготовившими «синкретичные» сосуды, в качестве органической примеси при составлении ФМ чаще всего использовались органические растворы; 3) рецепт формовочной массы «илестая глина + шамот +

органический раствор» хотя и незначительно, но превалирует в красноозерских сосудах с дуговыми шейками (группа I) и «синкретичных» изделиях (группа V); 4) формовочная масса, составленная по сложному рецепту с применением двух минеральных примесей «глина + тальк + шамот», отмечена только по гамаюнскому сосуду (группа III).

Технико-технологическому анализу подвергался также шамот как основной компонент формовочных масс, так как его состав может указывать на степень устойчивости навыков труда на некоторых ступенях гончарного производства (табл. 5). В шамоте одного из красноозерских сосудов группы I зафиксирован фрагмент кости рыбы, на основании чего можно предположить в том числе использование илестых глин для изготовления сосудов, пошедших на шамот. В подавляющем большинстве изделий в составе шамота отмечен только шамот. В изломах 37 изделий выявлен шамот двух составов — с шамотом и с тальком (рис. 2, 10, 11). При анализе трех красноозерских сосудов группы I выявлены частицы шамота, содержащие шамот, в которых выявлен тальк. В одном изделии обнаружены частицы шамота, содержащие обломки минерала белого цвета. Шамот, содержащий только тальк, зафиксирован по гамаюнским изделиям (группа III).

Таблица 5

Соотношение состава формовочных масс шамота в сосудах переходного времени от бронзы к железу поселения Мергень 6

Table 5

The ratio of the composition the pottery paste of chamotte in the vessels of the Transitional Period from the Bronze to the Iron Age of the settlement of Mergen 6

Компонентный состав шамота	I				II				III	IV	V	Всего
	I/1	I/2	I/3	I/4	II/1	II/2	II/3	II/4				
Шамот	32/86,5	23/88,5	20/80	10/50	10/100	19/95	3/100	5/100	2/22,2	4/50	17/63	146/76,8
	86/79,6				37/97,4							
Шамот; тальк	3/8,1	2/7,7	5/20	9/45	—	1/5	—	—	4/44,4	4/50	10/37	37/19,5
	18/16,7				1/2,6							
Шамот (тальк)	1/2,7	1/3,8	—	1/5	—	—	—	—	—	—	—	3/1,6
	3/2,8				—							
Тальк	—	—	—	—	—	—	—	—	3/33,3	—	—	3/1,6
	—				—							
Обломки минералов	1/2,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/0,5
	1/0,9				—							
Всего сосудов	37/100	26/100	25/100	20/100	10/100	20/100	3/100	5/100	9/100	8/100	27/100	190/100
	108/100				38/100							

Фрагментированность керамического комплекса переходного от бронзы к железу времени не позволила получить данные о навыках гончаров на ступенях конструирования начинов и полого тела, формообразования сосудов (ступени 5–7). Можно отметить лишь применение лоскутного спиралевидного налепа при изготовлении полого тела, зафиксированного по изломам крупных частей изученных красноозерских изделий.

Механическая обработка поверхностей (ступень 8) сосудов осуществлялась способом простого заглаживания, а также лощения и уплотнения (прием, аналогичный лощению, но без характерного матового блеска [Васильева, 2011, с. 77]). Заглаживание и внешних, и внутренних поверхностей изделий осуществлялось преимущественно деревянными или костяными шпателями, реже — ножом или скребком. Сосуды со следами заглаживания чем-либо мягким (пальцами, кусочком ткани), в том числе в сочетании со шпателями, деревянными ножами или скребками, довольно редки. Чаще же всего на поверхностях наблюдаются следы лощения по подсушенной основе, по всей вероятности осуществлявшегося не только небольшими гальками, но и костяными орудиями, а также уплотнения. В тех случаях, когда уплотнение или лощение было сплошным, получить информацию об особенностях первоначального заглаживания не удалось. В основном это касается внешних поверхностей изделий. На внутренних стенках сосудов следы уплотнения и лощения фиксируются преимущественно на шейках (так называемое локальное лощение), что позволило выявить специфику инструментов, применявшихся при первоначальной обработке поверхностей.

Корреляция основных способов механической обработки поверхностей изделий и выделенных групп керамики не выявила достаточно жестких закономерностей (табл. 6). Можно отметить лишь некоторые особенности на данной ступени гончарного производства, обнаруженные по красноозерским изделиям с дуговыми шейками (группа I) и сосудам, выделенным в «синкретичную» группу (группа V), а именно: 1) применение материалов с эластичной рабочей поверхностью, включая случаи использования разных инструментов при заглаживании одного сосуда; 2) единичное применение гребенчатого штампа в качестве орудия для заглаживания; 3) более значительное количество сосудов со следами уплотнения на внешних стенках в сравнении с другими группами изделий.

Технология изготовления керамики у групп населения переходного периода...

В целом же на внешней и/или внутренней поверхностях сосудов всех групп в основном зафиксированы следы обработки шпателем, а уплотнение и/или лощение являются доминирующими.

Таблица 6

Соотношение способов обработки поверхностей сосудов переходного времени от бронзы к железу поселения Мерген 6

Table 6

The ratio of the methods of surface treatment on the vessels of the Transitional Period from the Bronze to the Iron Age of the settlement of Mergen 6

Способы обработки поверхностей	I				II				III	IV	V	Всего
	I/1	I/2	I/3	I/4	II/1	II/2	II/3	II/4				
Внешняя поверхность												
Пальцы	—	1/3,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/0,5
	1/0,9				—							
Шпатель	6/16,2	5/19,2	12/48	2/10	1/10	9/45	1/33,3	1/20	—	—	3/11,1	40/21
	25/23,1				12/31,6							
Деревянный нож/ скребок	1/2,7	1/3,8	2/8	1/5	—	—	—	—	—	—	2/7,4	7/3,7
	5/4,6				—							
Уплотнение	7/18,9	13/50	12/48	8/40	2/20	2/10	—	—	3/33,3	2/25	11/40,7	60/31,6
	40/37				4/10,5							
Лощение	25/67,5	10/38,5	8/36	11/55	8/80	18/90	3/100	4/80	6/66,7	5/62,5	14/51,8	112/59
	54/50				33/86,8							
Не ясно	3/8,1	—	2/8	1/5	—	—	—	—	—	1/12,5	2/7,4	9/4,7
	6/5,6				—							
Внутренняя поверхность												
Пальцы	2/5,4	2/7,7	—	1/5	—	—	—	—	—	—	—	5/2,6
	5/4,6				—							
Ткань	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/3,7	1/0,5
	—				—							
Пальцы и шпатель	4/10,8	5/19,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9/4,7
	9/8,3				—							
Пальцы и нож/скребок	—	1/3,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/0,5
	1/0,9				—							
Шпатель	19/51,3	9/34,6	18/72	10/50	1/10	10/50	2/66,6	3/60	1/11,1	4/50	8/29,6	85/44,7
	56/51,8				16/42,1							
Деревянный нож/ скребок	3/8,1	2/7,7	3/12	4/20	—	—	—	1/20	1/11,1	—	6/22,2	20/10,5
	12/11,1				1/2,6							
Гребенчатый штамп	—	—	—	1/5	—	—	—	—	—	—	1/3,7	2/1
	1/0,9				—							
Уплотнение	3/8,1	1/3,8	1/4	7/35	1/10	3/15	1/33,3	—	2/22,2	2/25	7/26	28/14,7
	12/11,1				5/13,2							
Лощение	14/37,8	3/11,5	4/16	3/15	8/80	17/85	—	3/60	3/33,3	1/12,5	8/29,6	64/33,7
	24/22,2				28/73,7							
Не ясно	3/8,1	2/7,7	3/12	4/20	—	—	—	1/20	1/11,1	—	6/22,2	20/10,5
	12/11,1				1/2,6							
Всего сосудов	37/100	26/100	25/100	20/100	10/100	20/100	3/100	5/100	9/100	8/100	27/100	190/100
	108/100				38/100							

Придание прочности гончарным изделиями и устранение их влагопроницаемости (ступени 9–10) осуществлялось путем обжига сосудов. Анализ цветовой характеристики изломов изученных фрагментов изделий показывает, что они чаще всего обжигались в условиях окислительно-восстановительной среды, т.е. при ограниченном доступе кислорода и непродолжительном действии температур каления глины (не ниже 650 °С). Изученные сосуды в подавляющем большинстве случаев имеют двух- или трехслойную окрашенность изломов (отмечено для 167 изделий, или 87,9 %) с шириной осветленных слоев, варьирующей в пределах от 0,2–0,3 до 2,0–3,0 мм, а чаще всего составляющей 0,5–1,5 мм (табл. 7). После достижения температур каления часть сосудов извлекалась из обжигового устройства, что фиксируется по четкой границе между осветленными слоями и темно-серой сердцевинной (137 сосудов, или 72,1 %), другие оставались остывать в обжиговом устройстве, на что указывает размытая граница между прослоями (30 сосудов, или 15,8 %). Незначительная часть сосудов имеют сплошной темно-серый излом и пятнистую коричнево-серую или серую окраску внешней и внутренней поверхностей (19 сосудов, или 10 %), что говорит о термической обработке этих изделий в условиях восстановительной атмосферы без воздействия температур каления с созданием на последнем этапе обжига окислительной среды. Фрагменты 4 сосудов (2,1 %) имеют сплошной осветленный излом, что свидетельствует о достаточно длительном нахождении изделий в зоне высоких температур, возможно связанном с попаданием данных фрагментов в огонь повторно после разрушения сосудов. Отмеченные цветовые особенности поверхностей и изломов сосудов позволяют говорить, что обжиг изделий проводился в простых обжиговых устройствах — кострищах или очагах чаще всего с кратковременным действием температур каления.

Сопоставление полученных данных об особенностях обжига выделенных групп сосудов достаточно жестких закономерностей не выявило. Можно отметить лишь более значительное количество емкостей, обжиг которых производился в восстановительной атмосфере, в группе красноозерских сосудов с отогнутыми шейками (группа II), при этом наиболее часто по изделиям, орнаментированным крестовым штампом (подгруппа II/1), а также гамаюнским сосудам (группа III).

Таблица 7

Характеристика изломов сосудов переходного времени от бронзы к железу поселения Мергенъ 6

Table 7

The characteristics of fractures of the vessels of the Transitional Period from the Bronze to the Iron Age of the settlement of Mergen 6

Особенности окраски изломов сосудов	I				II				III	IV	V	Всего
	I/1	I/2	I/3	I/4	II/1	II/2	II/3	II/4				
Окраска изломов сосудов												
Двухслойный	17/46	11/42,3	7/28	5/25	4/40	8/40	1/33,3	2/40	3/33,3	4/50	11/40,7	73/38,4
	40/37				15/39,5							
Трехслойный	18/48,6	13/50	14/56	14/70	1/10	11/55	1/33,3	3/60	3/33,3	2/25	14/51,9	94/49,5
	59/54,6				16/42,1							
Темно-серый	2/5,4	2/7,7	2/8	—	5/50	1/5	1/33,3	—	3/33,3	1/12,5	2/7,4	19/10
	6/5,6				7/18,4							
Полностью осветлен	—	—	2/8	1/5	—	—	—	—	—	1/12,5	—	4/2,1
	3/2,8				—							
Мощность осветленных слоев в изломах сосудов												
До 0,2–0,4 мм	8/21,6	2/7,7	2/8	2/10	—	—	—	1/20	2/22,2	1/12,5	4/14,8	22/11,6
	14/13				1/2,6							
До 0,5–1,5 мм	16/43,2	11/42,3	9/36	12/60	5/50	11/55	6/66,6	3/60	3/33,3	4/50	15/55,6	95/50
	48/44,4				25/65,8							
До 2,0–3,0 мм	11/29,7	11/42,3	10/40	5/25	—	8/40	—	1/20	1/11,1	1/12,5	6/22,2	54/28,7
	37/34,2				9/23,7							
Всего сосудов	37/100	26/100	25/100	20/100	10/100	20/100	3/100	5/100	9/100	8/100	27/100	190/100
	108/100				38/100							

Обсуждение результатов

Проведенное нами исследование позволило в целом выявить сходство приемов изготовления керамики, существовавших у гончаров разных культурных групп населения, проживавших на поселении Мергенъ 6 в переходное от бронзы к железу время.

Можно заключить, что носители разных культурных традиций имели неоднородные взгляды на исходное пластичное сырье, которое должно быть использовано для изготовления сосудов, вместе с тем представления о природных глинах были более распространенными. Лишь у гончаров красноозерской культурной группы, изготавливавших сосуды с дуговидными шейками и наносивших орнамент в накольчатой технике, а также у мастеров, делавших посуду «синкретичного» облика, как уже отмечалось выше, преобладали представления об илистых глинах. Возможно, в среде изучаемого населения существовали группы гончаров, владевшие собственными навыками на некоторых ступенях производственного процесса, в частности определенными представлениями о сырье и орнаментации сосудов.

Выявленное разнообразие условных источников добычи природных и илистых глин с близким вместе с тем качественным составом естественных минеральных примесей могло быть связано с освоением новой для изучаемого населения территории, поиском более подходящего по представлениям гончаров сырья. Не исключено использование определенных залежей конкретными (семейными?) группами гончаров. В то же время, подчеркнем, в абсолютном большинстве случаев выделенные условные источники добычи являлись общими либо для части изученных групп населения (в частности, залежи глин подвидов 1, 2, 4, 8, илистых глин подвидов 1–5, 7), либо для представителей всех культурных групп (залежи глин подвидов 5 и 7, илистой глины подвида 6). Источники сырья, использовавшиеся только одной группой населения, единичны, например залежь глины подвида 6, отмеченной по единственному сосуду красноозерской группы. Обращает на себя внимание глина подвида 3, выявленная по одному гамаюнскому изделию: именно в сочетании с ней зафиксирован рецепт формовочной массы «талък + шамот». Полагаем, что данное изделие было изготовлено за пределами поселения и являлось импортным, попавшим на поселение вместе с носителями гамаюнских традиций.

В целом же в приемах подготовки компонентов и составления рецептов формовочных масс, существовавших у гончаров красноозерской, гамаюнской и иткульской культур, у мастеров, изготовивших сосуды «синкретичного» облика, значительных различий не выявлено. Единственное, что можно отметить, это более значительный процент сосудов, изготовленных из

Технология изготовления керамики у групп населения переходного периода...

масс с использованием выжимки из навоза жвачных животных в качестве органической примеси в группе красноозерских изделий с отогнутыми шейками.

Рис. 3. Сосуды переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку поселения Мергень 6, содержащие шамот с тальком:

1–15, 17 — сосуды красноозерской культуры (1–3 — подгруппа I/1; 4–6 — подгруппа I/2; 7–10 — подгруппа I/3; 11–15 — подгруппа I/4); 17 — сосуд красноозерской культуры (подгруппа II/2); 16, 18, 19 — сосуды гамаюнской культуры (группа III); 20–22 — сосуды иткульской культуры (группа IV); 23–27 — сосуды «синкретичного» облика (группа V).

Fig. 3. Vessels of the Transitional Period from the Bronze to the Iron Age of the settlement of Mergen 6, containing chamotte with talc:

1–15, 17 — vessels of the Krasnoozerska Culture (1–3 — subgroup I/1; 4–6 — subgroup I/2; 7–10 — subgroup I/3; 11–15 — subgroup I/4; 17 — subgroup II/2); 16, 18, 19 — vessels of the Gamayun Culture (group III); 20–22 — vessels of the Itkul Culture (group IV); 23–27 — vessels of a “syncretic” appearance (group V).

В то же время обращает на себя внимание состав шамота, использовавшегося гончарами при составлении формовочных масс, а именно наличие талька в ФМ раздробленных сосудов (рис. 3). Не вызывает удивления наличие в 50 % иткульских сосудов шамота с двумя составами — с шамотом и с тальком (рис. 3, 20–22), что характерно для керамики данной культурной группы Нижнего Притоболья [Зими́на, Илюшина, 2016; Илюшина, 2018]. По всей вероятности, с продвижением носителей иткульских традиций все дальше к востоку от исконной территории, где гончарами при составлении формовочных масс использовалась тальковая дресва, проявление этой традиции заметно сокращается не только из-за отсутствия выходов горных пород, но и, видимо, в результате смешения с местным населением. В гамаюнских изделиях наряду с шамотом двух составов (44,4 %) выявлены и частицы, содержащие только тальк (33,3 %) (рис. 2, 16, 18, 19). Учитывая тот факт, что в Тоболо-Ишимье до сих пор выявлен только один гамаюнский памятник

ник — Андреевское 5 городище (Туро-Пышминское междуречье) [Борзунов, 1992] и встречаются лишь фрагменты сосудов (развалы сосудов единичны — Красногорское городище в Тоболо-Исетском междуречье [Матвеев, Аношко, 2009]) в комплексах культур эпохи поздней бронзы, в особенностях технологии изготовления керамики у населения данной культуры обнаруживается большее сходство с гончарными традициями, распространенными на территории происхождения — в Уральском регионе [Борзунов, 1992, с. 54].

Шамот, так или иначе содержащий тальк, обнаруженный в составе ФМ красноозерских сосудов (рис. 3, 1–15, 17), а также в значительной части «синкретичных» изделий (рис. 3, 23–27), свидетельствует о процессах смешения групп населения, проживавшего на поселении Мергень 6. Подчеркнем, что частицы шамота с тальком зафиксированы в основном по красноозерским изделиям с дуговидными шейками, при этом наиболее массово по сосудам, орнаментированным гребенчатым штампом (рис. 3, 11–15), по облику наиболее близким к группе «синкретичных» сосудов (рис. 3, 24–26), и отмечены только по одному красноозерскому сосуду с отогнутой шейкой (рис. 3, 17), орнаментированному гладким штампом и наколами. Таким образом, можно предположить, что изготовление изделий, включенных в красноозерскую группу, содержащих такой шамот, так же как и «синкретичных» сосудов, могло осуществляться мастерами гамаюно-иткульского происхождения. Это, в свою очередь, может говорить о контактах населения, проживавшего на поселении, основанных на семейно-брачных отношениях.

По данным, полученным о способах обработки поверхностей гончарных изделий, а также об их последующем обжиге, каких-либо значимых различий в навыках гончаров разных культурных групп не зафиксировано.

Заключение

В результате проведенного нами исследования гончарных технологий, существовавших у групп населения красноозерской, гамаюнской и иткульской II типа (исетской) культур переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку, аргументировано выдвинутое ранее на основе анализа формы и декора предположение «о довольно тесном взаимодействии разнокультурного населения» [Зимина и др., 2023, с. 131]. Данное взаимодействие, на наш взгляд, было основано на семейно-брачных отношениях. Наиболее выраженная связь пришлых гамаюнских и иткульских групп и местного красноозерского населения выявлена по сосудам, имеющим дугообразную шейку. Не исключено, что сосуды, включенные в группу II красноозерских изделий (подгруппы II/2 и II/4), украшенные гладким и гребенчатым штампами, наиболее близкие по морфологии и орнаментации к позднебронзовым сузгунским [Зимина, 2025, с. 76, рис. 3, 12–14], все же связаны с более ранним этапом освоения берега озера Мергень. Наиболее близки к позднебронзовым традициям и некоторые особенности технологии изготовления этих изделий, в частности в их формовочных массах отсутствует шамот, содержащий тальк.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Борзунов В.А.* Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. 188 с.
- Васильева И.Н.* Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2. С. 70–81.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Электронный каталог эталонов по керамической трасологии [Электронный ресурс]. Самара: Самарское археологическое общество, 2020. URL: <http://archsamara.ru/katalog/>.
- Зимина О.Ю.* Комплекс материалов переходного времени от бронзового к раннему железному веку поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (Западная Сибирь) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2025. Т. 24., № 3: Археология и этнография. С. 71–87. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2025-24-3-71-87>
- Зимина О.Ю., Зах В.А., Скочина С.Н.* Керамический комплекс переходного времени от бронзы к железу поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (Западная Сибирь) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 4 (63). С. 120–133. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-63-4-9>
- Зимина О.Ю., Илюшина В.В.* Укрепленные поселения с круговой планировкой иткульской культуры в лесостепном Зауралье // Археология Среднего Приоболья и сопредельных территорий: Материалы меж-

Технология изготовления керамики у групп населения переходного периода...

регион. круглого стола, посвященного 50-летию Курганской археологической экспедиции (8 дек. 2016 г.). Курган: Кург. гос. ун-т, 2016. С. 29–39.

Зими́на О.Ю., Скоробогатова А.Ю. К вопросу о происхождении красноозерской культуры // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 104–106.

Илюшина В.В. Технология изготовления керамики у населения восточного варианта иткульской культуры поселений в Андреевской озерной системе // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 107–112.

Костомарова Ю.В. Переходное время от бронзового века к железному на территории Приишимья: Итоги и проблемы изучения // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4. С. 48–57. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2016-35-4-048-057>

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюменский дом печати, 2009. 416 с.

Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово 1. Препринт. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. 75 с.

Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А. Боровлянка 2 — памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1991. С. 25–50.

Полеводов А.В. К проблеме культурной идентификации памятников переходного от бронзы к железу времени Приишимья // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Материалы всерос. науч. конф. Омск: ОмГУ, 2004. С. 221–224.

Ilyushina V.V. *, Zimina O.Yu.

Tyumen Scientific Centre SB RAS

Cherishchevskiy trakt st., 13, Tyumen, 625008, Russian Federation

E-mail: vika_tika@mail.ru (Ilyushina V.V.); o_winter@mail.ru (Zimina O.Yu.)

Pottery-making technology in the population of the Transitional Period between the Bronze and Iron Ages in the settlement of Mergen 6 of the Lower Ishim River basin

Here, we present the results of study of pottery skills in communities of the Transitional Period from the Bronze Age to the Early Iron Age, who lived on the territory of the settlement of Mergen 6 in the Lower Ishim River region (Western Siberia). Earlier, according to the shape and ornamentation features of the vessels that constitute the pottery collection of the transitional period, obtained in 1990 and 2002–2011 during the research at the site, three main groups were identified, related to the traditions of the Krasnoozerka, Gamayun, and Itkul Cultures, a “syncretic” group of pottery was identified. In order to identify the traditional methods of ceramics production that existed among the groups of the transitional period from Mergen 6, a study of 190 vessels belonging to each of the selected groups was carried out within the framework of the historical and cultural approach and methodology developed by A.A. Bobrinskii. Based on the results of the technical and technological analysis and information obtained about the potters' ideas on the initial plastic raw materials, skills of composing moulding masses, mechanical treatment of surfaces, and firing vessels, traditional pottery making methods of the analysed populations have been revealed. According to the data obtained on the composition of moulding masses, as well as the composition of fireclay used in the preparation of recipes, it was established that the communities of the Gamayun and Itkul Cultures were newcomers. From the presence of fireclay containing talc in the moulding masses of the Krasnoozerka vessels, an assumption has been made about familial-marital contacts between the local population and the newcomers.

Keywords: Western Siberia, Ishim River region, Mergen 6 settlement, Transitional Period from the Bronze Age to the Early Iron Age, Krasnoozerka Culture, Gamayun Culture, Itkul Culture, “syncretic” ceramics, historical-and-cultural approach, technical and technological analysis.

Funding. The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. FWRZ-2021-0006)

REFERENCES

Bobrinskii, A.A. (1978). *The Pottery of Eastern Europe: Sources and methods of study*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Bobrinskii, A.A. (1999). Pottery technology as an object of historical and cultural studies. In: A.A. Bobrinskii (Ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva*. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, 5–109. (Rus.).

Borzunov, V.A. (1992). *Trans-Urals at the turn of the Bronze and Iron Ages (Gamayun culture)*. Ekaterinburg: UrGU. (Rus.).

* Corresponding author.

Ilyushina, V.V. (2018). Pottery-making technology by the population of the eastern variant of the Itkul culture of settlements in the Andreevskaya lake system. In: *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya*. Tyumen': Izd-vo FITs TNTs SO RAN, 127–132. (Rus.).

Kostomarova, Yu.V. (2016). The Transition Period from the Bronze Age to the Iron Age on the territory of the Ishim River basin: Results and problems of study. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 48–57. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2016-35-4-048-057>

Matveev, A.V., Anoshko, O.M. (2009). *Trans-Urals after Andronovites: Barkhatov culture*. Tyumen': Tyumen-skii dom pechati. (Rus.).

Matveev, A.V., Gorelov, V.V. (1993). *Efimovo 1 settlement*. Tyumen': IPOS SO RAN. (Rus.).

Panfilov, A.N., Zakh, E.M., Zakh, V.A. (1991). Borovlyanka 2 is a site of the Neolithic and the transition period from Bronze Age to Iron Age in the Lower Ishim region. In: *Istochniki etnokul'turnoj istorii Zapadnoj Sibiri*. Tyumen': Izd-vo TyumGU, 25–50. (Rus.).

Polevodov, A.V. (2004). On the problem of cultural identification of sites of the transition period from the Bronze to Iron Age in the Ishim river basin. In: *Shestye Istoricheskie chteniia pamiati M.P. Griaznova: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Omsk: OmGU, 221–224. (Rus.).

Vasil'eva, I.N., Salugina, N.P. (2020). *Electronic catalogue of standards for ceramics traceology* [Web resource]. Samara: Samarskoye arkheologicheskoye obshchestvo. (Rus.). URL: <http://archsamara.ru/katalog>.

Zimina, O.Yu. (2025). A Complex from Mergen 6 settlement (Lower Ishim River region, Western Siberia) Attributed to the Transitional Period from the Bronze Age to the Early Iron Age. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriia, filologiya*, 24(3), 71–87. (Rus.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2025-24-3-71-87>

Zimina, O.Yu., Ilyushina, V.V. (2016). Hillforts with a circular layout of the Itkul culture in the forest-steppe Trans-Urals. In: *Arkheologiya Srednego Pritobol'ia i sopredel'nykh territorii: Materialy mezhhregional'nogo kruglogo stola, posviashchennogo 50-letiiu Kurganskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (8 dekabria 2016 g.)*. Kurgan: Kurganskii gosudarstvennyi universitet, 29–39. (Rus.).

Zimina, O.Yu., Scorobogatova, A.Yu. (2018). On the question of origin of the Krasnoozerska culture. In: *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya*. Tyumen': Izd-vo FITs TNTs SO RAN, 127–132. (Rus.)

Zimina, O.Yu., Zakh, V.A., Skochina, S.N. (2023). The ceramic complex of the Transitional Period from the Bronze to the Iron Age of the settlement of Mergen 6 in the Lower Ishim River basin (Western Siberia). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 120–133. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-63-4-9>

Илюшина В.В., <https://orcid.org/0000-0003-1517-0101>

Зими́на О.Ю., <https://orcid.org/0000-0002-5220-8634>

Сведения об авторах:

Илюшина Виктория Владимировна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

Зими́на Оксана Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the authors:

Ilyushina, V.V., Candidate of Cultural Studies, Senior Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

Zimina, O.Yu., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 09.06.2025

Article is published: 15.09.2025

Давыдов Р.В. *, Супрунова Л.Е., Чистяков П.В.

Институт археологии и этнографии СО РАН, просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090
E-mail: puer-viro@mail.ru (Давыдов Р.В.); losolar@yandex.ru (Супрунова Л.Е.); Pavelchist@gmail.com (Чистяков П.В.)

СЕРИЙНОЕ ЛИТЬЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ БРОНЗОВОЙ ТОРЕВТИКИ МАЛЫХ ФОРМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Представлены результаты экспериментального исследования серийного литья средневековой торевтики малых форм из цветного металла на территории Центральной Азии. Целью работы являлось определение характера изменения орнамента при тиражировании предметов в сериях разного порядка. В качестве образцов использованы бронзовые блишки конца I тыс. н.э. одной серии с композицией «цветок смоквы» из Тюхтятского клада (Минусинская котловина). Выполнено 24 эталонно-отливки в составе шести серий. Сформировано три серии первого порядка (по выплавляемой и отпечатываемой восковой модели), две серии второго порядка (по отпечатываемому изделию из серий первого порядка), одна серия третьего порядка (по отпечатываемому изделию второго порядка). Полученные отливки подвергнуты 3D-сканированию, 3D-модели исследованы на предмет отличия от первоначального образца и степени профилированности орнамента. Отмечена деградация орнамента при копировании отливок, проявляющаяся в сглаживании рельефа. Полученные данные в перспективе могут быть использованы при характеристике технологии изготовления, организации производства и распространения средневековой поясной и сбруйной фурнитуры в Южносибирском регионе.

Ключевые слова: Центральная Азия, Средневековье, торевтика малых форм, цветной металл, экспериментальная археология, серийное литье.

Ссылка на публикацию: Давыдов Р.В., Супрунова Л.Е., Чистяков П.В. Серийное литье средневековой бронзовой торевтики малых форм Центральной Азии: результаты экспериментальных исследований // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 79–88. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-7>

Введение

Торевтика малых форм из цветного металла получила широкое распространение на территории Центральной Азии во второй половине I тыс. н.э. В археологических материалах с территории Южной Сибири она представлена и местными изделиями, и элементами пояса и сбруи, изготовленными в ремесленных центрах Средней Азии. Отличие между продукцией городских мастерских и ремесленников региона Саяно-Алтая может быть прослежено по двум направлениям. Первое — отличие металла, включая выявление источников сырья и характеристику сплавов [Горбунова и др., 2009, с. 110, 126]. Второе — выявление уровней качества (фиксация копий с деградацией орнамента) ([Король, Конькова, 2007, с. 27, 28]; см. также с ил.: [Король, Наумова, 2017, с. 65–69]). Аналогичным образом производится разграничение импортных и выполненных на территории Южной Сибири бронзовых зеркал [Богданова-Березовская, 1975; Тишкин, Серегин, 2011].

Если критерии отличия привозных предметов от местных на основе анализа состава металлов в некоторых случаях могут быть определены, то характер изменения орнамента при тиражировании импортных изделий до конца не прослежен [Богданова-Березовская, 1975, с. 136]. Наиболее отчетливо модель уровней качества торевтики малых форм из цветного металла, где деградация орнамента является признаком III и IV уровней (копирование и дополнительное тиражирование изначальных изделий I и II уровней), сформулирована Г.Г. Король и Л.В. Коньковой ([Король, Конькова, 2007, с. 28]; см. также с ил.: ([Король, Наумова, 2017, с. 67, 68]). Данная модель в настоящее время является единственной для средневековой торевтики с территории Центральной Азии. Она базируется на выявлении уровней качества изделий (качество отливки, подбор металла, тонкости проработки декора) с помощью морфологического анализа формы и декора, а также рецептур использованных сплавов. Экспериментальные работы позволили бы дополнить представления о распространении средневековых литых элементов пояса и сбруи в рассматриваемом регионе.

* Corresponding author.

Целью настоящей работы является определение характера изменения орнамента при тиражировании средневековых предметов торевтики малых форм из цветного металла с территории Центральной Азии посредством экспериментов.

Материалы и методы

Достижение вышеобозначенной цели предполагало проведение экспериментальных работ по серийному литью предметов торевтики малых форм из цветного металла с выявлением изменений орнамента от серии к серии.

Экспериментальные работы подразумевали изготовление шести серий эталонов (серии 1–6). Процесс формирования каждой серии включал четыре следующих друг за другом этапа: изготовление модели, изготовление литейных форм, отливка эталонов, фиксация результатов.

Изготовление модели. Исходя из моделей серии разделены на три порядка. В сериях первого порядка (серии 1, 4, 5) литье производилось по восковой модели, вырезанной с помощью деревянных, медных и железных инструментов из натурального пчелиного воска.

В качестве прототипа для восковых моделей использовались подпрямоугольные концевые бляшки конца I тыс. из Тяхтятского клада (эпонимный памятник IX–X вв., Минусинская котловина) с декоративной композицией вертикального построения «цветок смоквы» и симметричной «лозой» с завитками по сторонам от нее [Король, 2008, с. 178–179, табл. 23, В, 17–22]. Данные изделия выбраны, поскольку являются серийным продуктом, имеют достаточно типичный и умеренно сложный для воспроизведения орнамент.

В сериях второго (серии 2, 6) и третьего (серия 3) порядка моделями служили отливки из серий первого порядка.

Изготовление литейных форм. Экспериментальное литье производилось в вертикально ориентированные глиняные двусоставные литейные формы. В качестве материала для форм использовалась каолиновая глина без дополнительных примесей. В одной половине формы отпечатывалась модель (восковая или металлическая, в зависимости от порядка серии) (рис. 1, А). Она погружалась в незасохшую глину на глубину 10–15 мм (глубина варьировалась в зависимости от характеристик модели), после чего извлекалась. В сериях второго и третьего порядка таким образом формировались все формы. В сериях первого порядка по одному эталону изготавливалось по выплавляемой модели (эталон 1-1, 4-1, 5-1): восковая модель погружалась в глину и оставалась там до полного ее высыхания. После, так как усадка материала приводила к плотной фиксации модели, форма нагревалась, воск растапливался и полностью сливался из формы, что приводило к полной утрате восковой модели. Вторая половина формы была плоской, с выступающей втулкой с отверстиями для шпеньков. Втулка вытачивалась вручную, так как в процессе эксперимента наблюдения велись за изменениями орнамента.

После высыхания глины и вытапливания восковых моделей производилась подгонка половинок форм друг к другу путем трения их друг о друга и подточки отдельных мест напильником. В половинке формы с отпечатком модели вытачивался вертикальный литейный канал, идущий к носику будущего предмета. С другой стороны формировался канал, имитирующий последовательное литье нескольких изделий.

Конфигурация форм обусловлена сохранившимися на территории Тянь-Шаня отливками бляшек и щитковых пряжек с литейными каналами, свидетельствующими о литье в двусоставные формы последовательно и «в куст» [Король, Наумова, 2020, с. 36; Минасян, 2014, с. 87]. Близкие формы из камня, для литья поясных бляшек «в куст», известны на территории Восточной Европы [Гупало, Ивакин, 1980, рис. 2].

После доработки формы обжигались при температуре 900–1000 °С в муфельной печи.

Отливка эталонов. Материалом для экспериментальных отливок служила оловянисто-свинцовая бронза с содержанием олова 10 %, свинца — 8 %. В качестве металлического сырья использовались: медь марки М0к (согласно ГОСТ 859–2014, содержание меди, Cu = 99,97 %); олово марки О1 (ГОСТ 860–75, содержание олова, Sn = 99,9 %); припой свинцово-оловянистый ПОС-40 (21930–76, содержание свинца, Pb = 59 %, Sn = 39–41 %). Все материалы — в виде металлических прутков. Плавка металла осуществлялась в муфельной печи (температура нагрева до 1150 °С, температурный контроль встроенным пирометром), в графитовом тигле. Изначально в тигле нагревалась медь, после ее плавления добавлялись олово и свинец. Отливка осуществлялась в нагретые при помощи газовой горелки формы, установленные в емкости с песком. Створки форм соединялись медной проволокой. Извлечение экспериментальных отливок сопровождалось разрушением половинок форм со втулками и повреждением половинок с отпечатками моделей.

Серийное литье средневековой бронзовой торевтики малых форм Центральной Азии...

Выбор состава металла обусловлен тем, что оловянисто-свинцовая бронза являлась одним из сплавов, применявшихся для изготовления элементов поясной и сбруйной фурнитуры Центральной Азии. Серия изделий с композицией «цветок смоквы» из Тютятского клада, в которую входят предметы, ставшие прототипами экспериментальных отливок, изготовлена из оловянисто-свинцовой бронзы. Анализ состава металла, выполненный Л.В. Коньковой, показал, что в данном сплаве сильно варьируется содержание олова (от 4,8 до 21 %) и свинца (2,2–17 %) [Конькова, 2008, с. 302–303]. Оловянисто-свинцовая бронза встречается также среди различных сплавов на медной основе, выявленных при анализе средневековых украшений с территории Алтая (Sn до 12 % и Pb до 10 %) [Горбунова и др., 2009, с. 107–108]. В связи с большим колебанием количества примесей в составе прототипов для экспериментов выбрано усредненное значение (около 10 % олова и 8 % свинца).

Контроль за составом металла после отливки осуществлялся посредством полуколичественного элементного анализа методом сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионной рентгеновской спектроскопией (SEM-EDX) [Гельман и др., 2017]. Анализы проводились на настольном сканирующем микроскопе Hitachi TM3000 с элементным анализатором Bruker Nano GmbH Quantax 70: энергетическое разрешение 154 eV, порог обнаружения входного сигнала 0,5 %, чувствительность 0,00001 %, диапазон элементов В⁴–Am⁹⁵. Изучен состав трех эталонов разных серий (эталон 1-1, 2-1, 3-1). Определено, что они выполнены из сплава на медной основе с содержанием олова 5,4–9,8 %, свинца — 3,3–5,1 % (табл.). Снижение концентрации искусственных примесей можно связать с их выгоранием, которое происходило даже при условии их добавления уже после расплавления меди. Содержание олова и свинца находится в пределах изменчивости состава прототипов.

Результаты анализа состава металла экспериментальных отливок методом SEM-EDX

Results of the metal composition analysis of experimental castings by the SEM-EDX

№ эталона	Содержание химических элементов (%)					
	Cu (медь)	Sn (олово)	Pb (свинец)	Al (алюминий)	Si (кремний)	Cl (хлор)
1-1	83,60	9,76	5,09	0,63	0,58	до 0,5
2-1	87,90	5,37	5,10	0,81	0,64	до 0,5
3-1	89,29	6,05	3,27	0,66	до 0,5	до 0,5

Фиксация результатов. Включала фотофиксацию эталонов, в том числе орнамента и дефектов литья, 3D-сканирование их лицевой стороны для анализа изменений орнамента. Эталон после отливки перед фиксацией не дорабатывались, чтобы исключить изменение орнамента вследствие постлитейной обработки. Фотофиксация эталонов производилась на фотоаппарат Nikon D7500 с объективом Kit 18–140 mm VR и макрообъективом Nikon 60 mm f/2.8G ED AF-S Micro NIKKOR. Макросъемка осуществлялась в технологии фокус-стекинга с получением полнофокусных изображений на основе серий снимков со смещением фокуса и их обработкой с использованием программного обеспечения Helicon Focus 7.0.2.

Трехмерное сканирование производилось методом структурированного подсвета на сканере Solutionix D700 (точность сканирования 0,029 мм, погрешность 0,01 мм). Полученные модели изучались с помощью ПО Geomagic Wrap 2017, сравнивалось отклонение предметов серии от первоначальной модели, посредством построения сечений анализировалась степень профилированности орнамента [Lilienthal et al., 2024].

Доработка отливок — моделей серий второго и третьего порядков. Поскольку для серий второго и третьего порядка в качестве моделей использовались отливки предыдущих серий, то эталоны для них подвергались постлитейной доработке. Данная работа относится к этапу изготовления моделей, но, поскольку она выполнялась для уже отлитых эталонов, ее описание приводится здесь. Доработка заключалась в опиловке напильниками, в ходе которой убирались выступающие литейные дефекты, вредящие качеству последующего литья (литники, швы). Использовался напильник с прямоугольным сечением полотна и перекрестной насечкой частотой 12 ед. на 10 мм. Подобные инструменты встречаются в материалах средневековых погребальных памятников Минусинской котловины [Кызласов, 1983, табл. 23]. После опиловки эталоны фиксировались как модели для будущих серий.

Результаты исследования

В результате экспериментальной работы получено 24 эталона. Все они имели литники, образовавшиеся при заливке металла в литейный канал с двух сторон от изделия (рис. 1, Б, В1).

В отдельных случаях (на трех эталонах), если при заливке металла литейные формы трескались, образовывались швы, частично заходящие на лицевую сторону эталонов (не учитывались при сравнении орнамента) (рис. 1, B2). На части изделий наблюдаются непроливы в виде сквозных отверстий в стенках бляшек (рис. 1, B3, B4). Они сформировались в одних случаях — в результате смещения втулки относительно стенок (непроливы по стенкам), в других — вследствие усадки металла и образование полости в области носика бляшки.

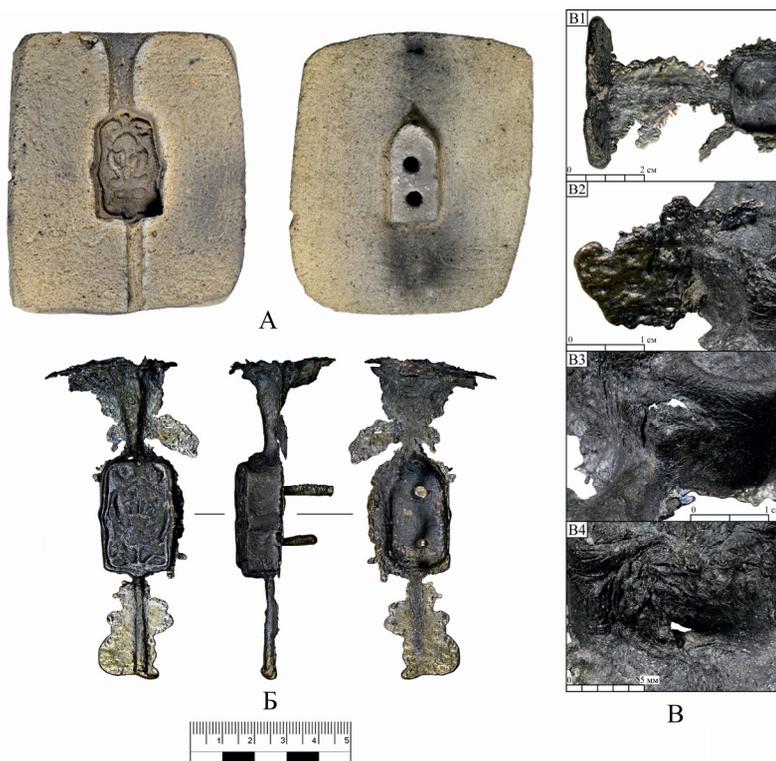

Рис. 1. Примеры экспериментальной литейной формы и эталона:

А — литейная форма (слева — негатив лицевой стороны отливки, справа — втулка с отверстиями для шпенок);

Б — отливка; В — литейные дефекты (B1 — литник; B2 — литейный шов; B3, B4 — непроливы).

Fig. 1. Examples of an experimental casting mold and a standard:

A — casting mold (on the left — a negative of the cast front side, on the right — a bushing with holes for pins); B — cast;

B — casting defects (B1 — sprue; B2 — casting seam; B3, B4 — misruns).

Экспериментальные эталоны сгруппированы в шесть серий (всего 24 экз.) (рис. 2):

Серия 1 (первого порядка) — 5 экз., модель — восковая (эталон 1-1 выполнен по выплавляемой модели, прочие — по отпечатываемой);

Серия 2 (второго порядка) — 5 экз., модель — эталон 1-1 после опиловки кромок (отпечатывался в формах);

Серия 3 (третьего порядка) — 3 экз., модель — эталон 2-2 после опиловки кромок (отпечатывался в формах);

Серия 4 (первого порядка) — 5 экз., модель — восковая (эталон 4-1 выполнен по выплавляемой модели, прочие — по отпечатываемой);

Серия 5 (первого порядка) — 3 экз., модель — восковая (эталон 5-1 выполнен по выплавляемой модели, прочие — по отпечатываемой);

Серия 6 (второго порядка) — 3 экз., модель — эталон 5-3 после опиловки кромок (отпечатывался в формах).

Цвет отливок без вторичной обработки зависел от времени их нахождения в литейной форме, скорости остывания металла.

Во время отливки эталона 1-1 был получен литейный дефект в виде непролива носика бляшки. В сериях 2 и 3 данная особенность сохранялась. Сравнение отливок по отпечатываемой и выплавляемой восковым моделям показало для серий 1 и 3 более высокое качество последних. Однако в серии 5 восковая модель с более глубоким рельефом позволила получить

Серийное литье средневековой бронзовой торевтики малых форм Центральной Азии...

отливки, не уступающие по качеству проработки орнамента эталону, выполненному по выплавляемой модели. В сериях второго порядка (серии 2 и 6) орнамент более сглаженный, а в серии третьего порядка (серия 3) он практически не читается.

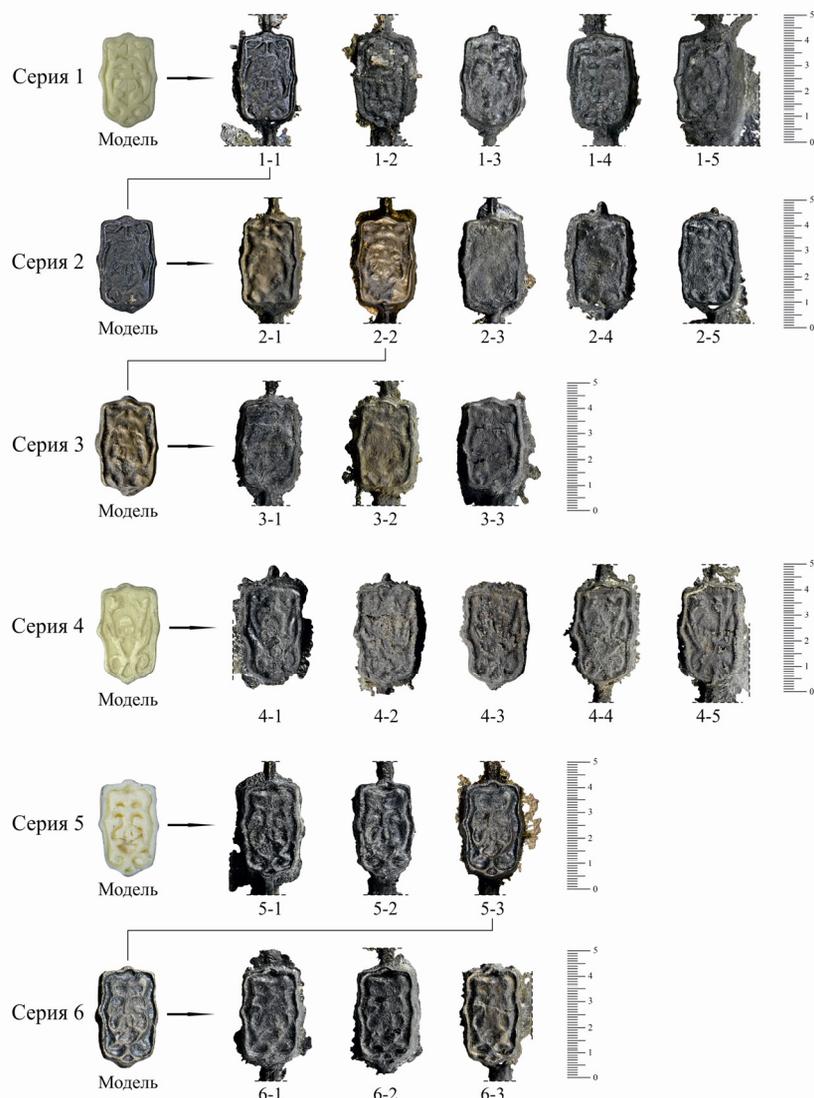

Рис. 2. Серии экспериментальных эталонов/отливок (с указанием моделей).

Fig. 2. Series of experimental samples/casts (with indication of models).

Сопоставление 3D-моделей отливок каждой серии с моделями (для серии 3 — с эталоном 1-1, поскольку изначально, в серии 2, тиражировался именно он) позволило выявить общие закономерности (рис. 3). Различия в орнаменте фиксировались путем высчитывания среднеквадратичного, среднего положительного и среднего отрицательного отклонений (в мм) после выравнивания 3D-моделей серии относительно друг друга по характерным одинаковым точкам на бортиках (рис. 3, А). Учитывалось изменение рельефа орнамента. Выравнивание происходило с подгонкой масштабов, поскольку в процессе тиражирования уменьшались линейные размеры эталонов, что характерно для литья в глиняные формы. В рамках серий 1–3 уменьшение составило до 2,04 мм, или 4 %, в сериях 5 и 6 изменение размера достигало 1,48 мм (3 %).

В сериях 1–3 среднеквадратичное отклонение отливок серии 2, выполненных по эталону 1-1, практически идентично отклонению в серии 1 от восковой модели (серия 1 — 0,5–0,7 мм, серия 2 — 0,4–0,63 мм). Это можно связать с тем, что в процессе отпечатывания восковой модели сходство с ней уменьшается по сравнению со случаями литья по выплавляемой модели. В последующем, в серии 3, отклонение от копируемого эталона 1-1 существенно возрастает (0,7–0,86 мм).

Аналогичные отклонения сохраняются и в сериях 4 (0,48–0,65 мм) и 5 (0,46–0,59 мм). Однако в серии 6 отличие от модели (эталон 5-3) существенно возрастает (отклонение 0,88–0,99 мм), происходит ускоренная деградация орнамента, который ранее был отчетливо выражен (рис. 3, В). Сравнение серий по среднему положительному и отрицательному отклонениям показало в основном равномерное накопление отклонений (рис. 3, Б).

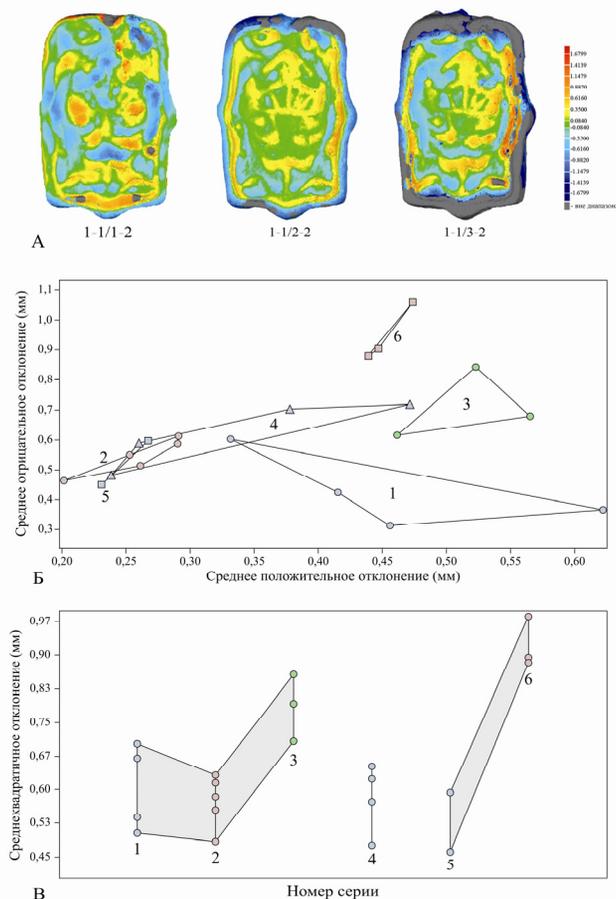

Рис. 3. Результаты анализа отклонений 3D-моделей эталонов:

А — примеры визуализации отклонений орнамента отливок; Б — график положительного и отрицательного отклонений эталонов от моделей; В — график изменения среднеквадратичного отклонения эталонов от моделей.

Fig. 3. Results of the analysis of deviations of 3D models of standards:

А — examples of visualization of deviations in casts ornamentation; Б — graph of positive and negative deviations of samples from models; В — graph of changes in the standard deviation of samples from models.

Отличие орнамента эталонов связано со сглаживанием его рельефа при копировании эталонов предшествующего порядка. Построение сечений моделей по продольной линии отливок позволило отчетливо проследить деградацию орнамента (рис. 4). Степень его профилированности выражалась в перепаде высоты между низшей и высшей точками (в мм). В серии 1 рельеф орнамента хаотичен, что частично связано с неточностями литья, сильно профилирован (перепад высоты 1,47–3,16 мм), присутствуют резкие перепады. В серии 2 наблюдается сглаживание рельефа (1,06–1,32 мм), переходы становятся плавными. Серия третьего порядка (серия 3) характеризуется практически полным исчезновением рельефного орнамента (0,84–0,91 мм) (рис. 4, А). Близкий к серии 1 перепад наблюдается в сериях 4 (1,07–1,66 мм) и 5 (1,64–2,54 мм). В серии 6 (второго порядка относительно серии 5) фиксируется постепенное сглаживание орнамента, однако оно меньше выражено, чем в серии 2 (1,81–2,21 мм).

Обсуждение результатов исследования

В результате экспериментальных работ можно выделить изделия трех порядков. Первые — выплавленные по восковой модели оригиналы с проработанным рельефным орнаментом и отливки по отпечатываемой модели, сравнительно менее качественные, но тоже проработанные.

Серийное литье средневековой бронзовой торевтики малых форм Центральной Азии...

Второй порядок — копии отливки из оригинальной серии с несколько сглаженным, но читаемым орнаментом. Третьи — копии копий, с едва различимым орнаментом.

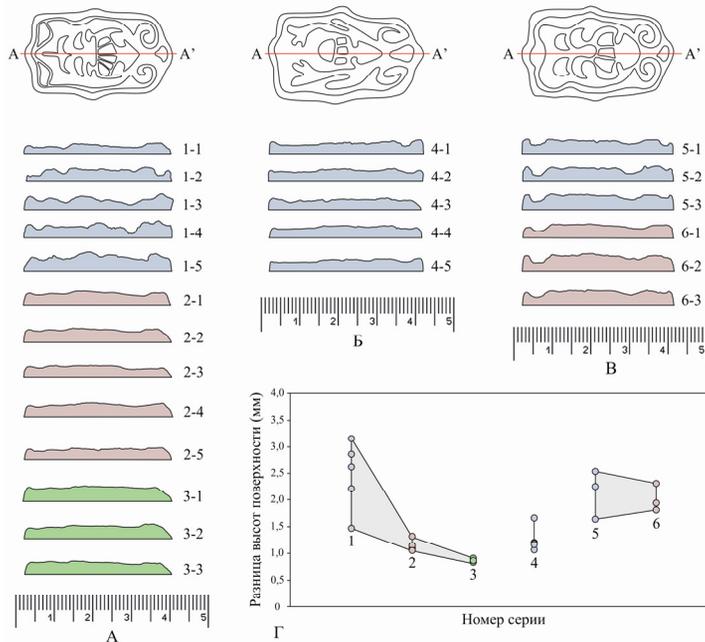

Рис. 4. Результаты анализа изменений рельефа орнамента эталонов:

А — продольные сечения лицевой стороны отливок серий 1–3; Б — продольные сечения лицевой стороны отливок серии 4; В — продольные сечения лицевой стороны отливок серий 5 и 6;

Г — график изменения степени профилированности орнамента эталонов различных серий.

Fig. 4. Results of the analysis of changes in the ornament relief of the standards:

A — longitudinal sections of the front side of casts series 1–3; Б — longitudinal sections of the front side of casts series 4;

В — longitudinal sections of the front side of casts series 5 and 6;

Г — graph of changes in the degree of profiling of the ornament of samples in different series.

Таким образом, фиксируется ограничение по возможности тиражирования торевтики без ручной доработки литейных форм или лицевой стороны изделий: уже на предметах третьего порядка орнамент настолько деградирует, что дальнейшее копирование становится невозможным.

Сопоставляя полученные данные с моделью уровня качества торевтики малых форм из цветного металла, разработанной Г.Г. Король и Л.В. Коньковой, изделия первого порядка можно соотнести с предметами I и II уровней (высококачественные, явный «импорт»), образцы второго порядка — с вещами III уровня (тиражирование предметов I и II уровней), третьего — с продукцией IV уровня (декор плохого качества, отливки для восполнения наборов) [Король, Конькова, 2007, с. 27–28]. При этом выявленная деградация орнамента не позволяет говорить о многократном копировании. С необходимостью подновления декора отливок-копий можно связать использование в некоторых случаях приемов вторичной подработки поверхности с литым декором с помощью гравировки [Король, Наумова, 2017, с. 60–61].

В данной работе в сериях первого порядка использованы техники литья по отпечатываемой и выплавляемой восковым моделям. Последняя показала наивысшее качество проработки орнамента, отпечатывание неизбежно ведет к постепенной деградации орнамента. Альтернативой, позволяющей сохранить декор в сериях первого порядка, является тиражирование восковых моделей, которые отливались в одной форме. Полученные восковые копии использовались затем в литье по выплавляемым моделям [Минасян, 2014, с. 184]. Обнаружение литейных форм без следов нагара на территории Центральной Азии связывается исследователями именно с тиражированием восковых моделей [Конькова, Король, 2001, с. 96]. Вариант данной техники — литье «навыплеск», при котором в процессе остывания воск выплескивался из формы, из-за чего образовывалась выгнуто-вогнутая тонкостенная модель [Крыласова и др., 2019, с. 69]. Использование восковых моделей является распространенной техникой литья торевтики малых форм и иных металлических украшений на территории Евразии [Ениосова, 2017, с. 208; Нестеров и др., 2016, с. 84].

Любой вариант литья по восковой модели требует наличия глиняной (или земляной) литейной формы. Отсутствие массовых находок глиняных литейных форм в материалах конца I тыс. в регионе вполне может быть объяснено переработкой форм в условиях массового производства [Горбунова и др., 2009, с. 78; Конькова, Король, 1999, с. 57–59; Распопова, 1980, с. 48]. Аналогичная ситуация наблюдается, например, в материалах тагарской археологической культуры (Минусинская котловина, VIII–II вв. до н.э.), где массовые изделия из бронзы сочетаются почти с полным отсутствием глиняных форм при наличии характерных следов литья на предметах [Давыдов, 2021].

Другой способ первичного тиражирования — отливка в каменных двусоставных формах. Яркими примерами подобных форм выступают находки из средневекового Киева [Гупало, Ивакин, 1980, рис. 2, 3]. Каменные формы наряду с глиняными регулярно использовались для литья различных предметов на территории Средней Азии [Торгоев и др., 2023, с. 18–20].

Все рассмотренные варианты касаются только изделий первого порядка и могут повлиять на уровень качества первой серии. Последующее копирование готовых предметов возможно только по отпечатыванию их в пластичном материале. Следовательно, выявленное в ходе экспериментов снижение уровня качества сохранится. Дальнейшие экспериментальные работы могут быть направлены на изучение, во-первых, следов литья на поверхности эталонов (в частности, возможности сохранения при последующем копировании признаков использования восковой модели) [Ениосова, 2017, с. 208]; во-вторых, серий, получаемых литьем в каменной форме и тиражированием восковых моделей. Данные в перспективе могут быть использованы при характеристике технологии изготовления, организации производства и распространения предметов торевтики малых форм из цветного металла на территории Центральной Азии, и в частности Южносибирского региона.

Заключение

Экспериментальное исследование серийного литья бронзовых предметов торевтики малых форм позволило выявить постепенную деградацию орнамента от серии первого (выплавляемая восковая модель) до третьего (копия копии отливки по выплавляемой восковой модели) порядка, которая выражается в сглаживании его рельефа. Полученные наблюдения дополняют исследования в области выявления уровней качества торевтики малых форм Центральной Азии и в перспективе наряду с разработкой других направлений, возможно, позволят уточнить происхождение находок бронзовой средневековой поясной и сбруйной фурнитуры в Южносибирском регионе.

Финансирование. Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0007 «Применение цифровых технологий при анализе археологических источников и реконструкции истории древних сообществ» с использованием приборной базы Центра коллективного пользования «Геохронология кайнозоя» ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гельман Е.И., Асташенкова Е.В., Буравлев И.Ю. Бронзолитейное производство в Бохае (по данным археологических исследований Краскинского городища) // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. Вып. 3: Ремесла и промыслы. С. 141–180.
- Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: Морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул: Азбука. 2009. 144 с.
- Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю. О ремесленном производстве на киевском Подоле // СА. 1980. № 2. С. 203–220.
- Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины: К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. С приложением статьи И.В. Богдановой-Березовской. М.: Наука, 1975. С. 131–149.
- Давыдов Р.В. Реконструкция техник металлообработки меди и бронзы тагарской культуры на базе экспериментально-трассологического анализа // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33. № 4. С. 185–208. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2021\)33\(4\).-11](https://doi.org/10.14258/tpai(2021)33(4).-11)
- Ениосова Н.В. Технология производства ювелиров Гнездова в X — начале XI вв. по данным трассологии и металлографии // Stratum Plus. 2017. № 5. С. 205–236.
- Конькова Л.В. Тюхтятский клад: технология изготовления и состав цветного металла ременных украшений // Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. Приложение 8. С. 301–311.
- Конькова Л.В., Король Г.Г. Кочевой мир: Развитие технологии и декора (художественный металл) // ЭО. 1999. №2. С. 56–68.
- Конькова Л.В., Король Г.Г. Формирование и развитие традиций в обработке художественного металла в степной Евразии эпохи Средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 1 (5). С. 94–100.
- Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: Очерки. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 332 с.

Серийное литье средневековой бронзовой торетики малых форм Центральной Азии...

Король Г.Г., Конькова Л.В. Производство и распространение раннесредневековой торетики малых форм в Центральной Азии // РА. 2007. № 2. С. 25–32.

Король Г.Г., Наумова О.Б. Художественный металл у кочевников (Центральная Азия рубежа I–II тыс.). М.: ИА РАН, 2017. 128 с.

Король Г.Г., Наумова О.Б. А кто же мастер? Проблемы изучения художественной металлообработки у средневековых кочевников Центральной Азии) // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 3 (31). С. 33–38. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2020\)3\(31\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2020)3(31).-03)

Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А., Сарпулов А.Н. Производство элементов поясной гарнитуры в эпоху средневековья (по материалам раскопок Роданова городища в 2018 г.) // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2019. Вып. 1 (44). С. 56–72. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2019-1-56-72>

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука, 1983. 128 с.

Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 472 с.

Нестеров С.П., Савин А.Н., Колмогоров Ю.П. Раннесредневековый предметный комплекс ювелир-плетейщика из Западного Приамурья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. № 2. С. 81–90. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2016.44.2.081-090>

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. М.: Наука. 1980. 142 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011. 144 с.

Торгоев А.И., Мирзаахмедов Д.К., Курбанов Б.Г. Художественный металл Бухары и Бухарского оазиса VIII–XIV вв. Самарканд: МИЦАИ, 2023. 278 с.

Lilienthal E., Chin Sh.Ja., Friedrich, R.E. Three-dimensional anatomical analysis of the optic nerve canal with virtual model based on CBCT // Journal of Cranio-Maxillofacial Surgery. 2024. Vol. 42. Iss. 11. P. 1219–1227. <https://doi.org/10.1016/j.jcms.2024.03.031>

Davydov R.V. *, Suprunova L.E., Chistyakov P.V.

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
prosp. Acad. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
E-mail: puer-viro@mail.ru (Davydov R.V.); losolar@yandex.ru (Suprunova L.E.); Pavelchist@gmail.com (Chistyakov P.V.)

Serial casting of medieval small forms bronze toreutics from Central Asia: results of experimental studies

The article presents the results of experimental serial casting of Medieval non-ferrous metal small forms toreutics from the Central Asian region. The aim of the study was to identify changes in the ornament when copying small forms toreutics and casting series of different items. As examples, the authors used bronze plaques from the end of the 1st millennium AD with the “fig flower” composition from the Tyukhtyat hoard (Minusinsk Basin). A total of 24 samples were made, which were divided into six series. Three first-order series were made using smelted or imprinted wax models. Two second-order series were cast using imprints of items from the first-order series. One third-order series was obtained using the imprint from the second-order items. The standards were digitized using 3D-scanning. The study of the 3D-models included the comparison of the items from the series with original samples and the assessment of the differences in the relief of the ornament. The authors revealed degradation of the ornament on the standards when copying castings. This degradation manifested in the levelling of the relief. The obtained data can be used for detailing the manufacturing technology, organization of production and distribution of medieval belt and horse harness fittings in the Southern Siberian region.

Keywords: Central Asia, Middle Ages, small-forms toreutics, non-ferrous metal, experimental archeology, serial casting.

Funding. Research Project of the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, no. FWZG-2025-0007 “The Application of Digital Technologies in the Analysis of Archaeological Data and the Reconstruction of the Ancient History” using scientific equipments of the Core Facilities Center “Cenozoic Geochronology” at the Institute of Archaeology & Ethnography Russian Academy of Sciences, Siberian Branch (Novosibirsk, Russia).

REFERENCES

Bogdanova-Berezovskaya, I.V. (1975). On the chemical composition of the mirrors of the Minusinsk Basin. In: Lubo-Lesnichenko E.I. *Privoznye zerkala Minusinskoj kotloviny: K voprosu o vneshnih svyazyah drevnego naseleniya Yuzhnoj Sibiri. S prilozheniem stat'i I.V. Bogdanovoj-Berezovskoj.* Moscow: Nauka, 131–149.

* Corresponding author.

Davydov, R.V. (2021). Reconstruction of metalworking techniques for copper and bronze of the tagar culture on the basis of experimental traceological analysis. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 4 (33), 185–208. (Rus.).

Eniosova, N.V. (2017). Manufacturing Techniques of the Gnezdovo Jewellers (10th — early 11th centuries) by Traceological and Metallographic Data. *Stratum plus*, (5), 205–236. (Rus.).

Gelman, E.I., Astashenkova, E.V., Buravlev, I.Yu. (2017). Bronze-casting production in the Bohai (by data from archaeological research on Kraskinskoe walled town site). In: *Multidistsiplinarnie issledovaniya v arkheologii. Vip. 3: Remesla i promisli*. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 141–180. (Rus.).

Gorbunova, T.G., Tishkin, A.A., Khavrin, S.V. (2009). *Medieval decorations of horse equipment in Altai: Morphological analysis, manufacturing technologies, alloy composition*. Barnaul: Azbuka. (Rus.).

Gupalo, K.N., Ivakin, G.Yu. (1980). About handicraft production in Kiev Podil. *Sovetskaya arheologiya*, (2), 203–220. (Rus.).

Kon'kova, L.V. (2008). Tyukhtyatsky treasure: Manufacturing technology and composition of non-ferrous metal belt jewelry. In: Korol G.G. *Iskusstvo srednevekovikh kochevnikov Yevrazii: Oчерki. Prilozhenie 8*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 301–311. (Rus.).

Kon'kova, L.V., Korol, G.G. (1999). Nomadic world: Development of technology and decor (artistic metal). *Etnograficheskoe obozrenie*, (2), 56–68. (Rus.).

Kon'kova, L.V., Korol, G.G. (2001). Formation and development of traditions in the processing of artistic metal in the steppe Eurasia of the Middle Ages. *Archeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 5(1), 94–100. (Rus.).

Korol, G.G. (2008). *Art of the Medieval Nomads of Eurasia: Essays*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. (Rus.).

Korol, G.G., Kon'kova, L.V. (2007). Production and distribution of early medieval small-form toreutics in Central Asia. *Rossiiskaya arkheologiya*, (2), 25–32. (Rus.).

Korol, G.G., Naumova, O.B. (2017). *Artistic Metal among Nomads of Central Asia in the 1st–2nd mill. AD*. Moscow: IA RAN. (Rus.).

Korol, G.G., Naumova, O.B. (2020). But who is the craftsman? (The issues of studying artistic metalworking with medieval nomads of Central Asia). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 31(3), 33–38. (Rus.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2020\)3\(31\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2020)3(31).-03)

Krylasova, N.B., Podosenova, Yu.A., Sarapulov, A.N. (2018). Production of elements of belt sets in the Middle Ages (based on the 2018 excavation materials from the Rodanovo Settlement). *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya*, 1(44), 56–72. (Rus.). <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2019-1-56-72>

Kyzlasov, I.L. (1983). *Askiz culture of Southern Siberia of the X–XIV centuries*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Lilienthal, E., Chin, Sh.Ja., Friedrich, R.E. (2024). Three-dimensional anatomical analysis of the optic nerve canal with virtual model based on CBCT. *Journal of Cranio-Maxillofacial Surgery*, 42(11), 1219–1227. <https://doi.org/10.1016/j.jcms.2024.03.031>

Minasyan, R.S. (2014). *Metalworking in Ancient Times and the Middle Ages*. St. Petersburg: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha. (Rus.).

Nesterov, S.P., Savin, A.N., Kolmogorov, Yu.P. (2016). Early Medieval Jeweler's Kit from the Western Amur Region. *Archeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 44(2), 81–90. (Rus.). <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2016.44.2.081-090>

Raspopova, V.I. (1980). *Metal products of Early Medieval Sogd*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Tishkin, A.A., Seregin, N.N. (2011). *Metal mirrors as a source on the ancient and medieval history of Altai (based on materials from the Museum of Archeology and Ethnography of Altai, Altai State University)*. Barnaul: Azbuka. (Rus.).

Torgoev, A.I., Mirzaakhmedov, D.K., Kurbanov, B.G. (2023). *Artistic Metal of Bukhara and the Bukhara oasis of the 8th–14th centuries*. Samarkand: MICAI. (Rus.).

Давыдов Р.В., <https://orcid.org/0000-0001-6580-2811>

Супрунова Л.Е., <https://orcid.org/0009-0000-6283-8384>

Чистяков П.В., <https://orcid.org/0000-0001-7036-7092>

Сведения об авторах:

Давыдов Роман Вячеславович, младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

Супрунова Любовь Евгеньевна, лаборант, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

Чистяков Павел Вячеславович, младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

About the authors:

Davydov, R.V., Junior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk.

Suprunova, L.E., Laboratory Assistant, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk.

Chistyakov, P.V., Junior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 09.06.2025

Article is published: 15.09.2025

Зеленков А.С.^{a,*}, Слепцова А.В.^{a,b}, Конигов Б.А.^c, Грачев М.А.^d

^a Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003

^b ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008

^c Радиозавод им. А.С. Попова, ул. 10 лет Октября, 195, Омск, 644009

^d Омский государственный педагогический университет, ул. Партизанская, 4а, Омск, 644099

E-mail: qvimen@hotmail.com (Зеленков А.С.);

sleptsova_1993@mail.ru (Слепцова А.В.); boris_konikov@mail.ru (Конигов Б.А.);

max803@yandex.ru (Грачев М.А.)

КОМПЛЕКСЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ СЕВЕРНОЙ ЛЕСОСТЕПИ ПРИИРТЫШЬЯ — ИРЧИНСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК (ПО МАТЕРИАЛАМ В.А. МОГИЛЬНИКОВА 1969 г.)

Публикуются материалы Ирчинского курганного могильника из раскопок 1969 г. В.А. Могильникова в Омском Прииртышье (Большереченский р-н Омской обл., близ д. Большемурлы). Всего исследовано семь погребений из четырех курганных насыпей. Инвентарь представлен деталями конской сбруи (удила, стремя, бляшки, пряжки, обоймы, накладки), предметами быта (тесло, глиняные сосуды бакальского и потчевашского типов), вооружения (наконечники стрел) и украшениями (бусы, подвески, детали наременной гарнитуры). Погребальный обряд характеризуется ингумациями, совершенными в овальных и подпрямоугольных ямах, ориентированных по линии З–В, со следами ритуальных действий на площадке курганной насыпи (сожжения, остатки туш животных). Материалы отражают продолжительный период сложения, как минимум с VII/VIII до XIII в. Некрополь демонстрирует интеграцию степных традиций в местный историко-культурный контекст эпохи раннего средневековья.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Омская область, северная лесостепь, ареал потчевашской культуры, древнетюркское время.

Ссылка на публикацию: Зеленков А.С., Слепцова А.В., Конигов Б.А., Грачев М.А. Комплексы раннего средневековья из северной лесостепи Прииртышья — Ирчинский курганный могильник (по материалам В.А. Могильникова 1969 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 89–102. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-8>

Введение

Ирчинский курганный могильник (Большие Мурлы), исследованный В.А. Могильниковым в 1969 г. в Большереченском районе Омской области, неоднократно упоминается исследователями в рамках изучения проблем, связанных с распространением тюркской культуры на сопредельные северные территории и влиянием ее носителей на аборигенное западносибирское население в эпоху раннего средневековья. В.А. Могильников поместил данный памятник на карту ареала «тюркских памятников IX–XI вв.» [1981, рис. 25, 19], хотя по неизвестным нам причинам не обратился к публикации столь специфических материалов и позднее, в издании «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» серии «Археология СССР...» [Могильников, 1987]. В начале 1990-х гг. Б.А. Конигов кратко описал особенности ирчинских могил в свете обобщений по потчевашской культуре [1994, с. 263]; в дальнейшем упоминал данный памятник в дискуссии по вопросам тюркизации юга Западной Сибири [2021]. У С.Ф. Татаурова и С.С. Тихонова Ирчинский могильник фигурирует в контексте реконструкций миграционных маршрутов кимакского населения из Алтая в Среднее и Нижнее Прииртышье в IX–X вв. [2021, с. 232]. Таким образом, материалы Ирчинского могильника востребованы в научном сообществе и представляют важные факты для характеристик и реконструкции сложных историко-культурных событий эпохи раннего средневековья лесостепной полосы Северной Евразии.

Целью настоящей работы является полная публикация материалов В.А. Могильникова 1969 г. по отчетным материалам, археологическим и антропологическим коллекциям.

* Corresponding author.

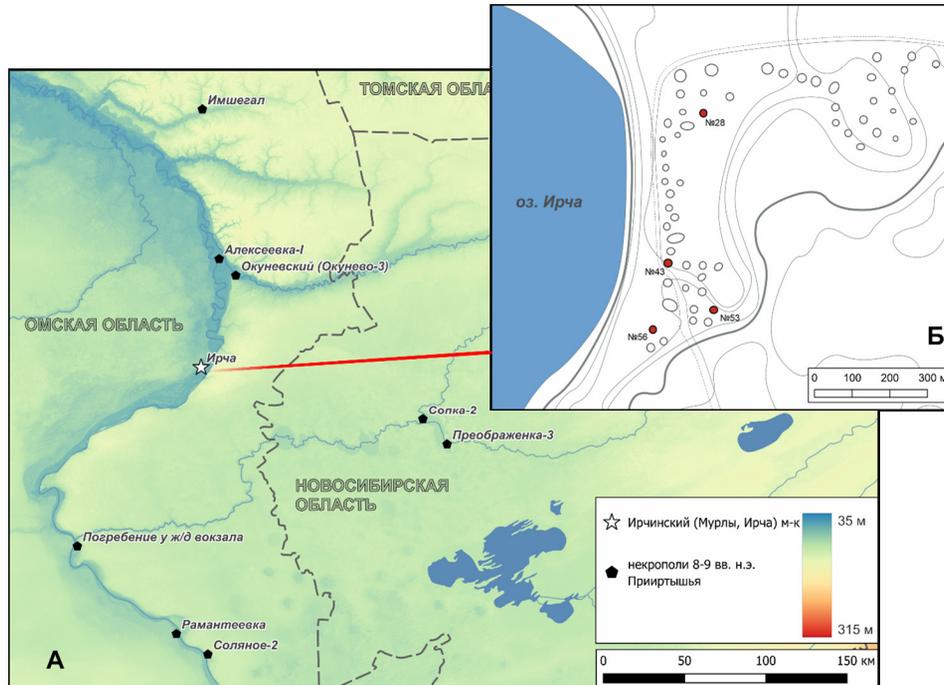

Рис. 1. Ирчинский могильник (А) в контексте раннесредневековых комплексов Прииртышья и его топоплан (Б).

Fig. 1. The Irchinsky burial ground (A) in the context of Early Medieval complexes of the Irtysh region and its topographic plan (B).

Объекты исследования

Ирчинский могильник занимает участок территории в пределах Ишимской равнины, граничащей на юге по р. Камышловке с Северо-Казахстанской равниной (рис. 1, А). Ее рельеф в основном плоский, с колковыми западинами, травянистыми и остепненными осиново-березовыми лесами, остепненными лугами и луговыми степями с пресными и солеными озерами [Система адаптивного земледелия..., 2020, с. 12, 30]. Некрополь расположен на возвышенном (78–82 м) восточном берегу оз. Ирча, в 3 км севернее д. Большие Мурлы Большереченского района Омской области. В 1969 г. В.А. Могильников открыл и исследовал курганный комплекс из 58 насыпей [Могильников, 1969]. Площадка памятника размером около 0,400 км² занята лиственным лесом и ограничена с востока остепненным лугом. Курганы расположены цепочкой и небольшими скоплениями на дуговидной песчаной возвышенности, огибающей берег озера и на 300–350 м уходившей в сторону д. Большие Мурлы. Их размеры от 6–7 до 18 м, высота — 0,3–0,5 м, самые крупные имели овальную форму насыпей, остальные — округлую. Большинство курганов имеют следы грабительских раскопов в виде неглубоких западин по центру, один из курганов (№ 51) был разрушен траншеей на всю его длину (11 м). В 1969 г. В.А. Могильников исследовал четыре объекта (№№ 28, 43, 53 и 56) (рис. 1, Б), содержащих семь погребений, различных по обряду и инвентарю¹.

Описание курганных насыпей

Курган № 28 расположен в северной части могильника, остальные (№№ 43, 53, 56) — в южном скоплении (рис. 1, Б). Насыпи №№ 28 и 43 в плане округлые, №№ 53 и 56 — овальные, ориентированные по линии СЗ–ЮВ, с неровной поверхностью и западинами от грабительских ям. Размеры объектов: № 28 — 10×0,7 м, № 43 — 8×0,3 м, № 53 — 18×10×0,66 м, № 56 — 11,5×8×0,52 м. В связи с особенностями расположения погребений под курганами №№ 53 и 56, а также стратиграфии (отсутствие центральной могилы и небольшие перепады на крайних участках насыпей) (рис. 5, 6) нельзя исключать, что это были одиночные курганы, слившиеся в одну продолговатую насыпь. Тело курганов и погребенная почва были сложены из темно-коричневой или почти черной супеси с редкими линзами прокаленной почвы ярко-оранжевого цвета с включениями угля, возможно, от деревянных перекрытий (рис. 2, 3). В процессе разбо-

¹ Основу текстовых описаний см.: [Могильников, 1969].

Комплексы раннего средневековья из северной лесостепи Прииртышья...

ра насыпей следов каких-либо конструкций обнаружено не было, но встречались следы тризн. В частности, в кургане № 43 на глубине 0,2 м в 1,1 м к югу от центра стоял горшковидный сосуд потчевашского типа, украшенный гребенчатым орнаментом (рис. 3, 1а); севернее центра, в 1,5 м от могилы 1 и в 2,5 м от могилы 2 в кургане № 53, на глубине 0,4–0,5 м встречены череп и фрагменты нижней челюсти лошади (рис. 5); в 2 м к западу от центра в кургане № 56 на глубине 0,8 м найден рог козули (рис. 6).

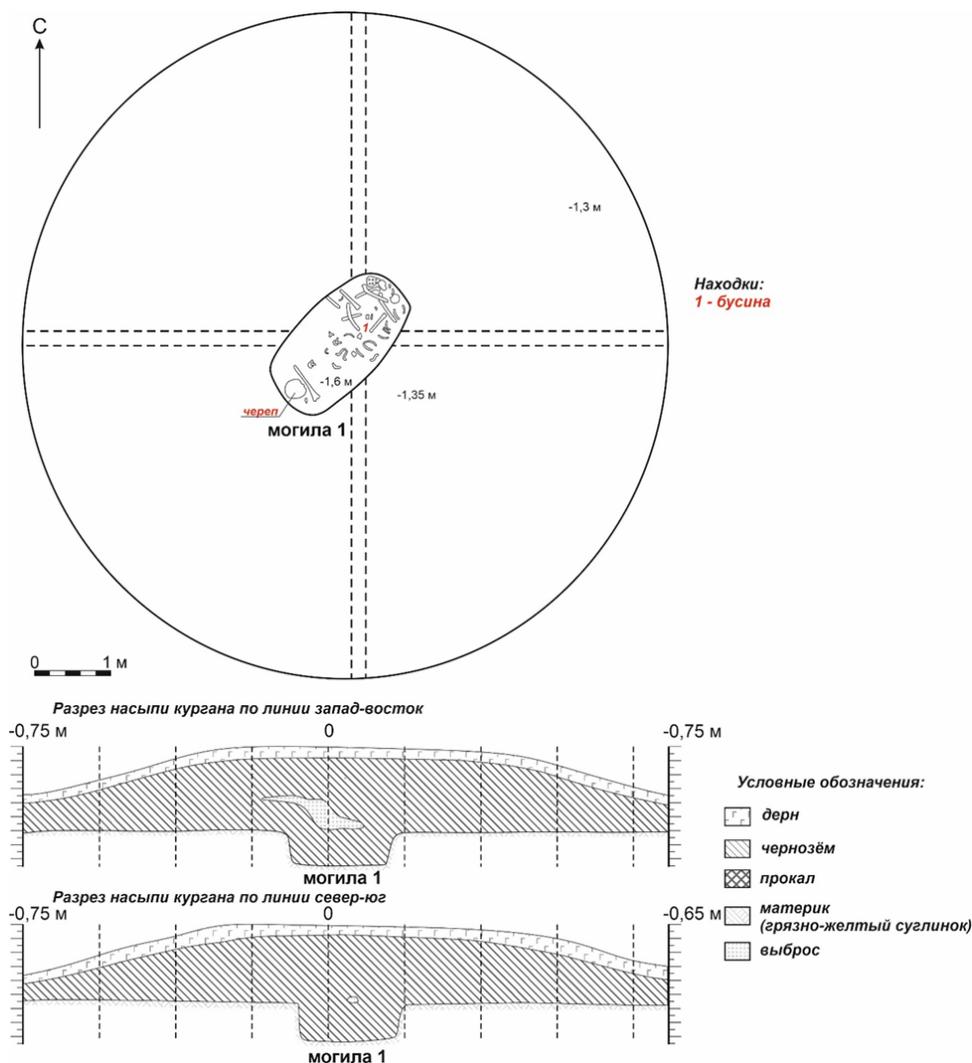

Рис. 2. Курган № 28.
Fig. 2. Mound № 28.

Описание погребений

Курган № 28, погребение 1 (рис. 2). Представляло собой подпрямоугольную яму размером 2,15×1,15 м, глубиной до 1,6 м. Над ее заполнением прослежена небольшая линза светло-коричневого песка неправильных очертаний, оставленного в связи с нарушением заполнения норами землеройных грызунов и, возможно, неоднократным ограблением объекта. Могила ориентирована по линии СВ–ЮЗ, ее стенки почти вертикальные, а дно плоское. В заполнении могилы встречались мелкие угольки, вероятно, от перекрытия или органической подстилки. В северо-восточной половине заполнения ямы обнаружено скопление костей посткраниального скелета индивида, составленное из фрагментов тазовой, позвонков, ребер, фаланг пальцев, лучевой и малой берцовой костей. В средней части могилы, на глубине 1,5 м, обнаружены нижняя челюсть и фрагменты ключицы. В юго-западной половине погребения лежали отдельные позвонки и ребра, а у юго-западной стенки, на глубине 1,3 м,— череп с большой берцовой костью. Расположение костей останков погребенного, главным образом фрагментов черепа, позволяет предпола-

гать, что умерший был уложен головой на ЮЗ. Вещевой комплекс представлен серебряной бусиной с зернью (рис. 2, 1; 8, 20), обнаруженной около северо-восточного торца могилы.

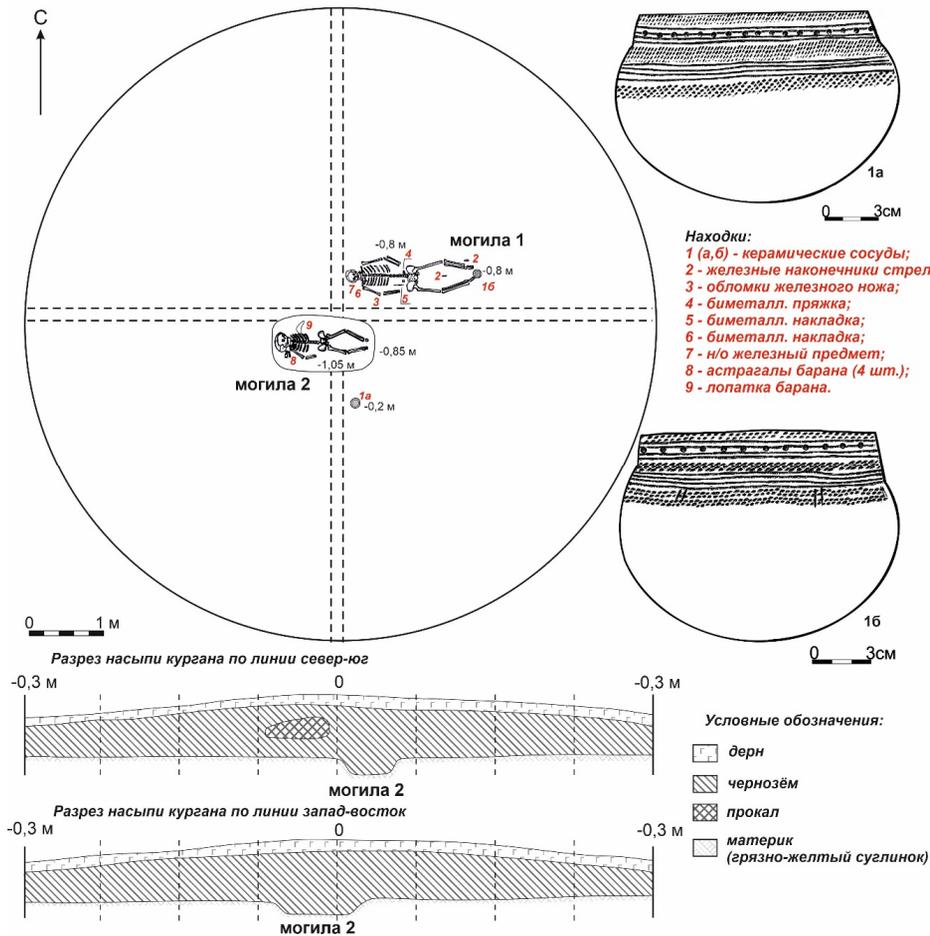

Рис. 3. Курган № 43.
Fig. 3. Mound № 43.

Курган № 43, погребение 1 (рис. 3). Обнаружено на уровне древней дневной поверхности, в слое темно-серой супеси, на глубине 0,8 м от вершины насыпи. Его контуры из-за темного окраса почвы определить не удалось. Судя по расположению костяка, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на запад, со слегка согнутыми в локтях руками вдоль туловища, при этом ноги находились в позе «всадника». В области ступней был обнаружен глиняный сосуд (рис. 3, 1б) потчевашского типа, аналогичный экземпляру из насыпи (рис. 3, 1а). Покойного сопровождали следующие вещи: в поясном отделе — биметаллическая пряжка (рис. 3, 4; 8, 22), напротив нее — круглая бляшка (рис. 3, 5; 8, 2) и железный нож с остатками деревянной рукоятки (рис. 3, 3; 7, 1), у левой ступни — железный наконечник (рис. 3, 2; 7, 4), еще один — между ног (рис. 3, 2). В области шеи и около ключицы находились «рөгатая» накладка (рис. 3, 6; 8, 23) и обломок бронзовой пластинки (не сохранилась) (рис. 3, 7). Положение костяка не было потревожено грабителями.

Сохранились лицевой отдел черепа, нижняя челюсть (рис. 4, 1, а, б), кости таза, длинные кости посткраниального скелета. Пол индивида определен как мужской². На это указывают признаки, зафиксированные на черепе: глабелла развита сильно (балл 4), лобные бугры не выражены, верхний край орбиты округлен (балл 4), форма орбиты подпрямоугольная. Нижняя челюсть с умеренно развитым подбородочным выступом (балл 3) и вывернутыми углами (рис. 4,

² Здесь и далее половая диагностика индивидов проводилась на основании анализа морфологии черепа, строения таза и посткраниального скелета [White, Folkens, 2005]. Возраст индивидов на момент смерти определялся по степени облитерации швов черепа и стертости жевательной поверхности зубов [Зубов, 1968, с. 173–174; White, Folkens, 2005].

Комплексы раннего средневековья из северной лесостепи Прииртышья...

1а). Форма большой седалищной вырезки тазовой кости образует острый угол (балл 4). Длинные кости скелета массивные, рельеф в местах прикрепления мышц выражен значительно.

Возраст индивида установлен по степени стертости жевательной поверхности коронок зубов верхней и нижней челюстей в диапазоне старческого (*senilis*, более 50 лет) (рис. 4, 1б). Коронки зубов стертые на половину своей высоты, жевательная поверхность состоит из больших участков открытого дентина (балл 3). Вторые премоляры и моляры нижней челюсти утрачены при жизни индивида.

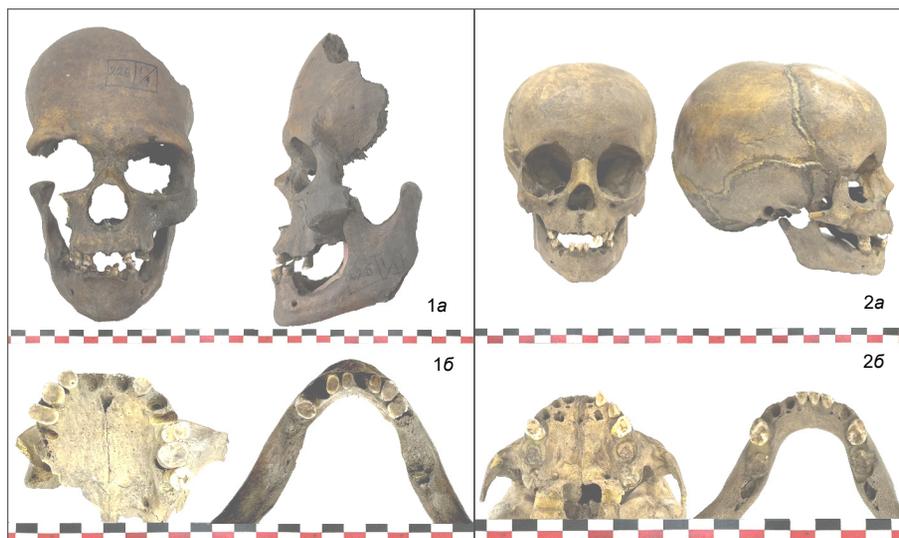

Рис. 4. Черепа и зубная система индивидов из погребений 1 и 2 кургана № 43.
Fig. 4. Skulls and dental system of individuals from burials 1 and 2 of ground № 43.

Курган № 43, погребение 2 (рис. 3). Центральное, подпрямоугольной формы, размером 1,3×0,7 м, глубиной 0,2 м от уровня материка, со слегка наклонными стенками и плоским дном. Погребенный был обнаружен в позе вытянуто на спине, головой на запад, лицом на север, со слегка раздвинутыми коленями, аналогично индивиду из могилы 1. Погребенного сопровождали остатки животных, в частности, слева у головы была расположена лопатка барана (рис. 3, 9), а справа — четыре астрагала (рис. 3, 8). Других вещей обнаружено не было.

Сохранились целый череп (рис. 4, 2, а, б) и длинные кости посткраниального скелета. Степень сформированности всех костей соответствует первому детскому возрасту (*infantilis I*). Точный возраст индивида на момент смерти определен по степени сформированности зубов молочной и постоянной смены и их положению в челюсти (рис. 4, 2б). На момент смерти индивида молочные резцы, клыки и первые моляры полностью прорезались, вторые моляры начинали прорезываться. Постоянные зубы находились в теле челюсти. Такое состояние зубной системы характерно для возраста 2 года ± 8 мес.

Сохранность материала позволяет описать закладки постоянных моляров по одонтологической программе [Зубов, 1968]. На первых верхних молярах метаконус не редуцирован (балл 1), как и гипоконус (балл 4). Зафиксирован дополнительный дистальный бугорок. Косой гребень прерван. Закладки коронок первых нижних моляров 5-бугорковые, с «Y»-узором коронки. Дистальный гребень тригониды, коленчатая складка метакониды и *tam1* отсутствуют. Вторая борозда метакониды впадает в фиссуру III. Патологических изменений не отмечено.

Курган № 53, погребение 1 (рис. 5). Трапециевидной формы, размерами 3,1×0,9 м, ориентировано по линии ЗСЗ–ВЮВ, глубиной от 0,05 до 0,25 м от уровня материковой поверхности. По-видимому, аморфные контуры и разная глубина могильной ямы объясняются антропогенными разрушениями. Узкий длинный выступ размером 1,1×0,55 м в ЗСЗ части являлся, очевидно, кладоискательской траншеей, остатки которой виднелись на поверхности насыпи в виде неглубокой бороздки. Фрагменты железных предметов (не сохранились) и бусы (рис. 5, 4; 8, 21) попали в этот выступ при перекопе могилы грабителями. Надо полагать, что первоначально могильная яма имела прямоугольную форму, размер 1,7×0,9 м. Ей соответствует большой под-

прямоугольный выступ в северной части вскрытой ямы и южная граница контуров углубления могилы в материк. Дно могильной ямы, было, вероятно, ровным.

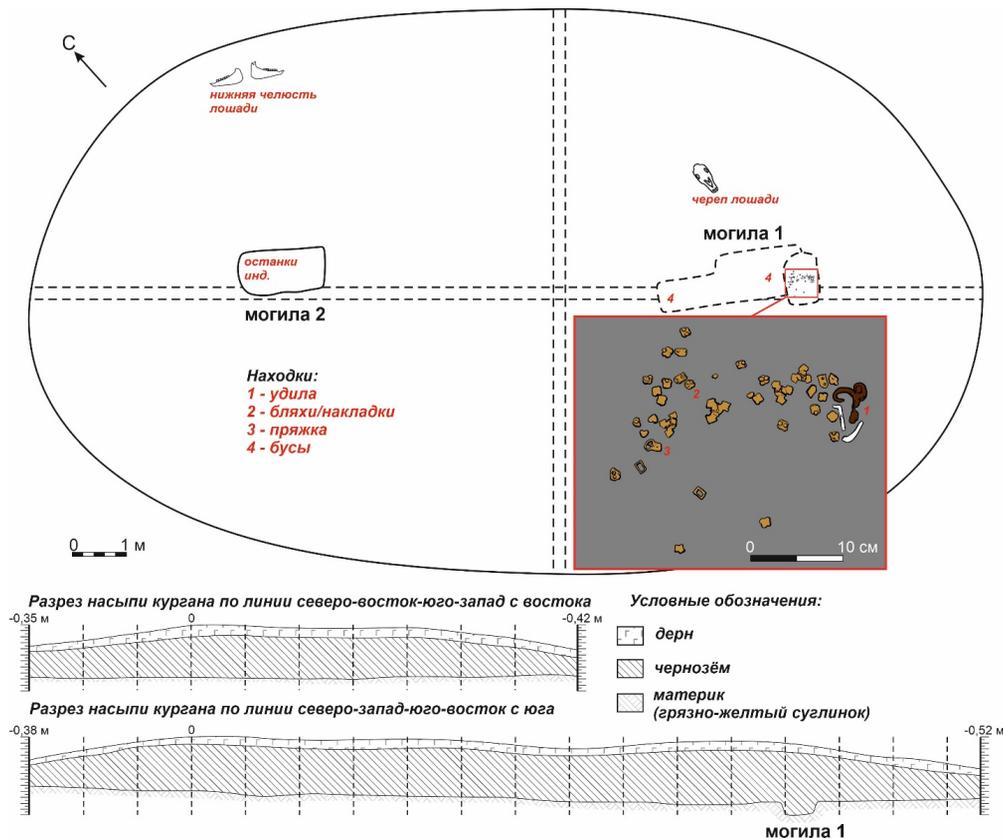

Рис. 5. Курган № 53.
Fig. 5. Mound № 53.

В заполнении могильной ямы, в ВЮВ половине, обнаружены стеклянные бусы круглые синие и бесцветные, одна продолговатая, почти цилиндрическая, полосатая (рис. 5, 4; 8, 21). Здесь же находились отдельные фрагменты костей человека, плохо сохранившихся в песчаном грунте, а также — пряжка, лопастные (6 ед.) распределители, сердцевидные (6 ед.)³ и четырехлепестковые накладки (23 ед.), обоймы (2 ед.) и ременные наконечники (5 ед.)³, удила с S-образными псалиями от уздечного набора, сконцентрированные на участке размерами 1×1 м (рис. 5, 2, 3; рис. 8, 1, 3–17, 24–29). По компактному характеру размещения вещей интерпретируем данный участок как место отдельного захоронения украшений оголовья лошади (возможно, чучела?) (рис. 8, 30). Тут же, у ВЮВ края, встречены железные двусоставные кольчатые удила (рис. 5, 1; 7, 15). В ЗСЗ половине могильной ямы и выступе обнаружены отдельные бусины, одна бляшка из указанного выше набора и фрагменты железных стремян (рис. 7, 14). Кроме того, в 1 м от погребения в толще насыпи на глубине 0,8–0,95 м от вершины кургана, почти на материковой поверхности, были зафиксированы две серебряные серьги (рис. 8, 18, 19).

Курган № 53, погребение 2 (рис. 5). Представляло собой подпрямоугольную яму размером 1,6×0,75 м, глубиной 0,15 м от уровня материка. Могила ориентирована продольной осью по линии ВЮВ–ЗЮЗ. Около дна могилы, на глубине 1,1 и 1,05 м найдены фрагменты двух костей человека. О нарушении целостности предметного комплекса могилы в древности свидетельствуют разрозненные находки предметов, обнаруженных в радиусе 2–3 м от нее, в слое тела насыпи: на уровне -0,5...-0,7 м — костяные наконечники стрел (рис. 7, 6–11) и один железный экземпляр (рис. 7, 5), на

³ Количество предметов (пряжка, наконечники ремня и подпрямоугольные обоймы) определено по иллюстрации из альбома. Эти предметы и набор бусин (рис. 8, 21) выставлены в археологической экспозиции Омского государственного историко-краеведческого музея. На момент работы с коллекциями (весна 2023 г.) по техническим причинам не были доступны для фотофиксации и отрисовки.

Комплексы раннего средневековья из северной лесостепи Прииртышья...

уровне -0,5...-0,55 м — обломки железного ножа (рис. 7, 2) и стилизованная биметаллическая рукоятка (от него же?) (рис. 7, 3); на уровне -0,65 м встречены также два фрагмента стенок сосудов.

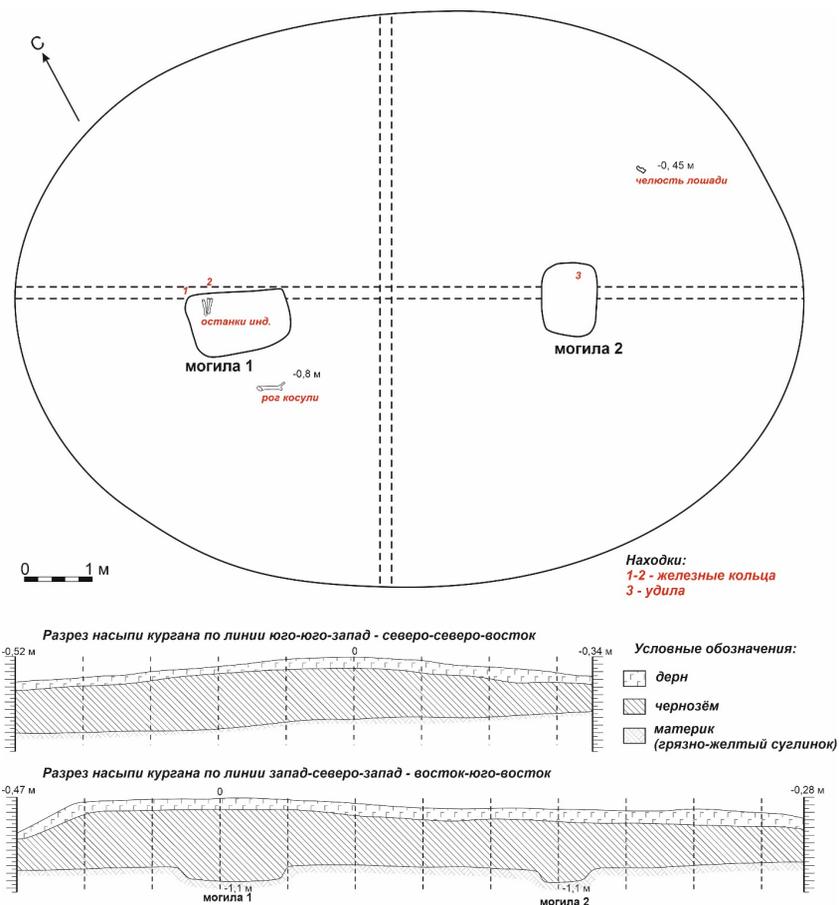

Рис. 6. Курган № 56.
Fig. 6. Mound № 56.

Курган № 56, погребение 1 (рис. 6). Трапециевидной формы, размерами 1,4×0,85×1,1 м, глубиной 0,15 от уровня материка, ориентировано продольной осью по линии З–В. Вблизи северо-западного угла могилы находились обломки трех длинных костей конечностей человека — двух берцовых и бедренной. Рядом с могилкой, против северо-восточной стенки, на глубине 0,4 и 0,7 м встречены фрагменты двух железных удильных колец (не сохранились в коллекции).

Курган № 56, погребение 2 (рис. 6). Подпрямоугольной формы, размером 1×0,8 м и 0,38 м от уровня материка (-0,8 м). Над заполнением могилы, на глубине -0,6 м, лежали железные двусоставные удила с кольчатыми псалями (рис. 7, 13). Продольная ось ямы ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Останков покойного обнаружено не было.

Вещи и датировка

Бытовой инвентарь и вооружение

Керамика (рис. 3, 1а, 1б) из кургана № 43 представлена горшковидными емкостями потчевашского типа⁴. Орнамент характеризуют оттиски горизонтальных прочерчиваний по шейке и плечам, наклонные оттиски гребенчатого штампа и округлые вдавления по венчику. Данные керамические сосуды представляют типичную продукцию гончаров подтаежной и лесостепной зон Ишимо-Иртышья конца эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья и являются одним из основных культуродиагностирующих признаков потчевашской культуры [Зеленков, 2023, с. 170; рис. 3].

⁴ В коллекциях не обнаружены, иллюстрации и описания даются по фото из альбома отчета В.А. Могильникова.

Железные ножи (рис. 7, 1, 2) представлены двумя аналогичными друг другу экземплярами из погребения 1 кургана № 43 (рис. 7, 1) и погребения 1 кургана № 53 (рис. 7, 2). Длина лезвия до 5,8 см, ширина спинки до 0,6 см. Экземпляр из кургана № 53 сопровождается биметаллической рукояткой (рис. 7, 3), навершие которой оформлено в виде фигуры хищного зверя (медведь?). Подобные изделия широко представлены в несколько более позднее время. В частности, по данным Н.В. Федоровой, бронзовые рукоятки с фигурным навершием распространяются компактной группой на Севере Западной Сибири не ранее IX в. [Федорова, 2019, с. 49, рис. 9].

Рис. 7. Бытовой инвентарь, детали уздечки и вооружение:
1, 4 — курган № 43, погребение 1; 14, 15 — курган № 53, погребение 1; 2, 3, 5–11 — курган № 53, погребение 2;
13 — курган № 56, погребение 2; 12 — н/о происхождения; 2, 5, 15 — рисунки Н.Ю. Раевской по фото
из отчета В.А. Могильникова; 6–11 — фото по: [Могильников, 1969].

Fig. 7. Household goods, bridle parts and weapons.

Наконечники стрел железные (рис. 7, 4, 5) происходят из погребения 1 кургана № 43 (рис. 7, 4) и погребения 2 кургана № 53 (рис. 7, 5). Первый экземпляр относится к типу Худяков–IV/2 древнетюркских наконечников стрел VIII–X вв. [Худяков, 1986, с. 144: рис. 64, 29]. Вторым может быть отнесен к типу Худяков–III/2 VIII–IX вв. [Там же, с. 144: рис. 64, 25]. Вместе с ним находились костяные экземпляры (рис. 7, 6–11).

Тесло железное (топорик?) (рис. 7, 12). Обнаружено в коллекции из Ирчи, но установить его происхождение точнее не удалось. С несомкнутой втулкой, высотой 7,5 см, ширина лезвия 3,5 см, ширина втулки 4,8 см. По типологии С.П. Нестерова относится к типу 1 древнетюркских образцов из Алтая, Минусинской котловины и Тувы VI–VIII вв. [Нестеров, 1981, с. 169–170].

Украшения и детали конского снаряжения (рис. 7, 13, 14, 15; 8, 1, 3–17, 24–29)

Железные удила с S-видными псалиями, имеющими прямоугольную рамку (1 ед.) (рис. 7, 13), происходят из кургана № 56, погребения 2. Аналогичные изделия встречаются в тюркских комплексах конца VI — VIII в. Алтая [Кубарев, 2005, табл. 12, 1; 98, 2], Тувы [Савинов, 1984, табл. III, 1], Монголии [Серегин, 2018, рис. 2, 5] и других регионов.

Стремя с пластинчатым ушком на короткой суженной шейке, с расширенной подножкой (1 ед.) (рис. 7, 14) из кургана № 53, погребения 1. Стремена с ушком в виде короткой пластинки с VII в. получили распространение в Китае, среди тюрков Южной Сибири (вероятно, и других районов Центральной Азии), авар Среднего Подунавья [Амброс, 1973, с. 86–87], вытеснив изделия с длинной пластиной; долгое время со второй половины VII по IX в. и позднее были популярны среди кочевого населения Алтая [Гаврилова, 1965, табл. XIV, 12; Савинов, 1984, табл. III, 16; Кубарев, 2005, табл. 49, 4, 5], Монголии (тип 4 по: [Серегин, 2017, рис. 2, 6]) и некоторых других регионов.

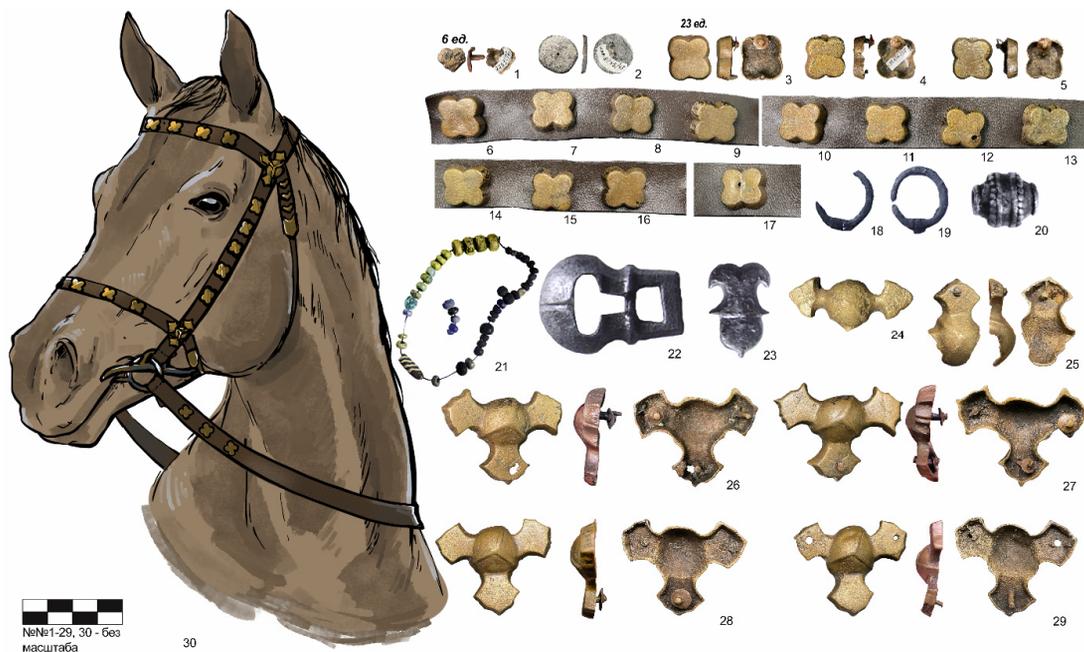

Рис. 8. Украшения и детали одежды и конского обмундирования: 20 — курган № 28, погребение 1; 2, 22, 23 — курган № 43 погребение, 1; 1, 3–19, 21, 24–30 — курган № 53, погребение 1: 18–20, 23 — фото по: [Могильников, 1969]; 30 — реконструкция Н.Ю. Раевской.

Fig. 8. Ornaments and details of clothing and horse equipment.

Железные удила с подвижными округлыми кольцами (1 ед.) (рис. 7, 15) из кургана № 53, погребения 1 имеют широкий круг аналогий в памятниках как раннего железного века, так и средневековья.

Лопастные распределители ремней с сужениями в месте стыка лопастей и полусферическим центром, шпеньками-заклепками (6 ед.) из кургана № 53, погребения 1 (рис. 8, 24–29). Лопастни подтреугольной формы с пятиугольными окончаниями, у нескольких экземпляров (рис. 8, 24, 27) читается геометрический орнамент. Центральная часть украшена нервюрами. По типологии А.А. Торгоева рассматриваемые распределители относятся к типам РЛ1–2 лопастных распределителей, выделенных для третьей (конец VII — середина VIII в.) и четвертой (VIII — середина IX в.) хронологических групп ременных гарнитур Семиречья [Торгоев, 2011, с. 62, 66; с. 222: рис. 72, 147]. Прямые аналогии экземплярам из Ирчи находим в комплексах Иня-1 (к. 14, п. 1) [Горбунова и др., 2009, с. 50, рис. 18]. В целом подобные типы конских украшений с разным оформлением окончаний лопастей в это время были широко распространены у населения лесостепного и степного Волго-Уралья и Западной Сибири [Деревянко, 1988, с. 26: рис. 15, 11; Илюшин, 1999, с. 88: рис. 5, 14].

Сердцевидные накладки (рис. 8, 1) из кургана № 53, погребения 1. По типологии А.А. Торгоева относятся к изделиям типа Нбп10 [Торгоев, 2011, с. 170: рис. 20, 6, 8], генезис которых приходится на время распространения стрелковых катандинских поясов (третья хронологическая группа ременных гарнитур Семиречья) — конец VII — середина VIII в.

Четырехлепестковые непрорезные накладки (рис. 8, 3–17) со скошенными краями, плоской поверхностью и четырьмя округлыми лопастями из кургана № 53, погребения 1. По типологии И.О. Гавритухина относятся к типу 2 четырехлепестковых накладок блока вариантов 1, т.е. без орнаментальных прорезей [Гавритухин, 2023, с. 155–156]. Наиболее плотная концентрация подобных находок выделяется для территории юга современной Удмуртии и связана с первым и вторым пе-

риодами развития волго-уральских ременных гарнитур, т.е. серединой VI — третьей четвертью VII в. [Там же, с. 156; с. 184: рис. 7, 15, 16, 18]. Тем не менее наша находка в подборке И.О. Гавритухина рассматривается как позднейшая их разновидность [Там же, с. 158; с. 182: рис. 6, 62], сложившаяся вследствие переработки традиций тюркских каганатов западносибирскими лесостепными и степными племенами во второй половине VIII — первой половине IX в.

Украшения одежды

Цельнолитая пряжка (1 ед.) с овальной рамкой и четырехугольной рамчатой обоймой (рис. 8, 22) из кургана № 43, погребения 1. Прямоугольные рамчатые обоймы имеют обширный культурный и хронологический контекст. В Восточной Европе они известны, например, в комплексах ломоватовской и неволинской [Голдина, Водолаго, 1990, с. 165: табл. LXIX, 3–7] и салтово-маяцкой культур. В Западной Сибири были обнаружены в погребении 3 Окунево-III [Могильников, Конилов, 1983, с. 166: рис. 4, 2–5] совместно с «рогатыми» накладками «волчихинской» серии и псевдопряжками, характерными для поясов агафоновского типа [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 33], а также в материалах Кузнецкой котловины (Сапагово-1) [Илюшин и др., 1992, с. 100: рис. 34, 13; с. 109: рис. 43, 27] с прорезными накладками от катандинских поясов. Перечисленные аналогии, кроме окуневской находки, отличаются плоской формой без загнутых краев, а полые катандинские и согдийские образцы имеют шарнирное крепление язычка. В последнем случае ирчинские и окуневские экземпляры по исполнению ближе к роговым уздечным пряжкам (напр.: [Овчинникова, 1990, рис. 48, 10, 13, 19]) и могут отражать переработку согдийских и катандинских традиций.

Двучастная накладка с сильно профилированными «рогами» (рис. 8, 23) из погребения 1 кургана № 43. Данный тип ременных украшений широко известен по материалам Прикамья [Голдина, Водолаго, 1990, с. 128: табл. XXXI, 38, 47] в составах «агафоновских» поясов. Ближайшие примеры из Западной Сибири накладок с сильно профилированными «рогами» известны по кудыргинским (м. 5) комплексам [Гаврилова, 1965, табл. XII, 8, 9] и погребению 2 Лихачевского могильника. Экземпляры с менее развитыми формами, характерными для конца VI — середины VII в. (вариантов 1 и 2 «рогатых» накладок второго горизонта волго-уральских гарнитур), встречаются в Новосибирском Приобье и на юге Кузнецкой котловины в материалах верхнеобской культуры (Юрт-Акбалык-4, к. 2, п. 1, Черемза-1), в Красноярском крае в усть-ковинской культуре, на Алтае в погребениях одицовской культуры (п. 28 Чумыш-Пережат). Наиболее южные аналогии обнаруживаем в комплексах кенкольской культуры (Таш-Тюбе) [Могильников, 1981, рис. 23, 5, 5а]. Учитывая перечисленные аналогии, ирчинские экземпляры можно датировать в рамках третьего горизонта волго-уральских геральдических ременных гарнитур, т.е. серединой/второй половиной VII — началом VIII в. н.э. (ИС-28 по: [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 90; рис. 89: 21, 31, 35]), не исключая и более поздней даты.

Округлая бляшка со слегка загнутыми краями и отверстием для подшивания (рис. 8, 2) происходит из погребения 1 кургана № 43. Подобные изделия известны в широком географическом и хронологическом диапазоне.

Серьги в форме разомкнутого округлого кольца (рис. 8, 18, 19) из кургана № 53 (погребение 1?). Отсутствие привески существенно затрудняет хронологическую атрибуцию и поиск аналогий, тем не менее обратим внимание на отсутствие на дужке наших экземпляров «отростков», характерных для развитых типов так называемых салтовских серег (по: [Сташенков, 1998, с. 215]), расширенную среднюю часть дужки и относительную небольшую толщину дрота, что в совокупности сближает ирчинские изделия с характерными для евразийской моды периода первых тюркских каганатов височными украшениями [Там же, с. 229, рис. 6].

Бусина серебряная бочковидной формы (рис. 8, 20) (от кольцевой серьги, дужки которой не сохранились) с зерно-филигранным декором из кургана № 28, погребения 1. По типологии Ю.В. Подосеновой относится к типу 1 бусинных височных колец [Подосенова, 2021, с. 116–117: рис. 116, 2, 3; 117, 1, 3], которые встречаются в закрытых комплексах Пермского Предуралья не ранее XII в. В Северном Предуралье датируются с XI в. [Там же, с. 119], в Западной Сибири известны с конца XI — XII в. (Сайгатинский IV, Пылаевский некрополи).

Бусы (рис. 8, 21) из кургана № 53, погребения 1, представлены черным, фиолетовым, бирюзовым и темно-синим бисером, двух-трехчастными бусами с металлической прокладкой, округлыми, черно-белой бочкообразной удлинненной полосатой пронизью, двучастной черной пронизью. Большая часть изделий из набора находит аналогии в хронологической группе конца VII — VIII в. бус неволинской культуры [Голдина, 2010, с. 141–143, рис. 31–33].

Таким образом, по совокупности аналогий вещевому инвентарю и его предварительной хронологической оценке погребения из Ирчинского могильника могут быть датированы сле-

дующим образом: погребение 1 из кургана № 28 — XI–XIII вв.; погребение 1 из кургана № 53 — VIII — первая половина IX в. н.э.; погребение 1 из кургана № 43 — VII–VIII вв. И так, некрополь хронологически неоднородный и формировался длительное время, вероятно, с юга на север вдоль восточного берега оз. Ирча (рис. 1, Б).

Обсуждение

Определение места Ирчинского могильника в системе древностей лесостепного Прииртышья существенно осложнено в связи с тем, что для эпохи раннего средневековья этой территории выделено множество культурных образований.

В целом для региона время VII–XIII вв. ассоциируется со сменяющимися друг друга древностями потчевашской [Могильников, 1987, с. 183–193; Конилов, 2007] и усть-ишимской культур [Могильников, 1987, с. 193–202; Конилов, 2007], характеризующих западносибирское угорское наследие. Процесс сложения этих культур, как считает большинство исследователей, сопровождался перманентными контактами местного населения с носителями тюркской культурной традиции, например в трансформированном виде сросткинской археологической культуры. Данные наблюдения подкреплены наличием в потчевашских и усть-ишимских комплексах «кочевнических» элементов в обрядах (сочетание ингумаций и кремаций, захоронения чучела коня, широтные ориентировки погребений) и инвентарных наборах (воинские пояса, детали вооружения), а также отдельных примеров захоронений мигрантов и/или переселенцев со степных территорий Обь-Иртышья: Изылбаш и Романтеевка, Соляное-2, Погребение у ж/д вокзала, Алексеевка-1, Преображенка-3, Усть-Тартас, Сопка-2, Чулым-2 и др. (рис. 1, А).

В контексте описанного выше нам представляется, что погребения Ирчинского могильника содержат больше параллелей с кочевнической группой некрополей: курганные насыпи, широтные ориентировки захоронений, погребения-кенотафы, помещение умершего на дневной поверхности, погребение чучела лошади под насыпью. Местные черты выражены слабо — только одно, и самое раннее, погребение из кургана № 43 содержало сосуды с гребенчато-желобчатой орнаментацией и навершие ножа, оформленное в зооморфной манере. Тем не менее даже оно по совокупным признакам обряда (широтная ингумация на дневной поверхности) не может быть уверенно отнесено к потчевашской культуре в силу своего своеобразия на фоне эталонных грунтовых некрополей Окунево-III и Лихачевского с кремациями и меридиональными ингумациями. Поэтому считаем, что имеющиеся в нашем распоряжении материалы Ирчинского могильника отражают разные этапы процесса проникновения кочевнических компонентов в материальную культуру населения лесостепи Прииртышья, что убедительно продемонстрировано на примере локальной барабинской группы некрополей новосибирским коллективом исследователей [Деревянко, 1988].

Подобный симбиоз разных традиций в рамках одной культурной группы помимо ближайших аналогий прослежен несколькими поколениями исследователей на примере сросткинской культуры [Грязнов, 1956, с. 145–152; Гаврилова, 1965, с. 70; Могильников, 1981, с. 45–46; Савинов, 1994, с. 80–101]. По современным оценкам, она появилась уже в сформированном виде в VIII в. н.э. на территории от лесостепного Алтая до Новосибирского Приобья и представляла собой поликультурное образование, сложившееся на основе самодийского суперстрата и тюркского субстрата.

Заключение

Таким образом, материалы могильника из Ирчи демонстрируют процесс проникновения и сочетания разновременных тюркских традиций в рамках развития местных культур лесостепи долины Иртыша, объединяя элементы культуры тюркских каганатов, сросткинские, катандинские, угорские и восточноевропейские признаки. Вопрос об их происхождении в данном случае, для одного могильника, должен рассматриваться в широком контексте памятников региона раннего средневековья с привлечением антропологических данных, что является перспективой наших будущих исследований.

Благодарности. Авторы выражают глубокую признательность хранителю фондов археологии Омского государственного историко-краеведческого музея Елизавете Мишкиной, а также администрации музея в содействии при работе с коллекциями. Авторы благодарны А.П. Бужиловой и П.П. Карцеву (Научно-исследовательский институт и музей антропологии МГУ имени М. В. Ломоносова) за предоставленную возможность работы с антропологической коллекцией, а также рецензентам настоящей статьи за ценные замечания.

Финансирование. Работа выполнена в рамках проекта РФФ № 24-28-01779.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. 1973. № 4. С. 81–98.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 144 с.
- Гаверитухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст: Коллективная монография. М.: ИА РАН, 1996. 298 с.
- Гаверитухин И.О. Комплекс металлических изделий эпохи Первого Тюркского каганата из Беспланского могильника (Северная Осетия) // Нижневолж. археол. вестник. 2023. № 1. С. 139–202. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.10>
- Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск: Удмурт. ун-т, 2010. 264 с.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1990. 176 с.
- Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаверин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: Морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул: Азбука, 2009. 144 с.
- Деревянко Е.И. (отв. ред.). Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988. 176 с.
- Зеленков А.С. К вопросу о формировании керамических традиций Тоболо-Иртышья в эпоху раннего средневековья // Уфим. археол. вестник. 2023. № 1. С. 159–177.
- Зубов А.А. Одونتология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.
- Илюшин А.М. Могильник Саратовка: Публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово: Издательство КузГТУ, 1999. 160 с.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово — памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 126 с.
- Конилов Б.А. Потчевашская культура // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Издательство Том. ун-та, 1994. Т. 2. С. 150–164.
- Конилов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. 466 с.
- Конилов Б.А. Кыпчаки и южно-таежное Прииртышье (конец X — XIV в.) // Археология Северной и Центральной Азии: Новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул: АлтГУ, 2021. С. 215–221.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 399 с.
- Могильников В.А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 45–46.
- Могильников В.А. Культуры лесного Прииртышья // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 183–202.
- Могильников В.А., Конилов Б.А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. 1983. № 2. С. 162–182.
- Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 168–172.
- Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.
- Подосенова Ю.А. Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: Изд-во Перм. национ. исслед. политех. ун-та, 2021. 210 с.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: ЛГУ, 1984. 174 с.
- Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово: КемГУ, 1994. 215 с.
- Серегин Н.Н. Стремена из погребальных комплексов раннесредневековых тюрков Монголии // Народы и религии Евразии. 2017. № 12. С. 9–23.
- Серегин Н.Н. Удила и псаии из погребальных комплексов раннесредневековых тюрков Монголии // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2018. № 2. С. 174–181. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2018\)2-29](https://doi.org/10.14258/izvasu(2018)2-29)
- Сташенков Д.А. Евразийская мода в эпоху раннего средневековья: (К постановке проблемы) // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.: (Вопросы хронологии): Материалы II Междунар. археол. конф. Самара, 1998. С. 213–232.
- Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Тюркизация южной тайги и северной лесостепи Среднего Прииртышья в конце I — начале II тыс. н.э. // Археология Северной и Центральной Азии: Новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул, 2021. С. 228–233.
- Федорова Н.В. Север Западной Сибири в железном веке: Традиции и мобильность: Очерки. Салехард: Золотой тираж, 2019. 150 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
- White T.D., Folkens P.A. The Human Bone Manual. L.: Elsevier. 2005. 464 p.

ИСТОЧНИКИ

- Могильников В.А. Отчет о работах Иртышского отряда в 1969 г. 1969 // Архив ИА РАН. Р-1. № 400.
- Торгоев А.И. Ременные украшения Семиречья V — начала XIII в.: (Вопросы хронологии): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

Zelenkov A.S.^{a,*}, Sleptsova A.V.^{a,b}, Konikov B.A.^c, Grachev M.A.^d

^a University of Tyumen, Volodarskogo st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation

^b Tyumen Scientific Centre SB RAS, Chervishesky trakt st., 13, Tyumen, 625008, Russian Federation

^c Radiozavod named after. A.S. Popov, 10 let Oktyabrya st., 195, Omsk, 644009

^d Omsk State Pedagogical University, Partizanskaya st., 4a, Omsk, 644099

E-mail: qvimen@hotmail.com (Zelenkov A.S.); sleptsova_1993@mail.ru (Sleptsova A.V.); boris_konikov@mail.ru (Konnikov B.A.); max803@yandex.ru (Grachev M.A.)

Early Medieval complexes from the northern forest-steppe of the Irtysh River region — Irchinsky burial ground (based on materials of V.A. Mogilnikov, 1969)

In this paper, artefacts from the Irchinsky burial ground are published. The site was excavated in 1969 by V.A. Mogilnikov in the northern forest-steppe of the Omsk region of the Irtysh River (Bolsherechensky district, vicinity of the Bolshemurly village). A total of seven burials from four barrows were examined. The artefacts are represented by pieces of horse harness (bit, stirrup, plaques, buckles, clamps, overlays), individual household items (adze, pottery of the Bakal and Potchevash types), weapons (arrowheads), and jewellery (beads, pendants, parts of a belt set). The burial rite is characterized by inhumations performed in oval and subrectangular pits oriented along the west-east line, accompanied by traces of ritual activities on a platform of the barrow (cremations, remains of animals). Based on the specifics of the artifact sets, the burial ground reflects a lengthy period of development, from at least the 7th/8th to 13th centuries. The Irchinsky necropolis demonstrates the integration of steppe traditions into the local historical and cultural context.

Keywords: Western Siberia, Omsk region, northern forest-steppe zone, Potchevash Culture, Ancient Turkic time.

Acknowledgements. The authors express their deep gratitude to the carrier of the archaeological collections of the Omsk State Museum of History and Local Lore, Elizaveta Myshkina, and to the museum administration for their assistance in working with the collections. The authors are grateful to A.P. Buzhilova and P.P. Kartsev (Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University) for the opportunity to work with the anthropological collection.

Funding. The work was carried out within the framework of the Russian Science Foundation Project No 24-28-01779.

REFERENCES

- Ambrose, A.K. (1973). Stirrups and saddles of the early Middle Ages as a chronological indicator (IV–VIII centuries). *Sovetskaya arheologia*, (4), 81–98. (Rus.).
- Derevyanko, E.I. (Ed.) (1988). *Baraba in the Turkic time*. Novosibirsk. (Rus.).
- Fedorova, N.V. (2019). *The North of Western Siberia in the Iron Age: Traditions and Mobility: Essays*. Salekhard. (Rus.).
- Gavrilova, A.A. (1965). *The Kudyrga cemetery as a source on the history of the Altai tribes*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Gavritukhin, I.O. (2023). A complex of metal products from the era of the First Turkic Khaganate from the Beslan burial ground (North Ossetia). *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik*, (1), 139–202. (Rus.). <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.10>
- Gavritukhin, I.O., Oblomsky, A.M. (1996). *The Gapon treasure and its cultural and historical context: Collective monograph*. Moscow: IA RAN. (Rus.).
- Goldina, E.V. (2010) *Beads from burial grounds of the Nevolinskaya culture (late 4th–9th centuries)*. Izhevsk. (Rus.).
- Goldina, R.D., Vodolago, N.V. (1990). *Burial grounds of the Nevolin culture in the Urals*. Irkutsk: Izd-vo Irk. un-ta. (Rus.).
- Gorbunova, T.G., Tishkin, A.A., Khavrin, S.V. (2009). *Medieval decorations of horse equipment in Altai: Morphological analysis, manufacturing technologies, alloy composition*. Barnaul: Azbuka. (Rus.).
- Ilyushin, A.M. (1999). *Saratovka burial ground: publication of materials and experience of ethnoarchaeological research*. Kemerovo. (Rus.).
- Ilyushin, A.M., Suleimenov, M.G., Guz, V.B., Starodubtsev, A.G. (1992). *Sapogovo burial ground - a monument of the ancient Turkic era in the Kuznetsk basin*. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo universiteta. (Rus.).
- Khudyakov, Yu.S. (1986). *Weapons of the Medieval Nomads of Southern Siberia and Central Asia*. Novosibirsk. (Rus.).
- Konikov, B.A. (1994). The Potchevash culture. In: *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri*. Tomsk, 150–164. (Rus.).
- Konikov, B.A. (2007). *Omsk Irtysh region in the early and developed Middle Ages*. Omsk. (Rus.).

* Corresponding author.

Konikov, B.A. (2021). Kipchaks and the southern taiga Irtysh region (late 10th — 14th centuries). In: *Arheologiya Severnoy i Tsentral'noy Azii: ovyeye otkrytiya i rezul'taty mezhdistsiplinarykh issledovaniy. Sbornik Tstatey, posvyashchenny 75-letiyu professora YU.F. Kiryushina*. Barnaul, 215–221. (Рус.).

Kubarev, G.V. (2005). *Culture of the Ancient Turks of Altai (Based on Materials from Funeral Monuments)*. Novosibirsk. (Рус.).

Mogilnikov, V.A. (1981). The Srostki culture. In: *Stepi Yevrazii v epokhu srednevekov'ya*. Moscow, 45–46. (Рус.).

Mogilnikov, V.A. (1987). Forest-steppe Trans-Urals. In: *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya. Arheologiya SSSR*. Moscow.

Mogilnikov, V.A., Konikov, B.A. (1983). Burial ground of the Potchevash culture in the Middle Irtysh region. *Sovetskaya arheologia*, (2), 162–182. (Рус.).

Nesterov, S.P. (1981). Tesla of the ancient Turkic period in Southern Siberia. In: *Voyennoye delo drevnykh plemon Sibiri i Tsentral'noy Azii*. Novosibirsk, 168–172. (Рус.).

Ovchinnikova, B.B. (1990). *Turkic antiquities of the Sayano-Altai in the 6th–10th centuries*. Sverdlovsk. (Рус.).

Podosenova, Yu.A. (2021). *Temple jewelry of the medieval population of the Perm Cis-Urals*. Perm. (Рус.).

Savinov, D.G. (1984). *Peoples of Southern Siberia in the ancient Turkic era*. Leningrad. (Рус.).

Savinov, D.G. (1994). *States and cultural genesis on the territory of Southern Siberia in the early Middle Ages*. Kemerovo. (Рус.).

Seregin, N.N. (2017). Stirrups from burial complexes of early medieval Mongolian Turks. *Narody i religii Evrazii*, (12), 9–23. (Рус.).

Seregin, N.N. (2018). Bits and cheekpieces from burial complexes of early medieval Mongolian Turks. *Izvestiya Altaiskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoricheskie nauki i arheologiya*, (2), 174–181. (Рус.). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2018\)2-29](https://doi.org/10.14258/izvasu(2018)2-29)

Stashenkov, D.A. (1998). Eurasian fashion in the early Middle Ages (towards the formulation of the problem). In: *Kul'tury evrazijskih stepej vtoroj poloviny I tysyacheletiya n.e. (voprosy hronologii): Materialy II Mezhdunarodnoj arheologicheskoy konferencii*. Samara, 213–232. (Рус.).

Tataurov, S.F., Tikhonov, S.S. (2021). Turkification of the southern taiga and northern forest-steppe of the Middle Irtysh region at the end of the 1st — beginning of the 2nd millennium AD. In: *Arheologiya Severnoy i Tsentral'noy Azii: Novyye otkrytiya i rezul'taty mezhdistsiplinarykh issledovaniy*. Barnaul, 228–233. (Рус.).

White, T.D., Folkens, P.A. (2005). *The Human Bone Manual*. London: Elsevier.

Zelenkov, A.S. (2023). On the Formation of Ceramic Traditions of the Tobol-Irtysh Region in the Early Middle Ages. *Ufimskiy arheologicheskij vestnik*, (1), 159–177. (Рус.). <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.013>

Zubov, A.A. (1968). *Odontology: Methodology of anthropological research*. Moscow: Nauka. (Рус.).

Зеленков А.С., <https://orcid.org/0000-0001-6257-119X>

Слепцова А.В., <https://orcid.org/0000-0001-5791-248X>

Конилов Б.А., <https://orcid.org/0000-0002-5452-362X>

Грачев М.А., <https://orcid.org/0000-0002-4374-2229>

Сведения об авторах:

Зеленков Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тюменский государственный университет, Тюмень

Слепцова Анастасия Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тюменский государственный университет, Тюмень.

Конилов Борис Александрович, кандидат исторических наук, советник генерального директора, ОмПО «Радиозавод им. А.С. Попова», Омск.

Грачев Максим Александрович, директор музея археологии и этнографии, Омский государственный педагогического университет, Омск.

About the authors:

Zelenkov, A.S., Candidate of Historical Sciences, Researcher, Tyumen State University, Tyumen.

Sleptsova, A.V., Candidate of Historical Sciences, Researcher, Tyumen State University, Tyumen

Konikov, B.A., Candidate of Historical Sciences, Advisor to the General Director, OmPO Radio Plant, Omsk

Grachev, M.A., Director of the Museum of Archeology and Ethnography, Omsk State Pedagogical University, Omsk.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 15.11.2024

Article is published: 15.09.2025

Ткачев А.А.^{a,*}, Ткачев Ал.Ал.^b

^a ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008
^b Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003
 E-mail: sever626@mail.ru (Ткачев А.А.); al.al.tkachev@mail.ru (Ткачев Ал.Ал.)

КИПЧАКСКИЙ «ДЛИННЫЙ» КУРГАН ИЗ МОГИЛЬНИКА МЕНОВНОЕ VII (ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН)

Целью статьи является культурно-хронологическая и социальная интерпретация «длинного» кургана 3, содержавшего кипчакские захоронения, исследованного в разновременном некрополе Меновное VII на территории Верхнего Прииртышья. «Длинный» курган встроен между наиболее крупными погребальными конструкциями, что позволяет предполагать в этих трех погребальных сооружениях поминальный ансамбль, отражающий посмертное объединение представителей правящей семейной группы кипчакского племенного образования. На основании анализа инвентаря из захоронений людей разных возрастных групп и узды лошади, располагавшихся в одном погребальном пространстве, можно датировать курган концом XI — началом XII в. н.э. Состав предметного комплекса демонстрирует высокий социальный статус погребенных в рамках кипчакской культурной традиции.

Ключевые слова: Верхнее Прииртышье, средневековье, кипчаки, курганный могильник, погребальный обряд, погребения, вещевой инвентарь.

Ссылка на публикацию: Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Кипчакский «длинный» курган из могильника Меновное VII (Восточный Казахстан) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 103–114. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-9>

Введение

В статье продолжена публикация материалов могильника Меновное VII конца I — начала II тыс. н.э. В предшествующих публикациях охарактеризованы материалы курганов 1 и 2, позволившие соотнести данный памятник с раннекипчакским периодом — временем расселения кипчаков с территории Казахского Прииртышья в сопредельные регионы [Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., 2023a, 2023b]. Материалы, полученные при изучении «длинного» кургана в пределах могильника Меновное VII, отражают определенную преемственность с культурой кимаков, связанной с традициями сооружения «длинных» семейных усыпальниц и наличием сложной системы взаимосвязи внутри семьи, характеризующей правящую кипчакскую элиту.

Общая характеристика памятника

Могильник Меновное VII расположен в 1,5 км к востоку-юго-востоку от пос. Меновное Таврического района Восточно-Казахстанской области, в центре Меновновского археологического микрорайона (рис. 1, 1–3). Памятник, открытый в 1993 г., расположен на мысовидном участке первой надпойменной левобережной террасы Иртыша. Погребальное пространство площадью около 5 000 м² занимали 5 курганов с каменно-земляными насыпями и 19 позднесредневековых каменных набросок (рис. 1, 4). За три полевых сезона (1996–1998 гг.) археологической экспедицией Восточно-Казахстанского государственного университета исследованы все зафиксированные на современной дневной поверхности курганы с каменно-земляными насыпями, относящиеся к кипчакскому культурно-хронологическому кругу памятника.

Курган 3, встроженный между курганами 1 и 2, южнее последнего, имел форму овала, вытянутого в меридиональном направлении. Длина каменно-земляной насыпи по линии С–Ю — 8 м, по линии 3–В — 7 м, высота южной половины насыпи — 0,25 м, северной — 0,45 м. Можно предположить, что первоначальная высота насыпи не превышала 0,3 м (рис. 1, 4). В центре насыпи просматривалась овальная западина размером 4,1×3,5 м, вытянутая в широтном направлении, глубиной 0,3–0,4 м, заполненная черной пылевидной супесью мощностью 0,1–0,3 м. Провал занимал центральный и частично северный сектор насыпи, сложенной из мелкоколотого щебня, уложенного в 3–5 слоев, с примесью коричневой гумусированной супеси.

* Corresponding author.

Периметр насыпи перерыт черной гумусированной супесью, перекрытой дерном. В северной части насыпи, между слоями камней, прослежена черная гумусированная прослойка толщиной до 10 см, образовавшаяся в результате ограбления основной могилы, перекрытая, в свою очередь, выбросами камня. В южной части насыпи между камнями могильной наброски и камнями насыпи прослеживалась глинистая прослойка толщиной 8–10 см, возникшая в результате выброса при сооружении наиболее поздней грунтовой ямы, содержавшей захоронение подростка.

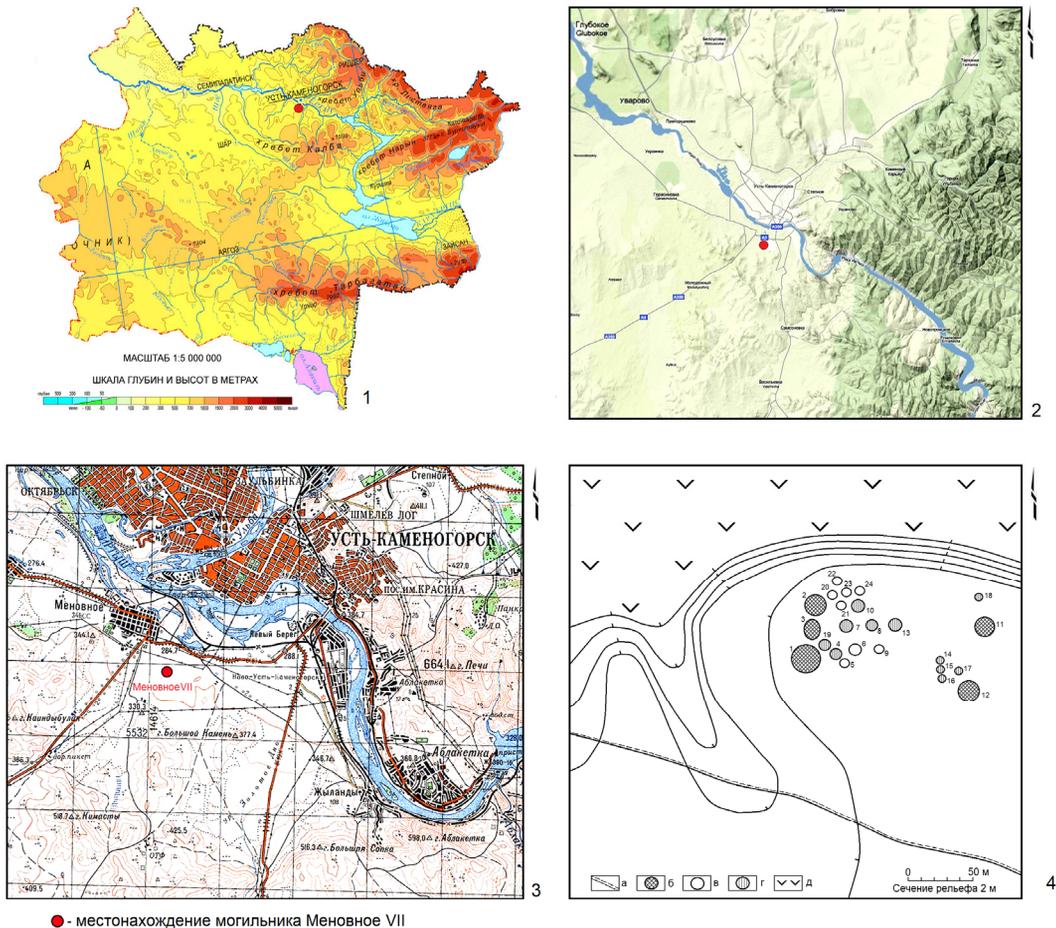

Рис. 1. Могилище Меновное VII. Местоположение (1–3) и план памятника (4): а — грунтовая дорога; б — исследованный кипчакский курган; в — неисследованная позднесредневековая конструкция; г — исследованная позднесредневековая конструкция; д — высокая пойма Иртыша.

Fig. 1. The Menovnoye VII burial ground. Location (1–3) and plan of the monument (4).

Под каменно-земляной насыпью прослежена прямоугольная ограда размером 5,5×4 м, вытянутая в меридиональном направлении, сложенная из крупных серых камней длиной 0,3–0,4 м и высотой до 0,4 м, уложенных в один ряд на погребенную почву. В центре западной стенки ограды фиксировался проход шириной около 1 м. Напротив прохода в центр слегка вогнутой вовнутрь восточной стенки ограды встроен крупный камень из белого кварца размером 0,8×0,7×0,5 м. С внешней стороны к северо-западному углу ограды пристроено три камня, продолжающих общую линию северной стенки ограды. Внутри огражденного пространства исследованы 3 могилы и жертвенная яма (рис. 2).

Могила 1, смещенная в северную часть погребального пространства ограды, располагалась в центральной части прямоугольной площади, очищенной от дерна. Грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером 2,0×0,7×0,8 м, ориентирована по линии запад — восток с небольшим отклонением к северу. Основная часть ямы заполнена мешаной желто-серой супесью и колотым камнем, между которыми встречены куски истлевших деревянных плах или бревен от перекрытия (рис. 2). На дне отмечены разрозненные останки костей человека, фиксируемые в виде двух скоплений: в восточной части ямы — кости черепа, рук и ребра; в юго-западном углу — кости

Кипчакский «длинный» курган из могильника Меновное VII (Восточный Казахстан)

ног. Наличие в восточном скоплении трех берцовых костей позволяет предполагать, что могила содержала парное погребение мужчины и женщины, ориентированных головами в восточном направлении (рис. 3, 1). На дне ямы, между скоплениями костей, найдены черешок железного наконечника стрелы (рис. 4, 3) и обломок костяной пряжки (рис. 4, 4).

Жертвенная яма. Располагалась в центре огражденного пространства в пределах прямоугольной площадки, очищенной от дерна, параллельно могиле 1. Расстояние между стенками 0,25 м. Размеры ямы 1,5×0,65×0,4 м, ориентирована по линии запад — восток с небольшим отклонением к северу. Верхняя часть ямы на глубину 15 см была заполнена небольшими кусками ломаного камня, фиксируемыми в виде 2–3 горизонтально запавших слоев (рис. 2). Под камнями в слое желто-серой супеси отмечены древесный тлен и обломки деревянных плах или бревен. На дне находился костяк лошади, уложенной на живот с подогнутыми под туловище ногами, с общей ориентировкой туловища на восток. Шея лошади плавно изогнута, голова ориентирована на северо-запад (рис. 3, 2). Перед захоронением лошадь взнуздали — челюсти сжимали железные удила (рис. 4, 11).

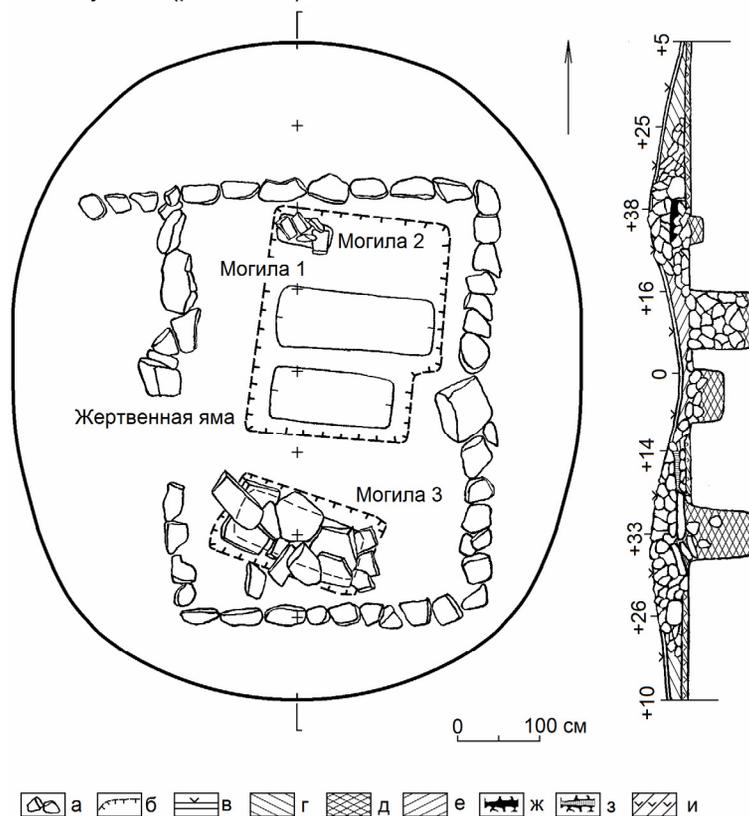

Рис. 2. Могильник Меновное VII. План и разрез кургана 3:

а — камни ограды; б — границы погребальных площадок; в — дерн; г — черная пылевидная супесь; д — желто-серая супесь; е, ж — черная гумусированная супесь; з — желто-серая глина; и — погребенная почва (светло-серая супесь).

Fig. 2. Burial ground Menovnoe VII. Plan and section of the mound 3.

Могила 2 расположена в северной части огражденного пространства между северо-западным углом могилы 1 и камнями ограды, на очищенной от дерна площадке. Грунтовая яма размером 0,7×0,35×0,15 м, ориентирована по линии запад-северо-запад — восток-юго-восток. Яма была перекрыта тремя каменными плитами: северный сектор — плитой размером 0,8×0,4 м, центральный — 0,75×0,2 м, восточный — 0,78×0,32 м, с дополнительной обкладкой по периметру небольшими камнями. В процессе усадки насыпи и в процессе ограбления могилы 1 произошла подвижка каменной кладки насыпи, и в результате часть плит и камней перекрытия слегка запали вовнутрь ямы, заполненной желто-серой супесью (рис. 2). На дне расчищен костяк младенца, в возрасте до 1 года, лежавшего на спине, в вытянутом положении, головой на восток-юго-восток (рис. 3, 4). В области шеи найдены остатки ожерелья из пяти бусинок (рис. 4, 6–10).

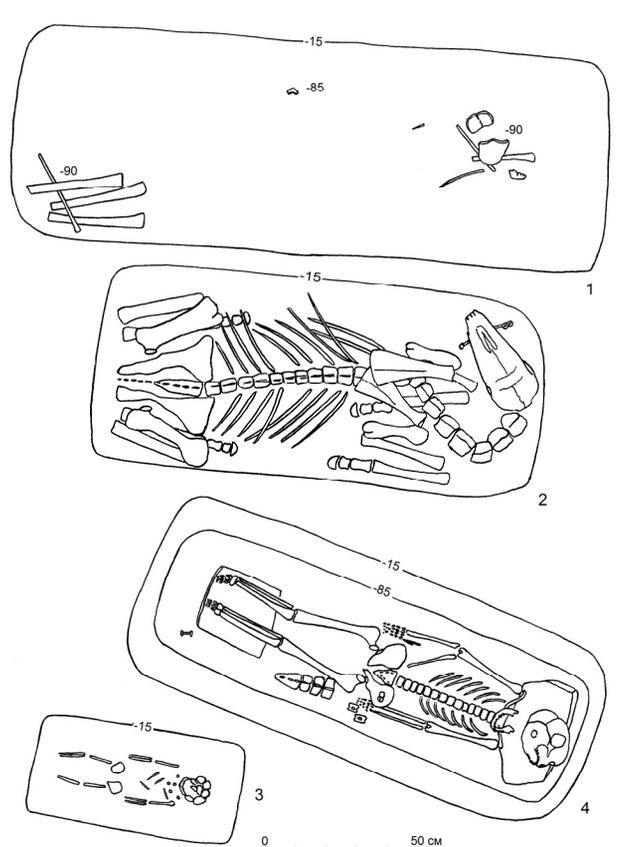

Рис. 3. Могильник Меновное VII. Курган 3. Планы захоронений:

1 — могила 1; 2 — жертвенная яма; 3 — могила 2; 4 — могила 3.

Fig. 3. Burial ground Menovnoe VII. Mound 3. Burial plans.

Могила 3 расположена в южной части ограды у плит ограждения внутри огражденного пространства в пределах прямоугольной площадки, очищенной от дерна, размером 2,1×1,1 м. Грунтовая яма размером 1,6×0,65×0,8 м, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Яма перекрыта тремя крупными гранитными плитами: западный сектор — размером 0,8×0,6 м, центральный — 0,6×0,6 м и восточный — запавшей вовнутрь плитой размером 0,7×0,6 м. Основное перекрытие было обложено по периметру мелкими гранитными плитами, опиравшимися одним концом на края плит перекрытия, другим — на очищенную от дерна материковую поверхность. Дополнительно плиты перекрытия были присыпаны сверху мелким колотым щебнем высотой 0,15 см (рис. 2).

Внутреннее пространство равномерно заполнено желто-серым суглинком, в котором встречено несколько небольших колотых камней. Стенки ямы плавно понижаются к ровному дну размером 1,5×0,45 м. На дне обнаружены останки подростка 12–14 лет, лежавшего на спине, в вытянутом положении, головой на юго-восток. Верхняя часть черепа и локтевая кость правой руки сдвинуты, возможно, грызунами. Голова с верхней частью туловища, а также кости голени и стоп погребенного размещались на каменных «подушках». Под головой находилась гранитная плитка размером 37×32×6 см, опиравшаяся одной стороной на юго-восточную стенку ямы и установленная под углом около 30° к плоскости пола. Под ступнями находилась прямоугольная гранитная плитка, уложенная на ровное дно ямы, размером 23×24×5 см (рис. 3, 4). Левая рука вытянута вдоль тела, правая слегка согнута в локтевом суставе и расположена под небольшим углом к туловищу. Возле бедра левой ноги лежал курдюк барана (3 позвонка и хвостовая часть); возле кисти левой руки располагались два астрагала мелкого рогатого скота (рис. 3, 4). На тазовых костях находилась бронзовая пряжка с железным язычком, крепившаяся к правой части ремня (рис. 4, 5); с правой стороны к ремню пояса крепился железный ножик с деревянной ручкой, помещенный в деревянные ножны, обтянутые кожей (рис. 4, 1). В ногах, в юго-западном углу, прослежен древесный тлен, скорее всего, от седла, укрепленного крепежной накладкой (рис. 4, 2).

Особенности погребального обряда

Стратиграфические и планиграфические наблюдения позволяют констатировать, что распределение внутреннего пространства было заранее спланировано, как и размеры ям для размещения в них умерших и жертвенной лошади:

— на первой стадии соорудили ограду из близких по размерам уплощенных каменных блоков серого цвета, уложив их на дневную поверхность. Преднамеренно восточную стенку соорудили слегка вогнутую вовнутрь с размещением в центре крупного камня из белого кварца, имевшего уплощенную верхнюю поверхность, которого могла использоваться в качестве жертвенного стола. Напротив расположен вход-выход из ограды. Камни, расположенные за пределами ограды и образующие одну линию вдоль северной стенки, могли первоначально перекрывать проход, однако необходимость проникать вовнутрь с целью проведения поминальных обрядов заставила открыть его. Но и на завершающей стадии вход в потусторонний мир, олицетворенный оградой, почему-то так и не перекрыли (рис. 2, 1);

— на втором этапе для размещения основной могилы 1 и жертвенной ямы для размещения лошади в центре и северной части огражденного пространства очистили от дерна две соединенные между собой площадки. В северной части, в пределах очищенной площадки размером 2,25×1,9 м, располагались могила 1 и 2. Свободный очищенный участок в северо-восточном секторе предполагает наличие еще одного детского захоронения, которое в силу каких-то причин здесь не поместили. С юга примыкал второй прямоугольный участок, размером 2×1,7 м, внутри которого располагалась жертвенная яма с помещенной в ней лошастью. Глиняный выкид из ям был аккуратно вынесен за пределы погребальной конструкции. После захоронения центральную могилу и яму с лошадью закрыли деревянными плахами или бревнами с последующим перекрытием их каменными набросками из щебня. Яму с младенцем закрыли гранитными плитами и обложили камнем;

— на третьем этапе в южной части огражденного пространства от дерна очистили прямоугольную площадку (2,1×1,1 м), внутрь которой впустили прямоугольную яму (1,6×0,65×0,8 м) с общей ориентацией СЗ–ЮВ. При ее сооружении часть глиняного выкида удалили за пределы ограждения, другую разместили вдоль северной стенки ямы в виде части дуги мощностью 5–10 см, как бы отрезав ее от предшествующих захоронений. Тело подростка поместили в яму под небольшим углом к тазу — верхняя часть тела и ноги приподняты и уложены на каменные «подушки». Подростка погребли, с одной стороны, как ребенка, в сопровождении детских игральных костей-астргалов, с другой — как мужчину-воина, опоясав поясом с подвешенным к нему ножом и поместив в ногах седло и курдючную часть жертвенного барана;

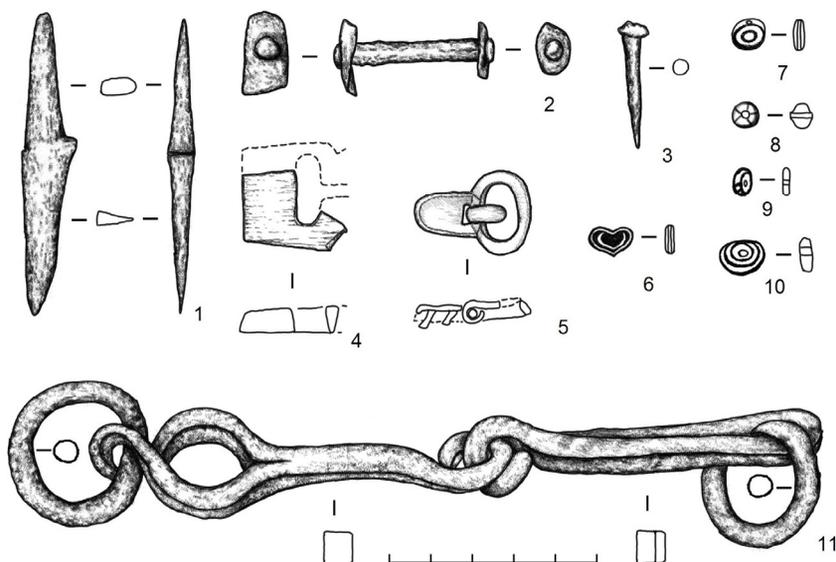

Рис. 4. Могильник Меновное VII. Курган 3. Вещевой инвентарь:

1 — нож; 2 — оковка седла; 3 — обломок наконечника стрелы; 4 — обломок пряжки; 5 — пряжка; 6–10 — бусы; 11 — удила: 1–3, 11 — железо; 4 — кость; 5 — бронза; 6–11 — камень.

Fig. 4. Burial ground Menovnoe VII. Mound 3. Inventory.

— четвертый этап связан с финальной стадией сооружения погребальной конструкции — отсыпкой насыпи. Основная и жертвенная яма были перекрыты деревянными плахами или бревнами, опиравшимися на материковый грунт очищенных площадок, тогда как захоронения младенца и подростка перекрывались каменными плитами с дополнительной обкладкой мелкими камнями и плитками по периметру. Высота выкладок над крупными ямами 0,2–0,3 м, над детскими — 0,1–0,15 м. На завершающей фазе внутреннюю часть огражденного пространства плотно перекрыли уплощенными камнями, уложенными в три-пять уровней.

Ограбление кургана произошло в период, когда глинисто-песчаный грунт через щели в деревянных перекрытиях только слегка заполнил придонную часть центральной могилы. Кости и обломки вещей лежат на самом дне, а каменный завал после разрушения перекрытия в процессе ограбления оставляет свободным от камней не более 10 см придонной части. В процессе ограбления дерн, сформировавшийся над камнями, и значительная часть камней, перервавших центральную часть ограды, были смещены в северный сектор насыпи, что и предопределило значительную высоту этой части кургана. С другой стороны, грабители достаточно аккуратно проникли в могилу, изъяв практически весь погребальный инвентарь, не тронув при этом захоронения младенца, подростка и яму с жертвенной лошадей. Это позволяет предполагать, что грабителям не только были известны особенности инвентаря,— возможно также, что над погребениями стояли какие-то знаки, позволявшие достаточно точно выходить на конкретные могилы, имевшие богатое сопровождение.

Характеристика предметного комплекса

Парное захоронение, располагавшееся в основной могиле, разграблено. Среди находок можно выделить только обломки изделий, связанных с мужской частью общества. Вещевой инвентарь, обнаруженный с подростком, свидетельствует, что в могиле погребен юноша, уже подошедший к получению статуса воина. Наличие в захоронении младенца каменных бус позволяет предполагать, что погребение принадлежало девочке.

В эпоху средневековья к традиционно мужским вещам относились предметы вооружения и детали конской амуниции. С военной компонентой, характеризующей мужскую деятельность, связаны остатки изделия для дистанционного боя — обломок черешка железного наконечника стрелы длиной 3,1 см и диаметром при переходе к перу около 5 мм (рис. 4, 3). К какому типу принадлежал данный наконечник, определить невозможно.

Костяная пряжка относится к типу невыделеннорамчатых, которые обычно имеют пятиугольную форму с тщательно отшлифованной поверхностью, прямые или наклонные боковые грани, плавно расширяющиеся к верхней части и оканчивающиеся тупоугольной дужкой с приостренным носиком. Обломок размером 3×2 см не позволяет однозначно отнести пряжку к одно- или двутавровым (рис. 4, 4). Единое мнение о назначении пряжек отсутствует: они могли использоваться для стягивания ремней подпруги [Кубарев, 2005, с.133] или для соединения ремней конской амуниции и соединения деталей костюма на теле человека [Евтухова, 1952, рис. 22; Неверов, 1985, с. 192; Овчинникова, 1990, с. 123]. Находки крупных пряжек в парном захоронении кургана 3 могильника Меновное VII свидетельствуют, что они являлись деталью костюма [Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., 2023, рис. 6, 1, 3, 4]. Ни в одном из захоронений лошадей, обнаруженных в пределах Усть-Каменогорского археологического комплекса, массивных костяных пряжек не встречено [Ткачев А.А., Ткачева Н.А., 1999]. Костяные пряжки широко распространены в кимако-кипчацких комплексах от Кузбасса до Зауралья. В географическом плане просматривается постепенное уменьшение их использования с востока на запад [Арсланова, Самашев, 2013, с. 316, рис. 1, 13; с. 317, рис. 2, 12; Трифонов, Самашев, 1987а, с. 199; рис. 100, 23; с. 213, рис. 106, 28; Трифонов, Самашев, 1987б, с. 228, рис. 111, 12; Могильников, 2002, с. 44, рис. 131, 3; Илюшин, 1993, с. 15, рис. 35, 1; 2008, с. 170, рис. 7, 1; Мажитов, 1981, с. 152, рис. 74, 3, 9].

К социально-бытовым изделиям повседневного пользования относится нож, имевший деревянную рукоять насадного типа и деревянные ножны, обтянутые кожей. Нож, хотя и небольшого размера, олицетворял при подростке его принадлежность к взрослому воинскому сословию. Нож длиной 8,4 см имел прямую спинку длиной 4,4 см, через уступчик высотой около 1,5 мм. Рукоять удлиненно-треугольной формы длиной 4 см, овального сечения. Острый косой клинок — подтреугольной формы, сильно сработан в центральной части лезвия. Со стороны клинка при переходе его в черешок прослеживается наклонный уступчик-упор высотой около 3 мм (рис. 4, 1). Ножи аналогичных форм и размеров широко бытуют на протяжении всего средневековья, доживая до современности, что связано с рациональной формой изделий. Аналогичные ножи входят в муж-

Кипчакский «длинный» курган из могильника Меновное VII (Восточный Казахстан)

ской и женский погребальный инвентарь [Плетнева, 1990, с. 53; Колчин, 1953, с. 70–71; Ткачев, 2020, с. 48, рис. 5, 2; Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., 2023b, с. 137, 140, рис. 6, 2, 6].

Для соединения концов пояса использовалась щитковая пряжка с железным подвижным «язычком». Двухшпильковый щиток имел трапециевидную удлиненно-овальную форму, соединен с овальной рамкой. Длина щитка 1,3 см, ширина 0,8–1,2 см, высота бортика 1,5 мм; размер рамки 2,2×1,6 см, высота 4 мм. Бронзовая пряжка жестко соединялась с ремнем двумя железными шпильками, располагавшимися по осевой линии щитка (рис. 4, 5). Близкие по форме и размерам пряжки широко бытуют на всем протяжении раннетюркской эпохи, выполняя несколько функций. Они могли использоваться как в качестве соединителей двух частей поясных ремней, так и в качестве крепления ремней оголовья лошади и других частей конской амуниции [Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., 2021, с. 114, рис. 4, 13, 14; 5, 1, 2].

Двукольчатые железные удила, использовавшиеся при захоронениях взнузданной лошади, в силу каких-то причин оказались с дефектом, что проявилось в разной форме звеньев (рис. 4, 11). Одно звено изготовлено из железного квадратного в сечении стержня размером 8×8 мм. Кольцо грызла диаметром чуть около 2 см, тогда как противоположный конец имел восьмеркообразное окончание, оформленное путем винтообразного полуоборота. Перед проковкой внешних колец вовнутрь вставили кольцо для крепления узды и только после этого округлое внешнее окончание преобразовали в восьмеркообразное. Диаметр внутреннего кольца 2,6 см, внешнего с вставленным в него подвижным внешним кольцом — 1,2 см. Внешнее подвижное кольцо отковано из округлой в сечении проволоки диаметром 0,6 см. Общий диаметр внешнего кольца 4,6 см. Второе звено изготовлено из аналогичной в сечении проволоки. Соединительное кольцо грызла диаметром чуть больше 2 см. Основная часть изделия прокована в длину на 14 см, с постепенным уменьшением сечения от центра к краю, принявшему уплощенно-приостренные очертания. После проковки прут резко перегнули посередине. После размещения внутри кольца тонкий конец загнули и приковали к стержню, так что конец разместился близ кольца грызла. Внешнее кольцо практически не имело свободного хода и туго проворачивалось в свободном пространстве звена. Ответить на вопрос, почему лошадей взнуздали не стандартными удилами, невозможно, но можно допустить, что удила с дефектом преднамеренно использовали в погребальном обряде. Судя по одному из звеньев, удила близки к двухкольчатым восьмерковидным удилам с кольцами, расположенными в одной плоскости. Данный тип удил был широко распространен как территориально, так и хронологически. Появившись в раннетюркский период, они продолжают бытовать наряду с другими формами узды раннесредневековых кочевников с VIII по XII в. [Гаврилова, 1965, с. 80–84, рис. 16; Неверов, 1992, с. 148–150, рис. 3, 8, 9; Савинов, 1984, с. 134–135, табл. IV, 1; Кубарев, 2005, с. 121, рис. 34, 6, 10, 14; Овчинникова, 1990, с. 91–92, рис. 41, 8–11]. Широко встречается данный вид удил и на территории Восточного Казахстана [Арсланова, 1972, с. 58, 74, табл. V, 8, 9; Ткачев, 2020, с. 49, рис. 5, 6; Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., 2023b, с. 143, рис. 5, 5, 7].

Находка железного шпильки длиной 2,2 см, диаметром 0,3 см, с размещенными на торцевых концах расклепанной выпукло-вогнутыми железными пластинками позволяет предполагать, что в ногах погребенного подростка в юго-западном углу ямы находилось или целое деревянное седло, или деревянная полка седла, имитировавшая целое седло (рис. 4, 2). На территории Восточного Казахстана подобные оковки широко встречаются в погребальных комплексах разных хронологических этапов тюркской эпохи [Трифонов, 1987с, с. 121; рис. 64, 19, 20; Суворова, Ткачев, 1997, с. 259, рис. 3, 10–12].

К предметам, отражающим бытовую сторону жизни, относится набор бараньих астрагалов, использовавшихся для игры в асыки (альчики), сопровождавший захоронение подростка. Игры в кости с помощью астрагалов у степных народов Евразийской степи распространены, судя по находкам в поселениях и могильниках, начиная с эпохи бронзы и раннего железного века [Евдокимов, 1982, с. 10, рис. 4, 9; Сорокин, 1960, с. 55; Арсланова, 1974, с. 59–60; Вишневская, 1973, с. 70]. Продолжали играть в кости и в период средневековья и до исторической современности. Сверленный астрагал для игры в кости сопровождал погребение ребенка, исследованное в могиле 2 «длинного» кургана 1 могильника Меновное VI [Ткачев, 2020, с. 42, рис. 5, 5]. В «длинном» кургане 3 могильника Акчий III одно из захоронений взрослого мужчины сопровождало 255 овечьих астрагалов, помещенных в небольшую ямку. Из массы астрагалов выделяются 26 изделий: часть из них имеют сверленные отверстия, другие покрыты узором в виде разнообразного пересечения прямых линий, третьи имеют глубокие вырезы [Трифонов, 1987а, с. 146, рис. 75, 1–26]. Находки астрагалов свидетельствуют о том, что в кости играли не только дети, но и

взрослые, а наличие серии костей, дающей разнообразные сочетания и комбинации, позволяет предполагать сложные по структуре игры.

С девочкой-младенцем встречено 5 бусинок. Одна стеклянная, реповидной формы, с серебристой потрескавшейся поверхностью (рис. 4, 8). Остальные изготовлены из плоских пластин агата или яшмы, имеющие ярко выраженные разноцветные концентрические круги светлорычневых и темно-коричневых оттенков: три имеют округлую форму (рис. 4, 7, 9, 10), одна — сердцевидную (рис. 4, 6). У двух бусинок отверстия одностороннего сверления располагались близ центра (рис. 4, 9, 10), у двух других — в торцевой части со стороны ребра (рис. 4, 7, 6). Особенности расположения бус в пределах погребального пространства позволяют предполагать, что в центре ожерелья располагалась стеклянная бусина, рядом с ней — бусы с отверстием в центре, по краям — бусины с отверстиями торцевого сверления. Для всей раннетюркской эпохи бусы изредка встречаются в женских и детских погребениях [Степи Евразии..., 1981, с. 41, 191, 199]. Прямых аналогий стеклянным и каменным бусинам не обнаружено, но можно допустить, что они являются военными трофеями, попавшими на территорию Верхнего Прииртышья в результате походов на территорию Средней Азии.

Обсуждение результатов

В пределах расселения кимако-кипчакских племен на территории Верхнего Прииртышья и прилегающих регионов Алтая исследовано свыше 70 «длинных» курганов [Могильников, 2002, с. 74; Арсланова, 1987]. Ф.Х. Арслановой в научный оборот введен термин «длинный» курган, отражающий усредненный показатель соотношения длины и ширины насыпи в пределах 2:1. Поминальные конструкции в основном имели «овально-вытянутую форму», при наличии и других пропорций [Арсланова, 1984, 2013]. В то же время Ю.И. Трифонов при характеристике кимако-кипчакских курганов региона вообще не использовал данный термин [1987b, с. 156–157]. По нашему мнению, базовое отличие «длинных» и овально-округлых курганов определяется не столько их внешней формой, сколько внутренним содержанием. Обычно «длинными» называют курганы, содержащие под своими насыпями две-три, изредка четыре оградки, пристроенные друг к другу и вытянутые в меридиональном направлении. Овальная форма кургана 3 образовалась в результате выброса центра насыпи в западный и восточный сектора при ограждении основной могильной конструкции. Насыпь перекрывала прямоугольную ограду, вытянутую в меридиональном направлении. Форма и ориентация оградки позволяют рассматривать ее как новый тип погребальных сооружений, появившихся у кипчакского населения Восточного Казахстана. О преемственности кимакских и кипчакских комплексов свидетельствует наличие захоронений разных возрастных категорий, относящихся к одной семье или семейной группе, что характерно для всех «длинных» курганов. В пределах Усть-Каменогорского археологического комплекса открыто и исследовано 6 «длинных» курганов, два из которых охарактеризованы в более ранних публикациях [Суворова, Ткачев, 1995; Ткачев, 2020].

Остановимся на некоторых аспектах, связанных с курганами, имеющими овальную форму насыпи. Если сопоставить количество округлых и «длинных» насыпей, то вторые составляют незначительное количество от общего числа открытых поминальных сооружений. Кроме того, отсутствует единый подход к размещению «длинных» курганов в пределах погребальных площадок. В Усть-Каменогорском археологическом комплексе выделяются четыре планиграфические группы, связанные с «длинными» курганами:

- одиночные насыпи (могильник Ахмирово IV, Меновное XIII);
- насыпи, располагавшиеся в северном секторе погребальной цепочки (кург. 1, могильник Меновное VI);
- чередование в погребальной цепочке «длинных» и «круглых» насыпей (кург. 5 и 7, могильник Ахмирово I);
- «длинный» курган, встроенный между двумя крупными насыпями, что объединяет их в один поминальный комплекс (кург. 3, могильник Меновное VII).

Общей чертой всех «длинных» курганов является их ориентировка по линии север — юг, но внутреннее устройство имеет значительные отличия. Все насыпи, за исключением одной, сооружены в виде пристроенных к друг другу оград, отличающихся формами и размерами. Наблюдаются отличия и в последовательности сооружения поминальных комплексов. Выделяются следующие тенденции планиграфического развития:

- по линии север — юг (кург. 1, мог. Меновное VI; кург. 7, мог. Ахмирово I);
- дополнительные оградки, пристроенные к основному сооружению и севера и с юга (кург. 5, мог. Ахмирово; кург. 1, мог. Меновное XIII);

Кипчакский «длинный» курган из могильника Меновное VII (Восточный Казахстан)

— прямоугольная ограда под овальной насыпью, ориентированная по линии север — юг (кург. 3, мог. Меновное VII).

Центральные ограды группы 1 и 2 содержали захоронения мужчин, тогда как в пристройках погребались юноши и подростки, причем часть из них — как воины, в сопровождении коня. Индивидуальные погребения мужчин иногда сопровождались захоронением младенцев или детей младшей возрастной группы, размещавшихся обычно в одном из углов ограды (кург. 1А, мог. Меновное VI; огр. 5В, мог. Ахмирово I; огр. 7Б, мог. Ахмирово I).

Длинный курган 3 из могильника Меновное VII имеет принципиальные отличия от всех аналогичных погребальных конструкций. Он содержал одну прямоугольную ограду с серией разновозрастных захоронений, размещенных в одном поминальном поле. Имеются некоторые специфические черты, отличающие его от остальных сооружений. В центр вогнутой вовнутрь восточной стенки ограды встроен каменный алтарь из глыбы белого кварца, являвшийся местом отправления каких-то религиозных обрядов (вогнутые вовнутрь восточная и западная стенки ограды прослежены в кург. 7 могильника Ахмирово I [Суворова, Ткачев, 1995, с. 253, рис. 1]). Напротив алтаря в западной стенке располагался вход в ограду, содержавшую парное захоронение мужчины и женщины, погребение подростка и девочки. Это единственный случай в пределах микрорайона, когда погребенного ребенка удалось связать по половому признаку с женской частью населения, к тому же могила содержала разнополое захоронение.

Планиграфия комплекса свидетельствует, что «длинный» курган могильника Меновное VI связал три наиболее крупные насыпи, содержащие захоронения людей высокой социально-статусной группы в единое целое. Такое соединение позволяет допустить преемственность власти между человеком, погребенным в наиболее крупном кургане 1, с мужчиной и женщиной, погребенными в кургане 2. Людей, продолжавших эту преемственную связь и умерших в силу каких-либо причин в короткий промежуток времени, погребли вместе. Захоронение взрослых сопровождало погребение младенца-дочери, и, судя по подготовленной площадке, здесь могли разместить еще одного ребенка, но он выжил. Подросток, скорее всего сын погребенной пары, умер в близкий к ним хронологический отрезок, что предопределило его погребение с родителями. Возможно, он являлся наследником, достигшим определенной степени зрелости, поэтому для него в общей усыпальнице подготовили отдельную площадку. В соответствии с общими канонами внутреннее наполнение ограды шло с севера на юг. Погребение девочки было размещено в северо-западном секторе близ захоронения родителей. Исследованная ограда кургана 3, с одной стороны, выделяется в контексте общих традиций, характерных для размещения захоронений в пределах «длинных» сооружений, но с другой — следует принятым подходам размещения умерших в подобных сооружениях.

Сложность изучения социального устройства кимако-кипчакской группы племен связана с тем, что погребения детей и подростков единично присутствуют только в «длинных» курганах при полном отсутствии их в «круглых» курганах, содержащих индивидуальные захоронения взрослых мужчин и женщин. Только в отдельных случаях «длинные» курганы содержат захоронения 8–11 человек, большая часть которых — дети и подростки. Это свидетельствует о семейной близости людей, погребенных в «длинных» курганах [Арсланова, 1987, с. 51; Трифионов, Самашин, 1987b, с. 218–226, рис. 110; Могильников, 2002, с. 74]. На вопрос о том, почему не все курганы «длинные», скорее всего, мы никогда не сможем ответить, но Ф.Х. Арсланова полагала, что «длинные» курганы являются местом захоронения патриархальной семьи [1985, с. 21–22]. С этим можно согласиться, но соответствуют ли патриархальному устройству общества многочисленные курганы, содержащие индивидуальные разнополые захоронения? Наличие совместных парных захоронений мужчин и женщин требует своего объяснения и обоснования исходя из особенностей бытовавших кочевых традиций в условиях средневекового общества.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 56–76.
- Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII веков до нашей эры из Восточного Казахстана // В глущь веков. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 46–60.

Арсланова Ф.Х. Отражение мировоззрения и общественных отношений кимаков в погребальных памятниках // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск: ТГУ, 1985. С. 21–24.

Арсланова Ф.Х. Длинные курганы Прииртышья // Источники по истории Западной Сибири: (История и археология). Омск: ОмГУ, 1987. С. 50–69.

Арсланова Ф.Х. Длинные курганы кимаков // Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: Филиал Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. С. 121–123.

Арсланова Ф.Х., Самашев З.С. Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье // Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: Филиал Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. С. 310–317.

Вишневецкая О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). М.: Наука, 1973. 160 с.

Гаверилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории Алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Евдокимов В.В. Поселение эпохи бронзы Усть-Кенетай // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. Караганда: Караганд. ун-т, 1982. С. 3–20.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. 1952. № 24. С. 72–120.

Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. 116 с.

Илюшин А.М. Курганные могильники Камысла и Новокамышенка (по материалам раскопок Кузнецовой в 1927 г.) // Археология степной Евразии. Кемерово; Алматы: Изд-во КузГТУ, 2008. С. 160–184.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. 1953. № 32. 257 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 163 с.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая. М.: Наука, 2002. 362 с.

Неверов С.В. Костяные пряжки сrostкинской культуры (VIII–X вв. н.э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1985. С. 192–206.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. 150 с.

Плетнева С.А. Печенеги и гузы на нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела — Белой Вежи). М.: ИА РАН, 1990. 102 с.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.

Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА. 1962. № 120. 207 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. 304 с.

Суворова Г.И., Ткачев А.А. Кимакские погребения могильника Ахмирово I // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. С. 263–266

Ткачев А.А. «Длинный» курган могильника Меновное VI // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2020. Вып. 4 (51). С. 40–52. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-4>

Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Тюркское погребение в сопровождении коней из Верхнего Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 107–118. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-9>

Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Кипчакское погребение могильника Меновное VII из Верхнего Прииртышья // Вестник археологии, антропологии, этнографии. 2023а. № 3 (62). С. 103–114 <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-62-3-9>

Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Погребение кургана 2 могильника Меновное VII (Восточный Казахстана) // Вестник археологии, антропологии, этнографии. 2023б. № 4 (63). С. 134–148. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-63-4-10>

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона (1994–1998 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 136–145.

Трифонов Ю.И. Акчий I // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987а. С. 144–150.

Трифонов Ю.И. Акчий II // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987б. С. 150–168.

Трифонов Ю.И. Джартас // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987с. С. 115–129.

Трифонов Ю.И., Самашев З.С. Карашат I // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987а. С. 176–215.

Трифонов Ю.И., Самашев З.С. Карашат II // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987б. С. 215–230.

Kipchak “long” mound from the Menovnoe VII burial ground (Eastern Kazakhstan)

This article aims at cultural, chronological, and social interpretation of the “long” burial mound 3, containing Kipchak graves, studied in the Menovnoye VII necropolis of different periods in the Upper Irtysh River region. The “long” mound, built in with its structures among the largest kurgans, suggests joining of three burial structures into a single memorial ensemble, reflecting the posthumous union of representatives of the ruling family group of the Kipchak tribal association. The analysis of the inventory from burials of individuals of different age groups and a horse bridle, located in the same burial space, allows dating the mound to the end of the 11th — beginning of the 12th c. AD. The composition of the material assemblage reflects the high social status of the buried within the framework of the Kipchak cultural tradition.

Keywords: Upper Irtysh region, Middle Ages, Kipchaks, burial mound, burial rite, burials, inventory.

Funding. The article has been written within the State Project No. AAAA-A17-117050400147-2.

REFERENCES

- Arslanova, F.Kh. (1972). Burial mounds with corpse-burning in the Upper Irtysh region. In: *Poiski i raskopki v Kazahstane*. Alma-Ata: Nauka, 56–76. (Rus.).
- Arslanova, F.Kh. (1974). Burial complex of the VIII-VII centuries BC from East Kazakhstan. In: *V glub' vekov*. Alma-Ata: Nauka, 46–60. (Rus.).
- Arslanova, F.Kh. (1985). Reflection of the worldview and social relations of kimaks in funerary monuments. In: *Mirovozzrenie narodov Zapadnoj Sibiri po arkeologicheskim i etnograficheskim dannym*. Tomsk: TGU, 21–24. (Rus.).
- Arslanova, F.Kh. (1987). Long mounds of the Irtysh region. In: *Istochniki po istorii Zapadnoj Sibiri: (Istoriya i arkeologiya)*. Omsk: OmGU, 1987, 50–69. (Rus.).
- Arslanova, F.Kh. (2013). Long kimak mounds. In: *Ocherki srednevekovoi arkeologii Verkhnego Priirtysh'ia*. Astana: Filial IA im. A.Kh. Margulana, 121–123. (Rus.).
- Arslanova, F.Kh., Samashev, Z.S. (2013). Kimakov mounds in the Semipalatinsk Irtysh region. In: *Ocherki srednevekovoi arkeologii Verkhnego Priirtysh'ia*. Astana: Filial IA im. A.Kh. Margulana, 310–317. (Rus.).
- Vishnevskaya, O.A. (1973). *Culture of the Saka tribes of the lower Syr Darya in the 7th–5th centuries BC (based on Uygarak materials)*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Gavrilova, A.A. (1965). *Kudyrge burial ground as a source on the history of Altai tribes*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Evdokimov, V.V. (1982). Settlement of the Bronze Age Ust-Kenetai. In: *Voprosy arxeologii i etnografii Central'nogo Kazaxstana*. Karaganda: Karagand. un-t, 3–20. (Rus.).
- Evyukhova, L.A. (1952). Stone sculptures of Southern Siberia and Mongolia. In: *Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR*, (24), 72–120. (Rus.).
- Ilyushin, A.M. (1993). *Burial mounds of Medieval nomads of the Bachat River valley*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. (Rus.).
- Ilyushin, A.M. (2008). Burial mounds of Kamysl and Novokamyshenka (based on the materials of Kuznetsova's excavations in 1927). In: *Arkeologiya stepnoi Evrazii*. Kemerovo; Almaty, 160–184. (Rus.).
- Kolchin B.A. (1953). Ferrous metallurgy and metalworking in Ancient Russia. In: *Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR*, (32). (Rus.).
- Kubarev, G.V. (2005). *Culture of the ancient Turks of Altai (based on the materials of funerary monuments)*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).
- Mazhitov, N.A. (1981). *The Mounds of the Southern Urals of the VIII–XII centuries*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Mogilnikov, V.A. (2002). *Nomads of the north-western foothills of Altai*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Neverov, S.V. (1985). Bone buckles of the Srostkin culture (VIII–X centuries AD). In: *Altai v epohu kamnya i ranego metalla*. Barnaul: Izd-vo AltGU, 192–206. (Rus.).
- Ovchinnikova, B.B. (1990). *Turkic antiquities of the Sayano-Altai in the VI–X centuries*. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU. (Rus.).
- Pletneva, S.A. (1990). *Pechenegi and the Huza on the Lower Don (based on the materials of the nomadic burial ground near Sarkel — Belaya Vezha)*. Moscow: IA RAN, 1990. (Rus.).
- Savinov, D.G. (1984). *The peoples of Southern Siberia in the ancient Turkic era*. Leningrad: Izd-vo LGU. (Rus.).
- Sorokin, V.S. (1962). Tasty-Butak I Bronze Era Burial Ground in Western Kazakhstan. In: *Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR*, (120). (Rus.).

* Corresponding author.

Suvorova, G.I., Tkachev, A.A. (1995). Kimak burials of the cemetery Akhmirovo I. In: *Voennoe delo i srednevekovaia arkhologiiia Tsentral'noi Azii*. Kemerovo, 253–266. (Rus.).

Tkachev, A.A. (2020). “Long” barrow in the Menovnoe VI burial ground. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 51(4), 40–52. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-4>

Tkachev, A.A., Tkachev, Al.Al. (2021). Turkic burial accompanied by horses from the Upper Irtysh region. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 54(3), 107–118. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-9>

Tkachev, A.A., Tkachev, Al.Al. (2023a). Kipchak burial of the Menovnoe VI burial ground from the Upper Irtysh region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografi*. 62(3), 103–114. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-62-3-9>

Tkachev, A.A., Tkachev, Al.Al. (2023b) Burial mound 2 burial ground Menovnoe VII (East Kazakhstan). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografi*, 63(4), 134–148. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-63-4-10>

Tkachev, A.A., Tkacheva, N.A. (1999). The results of the study of archaeological sites of the Ust-Kamenogorsk micro district (1994–1998). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 136–145. (Rus.).

Trifonov, Iu.I. (1987a). Akchii I. In: *Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopleniia Shul'binskoi gidroelektrostantsii*. Alma-Ata: Nauka, 144–150. (Rus.).

Trifonov, Iu.I. (1987b). Akchii II. In: *Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopleniia Shul'binskoi gidroelektrostantsii*. Alma-Ata: Nauka, 150–168. (Rus.).

Trifonov, Iu.I. (1987c). Jartas. In: *Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopleniia Shul'binskoi gidroelektrostantsii*. Alma-Ata: Nauka, 115–129. (Rus.).

Trifonov, Iu.I., Samashev, Z.S. (1987a). Karashat I. In: *Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopleniia Shul'binskoi gidroelektrostantsii*. Alma-Ata: Nauka, 176–215. (Rus.).

Trifonov, Iu.I., Samashev, Z.S. (1987b). Karashat II. In: *Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopleniia Shul'binskoi gidroelektrostantsii*. Alma-Ata: Nauka, 215–230. (Rus.).

Ткачев А.А., <https://orcid.org/0000-0002-4072-2724>

Ткачев Ал.Ал., <https://orcid.org/0000-0001-8797-0648>

Сведения об авторах:

Ткачев Александр Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

Ткачев Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Тюменский государственный университет, Тюмень.

About the authors:

Tkachev, A.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading researcher, Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS, Tyumen.

Tkachev, Al.Al., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Tyumen State University, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 09.06.2025

Article is published: 15.09.2025

Бравина Р.И., Прокопьева А.Н. *, Петров Д.М.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027

E-mail: bravinari@bk.ru (Бравина Р.И.); sendiele@gmail.ru (Прокопьева А.Н.);
dbyrkyngaev@gmail.com (Петров Д.М.)

ЯКУТСКАЯ ЭЛИТА XVII в.: ПОГРЕБЕНИЕ ТОЙОНА МАЗАРЫ БОЗЕКОВА

Статья посвящена исследованию захоронения хангаласского родоначальника (тойона) Мазары Бозекова — одного из виднейших лидеров якутского народа в XVII в., ездившего в Москву на аудиенцию к царю Федору Алексеевичу. Могила Мазары была раскопана в м. Истээх Быраан Хангаласского района РС (Я) экспедицией Г.В. Ксенофонтова и М.Н. Ковина в 1933 г., но точное местоположение памятника оставалось неизвестным. В 2023 г. в той же местности в ходе археологических работ ИГиПМНС СО РАН было обнаружено ранее вскрытое погребение. Путем сопоставления полученных материалов с протоколами и находками экспедиции 1933 г. было установлено, что обнаруженное захоронение является могилой Мазары Бозекова. Раскопки 2023 г. существенным образом дополнили информацию о погребении. Были проведены изучение конструкций и размеров надмогильного сооружения и внутримогильных камер, а также анализ качественно-количественного состава сопроводительного инвентаря. Предметный комплекс захоронения сочетает как традиционные элементы мужского погребения якутов, так и редкие предметы местного и привозного характера. В результате обобщения и систематизации материалов установлено, что погребение является ярким примером погребального памятника представителя якутской элиты XVII в. — времени, когда местная родовая знать начала активно взаимодействовать с Русским государством, что повлияло на трансформацию культурного облика народа в целом.

Ключевые слова: Хангаласский улус, позднее Средневековье, Новое время, родовой могильник, якутское общество, Мазары Бозеков, ясак, тойонат, социальный статус, опредмечивание статуса, предметы престижа.

Ссылка на публикацию: Бравина Р.И., Прокопьева А.Н., Петров Д.М. Якутская элита XVII в.: погребение тойона Мазары Бозекова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 115–124. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-10>

Введение

Актуальность исследований, посвященных изучению социальной истории кочевников Евразии, на основе материалов погребально-поминальных памятников элиты определяется целым рядом факторов, среди которых не последнее место занимает влияние, которое раннесредневековые номады оказали в течение нескольких столетий на судьбы многих народов [Крадин, 2002; Серегин, 2013; Элита в истории..., 2015; и др.]. Вместе с тем работы, специально обобщающие результаты полевого изучения позднесредневековых погребений традиционной элиты народов Сибири, в том числе якутов, практически отсутствуют.

По мнению исследователей, в потестарно-политической культуре якутов периода присоединения Ленского края к Русскому государству в начале XVII в. наблюдаются следы древних контактов их предков с государственными образованиями кочевников Центральной Азии и Южной Сибири [Васильев, 1995; Борисов, 2010; Парфенова, 2016]. Лидерство в якутском обществе обозначается через таксон «тойон» — лицо, «облеченное властью, должностная особа, правитель, чиновник, администратор... военачальник (сэрии тойоно), предводитель, вождь...» [Пекарский, 1959, стб. 2706]. Я.И. Линденау — участник Второй Камчатской экспедиции (1737–1746) сообщает, что у якутов издавна существовал тойон ууса — «тойонский род», или «господский род». Главой этого рода могли быть лишь потомки легендарного первопредка Элляна [Линденау, 1983, с. 19]. В конце XVI — начале XVII в. во главе элитного рода стоял якутский «царь» — легендарный Тыгын, чью доминирующую роль признавали почти все этносоциальные группы якутов. Он имел двух сыновей — Okurey и Bedscheko. Мазары, являясь сыном Бозеко и внуком

* Corresponding author.

Тыгына, в некоторых документах именуется себя «Мазарычко Тынинов», подчеркивая тем самым свою принадлежность к элите «крови».

В 2023 г. археологическим отрядом ИГИИПМНС, при уточнении границ могильника, на краю террасы Истээх Быраан была обнаружена западина, при изучении которой выяснилось, что она представляет собой ранее раскопанную могильную яму. Вновь обнаруженные здесь фрагменты артефактов дают основание считать ее могилкой Мазары Бозекова, точное местоположение которой до недавних пор не было определено. Эти раскопки существенным образом дополнили информацию о погребении, что послужило основанием для написания настоящей статьи, в задачи которой входит следующее: обобщение и систематизация материалов погребения, что предполагает, в свою очередь, изучение конструкций и размеров надмогильного сооружения и внутримогильных камер; анализ качественно-количественного состава сопроводительного инвентаря; выделение предметов, содержащих атрибуты власти, включающих показатели политического статуса погребенного, и набора вещей, символизирующих экономический престиж, объединяющий признаки его высокого имущественного положения. Такой методологический подход (см.: [Элита в истории..., 2015]) позволяет не только корректно определить значимость рассматриваемых предметов, но также способствует осуществлению объективной интерпретации материалов погребения.

Целью данной статьи является исследование погребения яркого лидера позднесредневекового якутского общества Мазары Бозекова (1633–1703 гг.). В 1677 и 1680 гг. он во главе представителей якутской элиты совершил поездки в Москву и удостоился аудиенции у русского царя Федора Алексеевича. В результате этого был смягчен ясачный режим, возвращены и расширены части утраченных ранее властных полномочий тойонов в княжеском статусе; расширилось коммуникативное пространство в политической, социально-экономической и духовной сферах [Борисов, 2023]. Вся эта информация отложилась в народном сознании и исторической памяти в виде легенд и преданий [Емельянов, 1960, с. 261, 263, 299; Ксенофонтов, 1977, с. 62–63, 74–76, 78–79, 80–83, 96–97 и др.].

Материалы и методы

Погребальный памятник Мазары Бозекова находится в могильном комплексе Истээх Быраан в Хангаласском улусе, в долине Эркээни, которая является одной из трех основных долин левого берега Средней Лены и издревле была центром родовых территорий хангаласцев. В настоящее время местонахождение могильника определяется на территории Октемского наслега Хангаласского улуса РС (Я) в 4,5 км к северу от с. Улах-Ан и в 19,5 км к северо-востоку от районного центра — г. Покровска. Могильный комплекс занимает площадь 94,7 га, приуроченную к 35–50-метровой коренной террасе р. Лены, возвышающейся над р. Улах и оз. Эбэ-Кюстях-Юрях.

Могильный комплекс Истээх Баран представляет собой совокупность более чем 30 разновременных могил, которые можно локализовать в 4 могильника (рис. 1). История изучения памятника связана с именем выдающегося якутского этнографа Г.В. Ксенофонтова, который в 1933 г. в составе археологической экспедиции Якутского областного музея им. Ем. Ярославского участвовал в раскопках могил на территории Западно-Кангаласского (ныне Хангаласского) района. В протокол раскопок погребение вошло под названием Тюекэй Быраан¹. Часть полевых материалов хранится в Архиве Якутского научного центра СО РАН (далее — АЯНЦ) [АЯНЦ СО РАН. Ф. 4, оп. 1, д. 28] и Национальном архиве Республики Саха (Якутия) (далее — НА РС (Я)) [НА РС(Я). Р-1407, оп. 1, д. 28]. Артефакты, извлеченные из могилы, в довоенные годы выставались в экспозиции областного музея, некоторые из них были использованы художником-этнографом М.М. Носовым при реконструкции одежды и украшений якутов XVII–XIX вв. [Носов, 1955, 1988]. К сожалению, большинство обозначенных в описи находок, сданных в фонд областного музея (ныне Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского, далее — ЯГОМИИКНС), за исключением серебряного диска туосахта от шапки, фрагментов пояса, стрел и лука и т.д., ввиду неудовлетворительного состояния учета и хранения того времени не сохранились. Краткие сведения о раскопках могилы Мазары впоследствии были опубликованы в научно-популярных очерках сотрудников музея И.Г. Березкина [1987] и П.В. Винокурова [1999], а в научную литературу были введены Р.И. Бравиной и В.В. Поповым [2008].

¹ В 2021 г. общественность и администрация Октемского наслега (соседний с Жерским наслегом) Хангаласского улуса обратились в департамент охраны культурного наследия РС (Я) и ИГИИПМНС СО РАН с ходатайством о возвращении исконного названия «Истээх Быраан» достопримечательному для хангаласцев месту. Именно под этим названием могильник включен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения (акт № 139/21 государственной историко-культурной экспертизы).

Якутская элита XVII в.: погребение тойона Мазары Бозекова

Археологическая экспедиция Якутского областного музея им. Ем. Ярославского 1933 г. провела раскопки 13 погребений на территории Хангаласского улуса, среди которых два — на сопке Тюекэй Быраан. Могила Мазары, глубоко почитаемая хангаласцами как сакральный памятник предков, находилась на краю террасы, с которой открывался вид на его родовую усадьбу, расположенную внизу, в местности Куудук.

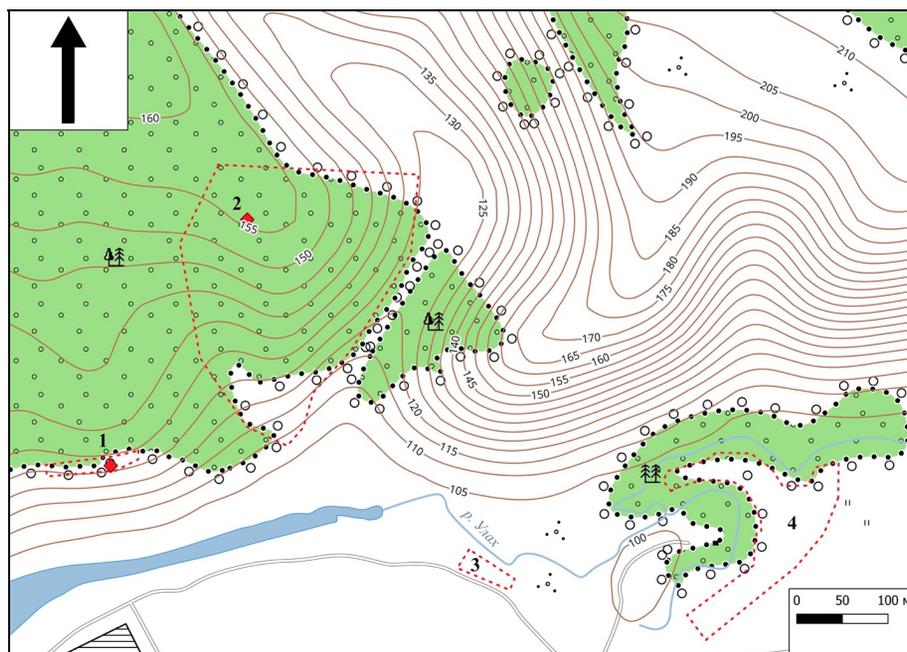

Рис. 1. Карта могильного комплекса Истээх Быраан:

- 1 — могильник XVII–XVIII вв. и могила Мазары Бозекова; 2 — могильник XV–XVIII вв. и могила Ат-Быраан-VI;
3 — погост XIX в.; 4 — могильник XVII–XVIII вв.

Fig. 1. Map of the Isteeh Byraan burial complex:

- 1 — burial ground of 17th–18th centuries and the grave of Mazary Bozekov; 2 — burial ground of 15th–18th centuries and the grave At-Byraan-VI; 3 — burial ground of 19th century; 4 — burial ground of 17th–18th century.

Согласно протоколу раскопок, надмогильное сооружение Мазары Бозекова представляло собой сруб из бревен длиной 4,83 м, шириной 3,90 м, высотой 1,05 м и было ориентировано по оси СВ–ЮЗ. Внутри первого сруба оказался второй — длиной 320 см, шириной 200 см. Сверху сруб скреплялся с двух сторон поперечной связкой из жердин, концы которых входили в отверстия врытых в землю небольших столбиков. Верхний настил сруба состоял из кругляков, перекрытых орнаментированной берестой и засыпанных тонким слоем земли. Гробница была покрыта еще одним деревянным настилом, устланном берестой [НА РС (Я). Р-1413, оп. 1, ед. хр. 2, л. 28].

В гробу покоились останки мужчины «не ниже среднего роста» [НА РС (Я). Р-1413, оп. 1, ед. хр. 28, л. 10]. Одежда истлела, сохранились только фрагменты разной дорогой материи. На кистях обеих рук имелись перстни с фигурными изображениями, один из них был украшен цветным камнем. В гробу исследователями были найдены три пуговицы с эмалированной инкрустацией, предмет со следами эмали, напоминающий запонку, металлические части пояса, колчан с 18 стрелами с железными и костяными наконечниками, пальмы (батас, батыйа), нож с костяной рукояткой также со следами эмалевого инкрустации. Сбоку, в пространстве, отделенном стоявшей на ребре плахой, были обнаружены железный котел, кожаный сосуд для кумыса симира, деревянная чаша кытыйа, седло с серебряными орнаментированными накладками на передней луке [НА РС(Я). Р-1407, оп. 1, ед. хр. 28, л. 10]. На данный момент все сохранившиеся предметы, изъятые в ходе раскопок 1933 г., хранятся в ЯГОМИиКНС в разрозненном виде. Выявление и атрибуция предметов входит в одну из дальнейших задач данного исследовательского проекта.

В 2023 г. было проведено повторное вскрытие могилы Мазары Бозекова. Объект представлял собой западину подпрямоугольной формы глубиной до 40 см. Контуры могильной ямы проявились на глубине около 20 см, и ко дну размеры ямы составили 277 см в длину и 136–168 см в ширину. При снятии дерна у изножья могилы было обнаружено лезвие ножа, погнутое в не-

скольких местах, разбросанный мелкий бисер белого и голубого цвета. Большинство находок было сделано ближе ко дну ямы: фрагменты металлических изделий, железные уголки гроба и саркофага, множество фрагментов берестяных полотнищ. В юго-западном углу были найдены зубы, позвонки, ребра и кости стоп человека, здесь же находились кости животного. Судя по сохранившимся фрагментам дна гробницы, длина ее составляла 240 см, ширина — 112–117 см.

Результаты

Повторные работы дали сведения, существенно дополняющие материалы раскопок 1933 г., и в совокупности эти данные делают картину более полной. Так, внутримогильные сооружения первоначально имели исключительно большие размеры, обусловленные конструктивными особенностями. Минимальные размеры гробницы, выявленные в ходе повторных раскопок, составляли 240 см в длину и 117 см в ширину. Места соединения стенок и торцов конструкций были скреплены железными уголками, прибитыми при помощи массивных четырехгранных гвоздей. Сведения о вещевом комплексе погребения можно дополнить, так как протоколы раскопок 1933 г. весьма обрывочны. Наиболее интересными являются орнаментированные элементы пояса или конской сбруи, изготовленные из металла в технике таушировки ленточным и листовым способом. Первым способом орнаментирована бляшка, первоначально имевшая округлую форму. В центре ее тонкой проволокой выложена восьмичастная розетка, вписанная в несколько кругов из той же проволоки (рис. 2, 1). Вторым способом украшены несколько подпрямоугольных бляшек с фестончатыми краями (рис. 2, 2). Бляшки состоят из двух слоев разного металла: на железную пластину крепилась более тонкая, на которую выложены вырезанные из тонкого медного листа кружочки. Подобная техника и форма бляшек часто встречаются в контексте наборных железных поясов и саадачного комплекса бурят [Гармаева, 2009].

Рис. 2. Предметы из погребений могильника Истеэз Быраан:

1 — фрагмент металлического декора; 2 — металлические элементы пояса или сбруи; 3 — берестяная обкладка кнута; 4 — металлическая подвеска-пуговица с эмалью; 5–7 — предметы из погребения Ат-Быраан-VI (по: [Кирьянов, 2017, рис. 168, 169]).

Fig. 2. Items from the burials of the Isteeh Byraan burial ground:

1 — fragment of metal decor; 2 — metal elements of a belt or harness; 3 — birch bark lining of the whip; 4 — metal button pendant with enamel; 5–7 — items from the burial At-Byraan-VI (according to [Kiryanov, 2017, fig. 168, 169]).

Якутская элита XVII в.: погребение тойона Мазары Бозекова

Новыми находками являются вырезанные из бересты тонкие полоски шириной 1,6–1,8 см, орнаментированные по краям двумя параллельными прямыми линиями (рис. 2, 3). Судя по аналогиям, это остатки берестяной обкладки кнута или плети-скребницы. Наличие в погребении этих предметов не указано в протоколе 1933 г., что может быть объяснено плохой сохранностью.

Одним из оснований для идентификации могилы явилась металлическая пуговица-подвеска, покрытая эмалью голубого и белого цвета, имеющая форму удлинённой гексагональной бипирамиды (рис. 2, 4). Судя по протоколу 1933 г., ранее было обнаружено несколько таких подвесок, но среди музейной коллекции памятника они не обнаружены. Аналогичная подвеска была обнаружена в женском погребении Ат-Быраан-VI на соседней сопке могильного комплекса (рис. 2, 5) [Кириянов, 2017, с. 87]. В целом сравнительный анализ дневников и протоколов раскопок 1933 г. показал, что в них вносилась информация о предметах хорошей сохранности, не вызывающих вопросов об их утилитарном назначении. Кроме того, не фиксировались особенности антропологического материала и сведения о его изъятии или обратном захоронении. Данных о сдаче останков Мазары Бозекова в музей среди книг поступлений и другой музейной документации также не обнаружено, но по результатам повторного вскрытия могилы доподлинно известно, что костяк был изъят.

Обсуждение

По словам старожила с. Улах-Ан (центра Жерского наслега) Е.А. Ситниковой, могила Мазары представляла собой чардаат и находилась на самом высоком и видном месте сопки Тюекэй Быраан и хорошо просматривалась снизу (ПМА: Ситникова). В полевых материалах нет графической фиксации надмогильного сооружения, хотя в зарисовках М.М. Носова имеются рисунки двух детских надмогильных сооружений из родового могильника Мазары, сделанные им в 1930-е гг. [АЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 9, д. 23]. В фондах Якутского музея им. Ем. Ярославского нами найдена написанная маслом картина М.М. Носова «Старинная якутская могила», датированная 1935 г. (рис. 3) [ЯГОМИиКНС. КП 5039, Г-190, Ж-147]. Памятник представляет собой чардатное сооружение с крышей из досок, увенчанной коньком, один конец которого обтесан в виде головы лошади. Панорамный вид (с западной стороны — река, с южной — сопки) соответствует виду с террасы Истээх Быраан. По всей вероятности, двойной сруб на могиле Мазары представлял собой основание чардатного сооружения.

Рис. 3. М.М. Носов. «Старинная якутская могила», 1935 г. ЯГОМИиКНС. КП 5039, Г-190, Ж-147.

Fig. 3. M.M. Nosov. "The ancient Yakut grave", 1935.

Название «чардат» аналогично общетюркскому «чарлак, чардак, чардуган, чордевар», что означает «чердак, надмогильное сооружение, ограда вокруг могилы» [Антонов, 1971, с. 150–151]. По словарю Э.К. Пекарского, «чардааттаах киси унгуога (чардатное погребение) — это квадратное место, огороженное частоколом для могилы, квадратная деревянная постройка на могиле, могильный

памятник» [Пекарский, 1959, стб. 3580]. Чардат представлял собой низкий четырехугольный сруб, крытый двускатной крышей. Сруб обычно составлялся из 3–5 венцов бревен, углы которых прорубались в обло (як. хабарга муннук или моойторук муннук) и сверху перекрывался настилом из кругляков, которые застилались сшитыми из бересты пластинами и засыпались нетолстым слоем земли. Двускатная крыша сооружалась из тонких жердей или досок. Доски крыши верхней стороной опирались на бревно-слегу, а их нижние концы вставлялись в продольные пазы верхних бревен длинных сторон сруба или же упирались в землю. Затем на столбики надевался желобчатый конек, который плотно придавливал верхние концы двускатной крыши [Бравина, Попов, 2008, с. 38–39]. Таким образом, информация Е.А. Ситниковой и данные о конструктивных особенностях могилы из протоколов вскрытия дают основание считать, что на картине М.М. Носова «Старинная якутская могила» запечатлено надмогильное сооружение могилы Мазары.

Считается, что значительным показателем расслоения традиционного общества является набор вещей, символизирующих в глазах населения высокий социальный статус и экономический престиж [Серегин, 2013, с. 74]. Главным признаком захоронения якутской элиты были, несомненно, лошадь или ее сбруя (вероятно, по принципу *pars pro toto*) и иные предметы, связанные с коневодческой культурой (в частности — кумысная посуда). Другими элементами высокостатусного инвентаря в мужских погребениях якутов выступают солярный диск-туосахта, серьги, перстни, железные и медные котлы, оружие хорошего качества (как правило, боевые и охотничьи пальмы — батас и батыйа).

Развитый комплекс вооружения в захоронениях элиты весьма ярко характеризует реалии позднего средневековья, насыщенного самыми разными военными конфликтами, в ходе которых якутские тойоны выступали в роли воинов и предводителей войск. Из документальных источников известно, что Мазары Бозеков как военный лидер предоставил русской администрации хангаласских воинов для подавления восстания жарханского якута Балтуги Тимиреева на Вилюе, а также сам участвовал в походах казаков, в связи с чем обнаружение в его могиле боевой пальмы (батас) является вполне обоснованным. Обращает на себя внимание многочисленность стрел в колчане Мазары — 18 шт., тогда как чаще всего в якутских захоронениях их количество составляет 5–7 шт.

Весьма примечательно, что еще до раскопок Г.В. Ксенофонтову удалось найти и описать другую боевую пальму Мазары. Описание приложено к его статье об изображениях на скалах р. Лены [Ксенофонтов, 1927, табл. X, рис. 2]. Длина пальмы с древком составила 2 аршина 10 вершков, длина клинка — 12 вершков. Древко было составным, две наружные части — березовые. Древко обвязано жилами, а сверху обтянуто кожей. По словам автора, пальма хранилась в семье Корякиных в 1-м Малтанском наслеге Западно-Кангаласского улуса и по преданию принадлежала внуку якутского князя Тыгына Мазары. На клинке под рукояткой имелась серебряная инкрустация в виде трезубца, что Г.В. Ксенофонтов определил как древнеякутскую княжескую тамгу, указав на его сходство с одной из рун орхонского алфавита [Там же, с. 4]. Посередине клинка выгравирован другой знак, похожий на римскую единицу с раздвоенным концом и перекрестной волнистой зарубкой посередине. По начертанию он похож на птицу с расправленными крыльями и, вполне возможно, представляет собой родовую тамгу — тотемный символ беркута «барылас», являющегося птицей-божеством хангаласских родов по всей территории Якутии, включая Колымский край [Серошевский, 1993, с. 454].

Материалы из захоронения Мазары Бозекова в полной мере отражают и другую черту якутского тойоната — склонность к демонстративной роскоши, обусловленной особым, трепетным отношением к богатству. В традиционном якутском социуме, как и в сообществах степных кочевников, владение богатством играло огромную роль в установлении престижа правящей элиты. В источнике XVIII в. говорится, что богатые и состоятельные якуты «тем только наипаче тщеславятся, что скота и скотников или пастухов имеют много...» [Иванов, 1992, с. 185]. Эта характерная черта отмечалась и в XIX в.: «...Большую часть Якуты держат в таком множестве скот еще из тщеславия <...> чем богаче Якут, тем ему и уважения больше» [Проскураков, 1864, с. 47]. Бедность у якутов считалась пороком; были распространены убеждения, что она является следствием божественной немилости («Бедных вообще они презирают, почитая их оставленными Богом») [Щукин, 1854, с. 41].

Идеология престижной экономики подталкивала баев к самовозвеличиванию и соперничеству между собой, о чем повествуют многочисленные исторические предания. Во многом именно идеологической необходимостью была продиктована организация пышных и массовых празднеств (в том числе похорон), призванных подчеркнуть состоятельность, щедрость и авторитет тойона, его превосходство над остальными родовыми главами. Погоня за престижем и

авторитетом порождала также особое внимание к одежде и атрибутам высокого социального положения. Любовь баев к наружным (внешним) знакам отличия не осталась незамеченной ранними исследователями якутского народа [Худяков, 2016, с. 98].

Как отмечают исследователи, главными признаками элиты являются престижные вещи, в первую очередь импортного происхождения, и именно элита формирует представление о ценности той или иной вещи [Дашковский, Мейкшан, 2015, с. 18]. В.С. Арутюнов пишет, что в межэтнические контакты прежде всего вступают именно элитарные слои населения (ввиду своих больших возможностей) и что, поскольку они выступают в качестве референтной группы по отношению к рядовому населению, усвоение элитой новшеств подчас почти автоматически приобретает для последнего престижное значение [1982, с. 13].

У Мазары Бозекова были большие преимущества перед другими якутскими тойонами в приобретении привозных товаров. Часть эксклюзивных предметов могла быть дарована царем во время якутских депутатий, приобретена путем торга и обмена. Как известно, отправляясь во вторую поездку в Москву, якуты везли много пушнины на продажу. Мурза Сейдеш, имея, благодаря связям, информацию о торговой логистике, мог устроить сделку по предоставлению сведений о местах рыночной торговли, где якутские князья могли реализовать свои товары. Напомним, Мазары сумел продать в Москве 1,5 тысячи соболиных шкур. Кроме денег были приобретены различные товары: ткани, украшения, одежда, оружие (ножи) и т.д. [Борисов, 2023, с. 89]. Во время археологических раскопок погребения князя Г.В. Ксенофонтовым и М.Н. Ковиным в 1933 г. были найдены остатки богатой одежды из шелка, бархата и других дорогих тканей. Конечно, Мазары в первую очередь стремился приобрести статусные вещи. О его обогащении после поездок говорится в преданиях. Известно, что он получил от сына Сейдяша по имени Абдыш «камчатый кармазинный кафтан». За этот кафтан он подарил татарину соболя, а когда возвращался из Москвы — ножи, перстень в дорогой оправе. Перстни с резными камнями фигурируют среди материалов и могилы самого Мазары, и женщины из Ат-Дабан-VI (рис. 2, б, 7) [Кирьянов, 2017, с. 83–85]. Очевидно, что подобные вещи якутский князь приобрел и для себя и привез на родину. Возможно, среди погребальной одежды был тот самый кафтан, полученный у сына татарского мурзы. Интерес вызывает «калмыцкий» мотив в преданиях о поездке Мазары к русскому царю. В одном из них так и говорится: «Царь отдал ему в жены калмыцкую девицу и в качестве приданого дал одного верблюда» [Ксенофонтов, 1977, с. 63]. А.А. Борисов поддерживает эту гипотезу, указывая на личный подарок царя в виде женского убора — «вершок шапошный женский низаный» [2023, с. 90]. По легендам, будто бы сын Мазары Куннек родился от этого брака. Кроме того, и ныне некоторые якуты, живущие в современном Хангаласком улусе, считают себя потомками той калмычки.

Заключение

Могила Мазары Бозекова является ярким примером погребального памятника якутской элиты с присущими ей представлениями о богатстве и роскоши. Высокий социальный статус погребенного обозначен сложными многослойными внутримогильными конструкциями и соответствующими размерами могильной ямы. Массивная надмогильная конструкция, возвышающаяся на вершине террасы, вероятно, должна была обозначать протекторат властителя и хозяина местных земель, что отражено в полевых дневниках исследователей 1930-х гг. Вещевой комплекс сочетает как традиционные элементы мужского погребения якутской знати (лук, стрелы, пальма, нож), так и редкие предметы местного и привозного характера. При этом среди привозных вещей фигурируют как предполагаемые «царские дары», т.е. предметы явно русского происхождения, так и атрибуты конского снаряжения и саадачного набора, характерные для кочевой элиты степных культур. Наличие боевого оружия в погребении подтверждает, что как родоначальник Мазары Бозеков исполнял по традиции и воинские функции. Выбывающимся из представлений о погребениях знати является отсутствие сопровождающего погребения коня, хотя погребения с конем и захоронения отдельных коней были обнаружены на территории могильника, что может свидетельствовать о начале постепенной трансформации погребального обряда под влиянием русского православия. Разнообразие обрядов, фиксирующееся на могильнике, станет темой отдельной статьи.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20359, <https://rscf.ru/project/24-28-20359/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. 172 с.
- Арутюнов С.А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // СА. 1982. № 1. С. 8–22.
- Березкин И.Г. По следам наших предков и современников. Якутск: Кн. изд-во, 1987. 112 с.
- Борисов А.А. Мазары Бозеков: Диалог с властью на державном пространстве. Иркутск: Оттиск, 2023. 224 с.
- Борисов А.А. Социальная история якутов в позднее Средневековье и Новое время: (Опыт комплексного исследования). Новосибирск: Наука, 2010. 272 с.
- Бравина Р.И., Попов В.В. Погребальное-поминальная обрядность якутов: Памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.
- Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 224 с.
- Винокуров П.В. Экспедиция на бычьей подводе // Илин. 1999. № 3–4. С. 38–42.
- Гармаева С.Ю. Кузнечное и ювелирное ремесло в традиционной культуре закаменских бурят // Вестник Бурят. ун-та. 2009. № 14. С. 298–301.
- Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Элита в социальном пространстве кочевого общества: (Теоретический и методический аспекты) // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 11–25.
- Емельянов Н.В. (отв. ред.) Исторические предания и рассказы якутов: В 2 ч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1. 322 с.
- Иванов В.Ф. Социально-экономические отношения в Якутии (конец XVII — начало XIX в.). Новосибирск: Наука, 1992. 228 с.
- Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.
- Ксенофонтов Г.В. Изображения на скалах реки Лены в пределах Якутского округа // Бурятияведение. 1927. № 3–4. С. 64–70.
- Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. 276 с.
- Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-Сахалар: Очерки по древней истории якутов: В 2 кн. Якутск: Национальное издательство РС(Я), 1992. Кн. 1. 416 с.
- Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Носов М.М. Одежда и украшения якутов XVII–XVIII вв. // Сборник науч. статей Якутского республиканского краеведческого музея. Якутск, 1955. Вып. 1. С. 84–137.
- Носов М.М. Художественно-бытовые изделия якутов XVIII — начала XX веков. Якутск: Кн. изд-во, 1988. 112 с.
- Парфенова О.А. Харизма Тыгына в мифах саха. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2016. 144 с.
- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: В 3 т. 2-е изд. М.: АН СССР, 1959. Т. 3. Стб. 2509–3858.
- Проскуряков. О Средне-Виллюйском улусе Виллюйского округа и о господствующих в нем болезнях // Этнографический сборник изд. Императорским Русским географическим обществом. 1864. Вып. VI. С. 35–49.
- Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 206 с.
- Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.
- Сирин А.А. Бернгард Эдуардович Петри // Известия Лаборатории древних технологий ИрГТУ. 2004. Вып. 2. С. 10–13.
- Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. 2-е изд. Якутск: Бичик, 2016. 448 с.
- Щукин Н.С. Якуты. СПб.: В тип. Министерства внутренних дел, 1854. 46 с.
- Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 330 с.

ИСТОЧНИКИ

- АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 28; Ф. 5. Оп. 9. Д. 23; Ф. 5. Оп. 9. Д. 24.
- НА РС(Я). Ф. Р-1407. Оп. 1. Ед. хр. 28; Ф. Р-1413. Оп. 1. Ед. хр. 2; Ф. Р-1413. Оп. 1. Ед. хр. 28.
- ЯГОМИиКНС. КП 5039. Г-190. Ж-147.
- ПМА — Ситникова Е.А. (1913 г.р, жительница с. Улах-Ан Жерского наслега Хангаласского улуса РС(Я). Год записи — 2016, место записи — местность Куудук, Хангаласский улус.
- Кирьянов Н.С. Отчет о проведении археологических полевых работ (раскопок) на территории выявленных объектов культурного наследия в местности «Ат-Дабан» в Хангаласском районе Республики Саха (Якутия) в 2016 году: В 2 т. Якутск, 2017 // Архив ИА РАН. Р-1. № 54128, 54129.

Bravina R.I., Prokopena A.N. *, Petrov D.M.

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS
Petrovskogo st., 1, Yakutsk, 670027, Russian Federation
E-mail: bravinari@bk.ru (Bravina R.I.); sendiele@gmail.ru (Prokopena A.N.);
dbyrkyngaev@gmail.com (Petrov D.M.)

Yakut elite of the 17th century: the grave of toyon Mazary Bozekov

The article is dedicated to the study of the burial complex of the Khangalassky ancestor (toyon) Mazary Bozekov, who was one of the most prominent leaders of the Yakut people in the 17th century, and who had an audience with Tsar Fyodor Alekseevich in Moscow. The grave of Mazary was excavated in the Isteekh Byraan locality of the Khangalassky District of Yakutia in 1933 by the expedition of G.V. Ksenofontov and M.N. Kovinin, however, its exact location remained unknown. In 2023, a previously opened grave was rediscovered in the same area during the archaeological work of the IHRNIPP SB RAS. By comparing the obtained materials with the protocols and findings of the 1933 expedition, it was confirmed, that the burial complex was the grave of Mazary Bozekov. Excavations of 2023 significantly complemented the knowledge about the complex. The study of structures and sizes of the above-ground constructions, and internal grave chambers, as well as the analysis of the qualitative and quantitative composition for the accompanying equipment have been undertaken. The material complex of the grave combines both traditional elements of the Yakut male burials and rare local and imported items. By the means of generalisation and systematisation of the data, it has been established that the grave complex represents a vivid example of a burial monument for a representative of the Yakut elite of 17th century — a historical period, when the local nobility began active interaction with the Russian Empire, which influenced the transformation of the cultural image of the Yakut people as a whole.

Keywords: Khangalassky district, the Late Middle Ages, Modern Times, family burial ground, Yakut society, Mazary Bozekov, yasak, toyonat, social status, objectification of status, objects of prestige.

Funding. The research was carried at the expense of a grant from the Russian Science Found No. 24-28-20359, <https://rscf.ru/project/24-28-20359/>.

REFERENCES

- Antonov, N.K. (1971). *Materials on the historical vocabulary of the Yakut language*. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Arutyunov, S.A. (1982). Processes and patterns of entry of innovations into the culture of an ethnic group. *Sovetskaya arheologiya*, (1), 8–22. (Rus.).
- Berezkin, I.G. (1987). *In the footsteps of our ancestors and contemporaries*. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Borisov, A.A. (2010). *The social history of the Yakuts in the Late Middle Ages and Modern Times: (the experience of a comprehensive study)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Borisov, A.A. (2023). *Mazary Bozekov: Dialogue with the authorities in the sovereign space*. Irkutsk: Ottisk. (Rus.).
- Bravina R.I., Popov V.V. (2008). *The Yakut funeral and memorial rites: Monuments and traditions (the 15th–19th centuries)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Dashkovskij, P.K., Mejkshan, N.A. (2015). The Elite in the Social Space of Nomadic Society: (Theoretical and Methodological Aspects). In: *Elita v istorii drevnih i srednevekovyh narodov Evrazii*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 11–25. (Rus.). (Rus.).
- Dashkovskij, P.K. (Ed.) (2015). *The elite in the history of the Ancient and Medieval peoples of Eurasia*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta.
- Emel'yanov, N.V. (Ed.) (1960). *Historical legends and stories of the Yakuts. Vol. 1*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (Rus.).
- Garmaeva, S.Yu. (2009). Metal and blacksmith craft in the folk culture of zakamensk buryats. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, (14), 298–301. (Rus.).
- Hudyakov, I.A. (2016). *A brief description of the Verkhoyansky district*. Yakutsk: Bichik. (Rus.).
- Ivanov, V.F. (1992). *Socio-economic relations in Yakutia (late 17 — early 19 centuries)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Kradin, N.N. (1992). *Nomadic societies: (Problems of formation characteristics)*. Vladivostok: Dal'nauka. (Rus.).
- Ksenofontov, G.V. (1927). Images on the rocks of the Lena River within the Yakut district. *Buryatievedenie*, (3-4), 64–70. (Rus.).
- Ksenofontov, G.V. (1977). *Elleyada: Materials on mythology and legendary history of Yakuts*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Ksenofontov, G.V. (1992). *Uraanghai-Sakhalar: Essays on the ancient history of the Yakuts*. Yakutsk: Nacional'noe izdatel'stvo RS(Ya). (Rus.).

* Corresponding author.

Lindenau, Y.I. (1983). *Description of the peoples of Siberia (first half of the 18th century): Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East*. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).

Nosov, M.M. (1955). Clothing and jewelry of Yakuts in XVII–XVIII centuries. *Sbornik nauchnykh statei Iakutskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeia*, (1), 82–137. (Rus.).

Nosov, M.M. (1988). *Artistic and household products of the Yakuts of the 18 — early 20 centuries*. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.)

Parfenova, O.A. (2016). *Tygy'n's charisma in the myths of Sakha*. Iakutsk: Izd. dom SVFU. (Rus.).

Pekarskiy, E.K. (1959). *Dictionary of the Yakut language. 2nd ed. Vol. 3*. Moscow: AN SSSR. (Rus.).

Proskuryakov (1864). About the Srednevilyuysky ulus of the Vilyuysky district and the diseases prevailing in it. In: *Etnograficheskij sbornik izd. Imperatorskim Russkim geograficheskim obshchestvom*, (VI), 35–49. (Rus.).

Seregin, N.N. (2013). *Social organization of the Early Medieval Turks of the Altai-Sayan region and Central Asia (based on the materials of funerary complexes)*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).

Seroshevskiy, V.L. (1993). *The Yakuts: The experience of ethnographic research*. Moscow: ROSSPEN. (Rus.).

Sirina, A.A. (2004). Bernhard Eduardovich Petri. *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii IrGTU*, (2), 10–13. (Rus.).

Shchukin, N.S. (1854). *Yakuts*. St. Petersburg: V tipogr. Ministerstva vnutrennih del. (Rus.).

Vasil'ev, F.F. (1995). *Military affairs of the Yakuts*. Yakutsk: Bichik. (Rus.).

Vinokurov, P.V. (1999). Expedition on a bull cart. *Ilin*, (3–4), 38–42. (Rus.).

Бравина Р.И., <https://orcid.org/0000-0002-4902-8288>

Прокопьева А.Н., <https://orcid.org/0000-0002-8329-159X>

Петров Д.М., <https://orcid.org/0000-0001-5166-5166>

Сведения об авторах:

Бравина Розалия Иннокентьевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией археологии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск.

Прокопьева Александра Николаевна, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск.

Петров Денис Михайлович, младший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск.

About the authors:

Bravina, R.I., Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Laboratory of Archeology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk.

Prokopyeva, A.N., Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk.

Petrov, D.M., Junior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 03.10.2024

Article is published: 15.09.2025

АНТРОПОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-11>

УДК 575.174

Альперович А.И.^a, Сошкина А.Д.^b, Андреева Т.В.^{a, b, c, *}, Кунижева С.С.^{b, c},
Адрианова И.Ю.^b, Малярчук А.Б.^{a, b}, Кузнецова И.Л.^b, Гончарова Н.Н.^d,
Кабаев Д.А.^e, Черняева Л.Л.^e, Рогаев Е.И.^{c, f}

^a Центр генетики и генетических технологий, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, стр. 12, Москва, 119234

^b Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, ул. Губкина, 3, Москва, 119991

^c Научный центр генетики и наук о жизни, Университет «Сириус»

Олимпийский просп., 1, федеральная территория «Сириус», пгт. Сириус, 354340

^d Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, биологический факультет
Ленинские горы, 1, стр. 12, Москва, 119234

^e ООО «Владимирский областной центр археологии при ВлГУ», ул. Мира, 9, оф. 101, Владимир, 600014

^f Медицинская школа Чан Массачусетского университета, департамент психиатрии, Шрусбери, 01545, США

E-mail: anna_alperovich@mail.ru (Альперович А.И.); soshkina@vigg.ru (Сошкина А.Д.);

andreeva@rogaevlab.ru (Андреева Т.В.); kunizheva@vigg.ru (Кунижева С.С.);

adrianova@vigg.ru (Адрианова И.Ю.); a_malyarchuk98@mail.ru (Малярчук А.Б.);

irakuzn@yahoo.com (Кузнецова И.Л.); 1455008@gmail.com (Гончарова Н.Н.);

d.kabaev@mail.ru (Кабаев Д.А.); galchuk@list.ru (Черняева Л.Л.); evivrecc@gmail.com (Рогаев Е.И.)

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ИНДИВИДА ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО НЕКРОПОЛЯ «ПАТРИАРШИЙ САД» (г. ВЛАДИМИР) С РЕДКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТЬЮ — КАМЕННОЙ ПОДУШКОЙ

История Древней Руси неразрывно связана с историей древнего Владимира — столицы Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. Исторические, антропологические и археологические данные свидетельствуют о сложном составе населения древнерусских городов, в то же время генетическая структура этого населения практически не исследована. Проведено полногеномное секвенирование с высоким покрытием индивида из захоронения с каменной подушкой из некрополя «Патриарший сад» г. Владимира. Погребение датируется второй половиной XIII — XIV в. Анализ данных полногеномного секвенирования показал принадлежность индивида к мужскому полу. Выявленные гаплогруппы митохондриальной ДНК (H1ba) и Y-хромосомы (R-L21) погребенного мужчины ранее не были описаны на территории Древней Руси. Вероятные предки исследованного индивида по мужской линии происходят с территории Северо-Западной Европы. В комбинации с данными по аутосомным маркерам эти результаты показывают генетическую связь мужчины, захороненного во Владимире, с западноевропейскими популяциями.

Ключевые слова: древняя ДНК, Древняя Русь, г. Владимир, каменные подушки, полногеномный анализ, H1ba мтДНК гаплогруппа, R-L21 Y-гаплогруппа.

Ссылка на публикацию: Альперович А.И., Сошкина А.Д., Андреева Т.В., Кунижева С.С., Адрианова И.Ю., Малярчук А.Б., Кузнецова И.Л., Гончарова Н.Н., Кабаев Д.А., Черняева Л.Л., Рогаев Е.И. Генетический портрет индивида из средневекового некрополя «Патриарший сад» (г. Владимир) с редкой погребальной обрядностью — каменной подушкой // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 125–136. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-11>

Введение

Геномные исследования последних лет открыли неизвестные ранее страницы истории средневекового населения Европы. В то же время генетическая история Древней Руси остается малоизученной областью. В структуре Древнерусского государства особое место занимали города, и особенно важную роль в нем сыграл город Владимир, который являлся столицей Северо-Восточной Руси в XII–XIV вв. В XII в. на мысу, образованном южным склоном левого берега Клязьмы и склоном рельефной впадины [Кабаев, 2017, 2018; Очеретина, 2018], в западной части древнего Владимира, была заложена церковь Спаса, а позднее (точная дата неизвестна) здесь был образован Спасский Златовратский монастырь. Тогда же на этом мысу, к югу от цер-

* Corresponding author.

ковных построек, возникло кладбище, просуществовавшее вплоть до конца XV — начала XVI в. К юго-востоку от Спасской церкви находился Патриарший сад, первое упоминание о котором относится к XVI в. [Очеретина, Кабаев, 2021].

В ходе охранных раскопок 2016–2017 гг. на территории Патриаршего сада в г. Владимире был обнаружен средневековый некрополь, получивший по месту расположения условное название «Патриарший сад» (рис. 1) [Очеретина, Кабаев, 2021]. Некрополь «Патриарший сад» занимал площадь не менее 1000 м². Захоронения были расположены в три яруса. Из 160 исследованных к настоящему времени захоронений самые ранние датируются XII — началом XIII в., а более поздние — второй половиной XIII — концом XV в. [Очеретина, Кабаев, 2021]. Ранние погребения (XII — первая половина XIII в.) были впущены в материк. Большинство погребений выполнено по христианской традиции: вытянутые на спине труположения, ориентированные головой на запад, с некоторым отклонением к югу, руки скрещены в районе таза или на груди, погребальный инвентарь в большинстве случаев отсутствует. Однако среди ранних погребений встречались и черты других обрядностей: захоронения в бересте, с ритуальным сосудом, иной пространственной ориентировки. Поздние захоронения (вторая половина XIII — XV в.) были зафиксированы в толще культурного слоя, все они совершены по христианскому обряду [Очеретина, Кабаев, 2021]. Одно из таких погребений (№ 19), датируемое второй половиной XIII — XIV в., выполнено с использованием относительно редкой в этом регионе обрядности: под головой погребенного находилась каменная подушка. Присутствие каменной подушки довольно обычно для монастырских погребений, в контексте же городского некрополя такой элемент может свидетельствовать об особой степени личного благочестия, подчеркнутой аскезе и религиозности.

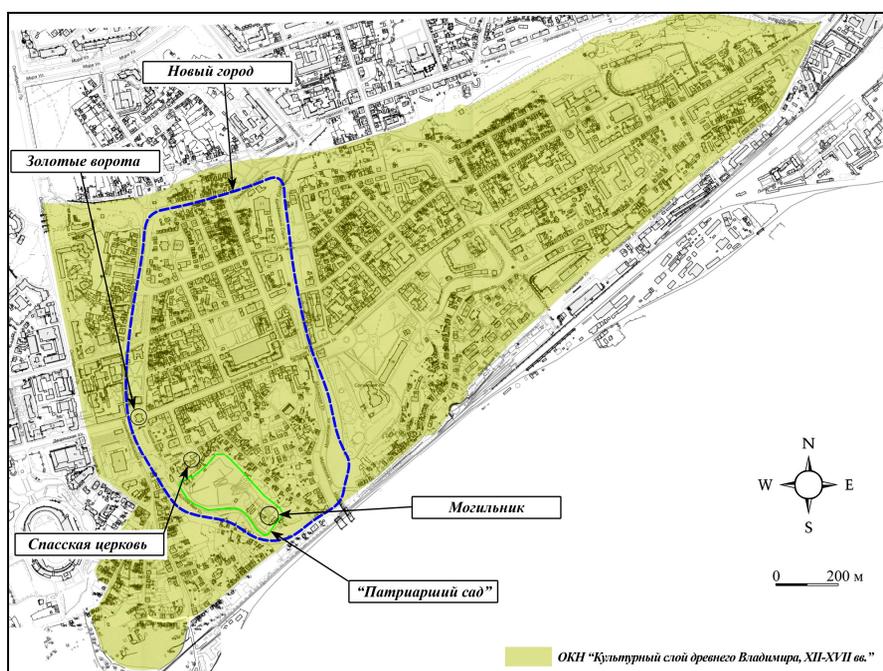

Рис. 1. Схема расположения некрополя «Патриарший сад» на территории современного г. Владимира [Гончарова, Кабаев, 2022].

Fig. 1. The layout of the necropolis "Patriarch's Garden" on the territory of the modern city of Vladimir.

Ранее единичные индивиды, захороненные в некрополе «Патриарший сад», были исследованы генетическими методами [Chernov et al., 2021; Kabaev et al., 2022; Семенов и др., 2023]. Однако все эти работы были основаны на генетическом анализе с использованием классических методов ПЦР-амплификации небольших гипервариабельных участков митохондриальной ДНК и отдельных маркеров Y-хромосомы, что является недостаточным для исследования полного генетического профиля индивида [Малярчук и др., 2021] и тем более для характеристики общей генетической структуры населения средневекового Владимира. В связи с этим генетические исследования с использованием современных методов массивного параллельного секвенирования являются крайне актуальными.

Археологические особенности погребения № 19

Погребение № 19 из раскопа 2 стратиграфически было датировано XIII–XIV вв., могильная яма не прослеживалась, труположение совершенно головой на запад, а также под черепом была обнаружена каменная подушка. У погребения № 19 контуры пятна заполнения могильной ямы и ее дна не определялись, так как погребение не уходило в материк. В этой части раскопа наблюдалась ярусность захоронений: захоронение № 19 располагается над захоронением № 29, которое прочитывалось с уровня погребенной почвы и было впущено в материковое основание. Захоронения № 25 и № 29 относятся к наиболее ранним на этом участке и датируются по сохранившимся в погребении № 25 деталям одежды с золотым сюжетным шитьем концом XII — первой третью XIII в. [Очеретина и др., 2018]. Захоронение № 19 выполнено над ними, в свою очередь, над захоронением № 19 прослеживались еще несколько рядов ингумаций, которые можно соотнести с наиболее поздним этапом существования могильника (XIV–XV вв.).

Границы погребения № 19 маркировались двумя параллельными полосами древесного тлена — следами гробовины и коваными гвоздиками. В ногах захоронения № 19 располагалось переотложенное захоронение № 20. Так как могильник существовал продолжительное время на ограниченной территории, перезахороненные кости без анатомического порядка встречались на всей исследованной площади, однако следует подчеркнуть, что изученный образец взят от черепа, непосредственно под которым находилась каменная подушка.

Возраст индивида из погребения № 19 определен в интервале 50–60 лет. Костная ткань плохой сохранности, останки представлены лишь фрагментами костей черепа и посткраниального скелета. Ввиду слабой сохранности костного материала определение пола по морфологическим признакам невозможно.

Генетический анализ

Материал и методы исследования. В качестве материала для исследования была использована каменная часть височной кости черепа индивида (образец PS31) из погребения № 19, под которым находилась каменная подушка (рис. 2).

Рис. 2. Общий вид височной кости, каменная часть которой была использована для генетического исследования.

Fig. 2. General view of the temporal bone, the petrous portion was used for genetic study.

Все этапы работы с древним костным материалом проводились в специальных стерильных помещениях, предназначенных для работы с древней ДНК. Экстракцию ДНК осуществляли в соответствии с ранее описанной методикой [Андреева и др., 2022]. Выделенную ДНК использовали для подготовки фрагментных геномных библиотек по протоколу, основанному на использовании одноцепочечной ДНК [Gansauge et al., 2017]. Секвенирование полученных геномных библиотек проводили на платформе Illumina NovaSeq 6000 в режиме одноконцевых прочтений.

Из полученных в результате секвенирования коротких прочтений с помощью пакета программ AdapterRemoval v2.3.1 [Schubert et al., 2016] удаляли адаптерную последовательность, а также прочтения длиной менее 25 нуклеотидов. Затем с использованием пакета программ BWA v0.7.17 [Li, Durbin, 2009] последовательности были картированы на референсную митохондриальную последовательность (rCRS, NC_012920) и на референсный геном человека (сборка GRCh37). Оценка аутентичности древней ДНК была выполнена с помощью программы

mapDamage v2.2.1 [Jónsson et al., 2013]. Уровень контаминации определяли с помощью программы Schmutzi [Renaud et al., 2015]. Генетический пол индивида был определен исходя из отношения среднего покрытия половых хромосом к среднему покрытию аутосом.

Митохондриальную гаплогруппу определяли с помощью программы Haplogrep 2 [Weissensteiner et al., 2016]. Дополнительно выявленные генетические варианты проверяли визуально в программе IGV: Integrative Genomics Viewer [Thorvaldsdóttir et al., 2013]. Для уточнения гаплогрупп митохондриальной ДНК (мтДНК) были использованы базы данных: PhyloTree.org в 17 версии [van Oven, Kayser, 2009] и YFull в версии 1.02.22441 (<https://www.yfull.com/mtree/>; дата обращения к ресурсу: 29.11.2024). Из баз данных современных (GenBank; <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/>) и древних последовательностей (AmtDB; <https://amtdb.org/>; Allen Ancient DNA Resource (AADR); <https://reich.hms.harvard.edu/allen-ancient-dna-resource-aadr-downloadable-genotypes-present-day-and-ancient-dna-data>) были отобраны для сравнения полные митохондриальные последовательности, принадлежащие к гаплогруппе H1ba с известным этническим или географическим происхождением. Y-хромосомную гаплогруппу определяли на основе маркеров гаплогрупп ISOGG (version 15.73) (<https://isogg.org/tree/>) и YTree v12.01.00 (<https://www.yfull.com/tree/>). Присутствие маркеров в полученных прочтениях было проверено визуально с использованием IGV [Thorvaldsdóttir et al., 2013]. Анализ главных компонент для аутосомных данных проводили с использованием программ smartpca [Patterson et al., 2006] из программного пакета EIGENSOFT v7.2.1 [Price et al., 2006] и пакета R v4.3.2-foss-2022a. Для анализа главных компонент использовали образцы современных представителей популяций Европы и Кавказа (всего 1289 индивидов) из базы данных AADR (<https://reich.hms.harvard.edu/allen-ancient-dna-resource-aadr-downloadable-genotypes-present-day-and-ancient-dna-data>).

Результаты исследования

В результате геномного секвенирования образца PS31 было получено около 229 млн прочтений (табл. 1), из которых 69.64 % были картированы на геном человека, что позволило получить среднее геномное покрытие $\times 1.95$. Покрытие митохондриального генома составило $\times 66.24$, что дало возможность реконструировать полную нуклеотидную последовательность его митохондриального генома. На рис. 3 представлены профили дезаминирования исследованной ДНК. Повышенная частота транзиций С на Т на 5'-концах прочтений подтверждает аутентичность исследуемого образца. По отношению среднего покрытия половых хромосом к среднему покрытию аутосом (0.602 для X-хромосомы; 0.343 для Y-хромосомы) был определен пол погребенного индивида — мужской.

Таблица 1

Результаты секвенирования ДНК образца PS31

Table 1

Analysis of PS31 DNA sequencing data

Количество прочтений	Доля прочтений, картированных на геном человека	Покрытие мтДНК	Геномное покрытие	Генетический пол	Уровень контаминации по мтДНК
229022983	69.64 %	$\times 66.24$	$\times 1.95$	Мужской	1 %

На основе анализа полной последовательности мтДНК индивида PS31 была определена его принадлежность к митохондриальной гаплогруппе H1ba, которая является одной из ветвей митохондриальной линии H1 [van Oven, Kayser, 2009]. В настоящее время гаплогруппа H1 распространена с высокой частотой (до 27 %) в Юго-Западной Европе, в Восточной Европе ее частота составляет примерно 13 % [Achilli et al., 2004]. Гаплогруппой H1ba, выявленная у исследуемого индивида, определяется уникальной нуклеотидной заменой C16270T. В результате поиска митохондриальных последовательностей, относящихся к гаплогруппе H1ba, в открытых генетических базах данных современных и древних последовательностей ДНК (GenBank, YFull, AmtDB, Allen Ancient DNA Resource) было найдено пять древних образцов с гаплогруппой H1ba, а также 9 современных индивидов, чья последовательность мтДНК отличается от мтДНК исследуемого индивида не более чем на 7 нуклеотидных замен (табл. 2).

Древние образцы с гаплогруппой H1ba относятся к разным историческим периодам, и все происходят из Южной или Центральной Европы. Образец OBKR_79 с территории Германии периода раннего бронзового века датирован 2018–1883 гг. до н.э. [Knipper et al., 2017]. Образец, которому соответствует последовательность мтДНК в GenBank MW389252 из Сицилии, относится к периоду железного века [Diroma et al., 2021]. Представитель древнегерманского племени гепидов Carei35per2 найден на территории Румынии (VI в. н.э.) [Gînguță et al., 2022]. Образец R109, относится к периоду поздней античности (400–600 гг. н.э.), найден на территории Италии

Генетический портрет индивида из средневекового некрополя «Патриарший сад»...

[Antonio et al., 2019]. Средневековый образец DA199 был обнаружен на территории современной Венгрии в Паннонии [Damgaard et al., 2018]. Митохондриальные последовательности образцов OBKR_79, Carei35per2 оказались идентичными по отношению друг к другу и наиболее близкими к последовательности мтДНК исследованного нами индивида PS31, отличаясь от него в четырех позициях (табл. 2). Последовательность мтДНК образца R109 отличается от митогенома исследуемого индивида как минимум по пяти нуклеотидным позициям. Однако наличие у R109 участков мтДНК с неопределенной нуклеотидной последовательностью не исключает, что общее число различий может быть больше. Так как для образцов DA199 и MW389252 в базах данных представлены только частичные последовательности мтДНК, использовать их для сравнительного анализа с образцом PS31 оказалось невозможно.

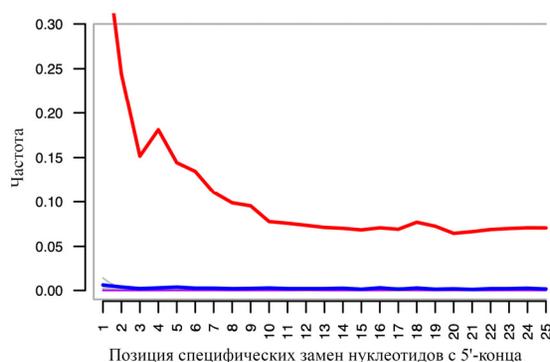

Рис. 3. Профиль нуклеотидных замен прочтений, картированных на референсную последовательность мтДНК человека.

Красная линия — частота замен цитозина на тимин, специфичных для древней ДНК;
синяя линия — частота замен гуанина на аденин.

Fig. 3. Nucleotide substitution profile of reads mapped to the human mtDNA reference sequence.

Red line — frequency of specific ancient substitutions of cytosine to thymine;
blue line — frequency of substitutions of guanine to adenine.

Таблица 2

Образцы из генетических баз данных, использованные для сравнительного митохондриального анализа с образцом PS31

Table 2

The samples from the genetic databases used for comparative mitochondrial analysis with PS31

Идентификатор образца	Происхождение, период **	Число отличий от образца PS31(нт) *	Позиции, по которым отличается от исследуемого образца	Источник
OBKR79	Германия, г. Кенигсбрунн, 2018–1883 г. до н.э.	4	7852, 8823, 9017, 9655	GenBank
Carei35per2	Румыния, гелиды, VI в. н.э.	4	7852, 8823, 9017, 9655	Giñguță et al., 2022
R109	Италия, г. Лацио, 400–600 г. н.э.	5	7852, 9017, 10101, 12191, 16527	Antonio et al., 2019
JQ703286	Швейцария	5	183, 7852, 8823, 9017, 9655	GenBank
KY863513	Португалия	5	7852, 8823, 9017, 9655, 16093	GenBank
MW698505	Монголия	5	6023, 7852, 8823, 9017, 9655	GenBank
JQ703817	Германия	6	7852, 5774, 8823, 9017, 9655, 15088	GenBank
JQ703579	Чехия	6	2833, 7852, 8823, 9017, 9655, 16051	GenBank
KF161140	Дания	6	7852, 8823, 9017, 9655, 12346, 16192	GenBank
MZ920601	Испания	6	5774, 7852, 8823, 9017, 9655, 15088	GenBank
JQ703098	Ирландия	6	261, 7852, 8823, 9017, 9655, 16188insC	GenBank
KU867583	Испания	7	7852, 8631, 8823, 9017, 9655, 11620, 13602	GenBank

* Варианты полиС-участка в локусе 303–309 не учитывались в связи с возможными ошибками в последовательностях, представленных в генетической базе данных.

** Период указан только для древних образцов.

В настоящее время гаплогруппа H1ba встречается на территории Германии, Италии, Испании, Ирландии, Швейцарии, Чехии, Португалии, Дании (GenBank, YFull), однако индивидов с последовательностью мтДНК, идентичной образцу PS31, не было обнаружено. Как показал филогенетический анализ, последовательность мтДНК образца PS31 отличается от всех современных носителей гаплогруппы H1ba в 5 и более позициях. Полученные результаты позволяют предположить, что митохондриальная гаплогруппа H1ba, вероятно, не была распространена на

территории России в древности. Таким образом, мы впервые показали присутствие уникальной западноевропейской линии гаплогруппы H1bа у средневекового индивида из погребения на территории Древней Руси.

Y-хромосома исследуемого индивида в соответствии с филогенетическим деревом ISOGG (version 15.73) относится к гаплогруппе R1b1a1b1a1a2c1 (R-L21). Гаплогруппа Y-хромосомы R-L21 является подгруппой гаплогруппы R1b, которая представляет собой самую распространенную гаплогруппу в Западной Европе, включая Ирландию, Шотландию, Англию и Францию, где частота гаплогруппы R1b достигает 79 % [Busby et al., 2012].

Предполагается, что гаплогруппа R-L21 возникла примерно 2450 л. до н.э. [Olalde et al., 2018]. Самой ранней известной находкой древнего образца с гаплогруппой R-L21 является так называемый «помощник лучника из Эймсбери» — индивид из погребения в окрестности Стоунхенджа на территории современной Великобритании, носитель культуры колоколовидных кубков (2456–2146 л. до н.э.) [Patterson et al., 2022]. В раннем бронзовом веке частота гаплогруппы R-L21 среди населения Британии составляла 89 %, в то же время на территории континентальной Европы эта гаплогруппа практически не встречалась [Patterson et al., 2022]. Гаплогруппа R-L21 связана с носителями кельтской культуры и была самой распространенной Y-хромосомной линией на Британских островах с периода железного века до Средних веков [Cassidy et al., 2016]. Также она была выявлена в захоронениях эпохи викингов в Скандинавии в X–XII вв. [Margaryan et al., 2020], куда попала, вероятнее всего, в результате военных походов викингов и перемещения части населения с Британских островов в континентальные регионы Европы.

В настоящее время гаплогруппа R-L21 является доминирующей ветвью гаплогруппы R1b в Ирландии, где достигает частоты 65 %, также часто встречается в Шотландии, Уэльсе (46 %) и на побережье Франции в Бретани (62,5 %) [Lucotte, 2015]. В современных западнославянских группах на территории Европы данная гаплогруппа встречается с частотами, не превышающими 12 % [Lucotte, 2015]. На территории современной России согласно генетической базе данных Y-full гаплогруппа R-L21 отсутствует, а по данным FamilyTreeDNA ее частота составляет менее 1 %. Таким образом, мужская линия данного индивида имеет западноевропейское происхождение, вероятно, с Британских островов.

Популяционный анализ индивида PS31 методом главных компонент (рис. 4) с использованием аутосомных генетических маркеров показал, что данный образец на проекции главных компонент образцов из современных европейских популяций не пересекается с группой современных восточных славян (русских, белорусов и украинцев), а сдвинут к более западным группам Центральной и Северной Европы. Это согласуется с результатами анализа его однородительских маркеров и подтверждает его вероятное происхождение из западных регионов Европы.

Исследованный нами мужчина был похоронен на христианском некрополе г. Владимира, где присутствуют статусные погребения с богатым вещевым комплексом (были найдены элементы золототканой одежды) — возможным свидетельством того, что на этом кладбище хоронили знатных жителей города [Очеретина, Кабаев, 2021]. Особенностью погребального обряда в случае индивида PS31 является то, что его захоронили с каменной подушкой под головой. Такие каменные подушки — часть христианского погребального ритуала, распространенного на Руси в XI–XVIII вв. [Макаров, 1981]. Некоторые такие погребения на территории Руси были атрибутированы как захоронения лиц с высоким социальным статусом (князья, представители известных боярских фамилий) или же как захоронения служителей церкви (монахов и епископов). Предполагается, что каменные подушки символизировали смирение плоти, аскетичный образ жизни, праведность, а также могли отсылать к ветхозаветным и апокрифическим сюжетам, важным для монашеского служения [Беляев, 2005; Макаров, 1981]. Таким образом, мужчина из погребения № 19 «Патриаршего сада», похороненный вместе с каменной подушкой, вероятно, мог обладать особым социальным статусом.

Полученные нами данные по аутосомным маркерам, митохондриальной ДНК и Y-хромосоме позволяют предположить, что исследованный мужчина может иметь генетические связи с популяциями Северо-Западной Европы. Неожиданное на первый взгляд предположение можно объяснить основываясь на исторических, летописных и археологических свидетельствах. Владимир, как и другие столичные или просто крупные города различных княжеств, выступал центром притяжения ремесленников, торговцев, строителей, христианских паломников из самых разных регионов Старого Света [Ипатьевская летопись, 1908]. Западноевропейское присутствие на территории Древней Руси прослеживается в литературных источниках, летописях, различных торговых

Генетический портрет индивида из средневекового некрополя «Патриарший сад»...

и таможенных договоров. Так, например, известный новгородский исторический документ XII в. «Вопрошание Кириково», в котором обсуждаются важные вопросы церковной догматики, содержит и описание о присоединении «латинян» к православной вере. Еще более достоверным источником являются археологические находки в древнерусских городах различных западноевропейских предметов художественного ремесла [Даркевич, 1966]. Известно о существовании различных христианских миссий на территории Древней Руси — от греческих и болгарских до западноевропейских, включая ирландские [Гайденко, 2017].

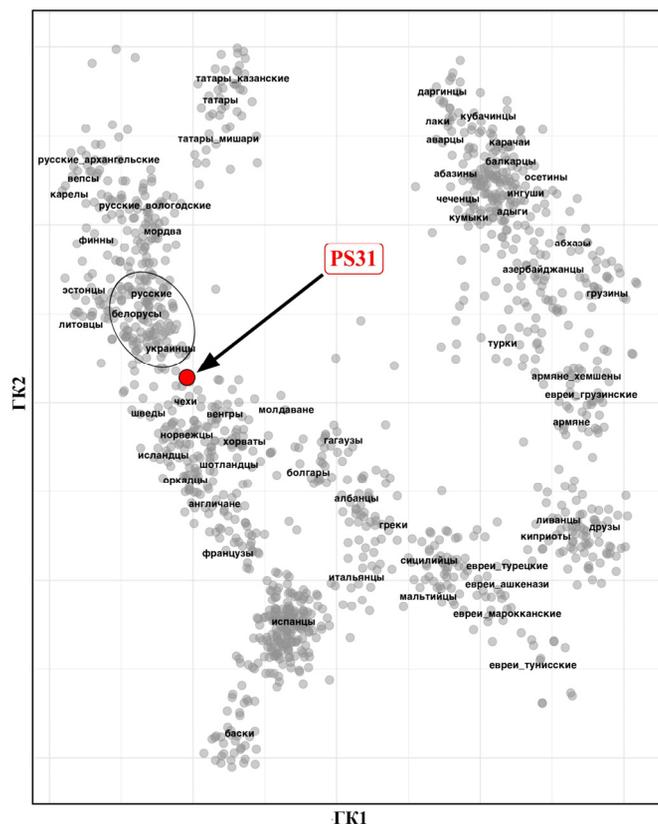

Рис. 4. График главных компонент (ПК1 и ПК2) по аутосомным маркерам.

Красной точкой обозначен индивид из погребения № 19. Серыми точками обозначены индивиды из современных популяций. В эллипс заключена область расположения индивидов из восточнославянских популяций (русские, белорусы, украинцы).

Fig. 4. Principal components plot (PC1 and PC2) by autosomal markers.

The red dot indicates the individual from the burial № 19. Gray dots indicate individuals of modern populations.

The ellipse encloses the area of location of East Slavs (Russians, Belarusians, Ukrainians).

Таким образом, присутствие мужчины с западноевропейским происхождением в средневековом Владимире может объясняться самыми различными гипотезами, которые для своего обоснования требуют привлечения дополнительных материалов. Полученные нами результаты генетического анализа позволяют по-новому взглянуть на исторические процессы, происходившие в Древнерусском государстве.

Заключение

Впервые проведен полногеномный анализ индивида из захоронения XIII–XIV вв. на территории некрополя «Патриарший сад» в г. Владимире с особенной обрядностью: с использованием каменной подушки. На основе анализа данных полногеномного секвенирования была показана принадлежность индивида к мужскому полу, определены гаплогруппы мтДНК и Y-хромосомы. Показано, что митохондриальная гаплогруппа H1ba индивида из Владимира является редкой, идентичных митотипов не обнаружено ни в древних, ни в современных образцах. Наиболее близкие последовательности мтДНК были выявлены в древних образцах периода ранней бронзы и раннего средневековья с территории Центральной Европы. Y-хромосома исследованного мужчины принадлежит к западноевропейской Y-хромосомной ветви R-L21, которая преоб-

ладала на Британских островах с периода бронзового века и в настоящее время с наибольшей частотой встречается на Британских островах и севере Франции. В соответствии с результатами популяционного анализа на основе аутосомных маркеров заключаем, что генетическое происхождение исследованного нами мужчины, вероятно, связано с западноевропейскими группами, а не с восточнославянскими популяциями, что соответствует данным, полученным при анализе его однородительских маркеров. Наличие в погребении каменной подушки может указывать на особый социальный статус. Таким образом, присутствие в древнем Владимире жителей, генетический профиль которых соответствует западноевропейским популяциям и нетипичен для восточнославянских групп, свидетельствует о сложных миграционных процессах, которые происходили на Руси в Средние века. Полученные данные могут свидетельствовать о вероятных связях, культурных или торговых обменах между населением Древней Руси и средневековыми жителями Западной Европы, информация о которых присутствует в исторических источниках.

Финансирование. Результаты получены в рамках Программы «Историческая генетика Северо-Западной Евразии» при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации № 124051400063-0 (АДС, ИЮА и ИЛК).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Т.В., Малярчук А.Б., Сошкина А.Д., Дудко Н.А., Плотникова М.Ю., Рогов Е.И. Методологии выделения древней ДНК из костной ткани для геномного анализа: Подходы и практические рекомендации // Генетика. 2022. Т. 58. № 9. С. 979–998.

Беляев Л.А. Каменные «подушки» в монашеских погребениях и их ветхозаветный прототип // РА. 2005. № 4. С. 171–175.

Гайденко П.И. Церковные суды и судопроизводство в домонгольской Руси: (Особенности организации и функционирования) // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Минск: РИВШ, Вып. 10. 2017. С. 9–33.

Гончарова Н.Н., Кабаев Д.А. Анализ антропологического материала из санитарного захоронения города Владимира XIII века // Вестник МГУ. Сер. XXIII, Антропология. 2022. № 2. С. 115–129.

Даркевич В.П. Археология СССР. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.) // САИ. 1966. Вып. Е1-57. С. 148.

Ипатьевская летопись // Полн. собр. русских летописей. Изд. 2-е. СПб., 1908. Т. II. С. 580–595.

Макаров Н.А. Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей // СА. 1981. № 2. С. 111–116.

Малярчук Б.А., Деренко М.В., Боринская С.А., Малярчук А.Б., Андреева Т.В., Рогов Е.И. Анализ митохондриальных геномов современного и древнего населения Северной Евразии: Вероятности случайного совпадения гаплотипов // КСИА. 2021. № 265. С. 281–293. <http://dx.doi.org/10.25681/iaras.0130-2620.265.281-293>

Очеретина С.В., Кабаев Д.А. Городской некрополь древнего Владимира на территории Патриаршего сада по итогам археологических исследований 2016–2017 // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2021. Вып. 11. С. 56–66. <https://doi.org/10.25681/IAS.2021.978-5-94375-365-7.56-66>

Очеретина С.В., Кабаев Д.А., Володина Т.Е. Детали древнерусской одежды из могильника на территории Патриаршего сада г. Владимира (по материалам раскопок 2016–2017 гг.) // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2018. Вып. 8. С. 175–183. <https://doi.org/10.25681/IAS.2018.978-5-94375-265-0.175-183>

Семенов А.С., Кабаев Д.А., Черняева Л.Л., Чернов С.З., Гончарова Н.Н. Данные о древней ДНК с территории князьминских поселений XII века. Часть 2 // Историческая информатика. 2023. № 4. С. 30–36.

Achilli A., Rengo C., Magri C., Battaglia V., Olivieri A., Scozzari R., Cruciani F., Zeviani M., Briem E., et al. The molecular dissection of mtDNA haplogroup H confirms that the Franco-Cantabrian glacial refuge was a major source for the European gene pool // American journal of human genetics. 2004. Vol. 75 (5). P. 910–918. <https://doi.org/10.1086/425590>

Antonio M.L., Gao Z., Moots H.M., Lucci M., Candilio F., Sawyer S., Oberreiter V., Calderon D., Devitofranceschi K., et al. Ancient Rome: A genetic crossroads of Europe and the Mediterranean // Science. 2019. Vol. 366 (6466). P. 708–714. <https://doi.org/10.1126/science.aay6826>

Busby G.B., Brisighelli F., Sánchez-Diz P., Ramos-Luis E., Martínez-Cadenas C., Thomas M.G., Bradley D.G., Gusmão L., Winney B., et al. The peopling of Europe and the cautionary tale of Y chromosome lineage R-M269 // Proceedings. Biological Sciences. 2012. March 7. Vol. 279 (1730). P. 884–892. <https://doi.org/10.1098/rspb.2011.1044>

Cassidy L.M., Martiniano R., Murphy E.M., Teasdale M.D., Mallory J., Hartwell B., Bradley D.G. Neolithic and Bronze Age migration to Ireland and establishment of the insular Atlantic genome // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2016. Vol. 113 (2). P. 368–373. <https://doi.org/10.1073/pnas.1518445113>

Chernov S.Z., Chernyaeva L.L., Goncharova N.N., Kabaev D.A., Ocheretina S.V., Semenov A.S. The Results of Y-DNA and Mitochondrial Haplogroup Testing of an Ancient Burial of XII–XIV Centuries in Old Vladimir Patriarch's Garden Site Near the Klyazma River // Atlantis Press. 2021. Vol. 531. P. 398–405.

Damgaard P.B., Marchi N., Rasmussen S., Peyrot M., Renaud G., Korneliusen T., Moreno-Mayar J.V.,

Генетический портрет индивида из средневекового некрополя «Патриарший сад»...

- Pedersen M.W., Goldberg A., et al.* 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes // *Nature*. 2018. Vol. 557. P. 369–374. <https://doi.org/10.1038/s41586-018-0094-2>
- Diroma M.A., Modi A., Lari M., Sineo L., Caramelli D., Vai S.* New Insights Into Mitochondrial DNA Reconstruction and Variant Detection in Ancient Samples // *Frontiers in genetics*. 2021. Vol. 12. 619950. <https://doi.org/10.3389/fgene.2021.619950>
- Gansauge M.T., Gerber T., Glocke I., Korlevic P., Lippik L., Nagel S., Riehl L.M., Schmidt A., Meyer M.* Single-stranded DNA library preparation from highly degraded DNA using T4 DNA ligase // *Nucleic Acids Research*. 2017. Vol. 45. e79. <https://doi.org/10.1093/nar/gkx033>
- Gînguță A., Kovács B., Tihanyi B., Maár K., Schütz O., Maróti Z., Varga G. IB., Kiss A.P., Stanciu I., et al.* Maternal Lineages of Gepids from Transylvania. *Genes (Basel)*. 2022. Vol. 13 (4). P. 563. <https://doi.org/10.3390/genes13040563>
- Jónsson H., Ginolhac A., Schubert M., Johnson P., Orlando L.* mapDamage2.0: Fast approximate Bayesian estimates of ancient DNA damage parameters // *Bioinformatics*. 2013. Vol. 29. P. 1682–1684. <https://doi.org/10.1093/bioinformatics/btt193>
- Kabaev D.A., Chernyaeva L.L., Chernov S.Z., Goncharova N.N., Semenov A.S.* Archaeological DNA Data from the XII–XIV Centuries from Ancient Klyazma Settlements // *Historical informatics*. 2022. Vol. 3. P. 1–9.
- Knipper C., Mittnik A., Massy K., Kociumaka C., Kucukkalipci I., Maus M., Wittenborn F., Metz S.E., Staskiewicz A., et al.* Female exogamy and gene pool diversification at the transition from the Final Neolithic to the Early Bronze Age in central Europe // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2017. Vol. 114 (38). P. 10083–10088. <https://doi.org/10.1073/pnas.1706355114>
- Li H., Durbin R.* Fast and accurate short read alignment with Burrows–Wheeler transform // *Bioinformatics*. 2009. Vol. 25. P. 1754–1760. <https://doi.org/10.1093/bioinformatics/btp324>
- Lucotte G.* The Major Y-Chromosome Haplogroup R1b-M269 in West-Europe, Subdivided by the Three SNPs S21/U106, S145/L21 and S28/U152, Shows a Clear Pattern of Geographic Differentiation // *Advances in Anthropology*. 2015. Vol. 5. P. 22–30. <https://doi.org/10.4236/aa.2015.51003>
- Margaryan A., Lawson D., Sikora M., Racimo F., Rasmussen S., Moltke I., Cassidy L., Jørsboe, E., Ingason A., et al.* Population genomics of the Viking world // *Nature*. 2020. Vol. 585 (7825). P. 390–396. <https://doi.org/10.1038/s41586-020-2688-8>
- Olalde I., Brace S., Allentoft M.E., Armit I., Kristiansen K., Booth T., Rohland N., Mallick S., Szécsényi-Nagy A., et al.* The Beaker phenomenon and the genomic transformation of northwest Europe // *Nature*. 2018. Vol. 555 (7695). P. 190–196. <https://doi.org/10.1038/nature25738>
- Patterson N., Isakov M., Booth T., Büster L., Fischer C.E., Olalde I., Ringbauer H., Akbari A., Cheronet O., et al.* Large-scale migration into Britain during the Middle to Late Bronze Age // *Nature*. 2022. Vol. 601 (7894). P. 588–594. <https://doi.org/10.1038/s41586-021-04287-4>
- Patterson N., Price A.L., Reich D.* Population structure and eigenanalysis // *PLoS Genetics*. 2006. Vol. 2. e190. <https://doi.org/10.1371/journal.pgen.0020190>
- Price A.L., Patterson N.J., Plenge R.M., Weinblatt M.E., Shadick N.A., Reich D.* Principal components analysis corrects for stratification in genome-wide association studies // *Nature Genetics*. 2006. Vol. 38. P. 904–909. <https://doi.org/10.1038/ng1847>
- Renaud G., Slon V., Duggan A.T., Kelso J.* Schmutzi: estimation of contamination and endogenous mitochondrial consensus calling for ancient DNA // *Genome Biology*. 2015. Vol. 16. P. 1–18. <https://doi.org/10.1186/s13059-015-0776-0>
- Schubert M., Lindgreen S., Orlando L.* AdapterRemoval v2: rapid adapter trimming, identification, and read merging // *BMC Res Notes*. 2016. Vol. 9 (88). <https://doi.org/10.1186/s13104-016-1900-2>
- Thorvaldsdóttir H., Robinson J.T., Mesirov J.P.* Integrative Genomics Viewer (IGV): High-performance genomics data visualization and exploration // *Briefings in bioinformatics*. 2013. Vol. 14 (2). P. 178–192. <https://doi.org/10.1093/bib/bbs017>
- Van Oven M., Kayser M.* Updated comprehensive phylogenetic tree of global human mitochondrial DNA variation // *Human Mutation*. 2009. Vol. 30 (2). E386–E394. <https://doi.org/10.1002/humu.20921>
- Weissensteiner H., Pacher D., Kloss-Brandstatter A., Forer L., Specht G., Bandelt H.J., Kronenberg F., Salas A., Schonherr S.* HaploGrep 2: Mitochondrial haplogroup classification in the era of high-throughput sequencing // *Nucleic Acids Research*. 2016. Vol. 44. P. W58–W63. <https://doi.org/10.1093/nar/gkw233>

ИСТОЧНИКИ

- Кабеев Д.А.* Отчет об археологических раскопках на территории комплекса «Патриарший сад» по ул. Козлов Вал в городе Владимире (раскоп 1 и раскоп 2). 2017 // Архив ИА РАН. Т. I–III. Ф-1. P-1. № 53826–53828.
- Кабеев Д.А.* Отчет об археологических раскопках на территории комплекса «Патриарший сад» по ул. Козлов Вал в городе Владимире в 2016 году (раскоп 3 и раскоп 4). 2018 // Архив ИА РАН. Т. IV–VII. Ф-1. P-1. № 58448–58452.
- Очеретина С.В.* Отчет об археологических раскопках в зоне реконструкции комплекса «Патриаршие сады» по ул. Козлов Вал в городе Владимире в 2017 году. 2018 // Архив ИА РАН. Т. 1–5. Ф-1. P-1. № 60332–60336.

Alperovich A.I.^a, Soshkina A.D.^b, Andreeva T.V.^{a, b, c, *}, Kunizheva S.S.^{b, c},
Adrianova I.Yu.^b, Malarchuk A.B.^{a, b}, Kuznetsova I.L.^b, Goncharova N.N.^d,
Kabaev D.A.^e, Chernyaeva L.L.^e, Rogaev E.I.^{c, f}

^a Lomonosov Moscow State University, Centre for Genetics and Genetic Technologies
Leninskie Gory, 1, bldg. 12, Moscow, 119234, Russian Federation

^b Vavilov Institute of General Genetics, Russian Academy of Sciences
Gubkina st., 3, Moscow, 119991, Russian Federation

^c Scientific Centre of Genetics and Life Sciences, Sirius University
Olympiyskiy prosp., 1, Sirius Federal Territory, 354340, Russian Federation

^d Lomonosov Moscow State University, Faculty of Biology, Department of Anthropology,
Leninskie Gory, 1, bldg. 12, Moscow, 119234, Russian Federation

^e LLC "Vladimir Regional Center of Archeology at VLSU", Mira st., 9, 101, Vladimir, 600014, Russian Federation

^f University of Massachusetts Chan School of Medicine, Department of Psychiatry, Shrewsbury, 01545, USA

E-mail: anna_alperovich@mail.ru (Alperovich A.I.); soshkina@vigg.ru (Soshkina A.D.);

andreeva@rogaevlab.ru (Andreeva T.V.); kunizheva@vigg.ru (Kunizheva S.S.);

adrianova@vigg.ru (Adrianova I.Yu.); a_malyarchuk98@mail.ru (Malyarchuk A.B.);

irakuzn@yahoo.com (Kuznetsova I.L.); 1455008@gmail.com (Goncharova N.N.);

d.kabaev@mail.ru (Kabaev D.A.); galchuk@list.ru (Chernyaeva L.L.); evivrecc@gmail.com (Rogaev E.I.)

The DNA portrait of an individual from the Medieval necropolis of "Patriarchal Garden" (Vladimir city) with a rare funeral rite — a stone pillow

The history of Ancient Rus' is inextricably linked with the history of ancient Vladimir, the capital of North-Eastern Rus' in the 12th–14th centuries. Historical, anthropological, and archaeological data suggest a complex composition of the population of Ancient Rus' cities, however, the genetic structure of this population is currently practically unexplored. We performed whole-genome sequencing with high coverage for an individual from a burial with a stone pillow from the necropolis "Patriarch's Garden" in Vladimir, dated to the second half of the 13th–14th centuries. Based on this, the individual was identified as a male. Identified haplogroups of mitochondrial DNA (H1ba) and Y-chromosome (R-L21) of the buried man have not been previously described in burials from the territory of Ancient Rus'. The paternal lineage of the individual is likely traced to the territory of Northwest Europe. In combination with data on autosomal markers, these results testify to the genetic connection of the man buried in Vladimir with the Western European populations.

Keywords: ancient DNA, Ancient Rus', Vladimir city, stone pillows, whole genome analysis, H1ba mtDNA haplogroup, R-L21 Y-haplogroup.

Funding. The work was carried out within the framework of the Program "Historical Genetics of Northwestern Eurasia" with the support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (No. 124051400063-0).

REFERENCES

Achilli, A., Rengo, C., Magri, C., Battaglia, V., Olivieri, A., Scozzari, R., Cruciani, F., Zeviani, M., Briem, E., et al. (2004). The molecular dissection of mtDNA haplogroup H confirms that the Franco-Cantabrian glacial refuge was a major source for the European gene pool. *American journal of human genetics*, 75(5), 910–918. <https://doi.org/10.1086/425590>

Andreeva, T.V., Malyarchuk, A.B., Soshkina, A.D., Dudko, N.A., Plotnikova, M.Yu., Rogaev, E.I. (2022). Methodologies for isolating ancient DNA from bone tissue for genomic analysis: Approaches and practical recommendations. *Russian Journal of Genetics*, 58 (9), 1017–1035.

Antonio, M.L., Gao, Z., Moots, H.M., Lucci, M., Candilio, F., Sawyer, S., Oberreiter, V., Calderon, D., Devitofranceschi, K., et al. (2019). Ancient Rome: A genetic crossroads of Europe and the Mediterranean. *Science*, 366(6466), 708–714. <https://doi.org/10.1126/science.aay6826>

Belyaev, L.A. (2005). Stone "pillows" in monastic burials and their Old Testament prototype. *Rossijskaja arkhologija*, (4), 171–175. (Rus.).

Busby, G.B., Brisighelli, F., Sánchez-Diz, P., Ramos-Luis, E., Martínez-Cadenas, C., Thomas, M.G., Bradley, D.G., Gusmão, L., Winney, B., et al. (2012). The peopling of Europe and the cautionary tale of Y chromosome lineage R-M269. *Proceedings. Biological sciences*, 279(1730), 884–892. <https://doi.org/10.1098/rspb.2011.1044>

Cassidy, L.M., Martiniano, R., Murphy, E.M., Teasdale, M.D., Mallory, J., Hartwell, B., Bradley, D.G. (2016). Neolithic and Bronze Age migration to Ireland and establishment of the insular Atlantic genome. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 113(2), 368–373. <https://doi.org/10.1073/pnas.1518445113>

Chernov, S.Z., Chernyaeva, L.L., Goncharova, N.N., Kabaev, D.A., Ocheretina, S.V., Semenov, A.S. (2021). The Results of Y-DNA and Mitochondrial Haplogroup Testing of an Ancient Burial of XII–XIV Centuries in Old Vladimir Patriarch's Garden Site Near the Klyazma River. *Atlantis Press*, 531, 398–405.

Damgaard, P.B., Marchi, N., Rasmussen, S., Peyrot, M., Renaud, G., Korneliusen, T., Moreno-Mayar, J.V.,

* Corresponding author.

- Pedersen, M.W., Goldberg, A., et al. (2018). 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes. *Nature*, 557(7705), 369–374. <https://doi.org/10.1038-s41586-018-0094-2>
- Darkevich, V.P. (1966). Archeology of the USSR. Works of Western artistic craft in Eastern Europe (X–XIV centuries). *Sai. Vyp. E1-57*. (Rus.).
- Diroma, M.A., Modi, A., Lari, M., Sineo, L., Caramelli, D., Vai, S. (2021). New Insights Into Mitochondrial DNA Reconstruction and Variant Detection in Ancient Samples. *Frontiers in genetics*, 12, 619950. <https://doi.org/10.3389/fgene.2021.619950>
- Gaidenko, P.I. (2017). Church courts and legal proceedings in pre-Mongol Rus': (Features of organization and functioning). *Studia Historica Europae Orientalis = Issledovaniya po istorii Vostochnoy Yevropy. Vyp. 10*. Minsk: RIVSH, 9–33. (Rus.).
- Gansauge, M.T., Gerber, T., Glocke, I., Korlevic, P., Lippik, L., Nagel, S., Riehl, L.M., Schmidt, A., Meyer, M. (2017). Single-stranded DNA library preparation from highly degraded DNA using T4 DNA ligase. *Nucleic acids research*, 45(10), e79. <https://doi.org/10.1093/nar/gkx033>
- Gînguță, A., Kovács, B., Tihanyi, B., Maár, K., Schütz, O., Maróti, Z., Varga, G.I.B., Kiss, A. P., Stanciu, I., et al. (2022). Maternal Lineages of Gepids from Transylvania. *Genes*, 13(4), 563. <https://doi.org/10.3390/genes13040563>
- Goncharova, N.N., Kabaev, D.A. (2022). Analysis of anthropological material from a sanitary burial of the city of Vladimir in the 13th century. *Moscow University Anthropology*, (2), 115–129. (Rus.).
- Jónsson, H., Ginolhac, A., Schubert, M., Johnson, P.L., Orlando, L. (2013). mapDamage2.0: fast approximate Bayesian estimates of ancient DNA damage parameters. *Bioinformatics*, 29(13), 1682–1684. <https://doi.org/10.1093/bioinformatics/btt193>
- Kabaev, D.A., Chernyaeva, L.L., Chernov, S.Z., Goncharova, N.N., Semenov, A.S. (2022). Archaeological DNA Data from the XII–XIV Centuries from Ancient Klyazma Settlements. *Historical informatics*, 3, 1–9.
- Knipper, C., Mitnik, A., Massy, K., Kociumaka, C., Kucukkalipci, I., Maus, M., Wittenborn, F., Metz, S.E., Staskiewicz, A., Krause, J., Stockhammer, P.W. (2017). Female exogamy and gene pool diversification at the transition from the Final Neolithic to the Early Bronze Age in central Europe. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 114(38), 10083–10088. <https://doi.org/10.1073/pnas.1706355114>
- Li, H., Durbin, R. (2009). Fast and accurate short read alignment with Burrows-Wheeler transform. *Bioinformatics*, 25(14), 1754–1760. <https://doi.org/10.1093/bioinformatics/btp324>
- Lucotte, G. (2015). The Major Y-Chromosome Haplogroup R1b-M269 in West-Europe, Subdivided by the Three SNPs S21/U106, S145/L21 and S28/U152, Shows a Clear Pattern of Geographic Differentiation. *Advances in Anthropology*, 5, 22–30. <http://dx.doi.org/10.4236/aa.2015.51003>
- Makarov, N.A. (1981). Stone pillows in the burials of ancient Russian urban necropolises. *Sovetskaya arkheologiya*, (2), 111–116. (Rus.).
- Malyarchuk, B.A., Derenko, M.V., Borinskaya, S.A., Malyarchuk, A.B., Andreeva, T.V., Rogaev, E.I. (2021). Analysis of mitochondrial genomes of modern and ancient populations of Northern Eurasia: Probabilities of random coincidence of haplotypes. *KSIA*, (265), 281–293. (Rus.). <http://dx.doi.org/10.25681/iaras.0130-2620.265.281-293>
- Margaryan, A., Lawson, D.J., Sikora, M., Racimo, F., Rasmussen, S., Moltke, I., Cassidy, L.M., Jørsboe, E., Ingason, A., et al. (2020). Population genomics of the Viking world. *Nature*, 585(7825), 390–396. <https://doi.org/10.1038/s41586-020-2688-8>
- Ocheretina, S.V., Kabaev, D.A. (2021). City necropolis of ancient Vladimir on the territory of the Patriarchal Garden based on the results of archaeological research 2016–2017. In: *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: Materialy nauchnogo seminaru. Vyp. 11*. Moscow: IA RAN, 56–66. (Rus.). <https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-365-7.56-66>
- Ocheretina, S.V., Kabaev, D.A., Volodina, T.E. (2018). Details of ancient Russian clothing from a burial ground on the territory of the Patriarchal Garden of Vladimir (based on materials from excavations in 2016–2017). In: *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli. Materialy nauchnogo seminaru. Vyp. 8*. Moscow: IA RAN, 175–183. (Rus.). <https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-265-0.175-183>
- Olalde, I., Brace, S., Allentoft, M.E., Armit, I., Kristiansen, K., Booth, T., Rohland, N., Mallick, S., Szécsényi-Nagy, A., et al. (2018). The Beaker phenomenon and the genomic transformation of northwest Europe. *Nature*, 555(7695), 190–196. <https://doi.org/10.1038/nature25738>
- Patterson, N., Isakov, M., Booth, T., Büster, L., Fischer, C.E., Olalde, I., Ringbauer, H., Akbari, A., Cheronet, O., et al. (2022). Large-scale migration into Britain during the Middle to Late Bronze Age. *Nature*, 601(7894), 588–594. <https://doi.org/10.1038/s41586-021-04287-4>
- Patterson, N., Price, A.L., Reich, D. (2006). Population structure and eigenanalysis. *PLoS genetics*, 12(12), e190. <https://doi.org/10.1371/journal.pgen.0020190>
- Price, A.L., Patterson, N.J., Plenge, R.M., Weinblatt, M.E., Shadick, N.A., Reich, D. (2006). Principal components analysis corrects for stratification in genome-wide association studies. *Nature genetics*, 38(8), 904–909. <https://doi.org/10.1038/ng1847>
- Renaud, G., Slon, V., Duggan, A.T., Kelso, J. (2015). Schmutzi: estimation of contamination and endogenous mitochondrial consensus calling for ancient DNA. *Genome biology*, (16), 1–18. <https://doi.org/10.1186/s13059-015-0776-0>
- Semenov, A.S., Kabaev, D.A., Chernyaeva, L.L., Chernov, S.Z., Goncharova, N.N. (2023). Data on ancient DNA from the territory of Klyazma settlements of the 12th century. Part 2. *Istoricheskaya informatika*, (4), 30–36. (Rus.).
- Schubert, M., Lindgreen, S., Orlando, L. (2016). AdapterRemoval v2: rapid adapter trimming, identification, and read merging. *BMC research notes*, 9(88). <https://doi.org/10.1186/s13104-016-1900-2>

Thorvaldsdóttir, H., Robinson, J.T., Mesirov, J.P. (2013). Integrative Genomics Viewer (IGV): High-performance genomics data visualization and exploration. *Briefings in bioinformatics*, 14(2), 178–192. <https://doi.org/10.1093/bib/bbs017>

Van Oven, M., Kayser, M. (2009). Updated comprehensive phylogenetic tree of global human mitochondrial DNA variation. *Human mutation*, 30(2), E386–E394. <https://doi.org/10.1002/humu.20921>

Weissensteiner, H., Pacher, D., Kloss-Brandstätter, A., Forer, L., Specht, G., Bandelt, H. J., Kronenberg, F., Salas, A., Schönherr, S. (2016). HaploGrep 2: Mitochondrial haplogroup classification in the era of high-throughput sequencing. *Nucleic acids research*, 44(W1), W58–W63. <https://doi.org/10.1093/nar/gkw233>

Альперович А.И., <https://orcid.org/0009-0005-9752-1818>

Сошкина А.Д., <https://orcid.org/0009-0002-5892-5965>

Андреева Т.В., <https://orcid.org/0000-0001-7625-0063>

Кунижева С.С., <https://orcid.org/0000-0003-1882-0667>

Адрианова И.Ю., <https://orcid.org/0009-0006-6182-6393>

Малярчук А.Б., <https://orcid.org/0000-0002-9252-2302>

Кузнецова И.Л., <https://orcid.org/0000-0002-7785-734X>

Гончарова Н.Н., <https://orcid.org/0000-0001-8504-1175>

Кабаев Д.А., <https://orcid.org/0009-0007-1503-3058>

Черняева Л.Л., <https://orcid.org/0009-0009-9852-5553>

Рогаев Е.И., <https://orcid.org/0000-0002-0351-8783>

Сведения об авторах:

Альперович Анна Ильинична, инженер-исследователь, Центр генетики и генетических технологий, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва.

Сошкина Анна Дмитриевна, младший научный сотрудник, Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, Москва.

Андреева Татьяна Владимировна, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, Москва.

Кунижева Светлана Станиславовна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, Москва.

Адрианова Ирина Юрьевна, научный сотрудник, Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, Москва.

Малярчук Александра Борисовна, младший научный сотрудник, Центр генетики и генетических технологий, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва.

Кузнецова Ирина Львовна, старший научный сотрудник, Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, Москва.

Гончарова Наталия Николаевна, кандидат биологических наук, доцент кафедры антропологии, биологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва.

Кабаев Данил Андреевич, ведущий специалист, ООО «Владимирский областной центр археологии при ВлГУ», Владимир.

Черняева Лариса Леонидовна, руководитель, ООО «Владимирский областной центр археологии при ВлГУ», Владимир.

Рогаев Евгений Иванович, академик РАН, доктор биологических наук, научный руководитель Научного центра генетики и наук о жизни Университета «Сириус», Сочи.

About the authors:

Alperovich, A.I., Research Engineer, Center for Genetics and Genetic Technologies, Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Soshkina, A.D., Junior Researcher, Vavilov Institute of General Genetics, Russian Academy of Sciences, Moscow.

Andreeva, T.V., Candidate of Biological Sciences, Leading Researcher, Vavilov Institute of General Genetics, Russian Academy of Sciences, Moscow.

Kunizheva, S.S., Candidate of Biological Sciences, Senior Researcher, Vavilov Institute of General Genetics, Russian Academy of Sciences, Moscow.

Adrianova, I.Yu., Researcher, Vavilov Institute of General Genetics, Russian Academy of Sciences, Moscow.

Malyarchuk, A.B., Junior Researcher, Center for Genetics and Genetic Technologies, Faculty of Biology, Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Kuznetsova, I.L., Candidate of Biological Sciences, Senior Researcher, Vavilov Institute of General Genetics, Russian Academy of Sciences, Moscow.

Goncharova, N.N., Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Anthropology, Faculty of Biology, Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Kabaev, D.A., Leading Specialist, LLC “Vladimir Regional Center of Archaeology at VISU”, Vladimir.

Chernyaeva, L.L., Head, LLC “Vladimir Regional Center of Archaeology at VISU”, Vladimir.

Rogaev, E.I., Academician RAS, Doctor of Biological Sciences, Sirius University of Science and Technology, Scientific Center for Genetics and Life Sciences, Sochi.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 15.11.2024

Article published: 15.09.2025

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ VI–XIII вв. ПО ДАННЫМ ОДОНТОЛОГИИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ)

Статья посвящена реконструкции процессов формирования населения подтаежного и лесостепного Прииртышья раннего и развитого средневековья на основе анализа новых одонтологических выборок потчевашской (29 индивидов) и усть-ишимской (49 индивидов) культур. Характеристика групп по расширенной одонтологической программе и последующее статистическое сопоставление с группами раннего железного века и новыми авторскими данными (275 индивидов) — сериями эпохи Великого переселения народов и средневековья Западной Сибири — позволили предварительно заключить, что антропологический состав лесостепного населения Среднего Прииртышья VI — начала IX в. сформировался на основе саргатских групп Тоболо-Иртышья, населявших эти территории в предшествующий период. По-видимому, распространение материальной культуры тюркоязычных групп в лесостепи Тоболо-Иртышья не повлияло на антропологический состав потчевашского населения. Различается антропологический состав подтаежных и лесостепных групп Среднего Прииртышья. В составе более поздней усть-ишимской группы IX–XIII вв. из подтаежной части возрастает частота признаков восточной ориентации.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, эпоха Великого переселения народов, средневековье, биологическая антропология, потчевашская культура, усть-ишимская культура.*

Ссылка на публикацию: Слепцова А.В. Антропологический состав населения Среднего Прииртышья VI–XIII вв. по данным одонтологии (предварительные результаты) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 137–149. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-12>

Введение

По археологическим данным, на рубеже II/III–IV вв. заканчивается существование саргатской культуры, представители которой на протяжении раннего железного века занимали обширные территории от восточных предгорий Урала на западе до Барабинской лесостепи на востоке. После распада саргатской культурной общности культуры эпохи Великого переселения народов, раннего и развитого средневековья определяются проникновением на территории Тоболо-Иртышья кочевнических групп, миграция таежного населения и формированием новых коллективов. Особый интерес представляют южно-таежное и лесостепное Прииртышье и происходящие там историко-культурные процессы. Исследуемый регион характеризуется в IV–VI вв. формированием карымских древностей [Матвеева и др., 2024], а затем сменяющимися друг друга древностями потчевашской (VI — начало IX в.) и усть-ишимской (IX–XIII вв.) культур [Могильников, 1987; Конилов, 2007].

Б.А. Кониловым сделан вывод о формировании потчевашской культуры на кулайской основе из-за сходства кулайских и потчевашских древностей по материалам опорного могильника Окунево III [Конилов, 2007, с. 249]. В сложении потчевашской культуры отмечается роль саргатских, кашинских и богочановских традиций раннего железного века [Конилов, 2007; Могильников, 1987, с. 192–193], а также карымских таежных мигрантов IV–VI вв. [Данченко, 2008]. К началу X в. в результате взаимодействия оставшихся в Прииртышье потчевашских групп, представителей кинтусовского этапа нижнеобской историко-культурной общности и носителей сросткинской культуры на территории лесостепного Прииртышья формируется усть-ишимская культура [Конилов, 2007, с. 253–254]. Ряд ученых находят аналогии материальной культуре усть-ишимских групп у южных хантов, предполагая миграции последних в Прииртышье [Молодин, 2005; Конилов, 2007]. Отдельный дискуссионный вопрос — роль кочевников Казахстана и Алтая в этнокультурных процессах, протекавших на территории Омского Прииртышья в X–XIV вв. Часть исследователей предлагают рассматривать южно-таежное Прииртышье как северную провинцию сросткинской культуры [Татауров, Тихонов, 2021]. Другие же полагают что, несмотря на то что отдельные элементы тюркских традиций проникали в лесостепную и подтаежную зоны Прииртышья с VII–VIII вв. [Зеленков и

др., 2025], до прихода кыпчаков в XIII в. роль кочевников ограничивается торговлей и военными столкновениями [Коников, 2021].

Материалы Тоболо-Иртышья активно обсуждаются в работах палеогенетиков в контексте гипотезы о урало-западносибирской прародине венгров [Szeifert et al., 2022; Вязов и др., 2024; Gyuris et al., 2024]. Недавнее палеогенетическое исследование, предпринятое с привлечением потчевашских (1 образец из Викуловского могильника) и усть-ишимских (5 образцов из Иванова Мыса; 3 образца из Паново 1) материалов, не подтвердило гипотезу о миграции населения Среднего Прииртышья на запад [Gyuris et al., 2024; Вязов и др., 2024].

Привлечение антропологических данных способно прояснить имеющиеся дискуссионные вопросы. Первые серии представителей средневекового населения Среднего Прииртышья описаны А.Н. Багашевым [1998]. Позже выборка усть-ишимской культуры проанализирована повторно О.Е. Пошехоновой с учетом новых краниологических материалов [2011а]. Результаты краниометрического анализа показали, что на рубеже I–II тыс. в лесостепном и южно-таежном Прииртышье проживало население, многокомпонентное по составу [Багашев, 1988, 2017; Пошехонова, 2011а]. Серии характеризуются сочетанием монголоидных (низкая черепная коробка, широкое лицо, уплощенное переносье, слабая горизонтальная профилированность, малый угол выступления носа) и европеоидных (малая высота лица и носа, низкие орбиты) черт. Сходство с низколицыми монголоидами раннего железного века позволило сделать вывод об автохтонности населения. Результаты краниометрических исследований свидетельствуют о несомненном участии усть-ишимской группы в формировании антропологического состава тоболо-иртышских татар.

Цель работы — реконструировать процессы формирования населения подтаежного и лесостепного Прииртышья раннего и развитого средневековья на основе анализа новых одонтологических данных. Для этого сформированы сборные серии потчевашской и усть-ишимской культур, которые были изучены по расширенной одонтологической программе и сопоставлены с синхронными и диахронными группами Западной Сибири и сопредельных территорий методами многомерной статистики. Исходя из имеющихся одонтологических данных можно прояснить только часть дискуссионных вопросов, определить степень участия саргатского населения раннего железного века в формировании групп Среднего Прииртышья эпохи Великого переселения народов, раннего и развитого средневековья и проследить хронологическую динамику антропологического состава групп Среднего Прииртышья в эпоху Великого переселения народов, раннего и развитого средневековья.

Материалы и методы

Исследованные материалы включают в себя зубы 78 индивидов из краниологических коллекций Томского государственного университета, Тюменского научного центра СО РАН, НИИ и Музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова (рис. 1, табл. 1). Материалы по потчевашской культуре VI — начала IX в. составляют сборную серию из 29 индивидов, происходящих из могильников лесостепного Прииртышья: Викуловское, Ирчинский, Лихачевский и наиболее многочисленный (23 инд.) Окунево III. Серия по усть-ишимской культуре IX–XIII вв. включает 49 индивидов из могильников подтаежной зоны Прииртышья: Долговское 1, Иванов Мыс, Кипы III, Кипо-Кулары I, II, Льнозавод 1, Малая Бича IV, Масарлы 1 и Нугай I, Стрижево 3 и Якушино III. Сохранность антропологического материала неудовлетворительная, отмечена частая посмертная утрата фронтальных зубов.

Антропологические данные проанализированы по стандартной одонтологической программе [Зубов, 1968, 2006], с учетом фенотипов, маркирующих архаичную составляющую [Зубова, 2013]. Для подсчета частот признаков использовался индивидуальный метод, когда учитывалась максимальная степень выраженности признака на ключевом зубе, без учета стороны их локализации. Для увеличения числа наблюдений учитывались случаи, когда один из зубов-антимеров отсутствовал. Объединены данные по женским, мужским и детским черепам, а также индивидам, пол которых определить не удалось. Полученные данные обрабатывались различными статистическими методами. На первом этапе при анализе различий между одонтологическими характеристиками исследуемых в данной работе групп потчевашской и усть-ишимской культур достоверность различий оценивалась по результатам попарного межгруппового сопоставления на основе критерия χ^2 (хи-квадрат) без поправки Йейтса на непрерывность. Статистически значимым считалось значение $p \leq 0,05$.

На втором этапе фенетические дистанции между сериями эпохи Великого переселения народов и средневековья рассчитывались при помощи средней меры расхождения Смита (MMD) [Sjøvold, 1973, 1977], с использованием пакета *AnthropMMD* для программной среды R [Santos, 2018]. При расчете фенетических дистанций MMD частоты одонтологических признаков подвер-

Антропологический состав населения Среднего Прииртышья VI–XIII вв. по данным одонтологии...

гались угловой трансформации с использованием поправки Фримана — Тьюки. Визуализация фенетических дистанций проводилась с помощью иерархической кластеризации методом Уорда. Для сравнения привлекались опубликованные данные бахмутинской культуры III–V вв. из Бирского могильника [Лейбова, 2022] и новые авторские данные по 275 индивидам из памятников эпохи Великого переселения народов и средневековья с территории Тоболо-Иртышья, Сургутского, Новосибирского и Томского Приобья (табл. 2).

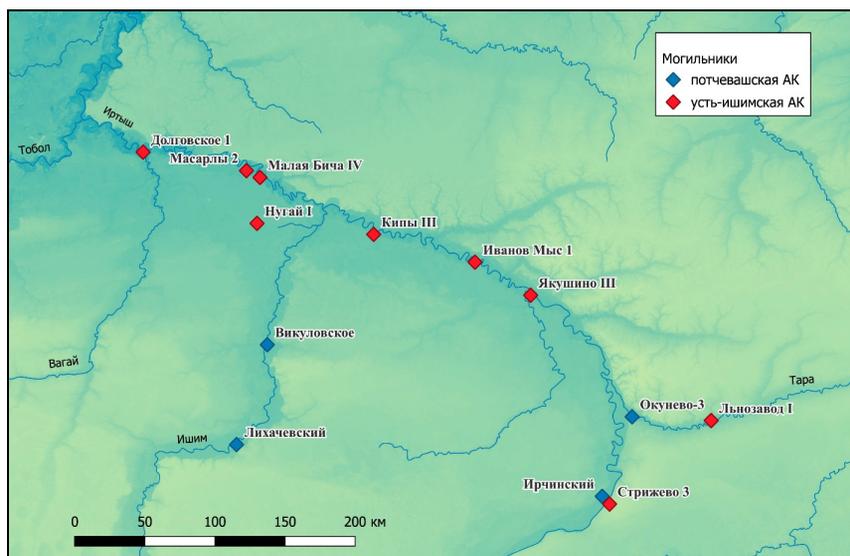

Рис. 1. Расположение могильников потчевашской и усть-ишимской культур, из которых происходит проанализированный антропологический материал.

Fig. 1. Location of burial grounds of the Potchevash and Ust-Ishim Cultures, the source of analyzed anthropological sample.

Таблица 1

Сводные данные о палеоантропологических материалах потчевашской и усть-ишимской культур Среднего Прииртышья, используемых в работе

Table 1

Dental samples of the Middle Irtysh Potchevash and Ust-Ishim Culture analyzed in the study

Могильник	Локализация могильника	Автор и год раскопок	Место хранения	Количество
Потчевашская культура				
Викуловское	Тюменская обл., Викуловский р-н	Илюшина В.В., 2008	ТюмНЦ СО РАН, кол. 91	3
Иртышский	Омская обл., Большереченский р-н	Могильников В.А., 1969; Конилов Б.А., 1993	НИИИМА МГУ, КО № 226/2 ТюмНЦ СО РАН, кол. 175	2
Лихачевский	Тюменская обл., Абатский р-н	Генинг В.Ф., 1964	НИИИМА МГУ, КО № 237/7	1
Окунево 3	Омская обл., Муромцевский р-н	Могильников В.А., 1968; 1972	НИИИМА МГУ, КО № 238/6 КА ТГУ, 1248-1255, 1259, 1260, 1919-1923, 7 из запаса	23
Усть-ишимская культура				
Долговское 1	Омская обл., Знаменский р-н	Адамов А.А., 1999	ТюмНЦ СО РАН, кол. 52	1
Иванов Мыс 1	Омская обл., Тевризский р-н	Конилов Б.А., 1991	ТюмНЦ СО РАН, кол. 29	13
Кипы III	»	» 1984	КА ТГУ, 3602, 3609, 3611, 3612, 3614-3617	8
Кипо-Кулары I, II	»	» 1978	КА ТГУ, 2201-3, 2198	4
Льнозавод 1	Омская обл., Муромцевский р-н	Прищенко С.В., 1995	ТюмНЦ СО РАН, кол. 43	1
Малая Бича IV	Омская обл., Усть-Ишимский р-н	Конилов Б.А., 1983; Зотов И.А., 2019	КА ТГУ, 3604-3607; ТюмНЦ СО РАН, кол. 174	6
Масарлы 2	Тюменская обл., Вагайский р-н	Адамов А.А., 1992	ТюмНЦ СО РАН, кол. 9	9
Нугай I	»	» 1993	» кол. 12	4
Стрижево 3	Омская обл., Нижнеомский р-н	Погодин Л.И., 1987	» кол. 23	2
Якушино III	Омская обл., Знаменский р-н	» 1999	» кол. 84	1
Итого				78

На третьем этапе исследований для реконструкции синхронных и диахронных популяционных связей населения Среднего Прииртышья раннего и развитого средневековья хронологический и территориальный сопоставительный фон был значительно расширен. Помимо 8 серий эпохи Великого переселения народов и средневековья привлечены опубликованные сравнительные материалы по 30 выборкам раннего железного века с территории Алтае-Саянского нагорья, Тувы, Хакасско-Минусинской котловины, Кузнецкой котловины, Тоболо-Иртышского междуречья, Барабинской лесостепи, Верхнего и Среднего Приобья, Восточного Приаралья, Западного и Центрального Казахстана, Притяньшанья, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья (табл. 2). Сравни-

тельный межгрупповой анализ выполнялся в программе STATISTICA for Windows, v. 10, при помощи анализа главных компонент, на основании тригонометрически преобразованных частот восьми признаков. Использованы частоты лопатообразности верхних медиальных резцов (баллы 2 и 3 суммарно), бугорка Карабелли на верхних первых молярах (баллы 2–5 суммарно), частот редуцированных вариантов строения гипоконуса на верхних вторых молярах (баллы 3, 3+ суммарно), 6- и 4-бугорковых нижних первых моляров, 4-бугорковых нижних вторых моляров, дистально-го гребня тригониды и коленчатой складки метакониды на нижних первых молярах.

Таблица 2

Данные об одонтологических сериях, привлеченных для сопоставления

Table 2

Data on dental non-metric series used for comparison

№ п/п	Территория	Культурная принадлежность	Датировка	Могилиники	Источник данных
1	Нижнее Приоболье	Бакальская культура	Конец III — VI в.	Устог-1, Ревда 5, Ипкуль, Козлов Мыс	Sleptsova, 2021, table 3
2	Среднее Приобье	Зеленогорский этап нижнеобской АК	VI — начало VIII в.	Священная Кедровая Роща	Данные автора
3		Кучуминский, кинтусовский, сайгатинский этапы нижнеобской АК	VIII–XV вв.	Барсовский 1, 4	
4		Зеленогорский, кучуминский, кинтусовский, сайгатинский этапы нижнеобской АК	VII–XVI вв.	Сайгатинский 1, 3, 4	
5	Новосибирское Приобье	Верхнеобская культура	V–VIII вв.	Красный Яр 1, Высокий Борок, Ближние Елбаны, Юрт-Акбалык 8	
6	Томское Приобье	Релкинская культура	V–VIII вв.	Релка, Тимирязевское 1, 2	Лейбова, 2022
7		Басандайская культура	XI–XIV вв.	Басандайка, Малая Киргизка	
8	Западное Приуралье	Бахмутинская культура	III–V вв.	Бирский могильник	
Ранний железный век					
9	Приоболье	Саргатская культура	V в. до н.э. — начало IV в. н.э.	Сборные серии	Кишкурно, Слепцова, 2023, табл. 2
10	Пришимье				
11	Прииртышье				
12	Бараба				
13	Зауралье и Тоболо-Исетье	Гороховская культура	V в. до н.э. — II в. до н.э.	Сборная серия	Багашев, Слепцова, 2024, табл. 5
14	Новосибирское Приобье	Кулайская культура (новосибирский вариант)	III–II вв. до н.э.	Каменный Мыс	Кишкурно, Слепцова, 2019
15	Пришимье	Кашинская культура	IV–V вв. н.э.	Абатский 3	Слепцова, Юдакова, 2021, табл. 1
16	Новосибирское Приобье	Большереченская культура	VI–II вв. до н.э.	Верх-Сузун-5	Кишкурно, Слепцова, 2023, табл. 2
17			Вторая половина I тыс. до н.э.	Быстровка-2	
18			»	Быстровка-3	
19	Лесостепной Алтай	Каменная культура	VI–II вв. до н.э.	Рогозиха-1, Обьездное-1, Камень-2, Кирилловка-3, Новотроицкое-1, 2, Масляха-1	Лейбова, Тур, 2020, табл. 2
20		Староалейская культура	VI–V вв. до н.э.	Фирово-14, Обские плесы-2, Малый Гоньбинский Кордон-1/1	
21	Горный Алтай	Пазырьковская культура	V–III вв. до н.э.	Сборная серия	Чикишева, 2012, прил., табл. 57
22		Каракобинская культура	V–III вв. до н.э.	»	» прил., табл. 58
23	Тува	Алды-Бельская культура	VI–IV вв. до н.э.	Аржан II, Колто	» прил., табл. 60
24		Уюкско-саглынская культура	VI–IV вв. до н.э.	Догээ-Баары II	
25	Назаровская котловина	Тагарская культура	Подгорновский этап VIII в. до н.э.	Сопка-1, Кошкколь, Темра	Ковзунова П.В., неопубликованные данные
26	Минусинская котловина		Тесинский этап III в. до н.э. — III в. н.э.	Смирновка-4	
27	Приаралье	Джетысарская культура	V в. до н.э.	Косасар-2	Рыкушина, 1993а, табл. 1
28			Не позднее IV в. н.э.	Косасар-3, Томпакасар, Бедаикасар	Рыкушина, 1993а, табл. 1
29	Центральный Казахстан	Тасмолинская культура	VIII–V вв. до н.э.	Сборная серия	Бейсенов и др., 2015, табл. 27
30		Памятники коргантасского типа	IV–II вв. до н.э.	Сборная серия	
31	Южное Приуралье	Ранние сарматы	IV–II вв. до н.э.	Покровка 10	Суворова, 2008, табл. 1
32		Поздние сарматы	II–IV вв. н.э.		
33		«Савроматы»	VI–IV вв. до н.э.	Новый Кумак	
34	Юго-Западное Приаралье		V–IV вв. до н.э.	Казыбаба	Сегеда, 2006, табл. 2 Багдасарова, 2000
35	Южное Приуралье	Ранние сарматы	V–III вв. до н.э.	Лебедевка	Сегеда, 2006, табл. 2
36	Прикамье	Ананьинская культура	VIII–III вв. до н.э.	Луговской	Аксанова, 2017
37	Средняя Азия	Саки Притяньшанья	V–II вв. до н.э.	Сборная серия	Китов и др., 2019, табл. 1
38	Южное Приуралье	Кара-абызская культура	IV в. до н.э. — I в. н.э.	Шипово, Охлебинино, Кара-абыз-2	Лейбова, 2021, табл. 2

Результаты

В составе серии потчевашской культуры лопатообразные формы не встречены на центральных резцах верхней челюсти, на латеральных отмечены один раз (16,7 %) (табл. 3). На первых верхних молярах бугорка Карабелли отмечен со средней частотой (25,0 %), дополнительный дистальный бугорок — в половине случаев (53,8 %), в одном случае зафиксирован гребень эпикриста, соединяющий параконус и протоконус (7,7 %). Сильная или полная редукция гипоконуса вторых верхних моляров отмечена с низкой частотой (14,3 %). Первые моляры нижней челюсти в основном 5-бугорковые, с «У»-узором коронки, встречено по одному случаю 4- и 6-бугорковых форм (4,8 %). 4-бугорковые вторые нижние моляры отмечены часто (72,7 %), 3-бугорковые — в одном случае (9,1 %). Протостилид на первых молярах не встречен; ямка протостилиды отмечена в шести случаях (35,3 %). Дистальный

Антропологический состав населения Среднего Прииртышья VI–XIII вв. по данным одонтологии...

ребень тригониды отсутствует, коленчатая складка метаконида зафиксирована со средней частотой (18,8 %). В серии отмечены высокие частоты $tami$ (20,0 %). Из числа архаичных черт отмечен случай передней ямки на нижних первых молярах (5,0 %).

Таблица 3

Одонтологические характеристики групп потчевашской и усть-ишимской культур Среднего Прииртышья, критерий χ^2 (хи-квадрат)

Table 3

Dental non-metric traits variation of the Potchevash and Ust-Ishim Cultures groups of the Middle Irtysh region, χ^2 test (chi-square)

Признак	Потчевашская АК		Усть-ишимская АК		χ^2
	n (N)	%	n (N)	%	
Верхняя челюсть					
Лопатообразность I ¹ (2+3)	0 (9)	0,0	5 (8)	62,5	7,969 *
Лопатообразность I ² (2+3)	1 (6)	16,7	5 (8)	62,5	2,941
Пальцевидные гребни I ¹	0 (9)	0,0	0 (8)	0,0	—
Лингвальный бугорок (3-6) I ¹	0 (9)	0,0	0 (8)	0,0	—
Лингвальная ямка I ¹	0 (9)	0,0	0 (8)	0,0	—
Вестибулярная лопатообразность I ¹	0 (9)	0,0	0 (8)	0,0	—
Вестибулярная выпуклость I ¹	0 (9)	0,0	0 (8)	0,0	—
Лингвальный наклон коронки I ¹	0 (9)	0,0	0 (8)	0,0	—
Редукция резцов I ² (2+3)	0 (6)	0,0	0 (7)	0,0	—
Дополнительный дистальный гребень С	0 (10)	0,0	2 (10)	20,0	2,222
Лингвальный бугорок (3-6) С	0 (10)	0,0	0 (10)	0,0	—
Редукция метаконуса (2-5) M ¹	0 (17)	0,0	0 (26)	0,0	—
Редукция гипоконуса (3, 3+) M ²	2 (14)	14,3	5 (28)	17,9	0,086
Бугорок Карабелли (2-5) M ¹	4 (16)	25,0	4 (22)	18,2	0,225
Дополнительный дистальный бугорок M ¹	7 (13)	53,8	4 (16)	25,0	2,535
Эпикриста M ¹	1 (13)	7,7	1 (16)	6,3	0,023
Косой гребень (2,3) M ¹	0 (13)	0,0	3 (16)	18,8	2,719
Передняя ямка (fa) M ¹	0 (13)	0,0	0 (16)	0,0	—
Задняя ямка (fr) M ¹	0 (13)	0,0	0 (16)	0,0	—
Межкорневой затек эмали (5-6) M ²	3 (14)	21,4	2 (26)	7,7	1,570
1 ра(ео), тип 3	0 (7)	0,0	0 (9)	0,0	—
1 me / 1 ра (ео), тип 1	4 (7)	57,1	3 (9)	33,3	0,907
1 рг (II)	1 (6)	16,7	0 (9)	0,0	1,607
Нижняя челюсть					
6M ₁	1 (21)	4,8	1 (26)	3,8	0,024
4M ₁	1 (21)	4,8	1 (26)	3,8	0,024
(+)M ₁ (4-6)	0 (23)	0,0	0 (29)	0,0	—
(X)M ₁ (4-6)	1 (23)	4,3	0 (29)	0,0	1,286
6M ₂	0 (11)	0,0	1 (20)	5,0	0,568
4M ₂	8 (11)	72,7	15 (20)	75,0	0,019
3M ₂	1 (11)	9,1	0 (20)	0,0	1,879
(Y)M ₂ (3-6)	6 (12)	50,0	15 (27)	55,6	0,103
(+)M ₂ (3-6)	2 (12)	16,7	3 (27)	11,1	0,229
(X)M ₂ (3-6)	4 (12)	33,3	14 (27)	51,9	1,146
Дистальный гребень тригониды M ₁	0 (21)	0,0	1 (26)	3,8	0,794
Средний гребень тригониды M ₁	0 (21)	0,0	0 (26)	0,0	—
Коленчатая складка метаконида M ₁	3 (16)	18,8	5 (11)	45,4	2,821
Tam ₁	4 (20)	20,0	4 (25)	16,0	0,122
Дополнительные бугорки M ₁	0 (20)	0,0	1 (18)	5,6	1,141
Передняя ямка (fa) M ₁	1 (20)	5,0	1 (18)	5,6	0,006
Задняя ямка (fr) M ₁	0 (20)	0,0	0 (18)	0,0	—
Протостилид (2-5) M ₁	0 (17)	0,0	0 (28)	0,0	—
Ямка протостилида (р) M ₁	6 (17)	35,3	13 (28)	46,4	0,538
Межкорневой затек эмали (5-6) M ₂	3 (24)	12,5	7 (24)	29,2	2,021
2 med (II) M ₁	3 (16)	18,8	2 (11)	18,2	0,001
2 med (III) M ₁	11 (16)	68,8	9 (11)	81,8	0,580

* Полу жирным шрифтом отмечены статистически достоверные различия, $p < 0,05$.

Выборка усть-ишимской культуры характеризуется повышенными частотами лопатообразных форм резцов (62,8 %) (табл. 3). На клыках в двух случаях отмечен дополнительный дистальный гребень (20,0 %). Серии свойственны пониженные частоты бугорка Карабелли (18,2 %) и дополнительных дистальных бугорков (25,0 %) на первых молярах. На зубах этого класса три раза встречен косой гребень, соединяющий метаконус и протоконус (18,8 %), и один раз — эпикриста. Отмечена пониженная частота редукции гипоконуса вторых моляров (17,9 %). На нижней челюсти большинство первых моляров 5-бугорковые, 4- и 6-бугорковые формы встречены по одному разу (3,8 %), все зубы с «Y»-узором коронки. На первых нижних молярах отсутствует протостилид, ямка протостилида отмечена часто (46,4 %). В выборке с повышенной частотой встречен $tami$ (16,0 %) и коленчатая складка метаконида (45,4 %). Отмечено по одному случаю дистального гребня тригониды (3,8 %) и дополнительного мезиального бугорка (5,6 %) на нижних первых молярах. 4-бугорковые формы вторых моляров зафиксированы со средней частотой (75,0 %), отмечен один случай 6-бугорковых форм (5,0 %). Из числа архаичных черт помимо

косо́го гребня на первых верхних молярах зафиксирован случай передней ямки на нижних первых молярах (5,6 %). Таким образом, в потчевашской серии преобладают черты западного одонтологического ствола (бугорок Карабелли отмечен часто, отсутствуют лопатообразные формы центральных резцов и дистальный гребень тригониды), в то время как в усть-ишимской группе возрастают частоты признаков «восточной» ориентации (в особенности лопатообразных форм центральных и латеральных резцов и коленчатой складки метакониды). Можно заключить что антропологический состав населения Среднего Прииртышья раннего (потчевашская культура) и развитого (усть-ишимская культура) средневековья претерпевает некоторые изменения. По частотам лопатообразности центральных резцов выявленная разница статистически достоверна (табл. 3). И потчевашская, и усть-ишимская выборки отличаются прогрессивным строением зубной системы, маркеры архаики в этих выборках встречены крайне редко. Различия между потчевашской и усть-ишимской сериями подтверждаются при расчете фенетических дистанций, которые определялись средней мерой расхождения Смита (MMD) (табл. 4, рис. 2). Исследуемые группы сопоставлены на фоне всех известных на данный момент групп эпохи Великого переселения народов и средневековья Сургутского, Новосибирского и Томского Приобья, Тоболо-Иртышья (данные автора) и Западного Приуралья (бахмутинская культура) [Лейбова, 2022] (табл. 5). Зафиксированы достоверно значимые различия между исследуемыми выборками Среднего Прииртышья и группой зеленогорского этапа Сургутского Приобья (VI–VII вв.). В сравнении с выборками Среднего Прииртышья в группе зеленогорского этапа из могильника Священная Кедровая Роща повышены частоты редукции гипоконуса второго верхнего моляра (68,2 %) и 6-бугорковых форм первого нижнего моляра (10,5 %).

Таблица 4

Фенетические дистанции (MMD) между группами Великого переселения народов и средневековья; значения MMD представлены над диагональю, стандартные отклонения — под диагональю

Table 4

Mean measure of divergence (MMD) between groups of the Great Migration Period and Middle Ages; MMD values are presented above the diagonal, standard deviations are below the diagonal

	Потчевашская АК	Усть-Ишимская АК	Бакальская АК	Зеленогорский этап	Барсов Городок	Сайгатинские	Верхнеобская АК	Репкинская АК	Басандайская АК	Бахмутинская АК
Потчевашская АК	0,000	0,155 *	0,024	0,136	0,000	0,068	0,000	0,000	0,000	0,000
Усть-Ишимская АК	0,067	0,000	0,081	0,127	0,012	0,056	0,071	0,000	0,006	0,126
Бакальская АК	0,062	0,056	0,000	0,000	0,000	0,022	0,000	0,000	0,004	0,058
Зеленогорский этап	0,071	0,066	0,060	0,000	0,063	0,035	0,010	0,000	0,090	0,181
Барсовский 1, 4	0,082	0,076	0,071	0,080	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Сайгатинский 1, 3, 4	0,047	0,042	0,036	0,045	0,056	0,000	0,004	0,000	0,000	0,122
Верхнеобская АК	0,069	0,063	0,058	0,067	0,078	0,043	0,000	0,000	0,000	0,000
Репкинская АК	0,090	0,085	0,080	0,088	0,099	0,065	0,086	0,000	0,000	0,014
Басандайская АК	0,084	0,079	0,074	0,082	0,093	0,059	0,081	0,104	0,000	0,000
Бахмутинская АК	0,054	0,048	0,043	0,052	0,063	0,028	0,049	0,071	0,066	0,000

* Полу жирным шрифтом отмечены различия, достоверные на уровне $p < 0,03$.

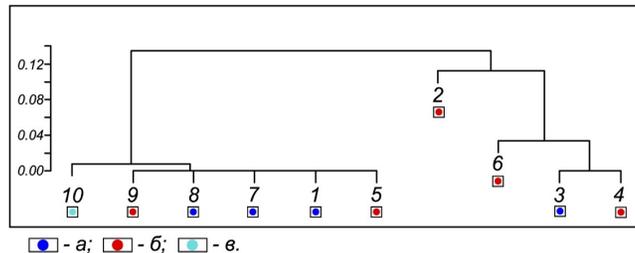

Рис. 2. Дендрограмма кластеризации расстояний MMD (иерархическая процедура, метод Уорда) между группами эпохи Великого переселения народов и средневековья (нумерацию см. в табл. 5): а — лесостепь Западной Сибири; б — подтаежная и таежная Западная Сибирь; в — Западное Приуралье.

Fig. 2. Dendrogram of MMD distance clustering (hierarchical procedure, Ward's method) between the groups of the Great Migration Period and Middle Ages (see table 5): а — forest-steppe Western Siberia; б — subtaiga and taiga Western Siberia; в — Western Urals.

При графической визуализации расстояний MMD (рис. 2) выборки разделились на два кластера. Серия потчевашской культуры объединилась с группами Сургутского, Новосибирского и Томского Приобья, а также с выборкой бахмутинской культуры Западного Приуралья. Усть-ишимская вы-

Антропологический состав населения Среднего Прииртышья VI–XIII вв. по данным одонтологии...

борка расположилась в кластере вместе с бакальской серией и группами Сургутского Приобья (зеленогорского этапа из могильника Священная Кедровая Роща и Сайгатинский 1, 3, 4).

Таблица 5

Однотологические характеристики групп эпохи Великого переселения народов и средневековья, привлеченные для сопоставления

Table 5

Dental non-metric traits of the Great Migration Period and Medieval samples used in comparison

№ п/п	Территория	Культурная принадлежность	Лопатообразность I ¹ (2+3)		Лопатообразность I ² (2+3)		Редукция гипоконуса (3, 3+) M ²		Бугорок Карабелли (2–5) M ¹		6M ₁		4M ₁		4M ₂		Дистальный гребень тригониды M ₁		Коленчатая складка метакониды M ₁		Tami M ₁		med (II) M			
			n(N)	%	n(N)	%	n(N)	%	n(N)	%	n(N)	%	n(N)	%	n(N)	%	n(N)	%	n(N)	%	n(N)	%	n(N)	%	n(N)	%
1	Среднее Прииртышье	Потчевашская АК	0(8)	0,0	1(6)	16,7	2(14)	14,3	4(16)	25,0	1(21)	4,8	1(21)	4,8	8(11)	72,7	0(21)	0,0	3(16)	18,8	20(20)	100,0	3(16)	18,8	3(16)	18,8
2		Усть-Ишимская АК	5(8)	62,5	5(8)	62,5	5(28)	17,9	4(22)	18,2	1(26)	3,8	1(26)	3,8	15(20)	75,0	1(26)	3,8	5(11)	45,4	25(25)	100,0	16(16)	100,0	18(18)	100,0
3	Нижнее Приобье	Бакальская АК	3(13)	23,1	6(15)	40,0	1(33)	33,3	3(24)	12,5	0(19)	0,0	1(19)	5,3	9(21)	42,9	2(25)	8,0	4(15)	26,7	19(19)	100,0	15(16)	93,8	31(31)	100,0
4	Сургутское Приобье	Зеленогорский этап	2(7)	28,6	2(6)	33,3	5(22)	68,2	3(16)	18,8	2(19)	10,5	1(19)	5,3	9(19)	47,4	2(21)	9,5	4(13)	30,8	22(22)	100,0	2(9)	22,2	2(9)	22,2
5		Барсовский 1, 4	1(6)	16,7	3(7)	42,9	2(15)	13,3	1(10)	10,0	1(13)	7,7	0(13)	0,0	10(14)	71,4	2(14)	14,3	2(10)	20,0	13(13)	100,0	7(7)	100,0	2(6)	33,3
6		Сайгатинский 1, 3, 4	8(30)	26,7	22(32)	68,8	21(74)	28,4	5(65)	7,7	7(56)	12,5	2(56)	3,6	28(44)	63,6	12(62)	19,4	13(38)	34,2	49(49)	100,0	4(5)	80,0	1(12)	8,3
7	Новосибирское Приобье	Верхнеобская АК	1(9)	11,1	5(9)	55,6	6(23)	26,1	3(14)	21,4	1(21)	4,8	3(21)	14,3	12(20)	60,0	1(19)	5,3	3(12)	25,0	15(15)	100,0	0(1)	0,0	1(12)	8,3
8	Томское Приобье	Релинская АК	2(9)	22,2	4(8)	50,0	4(17)	23,5	0(7)	0,0	0(10)	0,0	0(10)	0,0	5(8)	62,5	1(10)	10,0	2(5)	40,0	1(9)	11,1	1(5)	20,0	1(5)	20,0
9	Западное Приуралье	Басаңдайская АК	1(9)	11,1	1(7)	14,3	2(18)	11,1	1(7)	14,3	1(15)	6,7	0(15)	0,0	9(12)	75,0	1(12)	8,3	1(5)	20,0	0(5)	0,0	0(10)	0,0	0(10)	0,0
10		Бахмутинская АК	—	17,6	—	—	—	18,9	—	29,4	—	0,0	—	10,4	—	80,0	—	7,4	—	9,1	—	—	—	—	—	—

На следующем этапе для определения степени участия населения раннего железного века в формировании антропологического состава групп Среднего Прииртышья раннего и развитого средневековья выборки (табл. 2) сопоставлены методом главных компонент (табл. 6, рис. 3). ГК 1 (29,70 % изменчивости) делит серии по направлению запад — восток. ГК 2 (17,12 %) противопоставляет серии по степени представленности коленчатой складки метакониды и 4-бугорковых вторых нижних моляров. Однако при распределении выборок часть групп занимает резко положительные/отрицательные позиции за счет малой численности наблюдений коленчатой складки метакониды, а большинство серий концентрируются в неделимом скоплении в центре графа. Поэтому при построении графика выбраны ГК 1 и ГК 3, которые суммарно описывают 43,74 % общей изменчивости. ГК 3 (14,04 %) делит серии по наличию 4-бугорковых первых нижних моляров и дистального гребня тригониды. Серии с повышенными частотами этих признаков будут расположены в отрицательном поле ГК 3.

Таблица 6

Нагрузки на признаки в составе главных компонент. Однотологический анализ групп раннего железного века, Великого переселения народов и средневековья

Table 6

Trait loadings on the first two principal components. Dental non-metric analysis of the Early Iron Age, Great Migration Period and Medieval samples

Признак	ГК 1	ГК 2	ГК 3
Лопатообразность (2+3) I ¹	-0,50	0,10	-0,04
Бугорок Карабелли (2-5) M ¹	-0,44	-0,43	-0,49
Редукция гипоконуса (3, 3+) M ²	0,37	-0,50	-0,02
6M ₁	-0,83	0,04	-0,12
4M ₁	0,62	0,08	-0,64
4M ₂	0,56	0,55	-0,37
Дистальный гребень тригониды M ₁	-0,55	0,02	-0,55
Коленчатая складка метакониды M ₁	-0,34	0,78	0,07
Собственное число	2,38	1,37	1,12
Доля изменчивости, %	29,70	17,12	14,04

На графике (рис. 3) в положительном поле первой ГК локализовались серии, специфика которых проявляется в высоком уровне грацилизации нижних моляров. В это поле попадает большинство выборок с территории Алтая (каракобинская группа имеет максимальные значения), Тувы и Минусинской котловины, а так же саргатские и гороховская серии лесостепи Западной Сибири. В отрицательном поле ГК расположились серии, в составе которых отмечены повышенные частоты встречаемости 6-бугорковых первых нижних моляров и дистального гребня тригониды. В это поле попадают все серии большереченской и кулайской культур Верхнего Приобья. Максимальные положительные значения координат по данной ГК имеет серия кашинской культуры из Пришимья (Абатский-3), группа ананьинской культуры Прикамья и выборка савроматов юго-запад-

ного Приаралья (Казыбаба). ГК 1 разделяет серии Великого переселения народов и средневековья Западной Сибири по территориальному признаку: лесостепные выборки локализованы в положительном поле графа, подтаежные и таежные группы — в отрицательном.

Третья ГК (14,04 % изменчивости) делит серии по наличию 4-бугорковых первых нижних моляров и дистального гребня тригониды. В положительном поле локализуются серии с пониженными частотами этих признаков — выборки из Западной Сибири (серия релкинской культуры — с максимальным значением), группа тасмолинской культуры Центрального Казахстана. В отрицательном поле расположилось большинство выборок из горного и лесостепного Алтая (группа староалейской культуры занимает максимальные отрицательные позиции), Центрального Казахстана и Приуралья — серии, в составе которых отмечены повышенные частоты признаков западного одонтологического ствола. Таким образом, основная дифференцирующая сила третьей главной компоненты направлена на отделение выборок из лесостепной, подтаежной и таежной зон Западной Сибири от большинства серий раннего железного века сопредельных регионов, привлеченных для сопоставления, — групп горного и лесостепного Алтая, Тувы, Минусинской котловины, Казахстана, Средней Азия и Приуралья.

Потчевашская и усть-ишимская выборки разделены первой главной компонентой, объединившись с различными группами Западной Сибири. Потчевашская группа расположена в совокупности саргатских серий раннего железного века и бакальской выборки Притоболья эпохи Великого переселения народов. Усть-ишимская группа локализована в отрицательном поле ГК1, в совокупности серий из подтаежной и таежной зон Сургутского Приобья (Барсов Городок, Сайгатинские могильники, Священная Кедровая Роща) и Томского Приобья (басандайская культура). Из серий раннего железного века ближайшие к усть-ишимской выборке группы Новосибирского Приобья — выборки кулайской (Каменный Мыс) и большереченской (Верх-Сузун-5, Быстровка-2) культур.

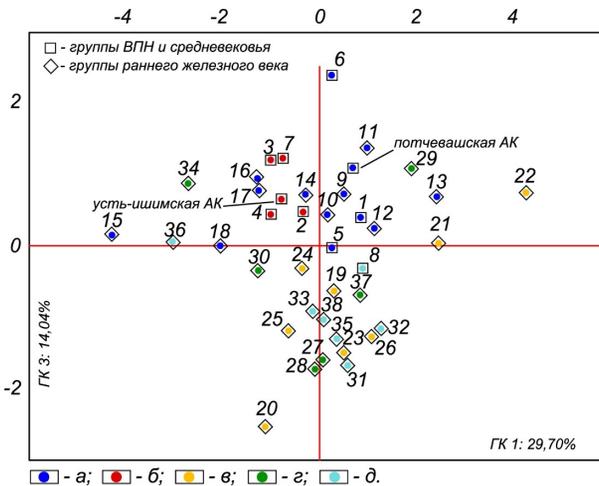

Рис. 3. Результаты сопоставления одонтологических характеристик групп потчевашской и усть-ишимской культур с сериями раннего железного века, эпохи Великого переселения народов и средневековья (названия групп см. в табл. 2): а — лесостепь Западной Сибири; б — подтаежная и таежная Западная Сибирь; в — Горный и лесостепной Алтай, Тува, Минусинская котловина; г — Казахстан и Средняя Азия; д — Приуралье.

Fig. 3. Results of comparison of dental non-metric traits of the Potchevash and Ust-Ishim Culture groups with the series of the Early Iron Age, the Great Migration Period and Middle Ages (see table 2):

а — forest-steppe Western Siberia; б — subtaiga and taiga Western Siberia; в — Mountain and forest-steppe Altai, Tuva, Minusinsk Basin; г — Kazakhstan and Central Asia; д — the Urals.

Обсуждение результатов и выводы

Результаты анализа свидетельствуют, что в формировании антропологического состава лесостепного населения Среднего Прииртышья VI — начала IX в. ведущая роль принадлежала предшествующему населению — саргатской культуры Тоболо-Иртышья. Аналогично потчевашской выборке, саргатские группы раннего железного века характеризуются смешанным комплексом одонтологических признаков, с преобладанием черт западного одонтологического ствола [Кишкурно, Слепцова, 2023]. Несмотря на то что материальная культура населения Среднего Прииртышья VI — начала IX в. изменяется значительно [Западная Сибирь... 2022, с. 10–127] и отличается от саргат-

ских древностей по многим признакам [Кони́ков, 2007, с. 247–259], антропологический состав населения остается неизменным по меньшей мере до рубежа I и II тыс. Кроме того, предпринятый анализ позволяет заключить, что распространение материальной культуры тюркоязычных групп в лесостепь Тоболо-Иртышья [Могильников, 1987; Татауров, Тихонов, 2021; Кони́ков, 2021; Зеленков и др., 2025] не повлияло на антропологический состав потчевашского населения.

На рубеже I и II тыс. антропологический состав групп Среднего Прииртышья изменяется значительно. В лесостепной части появляется население сrostкинской культуры, в составе лесостепных групп зафиксирован как европеоидный компонент, так и монголоидный субстрат центральноазиатского происхождения [Багашев, 1988]. По краниологическим данным, в структуре подтаежных групп усть-ишимской культуры доминирует компонент, связанный с западносибирской линией развития [Багашев, 2017]. Результаты анализа одонтологических характеристик позволяют предположить сходство подтаежной группы усть-ишимской культуры Прииртышья и таежных групп Сургутского Приобья. Однако важно учитывать, что одонтологические материалы по сrostкинским группам отсутствуют, за исключением данных о нескольких индивидах из Барабинской лесостепи (Преображенка-6) [Поздняков и др., 2015]. Привлечение к анализу групп южносибирского и центральноазиатского происхождения уточнит сложившуюся картину распределения серий.

Аналогично популяционным процессам, происходившим в Среднем Прииртышье, антропологический состав бакальских групп конца III — VI в. Нижнего Притоболья сформировался на основе компонента предшествующего периода — саргатской культуры [Пошехонова, Слепцова, 2017; Sleptsova, 2021]. Таким образом, в эпоху Великого переселения народов и раннего средневековья в Тоболо-Иртышье проживали потомки саргатского населения раннего железного века.

Стоит отметить, что в данной работе предпринята первая попытка введения в научный оборот и анализа большого массива одонтологических данных средневекового населения Западной Сибири. Часть дискуссионных вопросов будут решаться по мере пополнения источниковой базы — серий сrostкинской культуры лесостепной части Западной Сибири, кимако-кыпчакских групп Кустанайского Притоболья и Павлодарского Прииртышья. Оценка степени участия групп усть-ишимской культуры в формировании антропологического состава близких к современности и современных тюркских групп Среднего Прииртышья также остается задачей последующих исследований.

Таким образом, на основе анализа первых данных можно сделать несколько предварительных выводов:

— антропологический состав лесостепного населения Среднего Прииртышья VI — начала IX в. сформировался на основе саргатских групп Тоболо-Иртышья, населявших эти территории в предшествующий период;

— предпринятый анализ позволяет заключить, что распространение материальной культуры тюркоязычных групп в лесостепь Тоболо-Иртышья не повлияло на антропологический состав потчевашского населения;

— различается антропологический состав подтаежных и лесостепных групп Среднего Прииртышья. В составе более поздней усть-ишимской группы IX–XIII вв. из подтаежной части возрастает частота признаков восточной ориентации.

Благодарности. Автор выражает благодарность А.П. Бужиловой и П.П. Карцеву (Научно-исследовательский институт и музей антропологии МГУ имени М. В. Ломоносова) и М.П. Рыкун (кабинет антропологии Томского государственного университета) за предоставленную возможность работы с антропологическими коллекциями. Автор благодарит Н.А. Лейбову и П.В. Ковзунову за предоставленные неопубликованные данные и А.С. Зеленкова за помощь при составлении картографических материалов. Выражаю благодарность двум анонимным рецензентам и О.Е. Пошехоновой, ценные замечания которых позволили существенно улучшить работу.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-00181, <https://rscf.ru/project/24-78-00181/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксёнова Г.А. Луговской могильник раннего железного века: Одонтологическая характеристика // Человек и среда: Актуальные проблемы антропологии и археологии / Отв. ред.: А.Г. Ситди́ков А.П. Бужилова. Казань, 2017. С. 10.

Багашев А.Н. Антропологический состав средневекового населения Среднего Прииртышья // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 22–54.

Багашев А.Н. Антропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2017. 408 с.

Багашев А.Н., Слепцова А.В. Данные краниологии и одонтологии к проблеме формирования населения гороховской археологической культуры эпохи раннего железа // Уфим. археол. вестник. 2024. Т. 24. № 2. С. 312–332. <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.018>

Баддасарова Н.А. Савроматы Юго-Западного Приаралья по материалам могильника Казыбаба // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М.: Старый сад, 2000. С. 78–112.

Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тыс. до н.э. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 188 с.

Вязов Л.А., Дьюриш Б., Комар О., Тюрк А. Культурная и популяционная динамика в Приуралье: История формирования раннесредневековых мадьяр в свете недавних археогенетических исследований // Stratum Plus. № 5. 2024. С. 49–74.

Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры: Материалы семинара. Челябинск: Рифей, 2008. С. 45–60.

Зеленков А.С., Слепцова А.В., Конилов Б.А., Грачев М.А. Комплексы раннего средневековья из северной лесостепи Прииртышья – Ирчинский курганный могильник (по материалам В.А. Могильникова 1969 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. № 3. С. 89–102.

Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М.: Этно-Онлайн, 2006. 72 с.

Зубова А.В. Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии эпохи неолита // Вестник антропологии. 2013. № 4 (26). С. 107–127.

Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С. Палеоантропология сакских культур Притяньшанья. Алматы: Хикари, 2019. 300 с.

Кишкурно М.С., Слепцова А.В. Новые данные по одонтологии населения кулайской культуры Новосибирского Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4. С. 140–151. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-47-4-11>

Кишкурно М.С., Слепцова А.В. Данные краниологии и одонтологии к вопросу о связях носителей саргатской и большебереченской культур лесостепи юга Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 4. С. 180–191. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-63-4-14>

Конилов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитии Средневековья. Омск, 2007. 466 с.

Конилов Б.А. Кыпчаки и южно-таежное Прииртышье (конец X — XIV в.) // Археология Северной и Центральной Азии: Новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул: АлтГУ, 2021. С. 215–221.

Лейбова Н.А., Тур С.С. Одонтологические особенности населения лесостепного Алтая скифского времени // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4. С. 171–186. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-15>

Лейбова Н.А. Население кара-абызской культуры Южного Приуралья по данным одонтологии // Уфим. археол. вестник. 2021. Т. 21. № 1. С. 118–127. <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.011>

Лейбова Н.А. Одонтологическая характеристика населения бахмутинской культуры по материалам Бирского могильника // XXII Уральское археологическое совещание: Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Т.М. Потемкиной. Курган, 2022. С. 196–199.

Матвеева Н.П. (отв. ред.) Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: Взаимодействие этнокультурных общностей. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2022. 260 с.

Матвеева Н.П., Зеленков А.С., Третьяков Е.А. Роль миграций в культурогенезе средневекового населения лесостепи и подтаежной зоны Западной Сибири // Вестник Перм. ун-та. История. 2024. № 1 (64). С. 39–58. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2024-1-39-58>

Могильников В.А. Лесостепное Зауралье: (Бакальская культура) // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 183–202. (Археология СССР).

Молодин В.И. От древних культур к современным народам // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. С. 18–56.

Поздняков Д.В., Зубова А.В., Чикишева Т.А. К вопросу об антропологическом типе раннесредневекового населения Барабы (по материалам памятника Преображенка-6) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2015. Т. 21. С. 370–379.

Пошехонова О.Е. Антропологическая характеристика населения южно-таежного Прииртышья (по материалам могильников усть-ишимской археологической культуры рубежа I и II тыс. н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 142–155.

Пошехонова О.Е., Слепцова А.В. Население Нижнего Притоболья в переходное время от раннего железного века к средневековью по данным краниологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 90–103.

Рыкушина Г.В. Материалы по одонтологии джетысарской культуры: Грунтовые погребения могильников Косасар 2, Косасар 3, Томпакасар, Бедаикасар // Низовья Сырдарьи в древности. М.: ИЭА РАН, 1993а. Вып. III: Джетысарская культура. Ч. 2: Могильники Томпакасар и Косасар. С. 194–205.

Антропологический состав населения Среднего Прииртышья VI–XIII вв. по данным одонтологии...

Рыкушина Г.В. Одонтологическая характеристика черепов из склепов джетыясарской культуры (Алтынасар 4, Томпакасар, Косасар 3) // Низовья Сырдарьи в древности: Джетыясарская культура. М., 1993b. Вып. II. Ч. 1. С. 243–252.

Севеда С.П. Ранние сарматы Южного Приуралья по данным одонтологии (на материалах могильника Лебедевка) // Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М., 2006. С. 155–159.

Слепцова А.В., Юдакова В.С. К вопросу о происхождении носителей кашинской культуры Западной Сибири раннего железного века (данные археологии и одонтологии) // *Camera praehistorica*. 2021. № 2 (7). С. 106–123. <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2021-2-106-123>

Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика ранних кочевников Южного Приуралья по материалам могильника Покровка-10: (Предварительное сообщение) // Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М.: Восточная литература РАН, 2008. С. 87–95.

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Тюркизация южной тайги и северной лесостепи Среднего Прииртышья в конце I — начале II тыс. н.э. // Археология Северной и Центральной Азии: Новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул: АлтГУ, 2021. С. 228–233.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

Gyuris B., Vyazov L., Türk A., Flegontov P., Szeifert B., Langó P. et al. Long shared haplotypes identify the Southern Urals as a primary source for the 10th-century Hungarians // bioRxiv. 2024. <https://doi.org/10.1101/2024.07.21.599526>

Santos F. AnthroMMD: An R package with a graphical user interface for the mean measure of divergence // *American Journal of Physical Anthropology*. 2018. № 165. P. 200–205. <https://doi.org/10.1002/ajpa.23336>

Sjøvold T. Occurrence of minor non-metrical variants in the skeleton and their quantitative treatment for population comparisons // *Homo*. 1973. № 24. P. 204–233.

Sjøvold T. Non-metrical divergence between skeletal populations. 1977. № 4. 133 p.

Sleptsova A.V. Non-metric dental trait variation among Western Siberian forest-steppe populations in the Great Migration period // *Bulletin of the International Association for Paleodontology*. 2021. № 15 (2). P. 66–76.

Szeifert B., Gerber D., Csáky V., Langó P., Stashenkov D.A., Khokhlov A.A., et al. Tracing genetic connections of ancient Hungarians to the 6-14th century populations of the Volga-Ural region // *Human Molecular Genetics*. 2022. № 31 (19). P. 3266–3280. <https://doi.org/10.1093/hmg/ddac106>

Sleptsova A.V.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Cherishhevskiy trakt st., 13, Tyumen, 625008, Russian Federation
E-mail: sleptsova_1993@mail.ru

Anthropological composition of the 6th–13th centuries population from the Middle Irtysh region according to data from dental analysis (preliminary results)

The current paper is devoted to the reconstruction of the processes of formation of the population from the subtaiga and forest-steppe areas of the Irtysh River region in the Early and High Middle Ages based on the dental analysis of communities of the Potchevash (29 individuals) and Ust-Ishim (49 individuals) Cultures. The characteristics of the samples, according to the extended dental non-metric program and subsequent statistical comparison with the Early Iron Age groups and new author's data (275 individuals) — series from the Great Migration Period and Medieval period of Western Siberia, allowed to preliminarily assume that the anthropological composition of the forest-steppe population of the Middle Irtysh region in the 6th — beginning of the 9th century was formed on the basis of the Sargat groups of the Tobol-Irtysh region, which inhabited these territories in the previous period. Apparently, the spread of the material culture of the Turkic-speaking communities into the Tobol-Irtysh forest-steppe did not affect the anthropological composition of the Potchevash population. The anthropological composition of the subtaiga and forest-steppe groups of the Middle Irtysh region differs. The later Ust-Ishim group of the 9th–13th centuries from the subtaiga part shows an increase in frequency of traits of eastern orientation.

Keywords: Western Siberia, Great Migration Period, Middle Ages, biological anthropology, Potchevash Culture, Ust-Ishim Culture.

Acknowledgements. The author is grateful to A.P. Buzhilova and P.P. Kartsev (Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University) and M.P. Rykun (anthropology department of Tomsk State University) for the opportunity to work with anthropological collections. The author thanks N.A. Leybova and P.V. Kovzunova for sharing unpublished data and A.S. Zelenkov for support in compiling cartographic materials. I would like to express my gratitude to two anonymous reviewers and O.E. Poshekhonova, whose valuable comments significantly improved the paper.

Funding. The work was carried out within the framework of the Russian Science Foundation Project № 24-78-00181, <https://rscf.ru/project/24-78-00181/>.

REFERENCES

- Aksianova, G.A. (2017). Lugovskoy burial ground of the early Iron Age. In: *Chelovek i sreda: Aktual'nye problemy antropologii i arheologii*. Kazan. (Rus).
- Bagashev, A.N. (1988). Anthropological composition of the medieval population of the Middle Irtysh region. In: *Paleoantropologiya i arheologiya Zapadnoj i YUzhnoj Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 22–54. (Rus).
- Bagashev, A.N. (2017). *Anthropology of Western Siberia*. Novosibirsk: Nauka. (Rus).
- Bagashev, A.N., Sleptsova, A.V. (2024). Craniological and odontological data on the problem of population formation of the Gorokhov archaeological culture of the Early Iron Age. *Ufimskij arheologicheskij vestnik*, 24(2), 312–332. (Rus). <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.018>
- Bagdasarova, N.A. (2000). Savromats of the South-Western Aral Sea region based on materials from the Kazybaba burial ground. In: *Antropologicheskiye i etnograficheskiye svedeniya o naselenii Sredney Azii*. Moscow, 78–112. (Rus.).
- Beisenov, A.Z., Ismagulova, A.O., Kitov, E.P., Kitova, A.O. (2015). *The population of Central Kazakhstan in the 1st millennium BC*. Almaty: Institut arheologii im. A.Kh. Margulana. (Rus.).
- Chikisheva, T.A. (2012). *Dynamics of anthropological differentiation of the population of the south of Western Siberia in the Neolithic — Early Iron Age*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Danchenko, E.M. (2008). On the Characteristics of the Historical and Cultural Situation in the Middle Irtysh region at the Turn of the Early Iron Age and the Middle Ages. In: *Problemy bakal'skoj kul'tury: Materialy seminara*. Chelyabinsk: Rifey, 45–60. (Rus).
- Gyuris, B., Vyazov, L., Türk, A., Flegontov, P., Szeifert, B., Langó, P., et al. (2024). Long shared haplotypes identify the Southern Urals as a primary source for the 10th-century Hungarians. *bioRxiv*. <https://doi.org/10.1101/2024.07.21.599526>
- Kishkurno, M.S., Sleptsova, A.V. (2019). New data on odontology of the population of the Kulaika culture of the Novosibirsk Ob region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 140–151. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-47-4-11>
- Kishkurno, M.S., Sleptsova, A.V. (2023). Data of craniology and odontology on the issue of connections between the carriers of the Sargatka and Bolsherechenskaya cultures of the forest-steppe of the south of Western Siberia. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 180–191. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-63-4-14>
- Kitov, E.P., Tur, S.S., Ivanov, S.S. (2019). *Paleoanthropology of the Saka cultures of the Tien Shan region*. Almaty: Hikari. (Rus.).
- Konikov, B.A. (2007). *Omsk Irtysh region in the Early and Developed Middle Ages*. Omsk. (Rus.).
- Konikov, B.A. (2021). Kipchaks and the southern taiga Irtysh region (late 10th - 14th centuries). In: *Arheologiya Severnoj i Central'noj Azii: Novye otkrytiya i rezul'taty mezhdisciplinarnyh issledovanij*. Barnaul: AltGU, 215–221. (Rus.).
- Leybova, N.A., Tur, S.S. (2020). Dental non-metric trait variation of the population of the forest-steppe Altai of the Scythian time. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 171–186. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-15>
- Leybova, N.A. (2021). Population of the Kara-Abyz culture of the Southern Urals according to odontology data. *Ufimskij arheologicheskij vestnik*, 21(1), 118–127. (Rus.). <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.011>
- Leybova, N.A. (2022). Dentological characteristics of the population of the Bakhmutinskaya culture based on the materials of the Birk burial ground. In: *XXII Ural'skoe arheologicheskoe soveshchanie: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 300-letiyu pervyh arheologicheskikh raskopok v Sibiri i 85-letiyu so dnya rozhdeniya T.M. Potemkinov*. Kurgan, 196–199. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (Ed.) (2022). *Western Siberia in the Early Middle Ages: Interaction of Ethnocultural Communities*. Tyumen: Izd-vo TyumGU. (Rus.).
- Matveeva, N.P., Zelenkov, A.S., Tretyakov, E.A. (2024). The role of migrations in the cultural genesis of the Medieval population of the forest-steppe and subtaiga zone of Western Siberia. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija*, 64(1), 39–58. (Rus.). <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2024-1-39-58>
- Mogilnikov, V.A. (1987). Forest-steppe Trans-Urals: (Bakalskaya culture). *Finno-ugry i balty v epohu srednevekov'ya*. Arheologiya SSSR. Moscow, 183–202. (Rus.).
- Molodin, V.I. (2005). From ancient cultures to modern peoples. In: *Narody Zapadnoj Sibiri: Hanty. Mansi. Sel'kupy. Nency. Ency. Nganasany. Kety*. Moscow: Nauka, 18–56. (Rus.).
- Poshekhonova, O.E. (2011). Anthropological characteristics of the population of the southern taiga Irtysh region (based on materials from the burial grounds of the Ust-Ishim archaeological culture of the turn of the 1st and 2nd millennia AD). *Archaeology, Ethnology and Anthropology Eurasia*, 48(4), 142–155. (Rus.).
- Poshekhonova, O.E., Sleptsova, A.V. (2017). Population of the Lower Tobol Region in the Transitional Period from the Early Iron Age to the Middle Ages Based on Craniological Data. *Archaeology, Ethnology and Anthropology Eurasia*, 39(4), 90–103. (Rus.).
- Pozdnyakov, D.V., Zubova, A.V., Chikisheva, T.A. (2015). On the issue of the anthropological type of the Early Medieval population of Baraba (based on the materials of the Preobrazhenka-6 monument). *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij*, 21, 370–379. (Rus.).
- Rykushina, G.V. (1993a). Materials on the odontology of the Dzhetyasar culture. Ground burials of the cemeteries of Kosasar 2, Kosasar 3, Tompakasar and Bedaikasar. In: *Nizov'ia Syrdar'i v drevnosti: Dzhetyasarskaia kul'tura*. Moscow, 3(2), 194–205. (Rus.).
- Rykushina, G.V. (1993b). Odontological characteristics of skulls from the crypts of the Jety-Asar culture (Altynasar

Антропологический состав населения Среднего Прииртышья VI–XIII вв. по данным одонтологии...

- 4, Tompakasar, Kosasar 3). In: *Nizov'ia Syrdar'i v drevnosti. Dzhetyasarskaia kul'tura*. Moscow, 2(1), 243–252. (Rus.).
- Santos, F. (2018). AnthropMMD: An R package with a graphical user interface for the mean measure of divergence. *American Journal of Physical Anthropology*, (165), 200–205. <https://doi.org/10.1002/ajpa.23336>
- Segeda, S.P. (2006). Early Sarmatians of the Southern Urals according to odontology (based on materials from the Lebedevka burial ground). In: *Drevnosti Lebedevki (VI–II vv. do n.e.)*. Moscow, 155–159. (Rus.).
- Sjøvold, T. (1973). Occurrence of minor non-metrical variants in the skeleton and their quantitative treatment for population comparisons. *Homo*, (24), 204–233.
- Sjøvold, T. (1977). *Non-metrical divergence between skeletal populations*, (4).
- Sleptsova, A.V. (2021). Non-metric dental trait variation among Western Siberian forest-steppe populations in the Great Migration Period. *Bulletin of the International Association for Paleodontologiya*, 15(2), 66–76.
- Sleptsova, A.V., Yudakova, V.S. (2021). On the origin of the bearers of the Kashino culture of Western Siberia of the Early Iron Age (data from archeology and odontology). *Camera praehistorica*, 7(2), 106–123. (Rus.). <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2021-2-106-123>
- Suvorova, N.A. (2008). Dental non-metric trait variation of the Early nomads of the Southern Urals based on materials from the Pokrovka-10 burial ground: (Preliminary report). In: Malashev, V.Yu., Yablonsky L.T. *Stepnoe naselenie luzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia*. Moscow, 87–95. (Rus.).
- Szeifert, B., Gerber D., Csáky, V., Langó, P., Stashenkov, D.A., Khokhlov, A.A., et al. (2022). Tracing genetic connections of ancient Hungarians to the 6–14th century populations of the Volga-Ural region. *Human Molecular Genetics*, 31(19), 3266–3280. <https://doi.org/10.1093/hmg/ddac106>
- Tataurov, S.F., Tikhonov, S.S. (2021). Turkification of the southern taiga and northern forest-steppe of the Middle Irtysh region at the end of the 1st — beginning of the 2nd millennium AD. In: *Arheologiya Severnoj i Central'noj Azii: Novye otkrytiya i rezul'taty mezhdisciplinarnyh issledovanij*. Barnaul: AltGU, 228–233. (Rus.).
- Vyazov, L.A., Djurisch, B., Komar, O., Turk, A. (2024). Cultural and population dynamics in the Urals: The history of the formation of the Early Medieval Magyars in light of recent archaeogenetic studies. *Stratum Plus*, (5), 49–74. (Rus.).
- Zelenkov, A.S., Sleptsova, A.V., Konikov, B.A., Grachev, M.A. (2025). Early Medieval complexes from the northern forest-steppe of the Irtysh region — Irchinsky burial mound (on the materials of V.A. Mogilnikov, 1969). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 89–102. (Rus.).
- Zubov, A.A. (1968). *Odontology: Methodology of anthropological research*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Zubov, A.A. (2006). *Methodological manual for the anthropological analysis of odontological materials*. Moscow.: Etno-Onlain. (Rus.).
- Zubova, A.V. (2013). Preliminary results of the study of the archaic component of the odontological complexes of the population of Eurasia in the Neolithic era. *Vestnik antropologii*, 4(26), 107–127. (Rus.).

Слепцова А.В., <https://orcid.org/0000-0001-5791-248X>

Сведения об авторе: Слепцова Анастасия Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the author: Sleptsova, A.V., Candidate of Historical Sciences, Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 09.06.2025

Article is published: 15.09.2025

ЭТНОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-13>

УДК 316.347

Адаев В.Н.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008
E-mail: whitebird4@yandex.ru

ВОСПОМИНАНИЯ А.Х. БЕНКЕНДОРФА О ПОЕЗДКЕ 1802 г. К УСТЬЮ ОБИ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Представлен анализ этнографической информации, содержащейся в записках А.Х. Бенкендорфа о путешествии из Тобольска в Обдорск летом 1802 г., в сопоставлении с материалами близких по хронологии и тематике публикаций. Раскрыты обстоятельства сбора этнографических сведений, их содержание, дана оценка их достоверности и степени уникальности. Отдельной задачей была атрибуция связанных с Обским Севером рисунков, выполненных спутником Бенкендорфа, художником Е.М. Корнеевым: уточнены события поездки, местонахождение и этническая принадлежность изображенных на рисунках людей. Исследование показало, что собранные Бенкендорфом сведения вносят свой вклад в корпус опубликованных источников по этнографии северных народов Западной Сибири. Записки невелики по объему, фрагментарны и имеют неточности, однако в них присутствует живость наблюдений и авторская непосредственность; немаловажно, что их оказалось возможно соотнести с конкретными территориями Приобья и группами населения. Установлено, что этнографические сведения участников поездки 1802 г. относятся не только к приобским хантам и обдорским ненцам, но и, возможно, к березовским манси. Достоинством записок является их подкрепление и дополнение рисунками Е.М. Корнеева.

Ключевые слова: этнография Западной Сибири, обские угры, ненцы, князь Тайшин, художник Е.М. Корнеев.

Ссылка на публикацию: Адаев В.Н. Воспоминания А.Х. Бенкендорфа о поездке 1802 г. к устью Оби как этнографический источник // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 150–161. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-13>

Введение

Александр Христофорович Бенкендорф (1782–1844) — без преувеличения хрестоматийная фигура в российской истории. В советской историографии прочно закрепился мрачный образ Бенкендорфа как главы жандармского корпуса и тайной полиции, преследователя А.С. Пушкина, декабристов и прочих вольнодумцев XIX в. Историк Г.Н. Бибиков писал, что данная оценочная установка сформировалась еще в дореволюционный период в трудах М.К. Лемке, А.М. Скабичевского, С.Б. Членова и др., а в XX в. она лишь получила развитие и стала почти безальтернативной [2009, с. 7–11]. Только в 1990-х гг. появились исследования, в которых работа А.Х. Бенкендорфа в полицейском ведомстве была представлена уже не столь ангажированно; кроме того, отдавалось должное его ярким успехам на полях сражений и дипломатическом поприще [Рац, 1990; Олейников, 1997; Экштут, 1998, с. 224–226]. Наконец, наиболее полно биография Александра Христофоровича была раскрыта российскими историками в 2000–2010-е гг., когда были впервые целиком опубликованы и переведены оригинальные тексты его мемуаров, часть которых удалось обнаружить в архивах только в 2003 г. [Записки Бенкендорфа..., 2001; Бенкендорф, 2012], и появились основанные на этих источниках работы [Сидорова, 2004; Бибиков, 2007; Олейников, 2009; и др.].

В научной среде изданные мемуары закономерно вызвали большой интерес у представителей исторической дисциплины. Однако то, что записки А.Х. Бенкендорфа содержат и любопытные этнографические наблюдения, касающиеся обширного пространства дореволюционной России, стран Европы и Юго-Западной Азии, пока не получило должного внимания специалистов. Представленный в данной статье обзор материалов Александра Христофоровича о его поездке по северу Тобольской губернии актуален прежде всего ввиду ограниченного числа ранних опубликованных источников по культуре коренного населения Северо-Западной Сибири. До начала XIX в. лишь единичные путешественники прошли сходным маршрутом и описали в сво-

их трудах обских жителей: ссыльный украинский полковник Г.И. Новицкий (1710-е гг.) [2018], участник астрономической экспедиции Ж.-Н. Делиля немецкий математик и географ Т. Кенигсфельс (1740) [Материалы экспедиции..., 2008] и студент-естествоиспытатель В.Ф. Зуев (1771) [1999]. Следующие по хронологии этнографические наблюдения о населении той же территории принадлежат врачам В.Н. Шаврову [1871] и Ф.М. Белявскому [1833], а также физику Г.А. Эрману [Линк, 1834], которые ездили в сторону Обдорска уже в 1820-е гг. Из всех перечисленных только В.Ф. Зуев занимался этнографией профессионально и оставил обстоятельное научное сочинение, но недостатком его работы является довольно обобщенный характер описаний сибирских народов, без внимания к локальным особенностям культуры и точной географической привязке многих собранных сведений. В полной мере это же замечание может быть отнесено и к запискам В.Н. Шаврова.

Воспоминания А.Х. Бенкендорфа, связанные с его путешествием из Тобольска в Обдорск и обратно летом 1802 г., включают разнообразную информацию. Цель данной статьи — атрибутировать содержащиеся в материалах поездки этнографические данные, оценить их достоверность и степень уникальности. В методологическом плане исследование основано на системном подходе и сопоставительном анализе. Для понимания общего контекста предполагается раскрыть обстоятельства сбора этнографических сведений и их основное содержание. Далее сведения А.Х. Бенкендорфа будут сопоставлены с данными упомянутых выше ранних опубликованных источников по культуре коренного населения Северо-Западной Сибири. Отдельной задачей является атрибуция некоторых, связанных с Обским Севером, рисунков, выполненных спутником Бенкендорфа, художником Емельяном Михайловичем Корнеевым (1780–1839), — уточнение событий поездки, посещенных мест и людей, с которыми художественные произведения могли быть связаны. Отдельные аспекты этнографических сюжетов в работах Е.М. Корнеева по Западной Сибири пока были рассмотрены только в статьях А.А. Галямова [2020, 2021]. Творческая биография художника наиболее полно раскрыта в монографии Н.Н. Гончаровой [1987].

Молодой путешественник, его мемуары и обстоятельства поездки к Обдорску.

Поездка была лишь эпизодом трехлетней обзорной экспедиции, организованной в 1802 г. по приказу императора Александра I, в задачи которой входило *«объехать с целью военно-стратегического осмотра»* Азиатскую и Европейскую Россию. В ходе осмотра предполагалось оценить состояние административного управления территорий и, что немаловажно для нас, *«ознакомиться с характером населяющих эти местности народов, с их бытом, промыслами, обрядами»* [Сидорова, 2004, с. 56–57]. Возглавил экспедицию финляндский генерал Г.-М. Спренгпортен — опытный военный 60 с небольшим лет, перешедший на русскую службу еще в период правления Екатерины Великой. В качестве спутников он выбрал офицеров М.Ф. Ставицкого и А.Х. Бенкендорфа, а также «рисовальщика» Е.М. Корнеева. Все трое сопровождающих были молоды, М.Ф. Ставицкому — около 24 лет, а Бенкендорф и Корнеев отметили 20-летие в первый год экспедиции.

А.Х. Бенкендорф с юных лет оказался приближен к императорскому двору. В 1798 г. он был назначен флигель-адъютантом к Павлу I и на момент отъезда из Санкт-Петербурга в этом же чине состоял при Александре I. Экспедиция стала первым серьезным государственным делом, порученным Бенкендорфу, который до того вел беззаботную жизнь молодого повесы. Значимой для нас является информация о его уровне образованности. По собственному признанию будущего руководителя жандармского корпуса, свое обучение в баварском пансионе, а потом в привилегированном петербургском у аббата Николя он проходил без должного усердия и, недоучившись, поступил на военную службу [Бенкендорф, 2012, с. 25–27]. Приобретенный им в итоге уровень знаний был, однако, не столь ограниченным, как утверждали некоторые недоброжелатели. Историк Д.В. Рац аргументированно заключает: *«Не получив систематического образования, Бенкендорф мог вести вполне светскую беседу и имел живой слог, о чем свидетельствуют интересные воспоминания, им написанные»* [1990, с. 52].

Учитывая немецкое происхождение героя и проведенные им за границей детские годы, стоит уточнить, что А.Х. Бенкендорф к 1802 г. хорошо владел русским языком и мог напрямую общаться во время поездки с простыми жителями Сибири. Кроме того, он знал немецкий и французский. Последним, как типичный представитель российской аристократии того времени, пользовался чаще всего и на нем, хотя и не без ошибок, вел свои личные записки (см. подробнее об этом и других качественных характеристиках мемуаров в работе М.В. Сидоровой [2004, с. 56–57]). В ходе экспедиции А.Х. Бенкендорф заполнял дневник, который, к сожалению, был им утрачен: *«Я вел дневник своего путешествия, обладавший, по меньшей мере, достоинством безукоризненной точности; он был выброшен в огонь в результате нелепого гнева од-*

ной дамы, которая, прочитав его без моего ведома и обнаружив там историю моих любовных походов, имела глупость его сжечь» [2012, с. 41]. В связи с этим, спустя около 10 лет после экспедиции, автор вынужден был восстанавливать все события по памяти, когда писал мемуары. Данное обстоятельство, безусловно, снизило информационный потенциал записок как источника и, вероятно, стало причиной отдельных неточностей в них, которые будут рассмотрены ниже. Интересно отметить некоторые особенности текста, относящегося к Обскому путешествию: в описаниях автор более всего сконцентрирован на выпадавших ему трудностях и испытаниях, на своих эмоциях, размышлениях и планах, он ни разу не упоминает, чем занимались в дороге его спутники, и не приводит не только ни одной фамилии, но даже имени кого-либо из встреченных людей. Это можно назвать общей характеристикой его записок о трехлетней экспедиции, но на обском маршруте она выразилась едва ли не наиболее отчетливо.

В исторической литературе экспедицию генерала Г.-М. Спренгтпортена обычно называли секретной в силу характера поставленных задач. В пользу этого также говорит крайне малое количество сохранившихся документов о ней, как и то, что не найдены в архивах отчеты участников и отсутствуют какие-либо изданные по ее окончании материалы [Сидорова, 2004, с. 57]. Однако авторы сборника документов, связанных с деятельностью Спренгтпортена, оспаривают конфиденциальный статус мероприятия, указывая, что маршрут экспедиции был заранее известен всем главам губерний и те должны были подробно отчитываться в столицу о деятельности путешественников [Георг Магнус, 2022, с. 21]. Нет явных указаний на секретность работ и в записях А.Х. Бенкендорфа. Свое экспедиционное участие автор описывает как непрерывную вереницу приключений, каковые он намеренно искал, периодически удаляясь надолго от основного отряда. Отлучки эти согласовывались с генералом, но их направление нередко определял сам молодой Бенкендорф. В дороге он обычно очень спешил и склонен был спонтанно менять свои планы. Таковой была и его поездка по Оби, и во всяком случае в отношении нее трудно предполагать, что А.Х. Бенкендорф попутно выполнял какие-то серьезные секретные поручения.

Отъезд из Петербурга участников отряда Г.-М. Спренгтпортена состоялся в феврале 1802 г. До конца года экспедицией был пройден маршрут по Поволжью до Оренбурга, а оттуда по Иртышу в Сибирь и вдоль китайской границы до Кяхты, в 1803–1804 гг. посещены Кавказ, Крым и Константинополь. Событие, находящееся в центре нашего внимания, произошло в первый год путешествия, когда отряд к лету прибыл из Екатеринбурга в столицу Тобольской губернии. Путники задержались здесь на некоторое время, успев ознакомиться с достопримечательностями, посетить театр и пообщаться с местным обществом. Остановка в городе, где в качестве пленного участника Северной войны провел 14 лет отец руководителя экспедиции Г.-М. Спренгтпортена [Там же, с. 11], похоже, чуть затянулась и получила неожиданное следствие. Под влиянием рассказов о северных окраинах губернии, услышанных, очевидно, от жителей Тобольска, у Бенкендорфа родилась мысль о поездке к устью Оби. Все указывает на то, что это была его личная инициатива: «В Тобольске меня захватила фантазия посетить берега Ледовитого моря; очарованный этой идеей, я купил лодку, приказал в ней соорудить палубу, мачту, руль, я наладил паруса, и, проверив мое новое судно на Иртыше, посчитал, что смогу решиться предпринять это путешествие» [2012, с. 45].

Этнографические наблюдения в поездке по Оби

Речное путешествие было совершено в весьма быстром темпе: на путь в обе стороны с непродолжительными остановками ушло всего семь недель. Спутниками А.Х. Бенкендорфа стали его личный слуга, два казака и художник Е.М. Корнеев. Недавний выпускник Императорской академии художеств с успехом выполнял в поездке в низовья Оби свою главную задачу, ради которой он присоединился к экспедиции Г.-М. Спренгтпортена «по России, Сибири и в чужие края» — снятие «видов и костюмов разных народов» [Гончарова, 1987, с. 24]. По материалам обских путевых набросков Корнеевым было создано не менее восьми художественных работ на этнографическую тематику. Некоторые из них в виде переработанных цветных гравюр вошли в двухтомный большеформатный альбом К. Рехберга «Народы России, или Описание обычаев, нравов и костюмов разных народов Российской империи», вышедший на французском языке [Rechberg, 1812, 1813].

В конце июня путники вышли на своей лодке из Тобольска, в дороге они периодически снимали гребцов и проводников (рис. 1). Информация о посещенных местах и встреченных людях представлена в записках Бенкендорфа весьма кратко и неравномерно, разбиваясь на отдельные эпизоды. Почти без внимания автора осталась часть дороги по Иртышу до его впадения в Обь. Далее он описывает условия поездки, особенности местной географии, посещение

Воспоминания А.Х. Бенкендорфа о поездке 1802 г. к устью Оби как этнографический источник

Кондинского монастыря, встречи с кодскими остяками, пребывание в Березове и Обдорске и взаимные визиты с неким, проживающим у Обдорска, самоедским князем. Из Обдорска участники отправились в обратный путь, на котором посетили в низовьях Оби рыболовецкую артель, возглавляемую русским, и вновь остановились на несколько дней в Березове. Последующая дорога до Тобольска осталась почти без описания.

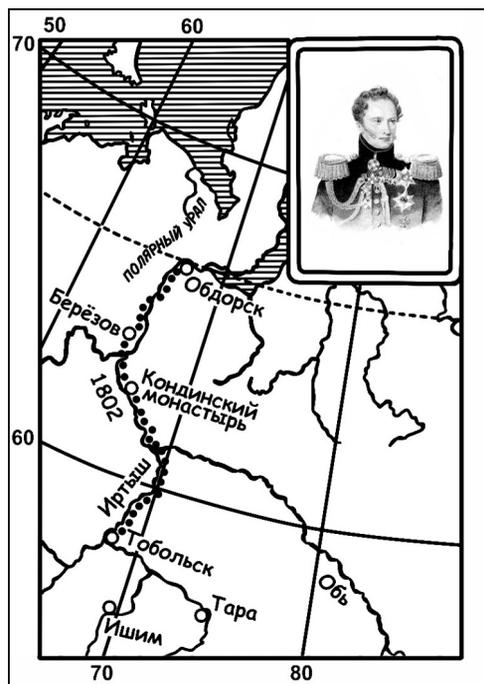

Рис. 1. Схема обского путешествия А.Х. Бенкендорфа.

Fig. 1. Scheme of the Ob journey of A.C. Benckendorff.

Первым упомянутым пунктом в дороге от Тобольска был Кондинский монастырь, располагавшийся в одноименном селе на правом берегу Оби (современный п. Октябрьский на территории ХМАО — Югры), где путники искали помощи, какую «можно встретить в монастырях на краю света», у трех живших там бедных монахов [Бенкендорф, 2012, с. 46]. Возможно, от них или в Самарово (посещение которого автором не упомянуто) был услышан рассказ, ставший сюжетом для иллюстрации Е.М. Корнеева «Весенняя переправа в устье Иртыша». Художник изобразил около семи человек в северных костюмах и с колчанами за спиной, которые, проваливаясь под лед, с трудом перебираются через реку на санях, запряженных разными видами животных (собаками, оленем и лошадей). Причудливый вид упряжки северных оленей и нарт свидетельствует, что художник пока еще не видел живую ни того, ни другого. Однако транспортное использование местными остяками (хантами) всех трех указанных видов животных к началу XIX в. соответствует действительности (см., напр.: [Линк, 1834, с. 266]).

Далее Бенкендорф описывает встречи с коренными жителями бывшего Кодского княжества, проживавшими на близких к монастырю землях. Территория показалась автору почти безлюдной, так как ее единственными обитателями были «несколько бродячих остяков со своими переносными шалашами (имеются в виду чумы. — В. А.) и собаками». По-русски почти никто из встреченных не говорил, их единственную еду составляла «отвратительная вяленая рыба», которую путникам из-за недостатка провизии пришлось все равно приобретать, отдавая взамен табак и водку¹. В один из дней, когда путешественники укрывались от непогоды на острове, им представилась возможность пообщаться с остяком, говорящим по-русски. Он, по свидетельству Бенкендорфа, ответил «очень четко на все вопросы, что мы ему задавали относительно того, что касается образа жизни его земляков» [2012, с. 46]. Записанная от остяка информация представляет особый интерес, так как сообщает об особенностях культуры и быта локальной группы хантов.

¹ Те же товары для обмена на свою промысловую добычу остяки предпочитали и в контактах с членами экспедиции Ж.-Н. Делиля в 1740 г. [Материалы экспедиции..., 2008, с. 364].

На основе услышанного и увиденного Бенкендорф указал, что некоторые из местных хантов получили крещение от монахов Кондинского монастыря, но по-прежнему все — *«полностью идолопоклонники»*. Любопытны детали, касающиеся культовых предметов и обряда жертвоприношения. Крещеные остяки ставят свои иконки и кресты *«в стороне или под своими божками»*, последние представляют собой грубо обработанные деревянные фигурки. Жертвы им (часть добычи и улова, а также *«оставшиеся части от него»*) приносятся *«на колу в стороне от их жилищ»*. Из описания остяцкого «шалаша» становится понятно, что это чум — коническая постройка, имеющая четыре шага в диаметре и крытая оленьими шкурами. Указана высокая хозяйственная ценность домашних оленей: на животных ездят, запрягая *«в очень легкие и довольно высокие нарты»*; кроме покрывал на чум, олени шкуры идут на изготовление меховых *«рубаш с капюшоном»* (описаны малица и кумыш); их сало остяки используют в пищу и почитают *«как самую изысканную вещь»* (автор записок даже попробовал, но не смог проглотить этот деликатес) [Там же, с. 46–47].

Отмечена любовь остяков к табаку — они его курят, нюхают и жуют. В числе других товаров, поступающих к ним от купцов в обмен на пушнину, указаны водка, небольшие отрезки сукна, которыми женщины обшивают одежду, и котлы. Кроме торговцев, кодские ханты практически не встречаются с русскими, даже выплату ясака они отправляют с нарочными в указанные губернским начальством места, *«никогда там не бывая»*. Основу хозяйства местных жителей составляют охота и рыболовство, и для посещения промысловых угодий *«они должны оставаться всегда кочевыми»* (косвенная отсылка к транспортному значению оленеводства). Остяков отличает тихий и покорный нрав. По версии А.Х. Бенкендорфа, они попали *«в непригодные для жизни условия»*, будучи вытесненными от главных природных богатств в ходе покорения Сибири казаками. Он полагал, что суровость края и в особенности завезенный русскими сифилис грозят коренным жителям неизбежным вымиранием: *«почти весь этот народ разрушен этой болезнью и носит ее отвратительные отметины: один мужчина 25 лет уже имеет вид облупленного старика; девушка 10 лет выходит замуж и рождает слабых и пораженных гангренной детей»* [Там же, с. 47–48].

В начале июля путники прибыли в Березов, где остановились на два дня в доме одного из ссыльных благородного происхождения. Бенкендорф город заинтересовал прежде всего как *«место ссылки знаменитого Меншикова»*. В дальнейшем пути до Обдорска автор записок обращает внимание лишь на резкие перемены погоды и новые особенности северного ландшафта, в частности открывшиеся виды Уральских гор [Там же, с. 48–49]. Вероятно, в это время он решает сделать конечной точкой своего путешествия не *«берега Ледовитого моря»*, а горный хребет Полярного Урала.

Наконец был достигнут самый северный русский город на Оби, настолько не впечатливший Бенкендорфа, что он говорит о нем — *«одно местечко под названием Обдорск»*. Здесь произошла знаменательная для нас встреча автора записок с неким неназванным самоедскими князем. Селение князя располагалось на правом берегу Оби неподалеку от Обдорска, куда коренные жители приезжали летом, привлеченные *«удобной и обильной рыбной ловлей»* [Там же, с. 49]. Возможно, как раз это селение отображено на акварели Е.М. Корнеева «Вид Уральских гор от Обдорска» (1902) [Гончарова, 1987] — в виде нескольких чумов и бревенчатых построек, стоящих в низкой речной долине.

Бенкендорф без предупреждения нанес князю визит (найдя его жену *«занятой очисткой рыбы»*) и преподнес ему *«несколько подарков»*. Гость был принят с удивлением, но с выражением большого почтения. На следующий день состоялся ответный визит князя, внешний вид которого поначалу сильно развеселил путешественника, так как он никак не ожидал увидеть своего вчерашнего хозяина в кафтане французского покроя из малинового бархата, обшитом галуном, в камзоле и панталонах, при этом с местной прической и босоногого. Как признался Бенкендорф, встретив князя в столь удивительном образе, он и не предполагал, что *«двор прислал ему этот костюм»*. Гостя сопровождала *«масса самоедов»*, прием был обставлен *«со всеми формальностями, кои вождь себе представлял»*. Произошел взаимный обмен подарками: князь вручил императорскому посланнику четырех соболей, бутылку водки и огромную рыбу, а в ответ получил табак, сукно и женские украшения. После чего они *«растались добрыми друзьями»*. Новый друг, кроме прочего, отговорил Бенкендорфа от пешего похода к Уральским горам, рассказав о трудностях, с которыми придется столкнуться [Бенкендорф, 2012, с. 49].

Не приходится сомневаться, что встреченный «самоедский князь» был на самом деле остячком князем Тайшиным — Яковом Матвеевичем или его сыном Матвеем Яковлевичем, под началом которого тогда находилось все обдорское ясачное население. На это, в частности, указывает описание места жительства (на берегу реки у Обдорска), образа жизни (пребывание на сезонных стойбищах, у рыболовных угодий) и парадного одеяния князя. Известно, что пре-

док встреченного сановного лица, Матвей Васильевич Тайшин, получил в 1768 г. от Екатерины II подтверждающую его княжеские достоинства высочайшую грамоту, а также парадную одежду: бархатный малиновый кафтан, тонкого льна белье и расшитый золотом атласный камзол [Абрамов, 1857, с. 336; Пять столетий Югры..., 2014, с. 187]. Причина, по которой Бенкендорф называет увиденного князя самоедом, становится понятной из заметок врача Ф.М. Белявского о пребывании в Обдорске в 1828 г. Доктор писал, что род Тайшиных происходит из самоедов, а с остяками они приняли только Святое крещение; поэтому местные самоеды князя Тайшина уважают еще более остяков и продолжают ему повиноваться, несмотря на появление у них с недавнего времени собственного старшины [Белявский, 1833, с. 84]. В книге Белявского присутствует и портрет Тайшина в малиновом кафтане (рис. 2).

Рис. 2. Портрет обдорского князя Тайшина из книги Ф.М. Белявского [1833].
Fig. 2. Portrait of the Obdorsk prince Taishin from the book by F.M. Belyavsky [1833].

Соответственно, последующие заметки Бенкендорфа относительно обдорских самоедов имеют скорее отношение к нижеобским хантам: про кротость нрава, сходный с виденным у остяков образ жизни, «худосочное» телосложение, опустошающее народонаселение заболевание сифилисом. Другая часть сведений путешественника о самоедах представляет уже больше плод его воображения, где, вероятно, сыграли роль рассказы, услышанные им позднее, во время поездок по Восточной Сибири: то, что зиму самоеды проводят в тех же «убогих шалашах», якобы согреваясь огнем от добытого в летних охотах жира белого медведя и китов. Интересно размышление Бенкендорфа о том, что самоед, перевезенный в Петербург и живущий в более благоприятных условиях, умирает вскоре от тоски по родине [2012, с. 49–50],— возможно, это указание на реальный факт, имевший место уже после поездки.

Художник Е.М. Корнеев написал минимум три работы с изображением самоедов (ненцев), причем во всех случаях — в зимний период, который наши путешественники в низовьях Оби застать не успели. Судя по всему, желание представить жизнь северян в наиболее суровом и экзотическом виде возникло у художника еще на месте, и он готовил эскизы на зимнюю тематику заранее, работая отдельно от Бенкендорфа. Рисунки дают ясно понять, что, в отличие от Бенкендорфа, Корнеев не бывал внутри чума и, возможно, даже не встречался с «самоедским» князем, зато он точно общался с настоящими самоедами, которые показали ему свою зимнюю меховую одежду и некоторые традиционные вещи. Гравюра «Самоеды на ночном торгу в Обдорске» [Rechberg, 1813], вероятно, была воспроизведена по мотивам рассказов о полярной ночи, услышанных от обдорцев². На ней довольно

² И.И. Иванов и Г.А. Эрман по материалам своих северных поездок 1827 и 1828 гг. соответственно писали о зимних торгах с самоедами и остяками в Обдорске, которые начинались в декабре и могли продолжаться до двух месяцев [Ал. Ск., 1847, с. 56; Линк, 1834, с. 220].

реалистичные изображения местной церкви, людей в зимней одежде и оленей сочетаются с далеки-ми от правдоподобия образами изогнутых дугой нарт, островерхих чумов, всадника на олене, высоких раскидистых сосен и пр. Две цветных иллюстрации «Самоеды» (рис. 3) и «Самоеды, одетые в медвежьей коже» [Rechberg, 1813], похоже, были сделаны на основе набросков с натуры, так как общий облик ненецкого костюма и отдельных вещей (стрелы, женские украшения и лыжи) на них передан верно. Однако в детально проработанных цветных вариантах рисунков были добавлены многочисленные искажения и неточности, касающиеся костюма, внешности людей и окружающих предметов. Возможно, более поздней трактовкой является и название иллюстрации «Самоеды, одетые в медвежьей коже» — в реальности на ней представлены трое мужчин в белых ненецких *совиках* обычного покроя, сшитых, скорее всего, из оленьих шкур³.

Рис. 3. Е.М. Корнеев. Гравюра «Самоеды» [Rechberg, 1813].

Fig. 3. E.M. Korneev. Engraving "Samoyeds" [Rechberg, 1813].

Рис. 4. Е.М. Корнеев. Гравюра «Остяк» [Rechberg, 1812].

Fig. 4. E.M. Korneev. Engraving "Ostyak" [Rechberg, 1812].

В описании обратного пути вверх по Оби Бенкендорф упоминает всего одну примечательную встречу, случившуюся на участке между Обдорском и Березовым. Для ремонта своего судна путешественники высадились на берегу, где расположилась на промысловый сезон рыболовецкая артель «под предводительством одного русского» (из этого можно предположить, что остальные рыбаки были коренными жителями). Описание встречи уместилось в единственной фразе: «там мы нашли чай, чудесную уху и хлеб; очарованные этой встречей, мы починили наше судно и растались только к сожалению наших рыбаков». После этого была еще последняя остановка на пару дней в Березове, никаких подробностей о которой автор записок не сообщает [Бенкендорф, 2012, с. 50].

Таким образом, этнографическая информация, относящаяся к этим двум путевым остановкам, в мемуарах отсутствует. Но мы находим ее в художественных работах Е.М. Корнеева: «Остяк» и «Внутренность остяцкой зимней юрты» [Rechberg, 1812], на содержательном анализе которых стоит остановиться подробнее. Две работы связаны между собой — на них присутствует одно и то же орнаментированное лодочное весло, традиционной для обских угров формы.

³ О том, что верхняя меховая одежда коренных жителей северного Приобья обычно изготавливается из белых оленьих шкур, из-за чего люди приобретают «вид прекраснейших морских (т.е. белых. — В. А.) медведей», подметил еще Г.А. Эрман [Линк, 1834, с. 258].

То, что первый рисунок (рис. 4) скорее всего относится к событиям обратного пути, подтверждается выраженными рыболовными атрибутами (крупная сетевая снасть на заднем плане, большая рыба и весло в руках у стоящего на берегу мужчины): к Обдорску путешественники продвигались до начала основного промыслового сезона на Оби и вынуждены были покупать вяленую рыбу нелучшего качества; ситуация кардинально поменялась только к моменту их возвращения с севера. Хорошо видимые горы на заднем плане рисунка указывают на территорию Нижнего Приобья. Тщательную прорисовку деталей, отличающую обе работы, художник мог сделать только во время длительной остановки, а их, как очевидно из записей Бенкендорфа, было немного. Резюмируя, можно предположить, что оба произведения основаны на эскизах, сделанных в Березове, но какие-то образы художник вполне мог подметить и во время остановки с рыболовецкой артелью. Скорее всего в районе Березова Корнеев посетил и зимнее срубное жилище остяков, поэтому смог изобразить на втором рисунке⁴ многие достоверные детали конструкции, интерьера постройки и предметы домашнего быта (сшитый из ткани полог для сна, висящие на жердях травяные циновки, длинный крюк для крепления надочажного котла, подвешенная на декоративной деревянной подвеске детская люлька, коробки из бересты или луба и пр.), привел характерное для такого жилища в Западной Сибири название — юрта. Показательно, что Бенкендорф в записках упоминает лишь один вид традиционного жилища у народов Приобья — шалаш (чум). Поэтому вполне возможно, что в Березове участники поездки, как и в Обдорске, занимались своими делами раздельно. Здесь важно указать также то, что, с учетом смешанного этнического состава березовских остяков, указанные изображения могут иметь отношение не только к хантам, но и к манси.

О дальнейшем пути на юг, который А.Х. Бенкендорф называет медленным и трудным, никаких этнографических наблюдений его записки больше не содержат. В 300 верстах от Тобольска он высадился с судна на иртышский берег и оставшийся отрезок проехал по грунтовой дороге [Бенкендорф, 2012, с. 50], прибыв в столицу губернии около середины августа.

Сопоставление данных обского путешествия с другими этнографическими источниками

Выше уже были сделаны отдельные отсылки к иным источникам, позволяющие уточнить сведения Бенкендорфа и сюжеты художественных произведений его спутника Корнеева. Далее представлены уже общие заключения сопоставительного анализа, где акцент сделан на наиболее ценных и оригинальных сведениях в материалах путешественников.

Рассказ Бенкендорфа о встрече с монахами Кондинского (Кодского) монастыря и последующее косвенное упоминание о результатах их миссионерской деятельности среди ближайшего коренного населения дополняют сведения первой половины XVIII в. Г.И. Новицкого [2018, с. 111–114] и Т. Кенигфельса о перипетиях местного процесса христианизации. Кенигфельс, кстати, писал, что, по слухам, несколько уцелевших после массового сожжения остяцких «божков» в 1740 г. еще держали в Кодском монастыре в качестве диковины [Материалы экспедиции..., 2008, с. 226].

Путешествовавший в том же 1740 г. по Среднему Приобью историк Г.Ф. Миллер назвал группу остяков, проживавших в районе Кодского монастыря, в качестве особой, выделяющейся среди обских соплеменников [Северо-Западная Сибирь..., 2005, с. 310]. Учитывая, что эта общность в результате начавшихся в XIX в. интенсивных контактов с русским населением довольно быстро утратила многие элементы своей традиционной культуры, даже краткие этнографические данные о ней представляют особую ценность. Бенкендорф застал кодских остяков в тот период, когда указанных контактов практически не было; важно также, что встреча с ними стала его первым близким знакомством с коренными жителями Севера и потому хорошо запомнилась. Среди наиболее примечательных моментов, описанных Бенкендорфом у остяков близ Кондинского монастыря,— некоторые особенности практики жертвоприношений и неоднократные указания на существенную роль оленеводства в хозяйстве этой локальной группы (изготовленная из оленьих шкур одежда и покрытие чума, сало оленей в качестве пищи и др.). В этом отношении интересно отметить, что спустя четверть века примерно для той же местности Ф.М. Белявский приводит похожее описание летних конических построек остяков возле рек, но в увиденном им варианте временное жилище плотно обшивалось берестой и лишь «с другой стороны покрывалось оленьей кожей» [1833, с. 67]. В этот же период Г.А. Эрман отмечал четкое деление остяков, живущих ниже и выше Березова: у первых «преимущественно находятся» оленьи кожи, идущие на изготовление верхней одежды [Линк, 1834, с. 252–253].

⁴ Качественный визуальный анализ гравюры «Внутренность остяцкой юрты» в сопоставлении с ее акварельным прототипом проделан А.А. Галямовым [2020, с. 592–594; 2021, с. 63–68]

Сведения А.Х. Бенкендорфа о широком распространении сифилиса среди остяков и самоедов нижней Оби в 1802 г. корректируют мнение врача Ф.М. Белявского, который, ориентируясь на рассказы жителей Березова, писал, что болезнь была завезена к коренным обитателям этого региона только в 1816 и 1817 гг. казаками и купеческими работниками [1833, с. 133]. Впрочем, факт распространения сифилиса среди обского населения от приезжих людей отмечался Т. Кенигсфельсом еще в 1740 г. [Материалы экспедиции..., 2008, с. 232], а больных «любоострастной болезнью» самоедов штурман И.И. Иванов встречал в 1827 г. даже в Ямальской тундре [Ал. Ск., 1847, с. 67].

Отдельно необходимо остановиться на некоторых деталях художественных работ Е.М. Корнеева. На гравюре «Самоеды» у него изображены подбитые камусом лыжи-подволоки. Короткие подволоки действительно использовались ненцами в лесотундровой зоне, однако представленная форма лыж с сужающимися концами и наличие на них высокой ступательной площадки считаются более характерными для угорской традиции. Известные экземпляры подобных лыж, тем не менее, единичны (см.: [Антропова, 1961, с. 80, 88–89]), поэтому не исключено, что художник отобразил свои реальные наблюдения среди обдорских ненцев. Показательно, что многие запечатленные Е.М. Корнеевым образы находят параллели в других источниках. В частности, сопоставление его изображений ненецких наконечников стрел с рисунками их же у Т. Кенигсфельса [Материалы экспедиции..., 2008, с. 272] показывает, что среди совпадающих типов есть вильчатый и, как будто, остроконечный кольчужный.

Точно так же некоторые элементы материальной культуры березовских остяков, изображенные на работах Е.М. Корнеева, описаны в текстах Т. Кенигсфельса: например, курительные трубки с длинным мундштуком; декорированные рисунком лопасти весел; основные детали интерьера зимней юрты [Там же, с. 226–227]. Гравюра Корнеева «Внутренность остяцкой зимней юрты» (и особенно послужившая ее прототипом акварель «Интерьер киргизской хижины»⁵ [Гончарова, 1987]) является великолепной иллюстрацией к развернутому описанию остяцкой зимней юрты, представленному Ф.М. Белявским [1833, с. 65–67], и некоторым наблюдениям, сделанным штурманом Ивановым [Ал. Ск., 1847, с. 83]. Речь идет о срубных стенах, тесовой крыше, открытым дымоходным отверстиям вверху, дощатом поле, «забранных тесом» и «похожих на стойла» разгороженных отделениях внутреннего пространства, где обитатели дома разделяются по семействам, подвешенных жердях и перекладинах для хранения утвари и пр. Среди немногих несоответствий рисунка текстам указанных авторов можно назвать квадратное, а не круглое выходное отверстие для дыма и отсутствие в жилище печи-чувала. Не исключено, что изображение неиспользуемого летом чувала изначально присутствовало у Корнеева, но могло при последующей доработке полевых эскизов превратиться в изображение клетки для цыплят.

Последний объект в остяцком жилище, представленный на обеих версиях рисунка Корнеева, привлекает особое внимание. О содержании куриц русскими жителями нижней Оби уже в первой половине XVIII в. писал В.Ф. Зуев [1999, с. 216]. Хотя информация об использовании этой птицы обскими уграми (главным образом в качестве объекта жертвоприношения) имеется, но она относится в основном к XX в. (см., напр.: [Карьялайнен, 1911, с. 138]). Тем не менее приобретение березовскими остяками домашней птицы у соседей-русских и кратковременное ее содержание в домашних условиях не выглядит чем-то невероятным. Внешний вид изображенной клетки для цыплят вполне соответствует угорским техническим приемам, а практика кратковременного содержания дома детенышей диких животных для забавы или последующего потребления была у коренных северян широко распространена [Георги, 2007, с. 109; Носилов, 1997, с. 219 и др.]. Возможно, рисунок отображает реальную ситуацию, необычность которой сами путешественники оценить не могли.

Гравюру «Остяк» можно отнести к наиболее этнографически достоверным работам Корнеева. На ней узнаваемо представлены весло с листовидной лопастью и сушащаяся рыболовная снасть с грузилами и поплавками. Вполне правдоподобно изображена надетая на мужчине зимняя меховая одежда (*кумыш*, *кувысь*, *гусь*)⁶, за исключением добавленного выреза на горловине. Особенно же интересна на рисунке характерная обско-угорская летняя обувь — с высоким ровдужным голенищем и стянутой, со сборками на носке и пятке, меховой подошвенной частью. В этнографии этот тип обуви называется поршневидным, ее хантыйские наименования — *вай*, *вей*, *нюки вай*. По мнению этнографа Е.Г. Федоровой, такая обувь встречалась у хантов и манси, про-

⁵ Вопреки названию, сюжет акварели имеет несомненное отношение к осякам (см. пояснение: [Галямов, 2020, с. 592]).

⁶ Несоответствие костюма сезону необязательно является ошибкой. Практику летнего ношения зимней меховой одежды *kusz* у березовских остяков отмечал Т. Кенигсфельс [Материалы экспедиции..., 2008, с. 246].

живавших по руслу Оби и низовьям его притоков, которые не только занимались рыболовством, но и содержали домашних оленей [2000, с. 252–254]. Напомню, что подобная же структура комплексного хозяйства обских хантов, сочетающая добывающие промыслы с оленеводством, представлена в записках Бенкендорфа для остяков, проживающих в районе Кондинского монастыря.

Примечательно, что несмотря на летний сезон поездки и внимание путешественников к местной экзотике, в записках А.Х. Бенкендорфа и рисунках Е.М. Корнеева нет ни одного свидетельства о ношении обскими уграми одежды из рыбьей кожи. Между тем об этом писали все их предшественники. По информации Г.И. Новицкого, в 1710-е гг. остяки преимущественно использовали как раз этот материал для пошива основных элементов своего летнего костюма [2018, с. 62]. Неоднократно об остяцкой одежде из рыбьих кож сообщал на 1740 г. Т. Кенигсфельс [Материалы экспедиции..., 2008, с. 246, 254, 260] и на 1771 г. — указывал В.Ф. Зуев [1999, с. 218]. Относительно второй половины XIX — начала XX в. об этом встречаются лишь единичные сведения [Прыткова, 1953, с. 130; Соколова, 1972, с. 39]. Таким образом, материалы поездки А.Х. Бенкендорфа позволяют предполагать, что традиция изготовления одежды из рыбьей кожи у обских угров в значительной степени угасла уже к рубежу XVIII–XIX вв.

Заключение

Как показывает проведенное исследование, собранные А.Х. Бенкендорфом сведения безусловно вносят свой вклад в имеющийся корпус опубликованных источников по этнографии северных народов Западной Сибири. События поездки, совершенной беспечным, малоопытным молодым человеком, были восстановлены по памяти спустя много лет. Как следствие, записки невелики по объему, фрагментарны и имеют неточности. Однако в них присутствует живость наблюдений и авторская непосредственность, немаловажно, что их оказалось возможно соотнести с конкретными территориями Приобья и группами населения. Географическая определенность придает некоторый вес даже рядовым, ранее известным сведениям. Благодаря этому удалось также установить, что этнографические сведения участников поездки 1802 г. об остяках относятся не только к приобским хантам, но и, возможно, к березовским манси, а информация Бенкендорфа об обдорских самоедах имеет в основном отношение к северным хантам.

Весомым достоинством записок является их подкрепление и дополнение рисунками второго участника поездки — художника Е.М. Корнеева. Два вида источников об одном путешествии помогают атрибутировать друг друга. В силу того что иллюстрации изначально несут в себе более концентрированный объем информации, иногда основной акцент в содержательном анализе смещался на них. Проведенная в этом отношении работа не является законченной и подтверждает, что оценка этнографической значимости художественных произведений Е.М. Корнеева, посвященных путешествию по Оби, является задачей специального исследования.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию FWRZ-2021-0006.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Н.А. Описание Березовского края. СПб., 1857. 120 с.
- Ал. Ск. [А.П. Соколов]. Опись берегов Северного океана от Канина Носа до Обдорска штурманов Иванова и Березных 1826–1828 года // Записки Гидрографического департамента морского министерства. 1847. Ч. 5. С. 1–97.
- Антропова В.В. Лыжи // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1961 С. 79–107.
- Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М.: Тип. Лазаревых Института восточных языков, 1833. 259 с.
- Бенкендорф А.Х. Воспоминания 1802–1837. М.: Российский фонд культуры, 2012. 761 с.
- Бибиков Г.Н. Александр Христофорович Бенкендорф (1781–1844): Исторический портрет // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8, История. 2007. № 1. С. 36–60.
- Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М.: Три квадрата, 2009. 424 с.
- Галямов А.А. «Этнографический портрет» обских угров в свете путешествия Е.М. Корнеева // Вестник урovedения. 2020. № 3. С. 587–597. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-3-587-597>
- Галямов А.А. Репрезентации обских угров на примере изобразительных источников второй половины XVIII — XIX вв.: модели восприятия // Этнокультурное пространство Югры: Опыт реализации проектов и перспективы развития. Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2021. С. 52–70.
- Георг Магнус Спренгтпортен (1740–1819) в Российской империи. Окружение и эпоха: Сборник документов и материалов / Сост. В.А. Веременико, В.Н. Шайдуров, С.В. Зайцева, А.Е. Жукова, Д.А. Мельникова. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2022. 320 с.
- Георги И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб.: Русская симфония, 2007. 808 с.
- Гончарова Н.Н. Е.М. Корнеев: Из истории русской графики начала XIX века. М.: Искусство, 1987. 384 с.

Записки Бенкендорфа. 1812 год. Отечественная война. 1813 год. Освобождение Нидерландов / Сост., прим. и сопровод. ст. П.Н. Грюнберга. М.: Языки славянской культуры, 2001. 384 с.

Зуев В.Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде инородческих народов остяков и самоедов, сочиненное студентом Василием Зуевым // Путешествия по Обскому Северу. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 384 с.

Карьялайнен К.Ф. У остяков: Путевые записки // Сибирские вопросы. 1911. № 32–33. С. 122–146.

Линк И.В. Пятидневное пребывание доктора Эрмана в Березове // Журнал Министерства внутренних дел. 1834. № 12. С. 215–268.

Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Березов в 1740 г. / Отв. ред. Козлов С.А. СПб.: Историческая иллюстрация, 2008. Вып. 1. 544 с.

Новицкий Г.И. Краткое описание о народе остячком. Тюмень: Русская неделя, 2018. 160 с.

Носилов К.Д. У вогулов: Очерки и наброски. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 304 с.

Олейников Д. Бенкендорф. М.: Молодая гвардия, 2009. 394 с.

Олейников Д.И. Александр Христофорович Бенкендорф // Российские консерваторы. М.: Русский мир, 1997. С. 63–94.

Прыткова Н.Ф. Одежда хантов // СМАЭ. 1953. Вып. 15. С. 123–233.

Пять столетий Югры: Проблемы и решения, итоги и перспективы. Ч. IV / Ред. Л.В. Алексеева. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. ун-та, 2014. 195 с.

Рац Д.В. «Отрицательно-добрый человек» // Факел: Историко-революционный альманах. М.: Изд-во политической литературы, 1990. С. 42–55.

Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г.Ф. Миллера / Пер. и подгот. текста А.Х. Элрета. Екатеринбург: Волот, 2006. 416 с.

Сидорова М.В. Новооткрытые мемуары графа Бенкендорфа как исторический источник // Наше наследие. 2004. № 71. С. 54–59.

Соколова З.П. Ханты рр. Сыня и Куноват: (Этнографический очерк) // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972. С. 15–66.

Федорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: Проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский Дом, 2000. 365 с.

Шаверов В.Н. Краткие записки о жителях Березовского края // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1871. Кн. 2. С. 1–21.

Экитут С.А. На службе российскому Левиафану: Историчесофские опыты. М., 1998. 440 с.

Rechberg Ch. de. Les peuples de la Russie ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de l'empire de Russie, accompagnée de figures coloriées. P.: de l'Imprimerie de O. Colas, 1812. Т. 1. 164 p.

Rechberg Ch. de. Les peuples de la Russie ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de l'empire de Russie, accompagnée de figures coloriées. P.: de l'Imprimerie de O. Colas, 1813. Т. 2. 178 p.

Adaev V.N.

Tyumen Scientific Centre SB RAS, Chervishevskiy trakt st., 13, Tyumen, 625008, Russian Federation
E-mail: whitebird4@yandex.ru

Memories of A.C. Benkendorf about the 1802 trip to the mouth of the Ob River as ethnographic source

The article presents the analysis of the ethnographic information found in the notes of A.C. Benkendorf on his journey from Tobolsk to Obdorsk in summer 1802; the data have been compared with published materials close in chronology and subject. We have revealed the circumstances of the acquiring of ethnographic information and its content, and assessed its reliability and degree of uniqueness. The attribution of a number of drawings related to the North Ob River areas, made by Benkendorf's companion — artist E.M. Korneev — presented a particular task of the study. As a result, the events of the trip, location and ethnicity of people depicted in the drawings have been clarified. The research has shown that the information gathered by Benkendorf certainly contributes to the existing corpus of published sources on the ethnography of the northern communities of Western Siberia. The notes are small in volume, fragmentary, and have inaccuracies, but they contain vivid observations and author's spontaneity; importantly, it was possible to correlate them with specific territories of the Ob region and local ethnic groups. It was found that the ethnographic information collected by the participants of the 1802 trip relates not only to the Ob Khanty and Obdorsk Nenets populations, but also, possibly, to the Berezov Mansi. A significant advantage of the notes is that they were corroborated and supplemented by E.M. Korneev's drawings.

Keywords: ethnography of Western Siberia, Ob Ugrians, Nenets, Prince Taishin, artist E.M. Korneev.

Funding. The work was completed under state assignment FWRZ-2021-0006.

REFERENCES

Abramov, N.A. (1857). *Description of the Berezovsky region*. St. Petersburg. (Рус.).

Воспоминания А.Х. Бенкендорфа о поездке 1802 г. к устью Оби как этнографический источник

Al. Sk. [Sokolov, A.P.] (1847). Description of the shores of the Northern Ocean from Kanin Nos to Obdorsk by navigators Ivanov and Berezhnykh in 1826–1828. In: *Zapiski Gidrograficheskogo departamenta morskogo ministerstva. Chast' 5*. St. Petersburg, 1–97. (Rus.).

Alekseeva, L.V. (Ed.) (2014). *Five centuries of Yugra: Problems and solutions, results and prospects. P. 4*. Nizhnevartovsk: Izdatel'stvo NGU. (Rus.).

Antropova, V.V. (1961). Skis. In: *Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 79–107. (Rus.).

Belyavskiy, F.M. (1833). *Journey to the Arctic Sea*. Moscow: Tipografiya Lazarevykh Instituta vostochnykh yazykov. (Rus.).

Benckendorff, A.Kh. (2012). *Memories 1802–1837*. Moscow: Rossiyskiy fond kultury. (Rus.).

Bibikov, G.N. (2007). Alexander Khristoforovich Benckendorff (1781–1844): Historical Portrait. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8, Istoriya*, (1), 36–60. (Rus.).

Bibikov, G.N. (2009). *A.C. Benckendorff and the politics of Emperor Nicholas I*. Moscow: Tri kvadrata. (Rus.).

Ekshut, S.A. (1998). *In the service of the Russian Leviathan: Historiosophical experiments*. Moscow. (Rus.).

Elert, A.Kh. (Comp.) (2006). *North-West Siberia in the expedition works and materials of G.F. Miller*. Yekaterinburg: Volot. (Rus.).

Fedorova, E.G. (2000). *Fishermen and hunters of the Ob river basin: Issues of the formation of the Khanty and Mansi culture*. St. Petersburg: Evropeiskii Dom. (Rus.).

Galyamov, A.A. (2020). "Ethnographic Portrait" of the Ob Ugrians in light of the travels of E.M. Korneev. *Vestnik ugrovedeniya*, (3), 587–597. (Rus.). <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2020-10-3-587-597>

Galyamov, A.A. (2021). Representations of the Ob Ugrians based on the example of pictorial sources from the second half of the 18th — 19th centuries: Models of perception. In: *Etnokul'turnoye prostranstvo Yugry: Opyt realizatsii proyektov i perspektivy razvitiya*. Khanty-Mansiysk: Pechatny mir, 52–70. (Rus.).

Georgi, J. (2007). *Description of all peoples inhabiting the Russian state*. St. Petersburg: Russkaya simfoniya. (Rus.).

Goncharova, N.N. (1987). *E.M. Korneev: From the history of Russian graphics of the early 19th century*. Moscow: Iskusstvo. (Rus.).

Grunberg P.N. (Comp.) (2001). *Notes of Benckendorff 1812. Great Patriotic war of 1813. Liberation of the Netherlands*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. (Rus.).

Karjalainen, K.F. (1911). Among the Ostyaks. *Sibirskiy voprosy*, (32–33), 122–146. (Rus.).

Kozlov, S.A. (Ed.) (2008). *Materials of the expedition of J.-N. Delisle to Berezov in 1740. Is. 1*. St. Petersburg: Istoricheskaya illyustratsiya. (Rus.).

Link, I.V. (1834). Five-day stay of Doctor Erman in Berezovo. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*, (12), 215–268. (Rus.).

Nosilov, K.D. (1997). *Among the Voguls: Essays and sketches*. Tyumen: SoftDesign. (Rus.).

Novitsky, G.I. (2018). *Brief description of the Ostyak people*. Tyumen: Russkaya nedelya. (Rus.).

Oleynikov, D. (2009). *Benckendorff*. Moscow.: Molodaya gvardiya. (Rus.).

Oleynikov, D.I. (1997). Alexander Khristoforovich Benckendorff. In: *Rossiyskiye konservatory*. Moscow: Russkiy mir, 63–94. (Rus.).

Prytkova, N.F. (1953). Khanty clothing. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*, (15), 123–233. (Rus.).

Rats, D.V. (1990). "Negatively-good person". In: *Fakel: Istoriko-revolyutsionnyy al'manakh*. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 42–55. (Rus.).

Rechberg, Ch. de. (1812). *Les peuples de la Russie ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de l'empire de Russie, accompagnée de figures coloriées. T. 1*. Paris: de l'Imprimerie de O. Colas.

Rechberg, Ch. de. (1813). *Les peuples de la Russie ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de l'empire de Russie, accompagnée de figures coloriées. T. 2*. Paris: de l'Imprimerie de O. Colas.

Shavrov, V.K. (1971). Brief notes on the inhabitants of the Berezovsky region. In: *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete. Kn. 2*. Moscow, 1–21. (Rus.).

Sidorova, M.V. (2004). Newly discovered memoirs of Count Benckendorff as a historical source. *Nashe nasledie*, (71), 54–59. (Rus.).

Sokolova, Z.P. (1972). Khanty of Synya and Kunovat rivers: (Ethnographic essay). In: *Materialy po etnografii Sibiri*. Tomsk, 15–66. (Rus.).

Zuev, V.F. (1999). Description of gentile peoples, Ostyaks and Samoyeds, residing Berezovsky uезд of Siberian gubernia, written by a student — Vasily Zuev. In: *Puteshestviya po Obskomu Severu*. Tyumen: Izdatel'stvo Yu. Mandriki, 138–223. (Rus.).

Veremenko, V.A., Shaidurov, V.N., Zaitseva, S.V., Zhukova, A.E., Melnikova, D.A. (Comp.) (2022). *Georg Magnus Sprengtporten (1740–1819) in the Russian Empire. Environment and era: Collection of documents and materials*. St. Petersburg: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet im. A.S. Pushkina. (Rus.).

Адаев В.Н., <https://orcid.org/0000-0001-7355-2007>

Сведения об авторе: Адаев Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, ТюмНЦ СО РАН, Тюмень.

About the author: Adaev, V.N., Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 09.06.2025

Article is published: 15.09.2025

Бардина Р.К.^a, Тучкова Н.А.^{b, *}^a Независимый исследователь, Ханты-Мансийск^b Музей Природы и Человека, ул. Мира, 11, Ханты-Мансийск, 628011
E-mail: part67@yandex.ru (Бардина Р.К.); natatutschkova@yandex.ru (Тучкова Н.А.)

ФАМИЛЬНЫЙ СОСТАВ ДИАЛЕКТНО-ЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП МАНСИ И СРЕДНЕОБСКИХ СЕЛЬКУПОВ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Представлены результаты сравнительного анализа фамильных составов нескольких локальных групп манси и селькупов. С одной стороны, были выявлены списки фамилий северных (ляпинско-сосьвинских), южных (тавдинских), западных (пелымско-позьвинских) и восточных (кондинских) манси; с другой стороны — в аналитический обзор были включены фамилии селькупов центрального диалектного ареала (тымско-васюганско-парабельско-нарымские чумылкупов) и южного диалектного ареала (кетских и обских (сондоровских) сюссыкумов, обских шёшкупов, чайнских сюссыкойгула). Прежде всего, было выявлено, что в целом в количественном отношении мансийский фонд фамилий заметнее, чем селькупский. Кроме того, и у манси, и у селькупов в каждой локальной группе или диалектном ареале свой особый набор фамилий, фамильные пересечения между группами внутри одного этноса незначительны. Тем не менее в ходе сравнительного исследования было установлено, что есть некоторые пересечения в фамильном составе этих этносов: ляпинско-сосьвинской группы манси и «крайне» южных селькупов. Также фонетически очень схожими оказываются несколько фамилий кондинских манси и фамилии селькупов, проживавших в поселках на Оби в районе между кетским, чаинским и чулымским устьями.

Ключевые слова: манси, селькупы, локальные группы, фамильный состав, ареально-генетические связи.

Ссылка на публикацию: Бардина Р.К., Тучкова Н.А. Фамильный состав диалектно-локальных групп манси и среднеобских селькупов: опыт сравнительного анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 162–172. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-14>

Введение

Вопрос выявления фамильного состава как мансийского, так и селькупского населения в угроведении и в селькуповедении считается достаточно разработанным. Однако сравнительных исследований мансийских и селькупских пофамильных списков никогда не проводилось главным образом в силу того, что специально не ставилось такой задачи.

В июне 2023 г. в диссертационном совете по филологии и лингвистике при Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук было представлено диссертационное исследование А.Ю. Урманчиевой на тему «Реконструкция лингвистического ландшафта Западной Сибири (на материале самодийских языков)» [2023]. В нем, помимо вопросов развития и распространения самодийских языков, был особо затронут вопрос обско-угорско-самодийских контактов, причем рассматривались контакты не последних двух столетий, а именно в хронологически отдаленные времена. Более того, выявлению этих контактов на уровне древних лексических связей и анализу самодийско-обско-угорских параллелей была посвящена почти целиком первая глава данного исследования, так и названная — «Обскоугорско-самодийские контакты» (внутри которой есть раздел 1.3. «Мансийско-селькупские связи»). В итоге А.Ю. Урманчиевой на основе лингвистического материала удалось подкрепить высказанный ранее Е.А. Хелимским [1982] вывод, что после обособления прасамодийского языка его связи с праобскоугорским не прерывались. Характер связей между языками определяется автором как «ареально-генетический» [Тучкова, 2024].

Кроме того, были собраны и представлены данные, позволяющие уточнить некоторые особые отношения между отдельными языками в этих языковых сообществах. Так, А.Ю. Урманчиевой был сделан вывод, крайне важный для реконструкции этногенетических процессов в Среднем Приобье, что после распада обско-угорского и самодийского праязыков сохранились

* Corresponding author.

Фамильный состав диалектно-локальных групп манси и среднеобских селькупов

сепаратные контакты мансийского и южносамодийских языков (в меньшей степени — камасинского, в большей — селькупского) [Урманчиева, 2023, с. 51].

Историческим связям мансийского и южносамодийских языков было посвящено также несколько статей данного автора, в которых она предположила, что когда-то манси соседствовали с восточными хантами и будущими селькупами в Приобье на притоках Чижапки и Парабели, где позднее лингвист Э.Г. Беккер зафиксировала ареал камасинской топонимики. Затем северные и южные ханты расселились широкой полосой, протянувшейся с севера на юг вдоль течения средней Оби и Иртыша. Это прерывало связь манси с восточными хантами и окончательно отрезало манси от «верхнеобского» ареала [Урманчиева, 2020, с. 1; 2022, с. 7].

До публикации выводов А.Ю. Урманчиевой о каких-то возможных исторических схождениях между манси и селькупам исследователи говорили только на примере единичных фактов: например, по поводу распространения фамилии Сайнаковы/Сайнаховы и Гоголевы, которые широко известны как среди манси на р. Северной Сосьве, так и у селькупов. Так, Гоголевы есть среди чумылкупов (для юрт Тюхтеревых на р. Оби близ Нарыма носители фамилии Гоголевы являлись основными коренными жителями в XIX — первой половине XX в.); селькупы Сайнаковы отмечены среди «крайне»-южных селькупов; были и юрты Сайнаковы в низовьях реки Шегарки [Тучкова, 2024, с. 156].

Цель данной статьи — проследить пересечение фамильного состава между манси и селькупам, чтобы расширить (если удастся) поле для сравнительного анализа ареальных связей между этими народами. С этой целью было принято решение выявить фамильный состав представителей некоторых локальных групп за период XVIII–XIX вв. Несмотря на то что фамилии у народов Западной Сибири формировались исторически достаточно поздно — в XVIII в., однако они нередко фиксировали какие-то более древние родовые или племенные наименования, и выявленные совпадения (если они будут иметь место) могут задать направления дальнейших поисков и исследований.

В задачи статьи не входит рассмотрение хантыйско-селькупских или хантыйско-мансийских фамильных пересечений, так как такая работа требует отдельного сравнительного исследования. Не вызывает сомнения, что наличие родственных связей хантов с селькупам, с одной стороны, и особенно хантов и манси — с другой, могло способствовать переходу фамилий из одной этнической группы в другую или даже распространению некоторых фамилий среди всех трех этносов, как, например, фамилия Сайнаковых — она встречается, помимо селькупов и манси, также у хантов. Выполнение такой задачи может стать следующим этапом в исследовании данной темы. Частично подобная тематика уже затрагивалась в публикациях З.П. Соколовой [1970, 1982, 1984].

Расселение и локальные группы манси и селькупов

В научной литературе у манси выделяют четыре этнографические группы — северная (по рекам Северной Сосьве, Ляпину, Оби, верховьям Лозьвы), западная (в среднем и нижнем течении р. Лозьвы, по рекам Пелыму и Вагильску), восточная (по р. Конде), южная (по р. Тавде) [Ромбандеева, 1976, с. 232]. К концу XIX в. западные и южные манси исчезли. В то же время сформировалась группа северных манси по р. Северной Сосьве с Ляпиным и верховьям Лозьвы. Окончательно она сложилась, по-видимому, на рубеже XVIII–XIX вв. на основе местного хантыйского населения и пришлых с юга и запада групп манси [Соколова, 1975, с. 202–204].

Селькупов, проживающих в Приобье, исследователи делят на две основных группы: центральную (с самоназванием *чумылкуп*), проживающую по рекам Тым, Низовья Васюгана, включая его приток Чижапку, Парабель с истоками Чузик и Кенга, и по р. Оби между устьями этих рек; южную (*сюссыкум*) — основной рекой их расселения была Кеть, также они еще в недавнем прошлом проживали на р. Чае, в низовьях Чулыма и Шегарки и по Оби между устьями этих рек [Тучкова, 2014, с. 7]. Особо в составе южных селькупов лингвисты выделяют «сондоровских сюссыкумов», так как у жителей поселков Сондорово, Тискино и Тайзакова имелись особенности в говоре, но этнографическую специфику этой группы исследователям зафиксировать не удалось (группа растворилась в составе русского населения прежде, чем была изучена).

При этом отдельно и лингвисты, и этнографы фиксируют существование еще одной локальной группы в составе селькупов, а именно — обских шёшкупов (ареал их расселения — небольшая территория в бассейне р. Оби (поселки Иванкино, Киярово, Чаршино, Инкино, Зайкино, Ромашкино, Теголово, Иготкино, Конерово), имеющую в языке и культуре черты смешения как с центральными, так и с южными селькупам, а также некоторые особые нюансы в материальной культуре [Сайнакова, 2017, с. 63–72, 86].

В настоящее время основной состав мансийского этноса проживает в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (Березовский, Октябрьский и Кондинский районы) и небольшая

часть расселена в Свердловской области (Ивдельский район). По данным Всесоюзной переписи населения 2010 г. манси насчитывается 12 269 чел. [Язык..., 2016, с. 262]. У манси сохранились две этнографические группы — северная и восточная, а также небольшая часть западной (нижнелозьвинские манси).

Современные селькупы и их потомки в наши дни проживают в Кargasокском, Парабельском, Колпашевском, Верхнекетском, Чаинском районах Томской области. По данным переписи 2010 г. селькупов в Томской области насчитывается 1181 чел. [Всероссийская перепись..., 2010]. Среди них есть представители локальных групп чумылкупов, сюссыкумов и единично — шёшкупов.

История изучения фамильного состава манси

Огромная работа по выявлению фамильного состава разных локальных групп манси была проделана известным исследователем З.П. Соколовой. По исповедным росписям метрических книг XVIII–XIX вв. и другим источникам ею был выявлен фамильный состав обско-угорских волостей, приведены списки хантов и манси, отмечены фамилии, сохранившиеся до середины XX в. [Соколова, 1979, 1983]. На основе упомянутых источников З.П. Соколова определила характер социальной организации обских угров. На ее материалах провела сравнительный анализ фамилий северных манси за XVIII в. и современный период Г.М. Давыдова в работе «Антропология манси» [1989]. По ее данным, общее число фамилий этой группы сократилось и от прежних фамилий у нынешнего населения осталась примерно половина [Там же, с. 31–32].

Фамильный состав северной (ляпинско-сосьвинской) и восточной (кондинской) групп манси в течение XVIII–XX вв. по данным ревизских переписей и похозяйственных книг был установлен Е.А. Пивневой [1999]. На основе ревизских переписей ею были составлены 7 сравнительных таблиц фамильного состава с данными численности по Ляпинской, Сосьвинской, Верхне-Кондинской, Больше-Кондинской, Меньше-Кондинской, Кондинской и Леушинской волостям за XVIII–XIX вв. [Там же, с. 123–134]. По данным похозяйственных книг также составлены 8 сравнительных таблиц по фамильному составу Сосьвинского, Саранпаульского, Няксимвольского, Карымского, Кондинского, Леушинского и Юмасинского, Ягодинского и Половинкинского сельсоветов за XX в. [Там же, с. 135–145]. Кроме этого, на основе вышеперечисленных таблиц были составлены 2 сравнительные таблицы фамильного состава с данными численности за XVIII–XX вв. — северной и восточной групп манси [Там же, с. 112–122].

Фамильный состав обских и нижнесосьвинских манси за XX–XXI вв. был выявлен Р.К. Бардиной [2011, с. 17, 40]. Манси данной территориальной группы относятся к северным манси. Ею также установлен основной фамильный состав угорского населения Нижнесосьвинского Приобья за XVIII–XXI вв. [Там же, с. 17, 40]. На основе данных из похозяйственных книг (Анеевского, Приобского (позднее — Ванзетурского) и Полноватского сельсоветов) за 1936 г. и спискам коренных жителей администраций Березовского, Октябрьского и Белоярского районов конца XX — начала XXI в. были составлены 6 таблиц фамильного состава по административному принципу, куда включены также хантыйские фамилии, которые выделены курсивом [Там же, 19–38].

История изучения фамильного состава селькупов

Одним из первых списки селькупских фамилий представил А.Ф. Плотников [1901]. Фамилии «инородцев» были им приведены при обзоре инородческих волостей Нарымского края (либо в целом по волости, либо даже с указанием отдельных населенных пунктов, где они проживали). А.Ф. Плотников не разграничивал хантов и селькупов в своей работе, но, зная язык (хантыйский или селькупский), по названиям поселков, которые были записаны с использованием лексики хантыйского или селькупского языка, в наши дни можно определить их этноязыковую принадлежность. Будучи чиновником — «приставом пятого стана» (в конце XIX — начале XX в. административно Нарымский край составлял 5-й стан Томского уезда Томской губернии), он имел доступ к материалам переписи 1897 г. и использовал их в своей работе, тем самым частично ввел их в научный оборот [Плотников, 1901, с. 146–214].

Впоследствии с фамильным составом селькупского населения работали многие ученые (Г.И. Пелих, В.И. Васильев, С.М. Малиновская, Н.А. Тучкова и др.), формируя списки коренных жителей в основном по данным церковных метрических книг и похозяйственных книг сельских советов (см.: [Пелих, 1955, 1962, 1981; Корусенко, 2001; Малиновская, 1989, 1999; 2007; Выписки об осяках..., Тучкова, 2014]). Конкретно по шёшкупам такая работа была проведена Н.В. Сайнаковой [2017, с. 63–72].

Фамильный состав диалектно-локальных групп манси и среднеобских селькупов

Для решения поставленной задачи по выявлению пересечений фамильного состава между манси и селькупами были составлены таблицы фамильного состава манси за XVIII–XIX вв. по этнографическим группам (табл. 1–4) и фамильного состава нарымских селькупов (табл. 5, 6)¹. Важно подчеркнуть, что списки фамилий, представленные в таблицах, достаточно полные; в таком полном объеме с двух этнических сторон они представлены впервые и являются сами по себе ценным историческим источником. Отсутствие до настоящего момента параллельных сводок фамильного состава манси и селькупов было одной из причин, почему не проводилось сопоставимой по масштабам сравнительной работы.

Благодаря наличию этих списков можно как верифицировать выводы авторов данной статьи, так и на основе представленных фамилий решать иные исследовательские задачи по этнической истории манси и селькупов.

Фамильный состав манси (с разбивкой по локальным группам)

В таблицы 1 и 2 внесены фамилии из ревизских переписей XVIII–XIX вв. (за 1785–1858 гг.), которые были взяты из двух сравнительных таблиц по фамильному составу ляпинско-сосьвинской и кондинской групп манси в работе Е.А. Пивневой [1999, с. 112–122]. Кроме того, в эти же таблицы в отдельную колонку были внесены фамилии северных и восточных манси из статистических данных А. Каннисто за 1901 г. [Kannisto, Nevalainen, 1969, с. 61–81, 17–48]. В таблицу 1 также включены фамилии обских и нижнесосьвинских манси [Там же: с. 81–85, 89–94], которые относились к Анеевскому, Приобскому (позднее — Ванзетурскому) и Полноватскому сельсоветам за 1936 г. и не были учтены Е.А. Пивневой, так как данные сельсоветы не входили в ареал ее исследования.

Таблица 1

Фамильный состав северной (ляпинско-сосьвинской и обской) группы манси

Table 1

Family composition of the northern (Lyapin-Sosvinskaya and Obskaya) group of Mansi

1785–1858 гг.	1901 г.
Абарданов, Авасев, Агысев, Адин, Азин, Аксаитов, Аксантов, Акшашев, Алгадиев, Алмин (Албин), Аманов, Аметов, Амысов, Анадеев, Анагурьев, Анемов, Анемхуров, Артымов, Афанасьев, Афонин, Афонкин, Бадагов, Баендаков, Беднаков, Вадичулов, Вазиков, Вангрышев (Вахрышев), Васильев, Волков, Волтемов (?), Волчин, Вонзимов, Вонталхов, Ворков, Вуюоттин, Выжин, Вынгалев, Вырин, Вырталенгов, Гогалев, Гындибин, Достохов, Дунаев, Дьяков, Евсин (?), Елин, Елпанов, Емасхумов, Енакилев, Ендырев, Ендыхумов, Енохов, Енысоров, Женильхумов, Земданов (?), Иванов, Игнаткин, Игнатьев, Игнашкин, Инталков, Итин, Каулев, Качанов, Каюков (?), Кинлобазов, Кипин, Кислипаев, Китаев, Кобылев, Колдырев, Колекандриев, Колмандриев, Комратов, Кондин, Конев, Копылов, Костеркин, Костин, Костырин, Котльхумов, Кугин, Кудырев, Кузимов, Кузин, Кузямов, Кучмин, Кунов, Курлин, Курок, Кутин, Кылин, Кынлабазов, Легасев, Лекшин, Лельхов, Лелятов, Ленгин, Лендин, Лентин, Лихачев, Лончаков, Лоптиков, Лыпчиков, Лышманов, Майбуров, Махлин, Мелентьев, Менин, Меров, Мертырев, Моисеев, Монин, Мулянов, Муртасов, Награчев, Наух (?), Немдазин, Нестеров, Нигин, Никин (?), Нихлибов, Новьюхов, Номин, Ноптин (Ноксин), Носков, Нохов, Ныгилев, Оманов, Онысаров (?), Остеров, Пакин, Паланзеев, Пангылев, Парчин, Пеликов, Пернашупов, Пистарев, Похандеев, Похленгев, Пуксуков, Пуншауров, Рабахов, Разбойников, Рахтымов, Рокин, Ромбандиев, Ропадиев, Рухов, Сабуркин, Сайгатов, Сайнахов, Сангопов, Сандрин, Санжин, Сарадин, Сегопеликов, Секов, Селиманин, Сергушкин, Сетов, Сеулин, Смиркин, Содомин, Спиридонов, Стелев, Суслов, Сюмин (?), Сюртин, Сякин, Сянтлин, Тавлатов, Тайманов, Таликов, Талочупрев, Талышков, Таратов, Тарысев, Тасманов, Темхумов, Тигомов, Тимошкин, Толыбаев, Томысев, Тонков, Торвазов, Торысев, Тосманов, Тулимхов, Тушев, Уткин, Ухромов, Федкин, Халтаулев, Хатанев, Хожепов, Хозымов, Холодеев, Хорин, Хымзин, Чаев, Чектин, Ченданов, Четов, Чумашев, Шалигуурнов, Шангилев, Шангультепов, Шанжилин, Шемпенталов, Шешекин, Шишталева, Юдин, Юнахов, Юрьев, Явлин, Яптин (Иптин), Ярлин, Яуров (?)	Атин, Акин, Алхадьев / <i>Alxadjev</i> , Алпин, Аманов, Амитев / <i>Amitev</i> , Амзиков, Анемоп / <i>Anemop</i> , Анамухурп / <i>Anamxurup</i> , Аникуров, Анитип / <i>Anitip</i> Атимов, Амшиков, Вадисупов / <i>Vadišupov</i> , Викалев, Волахов, Волков, Вуюоткин / <i>Vojuťkin</i> , Винкалев / <i>Vjñkalev</i> , Винкалов / <i>Vinkalov</i> , Гоголев, Дунаев, Езин, Елесин / <i>Jelesin</i> , Елпанов, Ерийн / <i>Jorjin</i> , Игнатьев, Интеров / <i>Jinterov</i> , Исвантин, Качанов / <i>Katšanov</i> , Кимлопасов, Китаев, Колимов, Котлехумов, Кугин, Кукин, Кунов, Кунтин, Курлин, Кураков / <i>Kurakov</i> , Куриков / <i>Kurikov</i> , Пелетов, Ленкин, Лихачев / <i>Lihtšov</i> , Лончиков / <i>Lontšikov</i> , Липсиков, Луварнен / <i>Luvarep</i> , Лясманоп / <i>Ljasmanop</i> , Марсинов, Микалеп / <i>Mikalep</i> , Моиперов, Меров, Мортасов, Монин / <i>Monin</i> , Мулантеп, Муниин, Немтазин / <i>Njemtazin</i> , Новьяхум, Номин / <i>Nomin</i> , Овасов, Оманоп, Остеров, Оштероп / <i>Ošterop</i> , Пакин / <i>Pakin</i> , Паланши / <i>Palanši</i> , Паланшип / <i>Palanšip</i> , Патаков / <i>Patakov</i> , Патков, Патапка, Папялелок / <i>Pa-japelok</i> , Пеликов / <i>Pelikov</i> , Петров, Пиришоп / <i>Pjurišop</i> , Пушин / <i>Pušin</i> , Пуксиков, Рамбандеев / <i>Rambandeejev</i> , Рухов, Сансин, Смертин, Соинах / <i>Soinax</i> Соинахов / <i>Soinaxov</i> , Сампилталов, Саратин / Саратиноп, Сатров, Чергушкин / <i>Tserguškin</i> , Шетап / <i>Šetap</i> , Сиркусин / <i>Širkušin</i> , Соип / <i>Soip</i> , Соленов / <i>Soljenov</i> , Сонкин / <i>Sonkin</i> , Чумин / <i>Tšumin</i> , Сантлин, Шантлин / <i>Šantlin</i> , Тавлатов, Таратов / <i>Taratov</i> , Тарасов, Тасманов / <i>Tasmanov</i> , Тиншоноф / <i>Tinšanov</i> , Тихонов, Тимонов, Толимов, Хатанов, Хозеноп / <i>Xosařop</i> , Хозен / <i>Xosař</i> , Хосенов / <i>Xosenov</i> , Уйиптин / <i>Ujipitin</i> , Уртасов, Уртипеиков, Уткин, Хинтупин, Хурин, Хуринов, Санкилеп / <i>Sankilep</i> , Сампилталов / <i>Sampitalov</i> , Шескин / <i>Šeskin</i> , Шисталоп, Чеков / <i>Tšekov</i> , Шеков / <i>Šekov</i> , Шокапелк / <i>Šokapelk</i> , Шукпелк / <i>Šukpelk</i> , Юрьев / <i>Jurjev</i> , Явлин, Яптин, Ямтази / <i>Jamtaši</i> , Ерлин / <i>Jorlin</i> , Янтер / <i>Janter</i> , Япкин, Яулин / <i>Jaulin</i> , Яурап

В таблице 3 представлен фамильный состав западной группы манси, которые в XVIII–XIX вв. были расселены в нескольких волостях — Пелымской (Лиственишная), Верхне-Пелымской, Тахтинской, Лозьвинской, Ворьинской, Гаринской, Сосьвинской, Табаринской и Кошутской. Все эти волости входили в состав Туринского уезда. Данные по фамильному составу за XVIII–XIX вв. взяты из исследования З.П. Соколовой «Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода» [1983, с. 296–312]. Ею были использованы данные из исповедальных росписей и метрических книг

¹ Таблицы 1–4 составлены Р.К. Бардиной, таблицы 5, 6 — Н.А. Тучковой.

1787 и 1789 г. [Там же, с. 282]. В данную таблицу также внесены фамилии западных манси из статистических данных А. Каннисто за 1901 г. [Kannisto, Nevalainen, 1969, с. 9–17, 49–61].

Таблица 2

Фамильный состав восточной (кондинской) группы манси

Table 2

Family composition of the eastern (Kondinsky) group of Mansi

1785–1858 гг.	1901 г.
Абракумов, Авкумлятин (?), Агеев, Актаев, Алагулов, Алексеев, Алкичев, Алчин, Амчалов, Амышев, Андреев, Анталов, Антонов, Асанов, Атаев, Атамышев, Атнакулов, Афанасьев, Ахтаев, Ашеняков (?), Багишев, Багутов (?), Баетов, Балдин, Белегаев, Болшин, Бранов, Василин, Асилин (Калманов), Васильев, Васкаков, Васкин, Ватакумов, Вахрушев, Вахрушков, Вачкуров, Викумов, Вилон, Вискунов, Войкурин (Войкур), Газарченков, Годенчуев (Чулкеев), Григорьев, Гришкин, Давыдов, Данилов, Денисков, Деншков, Дмитриев, Евдокимов, Егоров, Елинов (Елин), Елипастьков, Елшин, Елышкин, Ендаков, Ендрин, Енелькеев (?), Еремеев, Ермаков, Ерпалчаров, Ефимов, Ехтамонов (Ехтымов), Ехтышов, Ешимов (?), Захаров, Ахаров, Иванов, Ивашкин, Илин (Ильин), Илькин, Ипаев (?), Ипин, Исаев, Исахов, Исыпов, Иткарев, Кабин, Кагалев, Казаков, Казимиров, Казимиров (?), Калманов (Василин), Калымов, Кальметов, Камбуров, Камок, Канбуров, Кандачев, Кандырев, Канзырь, Карпин, Карта (Парма), Картин (Пармин), Каспильев, Катаев, Катай, Каталев, Каткин, Катляшов, Кауртаев, Кахня (Фетков), Кахтин, Качанов, Кашлев (?), Каюков, Кедин, Кибин, Кирилов, Кирсин, Китулин, Китуров, Ковринов (Кирилов), Коврох, Кожников, Кожин, Козаков (Осин), Козимов, Козимин, Колевалов, Колчатов, Колюков, Кондин, Кондырев, Константинов, Контаумахов, Копов, Копьев, Коркунелов (?), Корсин, Кортин, Косимов, Косиян, Коспылев, Косяков, Котлешев, Котмычев, Коуртаев, Кузимов, Куклин, Кутмаров, Кучеров, Кушаков, Ушаков, Лангин, Лапшин, Ларионов, Левкин, Левытьев (?), Лекумов, Леонтьев, Ложев, Ломыткумов, Лукин, Лямин, Максимов, Мамшанов, Мамшов, Мамышев, Манзырков, Маскачев, Менгуров, Миронов, Митилов, Михайлов, Мокров, Молотков, Монгутов, Монзыров, Мотышев (Мотин), Мучкупов, Мульткожин, Наметов, Наумов, Невчин (?), Немков, Немков, Немхов, Нереев, Нерма, Нермин, Нертымов, Никифоров, Николаев, Никонов, Нохов, Обромов, Осипов, Оскин, Ошкар, Павлов, Пакин, Пакисов, Панкратов, Панкрушкин, Паншин, Парма, Пашкин, Паштырков, Пермяков, Петров, Послахов, Слахов, Потархин, Пурчин, Пыскарев, Пыскачев, Рахманов, Романов, Рубкалев, Рыбников, Сабинов, Савинов, Саранов, Сатыгин, Семенов, Сергеев, Сиусов, Скокарев, Соскунов, Софронкин, Степанов, Сужанов, Сумсун (?), Супин, Сурпин, Тайкиев (Семенов), Танеев, Тантамов, Тарасов, Тарханов, Таурин, Таушкин, Ташимов, Телаймов, Темин, Терешкин, Теркин, Тетюшкин, Тойлахов, Томов, Томушкин, Торгуев, Тузаев, Тукмаров, Туманов, Тундрусов (?), Тундаев, Тупенков, Тургаев, Тюнгупев, Тюшев, Уканов, Урубавев, Усакаваев (?), Федотов, Фетисков, Филиппов, Чалкин (Чалков), Чаутов, Чейметов, Чекатов, Чемпук, Ченчуров, Чигитаев, Чиков, Чирак, Чубулдаев, Чулин (Капин), Чулин (?), Чуринов, Чурин, Чурнаков (Ложев), Шабанов (Шабавев), Шалтушинов, Шаманов, Шахтуланов, Шогуров, Юдин, Югдрин, Юстаев, Юткин, Яковлев, Якунин, Ялышев	Азеняков / <i>Azenjakov</i> , Алагулов, Алакулов / <i>Alakulov</i> , Александров, Алтсин, Анийкин / <i>Anjkin</i> , Антсимов, Андаков, Аникин, Аткекулов / <i>Atnekulov</i> , Ахтаев / <i>Ahtajev</i> , Буранов, Ванкин, Васкаков / <i>Vaskakov</i> , Ватшкурров / <i>Vatškurov</i> , Вахресоп / <i>Vahresop</i> , Вахрисов / <i>Vaxrisov</i> , Крискин, Елин / <i>Jelin</i> , Забнов, Зеленин / <i>Zelenin</i> , Игнатьев / <i>Ignatjev</i> , Иландизов, Иликанов / <i>Ilikanov</i> , Исаев / <i>Isajev</i> , Исепов, Иткаров, Ииткерров / <i>Jitkerov</i> , Истаев, Каклев / <i>Kakajev</i> , Калымов / <i>Kalymov</i> , Карпин, Карпов, Капов, Кансенев, Картин / <i>Kartjin</i> , Каситсин, Катмитсов, Кавартаев / <i>Kavrtajev</i> , Кеканов, Кисикаев / <i>Kisikajev</i> , Катулин, Колмаков, Контсенев, Копев / <i>Kopjev</i> , Кориков, Кориков, Kosjakov, Кентин, Кузомкин, Купеков, Кутмаров, Лангин / <i>Langin</i> , Леонтиков, Лозвинов, Лосивенев / <i>Losjvenov</i> , Лоськин / <i>Loškin</i> , Лосьов / <i>Lošov</i> , Лялкин / <i>Ljalkin</i> , Мамысов / <i>Mamysov</i> , Мамышов / <i>Matyšov</i> , Манзырков, Манзыков, Мансеров / <i>Maňserov</i> , Мокров / <i>Mokrov</i> , Молкин, Молотков, Мокотов / <i>Monkotov</i> , Монкутов, Молотсанов, Мулимин, Мулимина / <i>Muljmina</i> , Муратков, Мутысов / <i>Mutysov</i> , Нямаков / <i>Njamakov</i> , Нэмотов / <i>Njemetov</i> , Нертымов / <i>Njortimov</i> , Паисенов, Пакин / <i>Pakin</i> , Пакисов, Паслагов, Пасторов, Петрусин, Пикаров, Поисаев / <i>Poisajev</i> , Пупин, Пурчин / <i>Purtšin</i> , Пускесов, Репников, Рупкалов / <i>Rupkalov</i> , Сатыгин / <i>Satygin</i> , Сафаров, Саиметов / <i>Saimetov</i> , Сарманов, Сергеев / <i>Sergejev</i> , Сисукин / <i>Šišukin</i> , Сускунов, Секов / <i>Sjokov</i> , Секонев / <i>Sjokolov</i> , Семанов / <i>Semanov</i> , Сикетов, Сипторов, Сиркин, Сихменев, Соколов / <i>Sokorov</i> , Софронков, Спиридонов, Сускенов, Таилагов, Таилков / <i>Tailkov</i> , Тамсков, Таудалов, Тахсинов / <i>Tahšinov</i> , Титесов, Тораканов, Тсигатов / <i>Tsigatov</i> , Тсырпин / <i>Tsyripin</i> , Тургаев / <i>Turgajev</i> , Тэканов / <i>Tjekanova</i> , Тюлин / <i>Tjuln</i> , Тюлкин / <i>Tjulkin</i> , Урубавев / <i>Urubajev</i> , Хандизов, Чалин / <i>Tšalkin</i> , Чейметов / <i>Tšeimetov</i> , Чепавев / <i>Tšepajev</i> , Черин / <i>Tšerin</i> , Чинсаров / <i>Tšišnarov</i> , Чуратаев / <i>Tšugatajev</i> , Чуликаев / <i>Tšulikajev</i> , Шумпоков / <i>Šumpakov</i> , Эбланков / <i>Jebblankov</i> , Энкинов / <i>Jenkinov</i> , Юткин / <i>Jutkin</i> , Янканов / <i>Jankanov</i> , Яхтимов / <i>Jahtimov</i>

В таблице 4 показан фамильный состав южной группы манси, которые в XVII в. жили вместе русскими и татарами в четырех уездах Тобольской губернии: на р. Тавда — в Пельимском, на р. Тура — в Туринском, на р. Мулгай, оз. Аят — в Верхотурском, на р. Чусовая, Уфа, Ирень — в Чердынском [Соколова, 2009, с. 87–88]. Данные по фамильному составу за XVIII–XIX вв. также взяты из работы З.П. Соколовой. Ею были использованы данные из записей браков метрических книг и материалов ясачных книг XVII в. и исповедальные росписи по Коркинской волости [1983, с. 96, 313]. Как уже упоминалось, к концу XIX в. южные манси исчезли, поэтому данные за 1901 г. (А. Каннисто) отсутствуют.

Итоги сравнительного анализа пофамильных списков северной (ляпинско-сосьвинской), восточной (кондинской), западной (пелымско-позьвинской) и южной (тавдинской) групп манси и центральной (чумылкупской) и южной (сюсыкумской) групп селькупов.

При сравнительном анализе списков фамилий подтвердилось наличие фамилии Сайнаковы / Сайнаховы в составе ляпинско-сосьвинской группы манси и фамилии Сайнаковы в составе «крайне»-южной группы селькупов, выходцев с р. Шегарки; а также фамилии Гогалевы / Гоголевы в составе ляпинско-сосьвинской группы манси и фамилии Гоголевы / Коголевы в составе нарымской подгруппы чумылкупов (центральный диалектный ареал) и среди жителей на Оби близ устья Чаи.

Кроме того, было выявлено совпадение нескольких фамилий между *кондинскими манси* и *селькупам*, *проживающими на Оби в районе между устьями Чаи и Чулыма*. Тсалкин / Цалкин / Чалкин (Чалков) — у кондинских манси и Чалковы / Челковы / Чулковы — у селькупов верхней Оби; были на Оби и юрты Чалковы. Фамилия Тсигатов — у кондинских манси и фамилия Чигатов или Чигаткин — у южных селькупов. Юткин (*Jutkin*) — у манси р. Конды и Яткин — на Оби в Чаинском и Молчановском районах Томской области. Истаев — у манси и Истеев — у нижнечаинских селькупов

Фамильный состав диалектно-локальных групп манси и среднеобских селькупов

на р. Чая. Колмаковы были среди манси на р. Конде, среди жителей Оби близ устья Чаи и есть Колмаковы среди васюганских хантов (в верховьях р. Васюган были и юрты Колмаковы / Калмаковы).

Таблица 3

Фамильный состав западной (пелымско-лозьвинской) группы манси

Table 3

Family composition of the western (Pelym-Lozvin) group of Mansi

1787, 1789 гг.	1901 г.
Агинов, Аданов (Жданов), Азанов, Албучев, Алексеев, Алкисев, Алметов, Алчин (Ланчин), Анитеев, Анкин, Англин, Антабаев, Антипин, Алтышев, Арьинский, Асысин, Аусов, Ахтанков (Охтяжин), Ачкин, Баженов, Бабарнов, Балгугов, Барсуков, Белкин, Белочкин, Боркин (Косойков), Бухматов (Бухмачиков), Бушланков, Востоков, Воткин, Вредмин, Вышкин, Галкин, Глазунов, Гузеев, Давыдов, Данилов, Денежкин, Добрынкин, Догманченков, Долгинов, Дунайков, Евгуснов, Евликов, Евсеев, Евтюшкин, Елкин, Елпанов (Юлпанов), Елпин, Емехов (Енехов), Емтин, Еранкин (Яранкин), Ермаков, Есаулов, Ефимков, Ечиков, Жирков, Захаров, Иванов, Ивашков, Изанбаев, Илкин, Илларионов, Ильтеев, Ингинов (Интисойков), Итымков, Ишканов, Казаров, Калчанов, Капылов, Карбышев, Картаев, Кажин, Кашицын, Квасов, Кинчин (Кынчин), Кипин, Климантьев, Кожимов, Козмин, Колтухов (Кятухов), Колчин, Колышев, Комтыжев, Кондрашкин, Корнилков, Коромчахов (Кулбакин), Косойков, Костин, Кочин, Кочухов, Куземкин, Кукотчин, Кулебакин, Кумычин (Кульчин), Курчин, Лавдин, Лавлов, Ланчин, Лахтин, Левкин, Лимкин (Липкин), Лимтовской, Лозьвинских, Лохтин, Лулькин (Мулькин), Лучкин, Люсов, Лялькин (Лякин), Макаров, Малкишев, Малышев, Манзырев, Манин, Ммантин, Мармин, Матыков, Мезенкин, Меркин, Мирошкин, Митеев, Миткин, Митюшкин, Митушкин, Мосхов, Мулмин (Мулхин), Муратов, Муратов, Мурзагилдеев, Мурзин, Мухехов, Мынзирков, Мясников, Нахранкин, Нерлов, Нетин, Нефетков, Нигаев (Енгаев), Ниглитберин, Новоселов, Онкушев, Опихин (Петрушкин), Осекинов, Осипов, Оскин, Остков, Осякумов, Отлайков, Павлов, Пайкин, Пакисев, Пантюшкин, Пасмеев, Першин, Петков, Питимовский, Поқышев, Пономарев, Пулчинов, Пуртин, Рашкин, Рендин, Родионов, Родкин, Рычков, Салтакулов, Сандрин, Сарчаев, Сергушкин, Силкин, Синдин (Синдеев), Синкин, Сорпин, Сосьвинский, Соткин, Сотнипов, Сотохов, Сулемин, Сухойков, Такин, Талкин, Тангиров, Танкин, Таюхин, Телеутов, Телкин, Терехов, Тимиров, Тимошкин, Толмачков, Толонкин, Тонгочин (Тайгочин), Торминский, Тренин, Тренькие, Трепин, Трофимов (Чандырской), Тургачев, Тынин, Усанов (Успин), Усманов, Услахов (Утахов), Фирсин, Фролов, Хабарчин, Халтурин, Хромцов, Худяков, Чакчанов, Чарин (Чорин), Чегодейков, Чербуров (Сенбуров), Чермин, Чикатаев, Чилкин (Чильичин), Чильичин, Чинякин, Чирин (Чиорин), Чорин, Чумов, Чунешев, Чураев, Чулин, Шабуров, Шатунков, Шимов, Шишкин, Шишков, Шугалков, Щербиков (Еремин), Юпташев (Елташев), Якин, Яковлев, Якунин, Янычков, Яркин	Азанов / <i>Azanov</i> , Анимов / <i>Animov</i> , Антапаев / <i>Antapajov</i> , Анямов / <i>Anjamov</i> , Арюскин / <i>Arjuskin</i> , Бахтияров / <i>Baxtjarov</i> , Варсуков / <i>Barsukov</i> , Белкин / <i>Bjelkin</i> , Воткин / <i>Votkin</i> , Городков / <i>Gorodkov</i> , Дабрикин / <i>Dabrikin</i> , Елесин / <i>Jelesin</i> , Елиментов / <i>Eljmentov</i> , Ешембаев / <i>Ešembajev</i> , Ивашков / <i>Ivaškov</i> , Исанов / <i>Isanov</i> , Ирмтшков / <i>Jrmtškov</i> , Климкин / <i>Klimkin</i> , Косоиков / <i>Kosoikov</i> , Костин / <i>Kostin</i> , Кочков / <i>Kotškov</i> , Котшков / <i>Kotškov</i> , Кочухов / <i>Kotšuhov</i> , Куракин / <i>Kujakin</i> , Ларсин / <i>Larsin</i> , Лахтин / <i>Lahtin</i> , Левкин / <i>Ljofkin</i> , Лохтин / <i>Lohtin</i> , Макаров / <i>Makarov</i> , Маршин / <i>Maršin</i> , Матыков / <i>Matykov</i> , Мерескин / <i>Merjoskin</i> , Марзагилдэев / <i>Marzagildjejev</i> , Мясников / <i>Mjasnikov</i> , Новоселов / <i>Novosjolov</i> , Палкин / <i>Palkin</i> , Персин / <i>Pirsin</i> , Першин / <i>Peršin</i> , Портин / <i>Portin</i> , Раскин / <i>Raskin</i> , Ренкин / <i>Renkin</i> , Рискинов / <i>Risikov</i> , Силкин / <i>Silkin</i> , Сотйинов / <i>Soťjinov</i> , Степанов / <i>Stepanov</i> , Сухойков / <i>Suxojkov</i> , Тасманов / <i>Tasmanov</i> , Тентов / <i>Telntov</i> , Тийскин / <i>Tjiskin</i> , Тургаев / <i>Turgajev</i> , Укладов / <i>Ukladov</i> , Усманков / <i>Usmankov</i> , Успин / <i>Uspin</i> , Хабартшин / <i>Xabartšin</i> , Халтурин / <i>Halturin</i> , Хозимов / <i>Xozimova</i> , Храмтсов / <i>Xramtsov</i> , Якуникин / <i>Jakunjin</i> , Яркин / <i>Jarjkin</i>

Таблица 4

Фамильный состав южной (тавдинская) группы манси

Table 4

Family composition of the southern (Tavdinskaya) group of Mansi

XVIII–XIX вв.
Абайлов, Алагулов (Атмагулов), Алимков, Алынбаев, Багтурасов, Батырев, Бердышев, Бехтяшев, Бурдуков, Галаямов, Демин, Домешкин, Ерашев, Илтеев, Илясов, Инебгулов, Ироткин, Ишибаков (Шибиков), Калмаков, Кирилов, Кошаев, Краюхин, Крылышков, Кузьмин, Кукумпов, Кухтин, Кучашев, Кучубаев, Лабаев, Лаврентьев, Макаров, Мершенов, Назаров, Новожилов, Новоселов, Папаев, Порицын, Пронькин, Пучупаев, Ректышов, Ромешкин, Савантеев, Савин, Семенов, Темин, Томиллов, Томнолов, Тохтаров, Тохтин, Трошин, Трошков, Урчанов, Филиков, Фирсов, Фомин, Чармаков, Чачин (Чеченыч), Чеканов, Челиков, Чеманов (Еманов), Ченаков, Чечимов, Чирмышев, Чолабаев, Щепкин, Ярский

По воспоминаниям жительницы обских юрт Иванкиных Т.К. Кудряшовой (Иткумовой), которая пыталась дать характеристику разным подгруппам селькупов (шёшкупов) на р. Оби, есть упоминание, что в Иванкино пришли люди с Чаи, они были «с длинными и плоскими лицами, и их фамилии начинались на «И» — Иткуповы, Иткумовы, Испаевы, Истеевы, Иженбины, Ипоковы, Игермаевы и т.д. Есть в памяти, что на Чаю их предки пришли с Урала» [Тучкова, 2002, с. 326, прил. 1, текст 1; Сайнакова, 2017, с. 76–77]. В свете исследуемой в данной статье проблематики неангажированные воспоминания подобного рода являются важными свидетельствами.

Также интересным выявленным моментом является наличие фамилий с формантом -кум, -хум, -куп — «человек» как у манси, так и у селькупов:

У манси
 Кондинские манси:
 Абракумов, Авкумлятин, Ватакумов, Викумов,
 Лекумов, Ломыткумов
 Ляпинско-сосьвинские манси:
 Котльехумов / Котлехумов, Емасхумов, Ендыхумов,
 Женильхумов, Темхумов, Новьяхумов
 Пелымско-лозьвинские манси:
 Кумычин, Осякумов

У селькупов
 В южном диалектном ареале между устьями Кети и Чаи:
 Иткумов, Иткупов (среди шёшкупов)
 По Оби около устья Чаи:
 Ареткумов, Редкумов, Иреткумов

Кроме того, и у манси, и у селькупов есть небольшой набор фамилий с формантом -гула, -кула, -кул, который носителями селькупского языка интерпретируется как «люди, народ»; одна-

ко носителями мансийского языка этот формант не воспринимается как номенклатурный термин для обозначения «народа»².

У манси
Кондинские (восточные) манси:
 Алакулов, Атнакулов, Атнекулов, Тюнгулев
Пельымско-лозьвинские (западные) манси:
 Салтакулов
Тавдинские (южные) манси:
 Алагулов, Инебгулов
Ляпинско-сосьвинские (северные) манси:
 Шангультепов

У селькупов
Центральный диалектный ареал: чумьлькупы
р. Тым: Чугульчиков, Чугульджин
р. Чижалки: Сайкулов
Южный диалектный ареал:
Шешкупы: Иткулов
На Оби между устьями Кети и Чаи: Тайгулов
На р. Чулым: Крускулов, Трескулов

При этом ни среди манси, ни у селькупов нет ни одной фамилии с формантом *-махум* — «люди земли», хотя с его помощью формируется мансийская этнонимика — например, *асмахум* — обские манси.

Интересно отметить небольшое количество фамилий с формантом *той-* / *тай-* (в анлауте), с селькупского языка не переводимый.

Кондинские манси
 Тойлахов, Таилагов, Таилков / *Tailkov*

У «верхнеобских сюссыкумов», на Оби в районе устья Чаи
 Тайгуловы, Тайзаковы, Тайлаковы

Также любопытным является сопоставление известной среди северных манси фамилии Шескин / Шешкин и локального этнонима *шёшкупы* / *шёшкумы*, до настоящего времени бытующего на Оби, носители которого оцениваются специалистами как особая этнолингвистическая подгруппа в составе селькупских локальных групп [Сайнакова, 2017]. Однако фамилии Шескины или Шешкины в составе шёшкупов не встречается.

Поиски фамильных пересечений выявили и следующий любопытный исторический сюжет: у селькупов Тобольжины / Тоболдины является «коренной» фамилией для юрт Теголовых (сельк.: *Кысок-эт* 'На речном мысу поселение') и Иготкиных (Тегур) на Оби. Относительно юрт Иготкиных было упоминание, что поселок был основан «лет 400 тому назад» выходцами из Березова или Сургута, «но откуда именно — [жители] утвердительно сказать не могут» [Плотников, 1901, с. 150]. Географические карты подсказывают, что в низовьях р. Северная Сосьва существовал до недавних пор поселок Тоболдино, и его расположение действительно недалеко от г. Березово (ныне это в Березовском районе ХМАО).

Юрты Теголовы, по данным А.Ф. Плотникова, также очень давние, «существовали задолго до прихода русских; жители стали креститься при Петре Великом, но половина жителей, избегая крещения, в числе около 70 человек, убежали или в Мангазею, или в Обдорск» [1901, с. 149]. Об осяках Тобольжиных в Нарымском Приобье А.Ф. Плотников писал, что «во время покорения русскими края один из бывших тогда главных лиц из среды инородцев по имени Бигодя (которому русские присвоили родовое звание князца...), получил название фамилии “Тобульдзин”, что значит “добыл честь”» [Там же, с. 150–151]. Эта история существовала как легенда, подобно другой, в которой говорилось, что «Тобольжины пришли с Тобола, потому и фамилия такая». С селькупского языка слово «Тобульдзин» перевода не имеет. При этом по-селькупски «выглядит» и может быть «переведено» слово «Тобол» — «пень» (сельк.: *tob* — нога, *ol* — голова; так селькупы образно называют обрубленную нижнюю часть дерева, торчащую из земли). С названием реки Тобол никак этот перевод не соотносят, так как она протекает за пределами селькупской территории.

В отличие от князца Бигоди, князец Тоболда был реальной исторической личностью. Он выступал от имени ясачных людей всей Тогурской волости (и Верхней Тогурской, и Нижней Тогурской) с 1630 по 1661 г. За 30 лет своего управления этот князец заверил более 10 письменных документов, дошедших до наших дней. В качестве подписи он использовал тамгу — изображение человека, которого он всегда рисовал полностью, часто в горизонтальном положении, нередко обозначая на лице глаза и нос [Симченко, 1965, с. 143–144].

В XX в. Тоболдины или Тобольжины — известная селькупская фамилия в Колпашевском районе Томской области, чьи представители считают себя потомками князца Тоболды. Есть упоминание о хантах Тоболько (Тоболчиных), которые, по данным Б.О. Долгих, в 1926–1927 гг. прибыли в Надым с Полярного Урала [1970, с. 84, 107].

² Антропформант *-гула*, *-кула*, *-кул* является типичным и широко распространенным у сибирских татар и башкир, с которыми на разных территориях и в разное время контактировали как манси, так и селькупы. Встречается он также у казахов, киргизов и других тюркских народов. Однако в тюркских языках он не переводится и не интерпретируется как обозначение «народ», «люди» (подробнее об этих формантах в тюркском мире см.: [Алишина, 2016; Дмитриева, 2013]).

Фамильный состав диалектно-локальных групп манси и среднеобских селькупов

**Фамильный состав селькупов (с разбивкой по диалектным ареалам)
XIX — начала XX в. (табл. 5, 6)**

Таблица 5

Фамильный состав селькупов. Центральный диалектный ареал

Table 5

Family composition of Selcups. Central dialect area

На Оби между устьями Тыма и Васюгана: Арнянгины, Ачангины, Ачиткоевы, Ивашкины/Вашкины, Иралькуповы, Ирычевы, Ирабировы, Кагетовы, Канаскины, Каяловы, Кичеевы, Кольжинины, Кычебины, Люлины, Нонжины, Пылосовы, Пырсовы, Пырчины/Пыршины, Тырадаевы/Тарадаевы, Тугаровы, Чаджины, Чилины, Чинаковы, Юреевы
На Оби между нижним (Каргасокским) устьем Парабели и средним (Копыловским) устьем Кети: Агалгожины, Азаковы, Айдаевы, Апшаровы/Опшаровы, Балбахтины, Вояновы, Гоголевы, Ерихмаевы, Зыбины, Игьрматовы, Ижембины, Ипоковы, Кильзины, Колотовкины, Кулландаровы, Кучуковы, Лучины, Мазотовы, Макшины, Мальковы, Мартыновы, Минеевы, Мумышевы, Никулкины, Нояковы, Пайбахтины/Пакабахтины, Тагаевы, Тагины, Тейковы, Чичикины, Чужины, Урбоковы
Река Тым: Варгананджины, Ильгины/Ыльгины, Кандеевы, Каргаевы, Карлымгины/Карлыгины, Качиядровы, Кычебины/Кычебины, Кулеевы, Люлины, Мулины, Пачелковы, Пагесовы, Портнягины, Пыжины, Пыркины, Пырсовы, Пычкины/Пычкиковы, Пыршины, Саргаевы, Сельвановы, Сильвондины, Тугаровы, Чигины, Чугульчуковы/Чугульджины
Река Васюган: Айдаровы, Айдаевы, Варгамыдины, Изырмаковы, Кучуковы, Маргины, Мурасовы, Олугины/Ологины, Сельмановы, Югины. Весьма вероятно, что селькупы были Митькины, Тейковы, в XX в. известные как ханты
Река Парабель: Дресвянкины, Кундины, Минеевы, Мунаковы, Пы(т)кины, Соиспаевы, Чичигодины, Углины
Река Чижакпа: Варгамыдины, Гоголевы, Изармаковы, Киликельдины/Келекейкины, Сельвейкины/Силивейкины, Сайкуловы, Танбаевы/Тамбаевы, Турашевы, Чаджины, Чинины, Чужины
Река Чузик: Вояновы, Качины, Тоурмаковы, Пудины
Река Кенга: Варгамыдины/Варгамыгины, Ипоковы, Макшины, Тагаевы, Урбоковы
Река Пайдугина: Пайдугины и Кулландаровы

Таблица 6

Фамильный состав селькупов. Южный диалектный ареал

Table 6

Family composition of Selcups. Southern dialect area

На Оби между средним (Копыловским) устьем Кети и верхним устьем Чаи: Айкины, Аландины, Аргесовы, Елеевы, Езынгины, Елетаевы, Ермолины, Емелькины, Иванкины, Игьрмаевы, Иготкины, Идины, Ижучкины, Иткумовы, Иткуповы, Иткуловы, Жидкины, Кадины, Кайдаловы, Кармашкины, Касагасовы, Киндеевы/Кынжеевы, Киргеевы, Кияровы, Колбины, Коченгины, Колмаковы, Кыготкины, Лендогины, Лозыгины, Логиновы, Малгетовы, Малеевы, Мазотовы, Майдасовы, Мыдины, Нейчагины, Немдогины, Ненгалыны, Нендыгины, Непсогины, Неулины, Пеадеуровы, Пурадины, Пальджины, Петковы, Пидогины, Сагандуковы, Садковы, Самсоновы, Сапкараковы, Саяковы, Солмины, Сегалины, Сондорovy, Сычины, Тагановы, Тайгуловы, Тайзаковы, Талаевы, Тегировы, Телесовы, Титколевы, Тобольжины, Туллаевы, Туркины, Чаршины, Чембылеевы, Чегаткины, Чидигезовы, Чинзаровы, Чужины, Уразовы, Шагины, Широковы
На Оби между верхним устьем Чаи и устьем Чулыма: Ермолины, Кайдаловы, Логиновы, Майдановы, Мандраковы, Пидогины, Редкумовы, Сооскаевы/Сыскоевы, Сондорovy, Чигаткины, Тагановы, Тайзаковы, Телесовы, Чернышкины. Между устьем Чулыма и устьем Шегарки: Авдаевы/Айдаевы, Аранжины, Ареткумовы/Иреткумовы/Реткумовы, Былины, Елиновы, Индаевы, Ишкины, Казбеевы, Калбышевы, Каргеевы, Карнаевы, Килевы, Курчаевы, Мандраковы, Мудрины, Мученины, Олтурмековы, Писаровы, Петковы/Пятковы, Пурчины, Саскаевы Сарафанкины, Саргины/Саржины, Соигуровы, Сунгуровы, Таткины, Тарзаковы, Телесовы, Тайлаковы, Чалковы/Челковы/Чулковы, Чигиновы, Этыкмаевы, Яткины
На реке Кеть: Арболдаев/Арбалдаевы, Актабаевы, Аргасовы, Алипкины, Ахтабаевы/Бахтабаевы, Белозеровы, Боркины, Ермолины, Зубрековы, Ильдекины, Иткуловы, Кондуковы, Карбины, Карелины, Кармашкины, Кармины, Киргеевы, Кузуровы, Корголдаевы, Малгошины/Малготины, Мунгаловы, Нюсургины, Пидогины, Пирины, Питасовы, Почины, Пыргуньовы, Парзуновы, Сангауровы, Санкараковы/Сапкараковы, Сегондины, Сербини, Сондорovy, Сопыряевы, Сутаревы, Лукьяновы, Тавендины, Талаевы, Телесовы, Тимигины, Тольгумовы, Тилсины Улкины/Улакины/Уликины, Упокины, Урлюковы/Орлюковы, Ченбаевы, Чинбаевы
На реке Чая: Аландины, Истеевы, Кузуровы, Коголевы, Пасковы, Сайнаковы, Тузаковы, Улурспаевы, Чегаткины, Чедегесовы, Чеумеевы, Чеуртаевы, Чемакаевы, Эзенгуловы
На реке Чулым: (предположительно) Алексеевы, Курчаевы, Крускуловы, Мудрины, Семеновы, Талыновы, Таткины, Трескуловы
На реке Шегарка: Сайнаковы

Несмотря на то что на территории локализации северных (сосьвинско-ляпинских) манси были юрты Тоболдины и недалеко от мест проживания южной группы манси есть река Тобол, тем не менее среди манси нет фамилии Тоболдины / Тобольжины, тогда как на Оби в Тогурской волости эта фамилия весьма известна и есть историческое лицо, с которым связывают ее происхождение. Поэтому вопрос: «из Березово» в Тогур переместились предки Тобольжиных или, напротив, из Тогура — в Березов и основали в низовьях Северной Сосьвы юрты Тоболдины — остается открытым.

Заключение

Подводя итоги сравнительного исследования, можно сделать следующие обобщающие выводы. Группы манси имеют значительно более объемную фамильную номенклатуру, чем селькупы. И у манси, и у селькупов в каждой локальной группе или диалектном ареале свой особый набор фамилий, фамильные пересечения между группами внутри одного этноса незначительны. Совпадения в фамилиях манси и селькупов есть, но их немного. Наиболее перспективно сравнивать фамилии и истории семей, относящихся к северной (сосьвинско-ляпинской) и восточной (кондинской) группе мансии и к обским селькупам, проживающим в поселках на Оби в пространстве между устьями Кети и двумя устьями Чаи. Стоит отметить, что группы ля-

пинско-сосьвинских и кондинских манси (у которых как раз выявлены главные совпадения фамилий с селькупскими) сложились относительно поздно, на прежних территориях проживания хантов, и в существенной мере — на основе смешения с последними [Соколова, 1983, с. 15, 22, 54–55]. Также именно на отрезке Оби между кетскими и чаинскими устьями локализуются территории особых диалектно-локальных подгрупп — шёшкупов и сондоровских сюссыкумов, имеющих множество особенностей в говорах относительно окружавшего их селькупского населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алишина Х.Ч. Исторический ономастикон сибирских татар. Тюмень: Печатник, 2016. 573 с.
- Бардина Р.К. Угорское население Нижнесосьвинского Приобья (XVIII–XXI века). Новосибирск, 2011. 289 с.
- Давыдова Г.М. Подход к изучению популяций в антропологии // СЭ. № 3. 1989. С. 31–36.
- Дмитриева Т.Н. Проблемы изучения антропониими обских угров // Вестник угроведения. 2013. № 3. С. 23–37.
- Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970. 270 с.
- Корусенко М.А., Корусенко С.Н. Архив В.И. Васильева в музее археологии и этнографии Омского государственного университета // Самодийцы: Материалы IV Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2001. С. 215–216
- Малиновская С.М. Проблема генезиса селькупских фамилий // Традиционное и современное в культурах Томского Севера. Томск, 1999. С. 25–36.
- Малиновская С.М. Антропонимика в этнокультурном воспитании (на материале антропонимов нарымских селькупов). Томск, 2007. 146 с.
- Пелих Г.И. Условия возникновения территориальной общины юрты у селькупов Нарымского края // Уч. зап. Том. пед. ин-та. Томск, 1955. Т. 14. С. 251–284.
- Пелих Г.И. Кольцевая связь у селькупов Нарымского края // Сиб. этногр. сборник. М., 1962. Т. IV. С. 176–196.
- Пелих Г.И. Селькупы XVII в.: Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981. 176 с.
- Пивнева Е.А. Манси: Популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX вв.). М.: ИЭА РАН, 1999. 306 с.
- Плотников А.Ф. Нарымский край: Историко-статистический очерк. СПб., 1901. 366 с.
- Ромбандеева Е. И. Мансийский язык // Основы финно-угорского языкознания: (Марийский, пермские и угорские языки). М., 1976. С. 229–239.
- Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965. 227 с.
- Соколова З.П. О происхождении обско-угорских имен и фамилий // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропониими. М., 1970. С. 268–278.
- Соколова З.П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 186–210.
- Соколова З.П. К происхождению современных манси // СЭ. 1979. № 6. С. 46–58.
- Соколова З.П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 8–47.
- Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М., 1983. 325 с.
- Соколова З.П. Антропонимия обских угров как источник для изучения этнической истории // Этническая ономастика. М., 1984. С. 78–81.
- Соколова З.П. Ханты и манси: Взгляд из XXI в. М., 2009. 756 с.
- Тучкова Н.А. Тюркские мотивы и образы в фольклоре обских шешкупов // Тюрки Сибири. Тобольск; Омск, 2002. С. 321–327.
- Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена: Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп. Томск, 2014. 224 с.
- Тучкова Н.А. Рецензия на диссертацию А.Ю. Урманчиевой «Реконструкция лингвистического ландшафта Западной Сибири (на материале самодийских языков)», представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. № 49). С. 153–160. <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2024-1-153-160>
- Урманчиева А.Ю. О возможных контактах мансийского и селькупского языков (по данным этноимики) // Вестник Том. ун-та. Филология. 2020. № 65. С. 146–157. <https://doi.org/10.17223/19986645/65/9>
- Урманчиева А.Ю. Исторические ареальные связи мансийского языка // Вопросы языкознания. 2022. № 5. С. 7–34. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.5.7-34>
- Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели: (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). М., 1982. 164 с.
- Язык и общество: Энциклопедия / Гл. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Азбуковник, 2016. 872 с.
- Kannisto A., Nevalainen J. Statistik über die Wogulen // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Bd. 70/4. 1969.

ИСТОЧНИКИ

Всероссийская перепись населения 2010 года: Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации. URL: https://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php.

Фамильный состав диалектно-локальных групп манси и среднеобских селькупов

Выписки об остяках из церковных метрических книг // Архив Томского областного краеведческого музея. Оп. 13. Д. 238: Южные селькупы.

Малиновская С.М. Историческая антропонимия селькупов: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 189 с.

Сайнакова Н.В. Обские шешкупы: Расселение, формирование и этническая культура в XIX–XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2017. 270 с.

Урманчиева А. Ю. Реконструкция лингвистического ландшафта Западной Сибири (на материале самодийских языков): Дис. ... д-ра. филол. наук. СПб., 2023. 280 с. URL: <https://www.hse.ru/sci/diss/825477618>

Bardina R.K.^a, Tuchkova N.A.^{b,*}

^a Independent researcher, Khanty-Mansiysk, Russian Federation

^b Museum of Nature and Man, Mira st., 11, Khanty-Mansiysk, 628011, Russian Federation
E-mail: E-mail: part67@yandex.ru (Bardina R.K.); natatutschkova@yandex.ru (Tuchkova N.A.)

Family composition of the local dialectic groups of Mansi and Middle Ob River Selkups: an experience of comparative analysis

This article presents the results of comparative analysis of the family compositions of several local groups of Mansi and Selkups. On the one hand, lists of surnames of northern (Lyapinsk-Sosvinsky), southern (Tavdinsky), western (Pelymsk-Lozvinsky), and eastern (Kondinsky) Mansi have been identified; on the other hand, surnames of Selkups of the central (Tymsk-Vasyugansk-Parabelsk-Narymsky Chumylkups) and southern dialectic areas have been included in the analytical review (Ket and Ob (Sondor) syussykums, Ob shoeshkups, Chaya syussykojgula). Primarily, it has been revealed that, in general, the Mansiysk pool of surnames is noticeably more extensive in quantity than the Selkup one. Furthermore, both the Mansi and the Selkups have their own specific set of surnames in each local group or dialect area; familial intersections between the groups within the same ethnic group are insignificant. Yet, the comparative study has revealed that there are some intersections in the family composition of these ethnic groups: the Lyapin-Sosva group of Mansi and the “farthest” southern Selkups. In addition, several surnames of the Kondinsky Mansi and of the Selkups who lived along the Ob River between the Keta, Chaya, and Chulymsk estuaries appear to be phonetically very close.

Keywords: Mansi, Selkups, local groups, family composition, areal-genetic relationships.

REFERENCES

- Alishina, Kh.Ch. (2016). *Historical onomasticon of the Siberian Tatars*. Tjumen'. (Rus.).
- Bardina, R.K. (2011). *The Ugric population of the Nizhnesos'vinsk Ob region (XVIII–XXI centuries)*. Novosibirsk. (Rus.).
- Davydova, G.M. (1989). An approach to the study of populations in anthropology. *Sovetskaya etnografiya*, (3), 31–36. (Rus.).
- Dmitrieva, T.N. (2013). Problems of studying the anthroponymy of the Ob Ugrians. *Vestnik ugrovedeniya*, (3), 23–37. (Rus.).
- Dolgikh, B.O. (1970). *Essays on the ethnic history of the Nenets and Ents*. Moscow. (Rus.).
- Helimski, E.A. (1982). *The oldest Hungarian-Samodistic language parallels*. Moscow. (Rus.).
- Kannisto, A., Nevalainen, J. (1969). Statistik über die Wogulen. *Journal de la Societe Finno-Ougrienne*, 70(4).
- Korusenko, M.A., Korusenko, S.N. (2001). Archive of V.I. Vasiliev at the Museum of Archeology and Ethnography of Omsk State University. In: *Samodiytsy: Materialy IV Sibirskogo simpoziuma «Kulturnoye naslediyе narodov Zapadnoy Sibiri»*. Tobol'sk; Omsk, 215–216. (Rus.).
- Malinovskaja, S.M. (1999). The problem of the genesis of Selkup surnames. In: *Traditsionnoye i sovremennoye v kulturakh Tomskogo Severa*. Tomsk. (Rus.).
- Malinovskaja, S.M. (2007). Anthroponymy in ethnocultural education (based on the material of the anthroponyms of the Narym Selkups). Tomsk. (Rus.).
- Mikhalchenko, V.Yu. (Ed.) (2016). *Language and society: Encyclopedia*. Moscow. (Rus.).
- Pelikh, G.I. (1955). Conditions for the emergence of a territorial yurt community among the Selkups of the Narym region. In: *Uchenyye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. T. 14. Tomsk, 251–284. (Rus.).
- Pelikh, G.I. (1962). Ring communication among the Selkups of the Narym region. In: *Sibirskiy etnograficheskiy sbornik*. T. 4. Moscow, 176–196. (Rus.).
- Pelikh, G.I. (1981). *The Selkups of the XVII century: Essays on socio-economic history*. Novosibirsk. (Rus.).
- Pivneva, E.A. (1999). *Mansi: Population structure, ethnodemographic processes (XVIII–XX cc.)*. Moscow. (Rus.).
- Plotnikov, A.F. (1901). *Narym region: Historical and statistical essay*. St. Petersburg. (Rus.).
- Rombandeeva, E.I. (1976). Mansi language. In: *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya: (Mariyskiy, perm-skiye i ugorskiye yazyki)*. Moscow, 229–239. (Rus.).
- Simchenko, Ju.B. (1965). *Tamgas of the peoples of Siberia of the XVII century*. Moscow. (Rus.).

* Corresponding author.

Бардина Р.К., Тучкова Н.А.

Sokolova, Z.P. (1970). On the origin of the Ob-Ugric names and surnames. In: *Lichnyye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem: Problemy antroponimiki*. Moscow, 268–278. (Rus.).

Sokolova, Z.P. (1975). On the issue of the formation of ethnographic and territorial groups among the Ob Ugrians. In: *Etnogenez i etnicheskaya istoriya narodov Severa*. Moscow, 186–210. (Rus.).

Sokolova, Z.P. (1982). Ob Ugrians (Khanty and Mansi). In: *The ethnic history of the peoples of the North*. Moscow, 8–47. (Rus.).

Sokolova, Z.P. (1983). *The social organization of the Khanty and Mansi in the XVIII–XIX centuries: Problems of phratry and family*. Moscow. (Rus.).

Sokolova, Z.P. (1984). The anthroponymy of the Ob Ugrians as a source for the study of ethnic history. In: *Etnicheskaya onomastika*. Moscow, 78–81. (Rus.).

Sokolova, Z.P. (2009). *Khanty and Mansi: A look from the XXI century*. Moscow. (Rus.).

Tuchkova, N.A. (2002). Turkic motifs and images in the folklore of the Ob Sheshkups. In: *Tyurki Sibiri*. Tobol'sk; Omsk, 321–327. (Rus.).

Tuchkova, N.A. (2014). *The Selkup Ecumene: The habitable space of the Selkups of the southern and central dialect groups*. Tomsk. (Rus.).

Tuchkova, N.A. (2024). Review of A.Ju. Urmanchieva's dissertation "Reconstruction of the linguistic landscape of Western Siberia (based on the material of Samoyed languages)", submitted for the degree of Doctor of Philology. *Yazyki i folklor korennykh narodov Sibiri*, 49(1), 153–160. (Rus.).

Urmanchieva, A.Ju. (2020). About possible contacts of the Mansi and Selkup languages (according to ethnonymys). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, (65), 146–157. (Rus.).

Urmanchieva, A.Ju. (2022). Historical areal connections of the Mansi language. *Voprosy yazykoznaviya*, (5), 7–34. (Rus.).

Бардина Р.К., <https://orcid.org/0009-0004-3138-6572>

Тучкова Н.А., <https://orcid.org/0000-0002-4448-0355>

Сведения об авторах:

Бардина Раиса Каллистратовна, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Ханты-Мансийск.

Тучкова Наталья Анатольевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Музей Природы и Человека, Ханты-Мансийск.

About the authors:

Bardina, R.K., Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher, Khanty-Mansiysk.

Tuchkova, N.A., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Museum of Nature and Man, Khanty-Mansiysk.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 09.06.2025

Article is published: 15.09.2025

Костомаров В.М. *, Туров С.В., Крестьянников К.Ю.

Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003
E-mail: vkostomarov@yandex.ru (Костомаров В.М.); svtur57@mail.ru (Туров С.В.);
k.y.krestyannikov@utmn.ru (Крестьянников К.Ю.)

ТРАДИЦИОННАЯ ГИДРОТЕХНИКА В АСПЕКТЕ ЛАНДШАФТНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (XVII — НАЧАЛО XX в.)

Представлены результаты анализа использования русским населением Зауралья гидрологических ресурсов посредством сооружения специальных конструкций, известных в литературе как водяные мельницы. Была выдвинута гипотеза о том, что водяные мельницы являлись не только сооружениями для переработки зерна, но и гидротехническими объектами. Методы исследования включали ландшафтный анализ на основе цифровой модели рельефа, реконструкцию водосбора в местах расположения водяных мельниц, а также изучение нормативных и делопроизводственных документов, свидетельствующих о взаимовлиянии ландшафтных систем и гидротехнических сооружений. В результате ландшафтного анализа в ГИС-системе и анализа исторических источников гипотеза была подтверждена. Выявлены закономерности, показывающие глубокие знания русского населения Сибири в области строительства сложных инженерных сооружений, а также существенные спонтанные и целенаправленные изменения в ландшафтных системах пойменного типа. Сделан вывод о полифункциональном назначении водяных мельниц, а также о широкой хронологической и географической распространенности данной традиции.

Ключевые слова: водяные мельницы, гидротехника, моделирование, ландшафт, ГИС, русское население Зауралья.

Ссылка на публикацию: Костомаров В.М., Туров С.В., Крестьянников К.Ю. Традиционная гидротехника в аспекте ландшафтно-пространственных взаимосвязей в Западной Сибири (XVII — начало XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 173–186. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-15>

Введение

Проблемы использования водных ресурсов в разные исторические эпохи вызывают неподдельный интерес. Ввиду достаточно устойчивой системы расселения русского населения Зауралья и Сибири этот вопрос становится наиболее актуальным. Начиная с первых поселений русские стремились к рациональному использованию природных ресурсов. Немаловажным, на наш взгляд, является анализ использования традиционных промысловых объектов, которые именуются мельницами. С точки зрения историографии вопроса можно отметить, что исследования сосредотачивались лишь на социально-экономическом аспекте или фиксации наличия мельниц, без глубокого анализа.

Исследуются социокультурные особенности, связанные с мельничным делом [Ведерникова, 2014], а также роль мельниц в хозяйственной деятельности крестьянства и их влияние на развитие промышленности [Борисов, 1998]. Зачастую авторы ограничиваются рассмотрением отдельной мельницы в качестве объекта исследования [Борисов, 1998; Тарновский, 2023] или обращаются к истории распространения, бытования мельниц на конкретных территориях европейской части России [Заяц, 2012; Никифорова, 2021; Сафонова, 2005; Филиппова, 1997].

В свою очередь, исследования по истории хозяйственного освоения Западной Сибири в XVII–XIX вв. также не обходят стороной вопросы строительства водяных мельниц и развития мукомольного производства. Наличие водяных мельниц является знаковым подтверждением развития земледелия, товарно-денежных отношений и мелкотоварного производства на территории Западной Сибири с XVII в. В монографии М.М. Громыко было рассмотрено влияние водяных мельниц на экономику региона, включая торговлю мукой и взимание монастырями с крестьян помольных денег в качестве платы за использование мельниц [1965, с. 246]. Автор подчеркивает важность водяных мельниц в контексте аграрного развития Западной Сибири в XVIII в. и их влияния на социально-экономическую структуру региона. Комплексные исследования по

* Corresponding author.

истории становления и развития мукомольного производства в Сибири XVII в. с привлечением широкой источниковой базы были проведены А.А. Люцидарской. Автор дает типологию мельниц по различным категориям (используемая энергия, механизм помола, производительность и имущественно-правовая принадлежность) [2018, с. 458]. Подобные работы вписываются в общее направление исследований по истории хозяйственного освоения Сибири в XVII–XIX вв., внося весомый вклад в изучение хозяйственных и мировоззренческих традиций, материальной культуры и технологий сибиряков в рассматриваемый период.

Ввиду малочисленности комплексных исследований по истории мельничного дела в Сибири вопросы, связанные с экологическими проблемами, возникшими по причине строительства крупных мукомольных предприятий, остаются малоизученными. Еще одним аспектом, который редко затрагивается в работах по истории хозяйственного освоения Западной Сибири, является картографическое отображение мельниц на чертежах С.У. Ремезова. В современной историографии попытка всесторонне рассмотреть развитие мельничного дела в Зауралье была предпринята коллективом исследователей из Курганской области [Тершукова, Маслюженко, 2023]. Авторы опирались на широкий круг источников, включающий в себя картографические материалы Хорографической чертежной книги Сибири С.У. Ремезова, статистические описания Тобольской и Пермской губерний, а также их уездов, делопроизводственные документы, мемуарную литературу и фотографические изображения. Авторы статьи привлекают данные географических и экологических исследований, что позволяет комплексно осветить развитие мельничного дела на территории Среднего Приобья.

Схожие исследования с привлечением археологических и письменных источников проводились на примере мельниц Тарского уезда конца XVII — XVIII в. [Татаурова, Воробьев-Исаев, 2024]. Авторы проанализировали различные типы мельниц, их конструктивные особенности, производительность и расположение на территории Тарского Прииртышья. На основе полученных материалов удалось создать модель формирования мукомольного производства в Тарском уезде в начале XVIII в.

Анализ историографии показывает, что социокультурные аспекты мельничного дела и его роль в хозяйстве Европейской России изучены достаточно подробно, тогда как работы по сибирскому мукомольному производству немногочисленны, несмотря на применение междисциплинарного подхода. Перспективными направлениями являются картографические исследования (анализ чертежей Ремезова, создание ГИС с локализацией мельниц) и изучение экологического аспекта — влияния мельниц на гидрологический режим и ландшафты. Ключевым представляется междисциплинарный синтез — истории, географии, экологии и экономики, позволяющий глубже исследовать роль гидротехнических сооружений в истории Западной Сибири.

Данная работа является попыткой рассмотреть вопрос о полифункциональном значении водяных мельниц у русского населения в Зауралье в широком хронологическом контексте.

Методы

Анализ чертежных книг С.У. Ремезова позволил выявить ключевые локации для исследования и ландшафтного моделирования водосборных бассейнов. Картирование мельниц на основе этих материалов дало возможность изучить их пространственное распределение и взаимосвязи. Метод картирования, сочетающий исторические источники и ГИС-технологии, включает несколько этапов: сбор и анализ данных, их оцифровку, создание атрибутивной информации, пространственный анализ и визуализацию. Его преимущество — интеграция разрозненных данных и наглядное представление исторических процессов.

Далее было выполнено моделирование водосборных бассейнов вокруг мельниц, как метод наиболее эффективный для оценки уникальных ландшафтных особенностей [Шатровская, Шатровский, 2023]. Для этого использовался участок в районе слияния Тобола и Исети. На основе ЦМР — цифровой модели рельефа (SRTM, 30 м) в ArcGIS провели обработку данных: устранили локальные понижения, рассчитали направление и аккумуляцию стока, выделили водотоки с заданным пороговым значением. После векторизации водотоков и определения точек устья построили модель водосборных бассейнов с помощью инструмента Watershed. Финальная визуализация выполнена в QGIS.

На основе реконструкции была создана карта водосборной области междуречья Тобола и Исети, что, в свою очередь, позволило выявить основные принципы размещения мельниц. Данная методика дает возможность определить территорию, с которой собиралась вода, так как относительный объем водосбора обуславливал полноводность и возможность использования

того или иного типа гидротехнического сооружения. Для верификации и уточнения статуса мельниц мы также изучили архивные материалы. Они включают как письменные источники, так и схемы, сопровождавшие часть документов. При анализе исторических источников применялся историко-экологический метод (*environmental history*), когда окружающая среда (ландшафт) учитывается не как стабильный фон социально-экономических процессов, но как постоянно изменяющийся (масс-энергетический обмен) актор. Упор делался на выяснение способов взаимодействия населения с ландшафтом и выявление полифункционального назначения сооружений, именуемых мельницами. К общим можно отнести методы типологии и корреляции полученных данных по результатам исследования источников и ГИС-реконструкции.

Результаты

Обратимся к нарративным источникам. В Тобольском уезде в конце XVII в. насчитывалось 975 мельниц, в Томском уезде в начале XVIII в. — 95. Причем ветряные мельницы были скорее исключением [Люцидарская, 2018, с. 458]. Дело в том, что лесостепная зона края начинает активно осваиваться в XVIII в. Поскольку основная хлебопахотная зона смещается в лесостепь, постольку растет количество ветряных мельниц, которые менее производительны в сравнении с водяными, но проще в строительстве. Во второй половине 1820-х гг. в Западной Сибири в целом количество ветряных мельниц вдвое превосходило количество мельниц водяных [Пундани, 1984, с. 39]. Однако соотношение количества водяных и ветряных мельниц по районам было неодинаковым. Во второй половине XVIII в. в Южном Зауралье по рекам Исеть, Миасс, Тобол имелось 337 водяных мельниц и 277 ветряных [Балюк, 2003, с. 121]. В 1780-е гг. при примерно равном количестве населения в Шадринском уезде, тяготевшем к р. Исети, имелось 64 водяных и 207 ветряных мельниц, а в Курганском уезде, располагавшемся на более полноводном Тоболе,— 132 водяные и 192 «ветродействуемые» [Тершукова, Маслюженко, 2023, с. 281]. Заметна корреляция числа водяных мельниц с наличием водных источников в Западной Сибири в целом. Так, в 1826 г., по официальным данным, в Западной Сибири насчитывалось 3213 водяных мельниц. Из них 974 — в Тобольской губернии, 2192 — в Томской. В степной, по преимуществу земледельческой, полосе Омской области — 47 [РГИА. Ф. 1264, оп. 1, д. 529, л. 14]. Прослеживается зависимость мельничного производства от расположения тех или иных населенных пунктов на оживленных торговых путях. В начале XX в. в Байкаловской волости Тобольского уезда работали 48 ветряных и 4 водяных мельницы. Такой объем мукомольного производства связан был с расположением большинства селений волости на Московском тракте [Балюк, 1992, с. 32]. Этим же объясняется соотношение ветряков и водяных колес. Понятно, что в данном случае выбор был обусловлен прежде всего стремлением обосноваться на оживленной дороге. Московский тракт проходил и через Тюменский уезд. Здесь в это же время (1904 г.) насчитывалось 560 ветряных и 106 водяных мельниц [Балюк, 2003, с. 122]. Число мельниц в регионе зависело от роста производительных сил. Только за 32 года (1796–1828) количество мельниц в Западной Сибири увеличилось в 8 раз, причем за счет водяных мельниц, что напрямую было связано с их большей производительностью. Так, в Тобольской губернии с 1826 по 1828 г. количество ветряных мельниц сократилось с 3213 до 2928, а водяных — возросло с 6873 до 7878 [Пундани, 1984, с. 39]. В Курганском округе Тобольской губернии в 1860-х гг. действовало 32 водяных мельницы, а к началу 1890-х гг. их было 75 [Тершукова, Маслюженко, 2023, с. 285].

Существовало два типа водяных мельниц. Более мощные, «колесчатые» с наливным колесом, строились преимущественно на крупных реках, тогда как «мутовки» (колотовки), с лопастным валом, использовались на малых водотоках. Несмотря на безусловное превосходство в производительности, водяные мельницы полностью зависели от нестабильного речного стока. Так, в принадлежащей Знаменскому тобольскому монастырю деревне в 1670-х гг. на речке Сузунке стояла колесчатая мельница, работала она только «вешнею и осеннею водою». Того же монастыря в деревне, стоящей на речке Духовой, мельница молола «вешнею водою и скоплянною» [Книга переписная..., 2001, с. 29, 68]. В начале 1830-х гг. крестьяне Липчинской волости жаловались, что две мельницы, на р. Галашевке и «озерном истоке», «действуют медленно в одно весеннее время не более одного месяца за неимением воды». Крестьяне Фоминской волости Тюменской округи сообщали, что стоящая на р. Борзиковке мельница «производит молотье весной не более как двух суток, а во время лета в пруде воды не имеется». Две мельницы на речке Айбе (д. Щелконогова) мололи «весною не более недели, а во время лета в пруде воды не имеется». В таком же режиме работали две мельницы на р. Мостовке в селе Фоминском [ГАТЮТ. Ф. 154, оп. 20, д. 62, л. 11, 17, 19]. В 1911 г. двум мельницам, находящимся на р. Мостовке в Шат-

ровской волости Ялуторовского уезда близ д. Чекалиной, из-за маловодности речки «приходится работать 1-й два дня, а второй 1 день в неделю. Остальное время копят воду, с 15 ноября по 1-е апреля мельницы совсем не работают» [Там же. Ф. 417, оп. 1, д. 360, л. 89]. Имелась порайонная зависимость работы водяных мельниц от речного стока. Специфику режима работы водяных мельниц на более-менее крупных реках и небольших речках в южно-таежной полосе Западной Сибири описал в 1911 г. тобольский уездный исправник: «...мельницы о двух и более поставках ежегодно прекращают свою работу со времени разлива весенней воды в первых числах апреля и начинают действовать по уходе воды — с августа месяца и позже, если бывает лето с обильными дождями. Мельницы же об одном поставе устраиваются на незначительных речках и работают только во время весеннего разлива воды. В летнее время мельницы работают быстрее, а в зимнее слабее по случаю вымерзания воды» [Там же, л. 13]. Для лесостепной зоны специфику обрисовал исправник Ишимского уезда: «...мукомольные мельницы, кроме стоящих на реке Ишме, работают, большей частью, во время весеннего половодья, а остальное время, по маловодью, находятся без действия» [Там же, л. 111].

Обмеление рек и в связи с этим прекращение работы водяных мельниц в конце XIX — начале XX в. стало общей проблемой для земледельческой полосы Западной Сибири и явилось следствием интенсивного антропогенного изменения ландшафта, вызванного вырубкой и выжиганием лесов, а также осушением болот переселенцами. Существенна роль в этом отношении и Переселенческого управления. В 1895–1908 гг. его усилиями в Барабинской степи было осушено до 900 000 десятин болот. Занимались мелиоративными работами и крестьяне. В частности, в Туринском уезде проводились канавки из болот на сенокосы и пашни, небольшие болота выжигались [Белянин, 2013, с. 82]. В результате описанной деятельности, например, в Тарском округе в 1900 г. обмелели реки Уй, Шиш, Туй, «чего прежде никогда не бывало» [Туров, 2020, с. 1761]. В 1890-е гг. на р. Кизак в д. Пороги Курганского уезда стояли две мельницы, но одна из них из-за обмеления реки не действовала. В это же время и в этом же уезде «за обмелением реки» Суери водяная мельница работала не в полную силу [Гершукова, Маслюженко, 2023, с. 285]. Многие малые речки в это время и вовсе исчезли, а вместе с ними и водяные мельницы. Так, в Тюкалинском уезде Тобольской губернии пересохла речка Китерма, соединявшая некогда оз. Ик с оз. Салтаим. До этого на ней более 100 лет проработала водяная мельница [Большаник, 2022, с. 135]. Ничего хорошего не сулил мельничному производству и резкий подъем речных вод. Так, в 1649 г. вешние воды снесли мельницу в устье р. Тюменки в г. Тюмени [РС НИА СБ ИИ РАН. Ф. 187, оп. 1, д. 123]. В XVII в. постоянно разрушались от вешних вод плотины мельниц в Томске и окрестностях: «...подходит к той мельнице (государева мельница в Томске на р. Ушкайке. — С. Т.) с Томи сгорная вода и тою водою все годы плотину размывает и портит...» [Люцидарская, 2018, с. 458]. Особенно страдали мельницы во время наводнений с высокой водой. Во время катастрофического половодья 1859 г. на р. Тоболе в окрестностях Кургана были разрушены плотины водяных мельниц, «мельничные водяные амбары» превратились в руины [Туров, 2022, с. 111]. Владельцы мельниц достаточно быстро их восстанавливали. В 1743 г. на р. Лобуте Тобольского подгородного дистрикта была построена колесчатая мельница, а уже весной 1745 г. «оную мельницу большою вешнею водою потопило и анбар снесло и плотину промыло, и в том же 1745 году на объявленной плотине, по збытии оной большой воды... построили вновь мельницу колесчатую об одном поставе» [ГАТОН. Ф. 154, оп. 20, д. 62, л. 83 об.]. В Фоминской волости Тюменского округа на р. Ивановке близ д. Тотниковой мельница была «построена в 1827 году, после сношения водою 1826 года» [Там же, л. 127 об.].

Указанные ситуации заставляли ответственно подходить к выбору места для будущей мельницы, особенно если каким-то образом затрагивались интересы казны. Об этом дает представление проект устройства водяной мельницы в Каркаралинской казачьей станице Омской области в 1833 г.: «...а как имеется там ручей, из коего жители довольствуются водою, по малому течению оно в зимнее время от морозов почти вовсе исчезает, то в отвращение сего, приказчик полагает ниже селения на означенном ручье при удобном месте сделать плотину и удерживать воду в пруду, которая, будучи поднята на довольную высоту, закроет все текущие в ручей ключи, не даст им в морозы замерзнуть, и воды во всякое время будет достаточно, так, что можно будет устроить и водяную мельницу» [ГИАОО. Ф. 3, оп. 1, д. 1224, л. 7 об.]. В 1857 г. в штаб отдельного Сибирского корпуса поступило прошение от урядника 7-го казачьего полка Агапа Паршукова о разрешении построить мельницу на ручье, впадающем в оз. Калдамское (Долмацкое). По поводу этой инициативы начальнику временной межевой партии Бибикову бы-

ло поручено проверить, возможна ли постройка в данной местности мельницы. В результате «он удостоверился, что количество воды в самом ручье (коего вершина из трех родников) на протяжении 250 сажень и в наполняемом им бассейне достаточно только для одно-поставной частной мельницы» [Там же, оп. 3, д. 4067, л. 1–3].

Мельницы возводились неподалеку от населенных пунктов. Так, в 1624 г. близ г. Тюмени работало 6 мутовчатых мельниц [Тюмень в XVII столетии..., 2004, с. 48–49]. Даже сравнительно небольшие населенные пункты имели несколько мельничных плотин. В 1783 г. в Тюменском уезде в с. Каменском и близ него на речке Каменке имелось две мельницы. В д. Золотой Кармакской волости того же узда на речке Айбе — две мельницы [ГАТО. Ф. И-10, оп. 1, д. 632, л. 8, 20 об.]. Близ юрт Шайтанских Тюменского уезда в 1830-х гг. на речке Нерде стояло 3 мельничных плотины [ГИАОО. Ф. 3, оп. 2, д. 1842]. В станице Алтайской и поселке Урыльском Бийской казачьей линии Семипалатинской области в 1877 г. имелось 7 мельниц-мутовок [Там же, оп. 9, д. 15236, л. 1.]. В д. Филиной Тугулымской волости Тюменского уезда в 1911 г. работали 3 мельницы. Столько же мельниц в это время стояло близ д. Лужбиной Липченской волости Тюменского уезда, а близ д. Тотниковой Фоминской волости — 4 мельницы. На р. Иске близ д. Заморниковой Велижанской волости того же уезда — 5 мельниц [ГАТОТ. Ф. 417, оп. 1, д. 360, л. 140, 145–147].

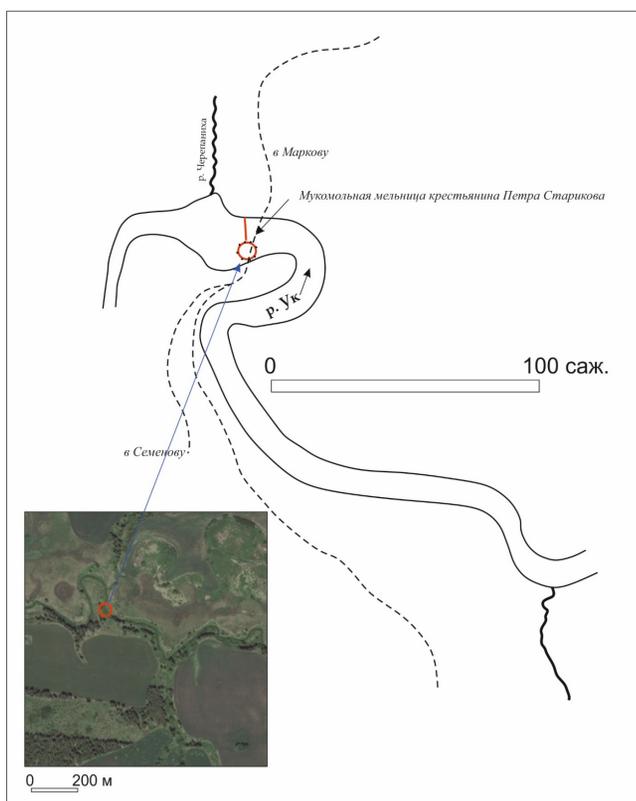

Рис. 1. Мельница крестьянина Петра Старикова на р. Ук. По материалам ГАТОТ. Ф. 185. Оп. 1. Д. 112. Местоположение и устройство.

Fig. 1. The mill of peasant Pyotr Starikov on the Uk River. Based on materials from the State Archive in Tobolsk. Location and structure.

Строились мельничные плотины достаточно плотно, так как близость к населенному пункту являлась преимуществом. Близ с. Успенского Тюменского округа в 1832 г. на р. Большой Кармак имелось 3 мельницы. Первая отстояла выше села в полуверсте, вторая — ниже села в версте, а третья «ниже последней мельницы в расстоянии одной версты» [Там же. Ф. 154, оп. 20, д. 62, л. 93]. Иногда мельницы стояли настолько плотно, что воды им попросту не хватало для полноценной работы. Так, жители д. Мальцевой сообщали в 1832 г., что мельница у них на р. Малом Кармаке работает только «при скоплении воды в весеннее и летнее время... а зимой по многочисленной застройке мельниц (выделено мной. — С. Т.) и по маловодью» не работает вовсе [Там же, л. 137]. В пределах Тугулымской волости Тюменского округа находилась большая часть течения

р. Айбы, общая протяженность которой составляет 19 км. Это речное русло в 1833 г. было перерезано 13 мельничными плотинами [ГАТОТ. Ф. 154, оп. 20, д. 62, л. 154–158].

При выборе места для строительства мельниц существовали предпочтения. Мельничными плотинами запирались устья малых рек. Так, в устьях рр. Большого и Малого Кармака в 1832 г. стояли мельницы [Там же, л. 93 об.]. «На Китменке, при устье блис самой реки Тавды», в Антроповской волости того же Тюменского уезда имелась мельничная плотина [Там же, л. 162 об.]. В Назымской волости близ юрт Буренских мельница была построена в 1748 г. на речке Пелина, «которая устьем выпала из горы в Буренской сор» [Там же, л. 170]. Дело в том, что в устье реки течение замедляется и образуется плес. Плесы возникают и по другим причинам, например, после резкого поворота речного русла. На таком месте была устроена мельница на р. Ук близ д. Семеновой Заводоуковской волости Ялуторовского округа. На плане земельного участка, выделенного под мельницу, видно, что мельничная плотина перекрывает реку на выходе речной луки (меандра), повернувшей русло практически на 90° [Там же. Ф. 185, оп. 1, д. 112] (рис. 1). Такая же локация была избрана для плотины пруда в дачах Абалакского Иоанно-Введенского Межегорского женского монастыря на впадающей в р. Тобол р. Шанталык (рис. 2) [Там же. Ф. 353, оп. 1, д. 1059, л. 34]. Еще одним предпочтительным местом возведения мельничной плотины были озерные истоки: «на истоке, выпадаемом из озера Олдаскинска»; «на истоке, выпадаемом из озера Истомнаго» (Червишевская вол.); «на проливе из озера Криваго, выпавшем в реку Туру» (Богандинская вол.); «на истоке озера Кивова» (Тюменская городовая волость) [Там же. Ф. 154, оп. 20, д. 62, л. 140 об., 160, 170 об.].

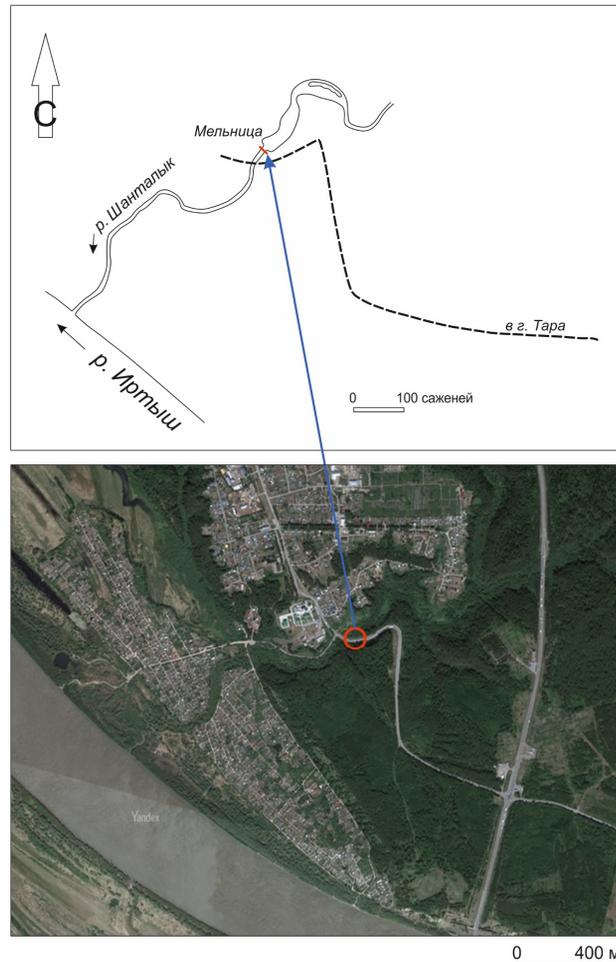

Рис. 2. Мельница Иоанно-Введенского женского монастыря на р. Шанталык. По материалам ГАТОТ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1059. Местоположение и устройство.

Fig. 2. The mill of the Ioanno-Vvedensky convent on the Shantalyk River. Based on materials from the State Archive in Tobolsk. Location and structure.

Первым следствием возведения водяной мельницы было затопление определенного участка поймы мельничным прудом. Многие мельничные пруды имели вековую историю и стали органической частью ландшафта. В 1801 г. «более ста лет» было мельнице на р. Ангерь в д. Ереминой Антроповской волости Тюменского уезда [ГАТОТ. Ф. 154, оп. 20, д. 62, л. 62]. В 1833 г. в Тюменском округе в Каменской волости только на р. Каменке насчитывалось 6 мельничных прудов со столетней историей [Там же, л. 115, 116, 116 об., 117 об., 119, 119 об.]. Еще одна мельница к 1833 г. стояла здесь уже более 150 лет [Там же, л. 118]. Один пруд на той же речке близ с. Каменского имел двухсотлетнюю историю [Там же, л. 5]. Дата постройки мельничной плотины в документах встречается редко. Чаще отмечается, что мельница построена «кем и когда неизвестно». Это означает, что большинство мельничных прудов имели давнюю историю. В 1833 г. об одной мельнице на речке Китменке жители Антроповской волости Тюменского уезда знали, что она была «построена в 1659 году крестьянами д. Андрюшиной Федором Ереминым и Никифором Канаковым с товарищами — всего 10 человеками», а другая — «в 1682 году прадедами и дедами крестьян деревни Андрюшиной Герасимом Маркадеевым и Федором Девятковым с товарищами» [Там же, л. 163].

Площадь, затопленная в результате строительства мельничной плотины, была различной и зависела от многих обстоятельств: рельефа местности, объема речного стока, высоты плотины и т.п. Так, в результате возведения в 1858 г. мельницы на р. Белой, близ одноименной деревни Тобольского округа, возник пруд площадью 3500 квадратных сажен¹. Мельничный пруд мог затапливать покосные и пашенные угодья. В 1833 г. крестьянское общество д. Минской Фоминской волости Тюменского округа решило избавиться от мельницы, стоящей на р. Ивановке, на том основании, что она «от скопления воды отапливает скотского выпуска 9 десятин». На том же основании крестьяне д. Некрасовой той же волости желали избавиться от мельницы на той же речке. На этот раз мельничный пруд подтапливал 20 десятин скотского выпуска и 2 десятины покосов [Там же, л. 16].

Так как мельничные плотины ставились тесно, возникали хозяйственные споры уже между владельцами мельниц. Так, 30 ноября 1687 г. тюменские конные казаки Иван Кулаков и Яков Калчуков подали жалобу на конного казака Андрея Семенова, который «поднял воду» на своей мельнице на р. Каптагае и, как следствие, затопил их мельницы, лежащие выше. По этому поводу был назначен в доезд сын боярский Иван Максимов, который опросил жителей дд. Кулаковой и Коклягиной и произвел соответствующие замеры. В итоге был сделан вывод, что Андрей Семенов плотиной своей мельницы действительно поднял уровень воды «на четверть аршина против прежнего» и потопил мельницы указанных конных казаков, расположенные выше. Семенову было вменено понизить уровень воды в его мельничном пруду. Семенов «воду от мельницы с пруда... на два вершка против прежнего» спустил, но челобитчики требовали, чтобы он понизил уровень пруда еще на два вершка. На это Семенов резонно замечал, что «мельница ево Ондрюшки молоть не будет и желоба водяного утвердить нельзя». Чем закончился данный хозяйственный спор, неизвестно [РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 187, оп. 1, д. 803, л. 2–4]. С течением времени ситуация менялась мало. Так, в 1853 г. в Курганский окружной суд поступил иск от крестьянина Г.Т. Суханова на крестьян Курганского округа Иковской волости д. Рычковой Ф.З. Прокопьева и И.И. Казанцева в том, что принадлежащая им мельница, устроенная на р. Ик, подтопляет его мельницу, расположенную на той же реке четырьмя верстами выше по течению. Замечательно, что ответчики подтвердили документами, что мельница устроена их предками более ста лет назад, около 1728 г., а также утверждали, что «отцами нашими не только нами высота горизонта воды всегда содержалась равномерно и не подавала повода ни к каким жалобам» [ГИАОО. Ф. 3, оп. 3, д. 3389, л. 1–2].

Описанная выше проблема встречалась настолько часто, что требовала административного вмешательства. В 1766 г. Тюменская воеводская канцелярия в подобной ситуации опиралась на Соборное уложение 1649 г.: «...а Соборного уложения 10 главы в 238 статье напечатано, будет кто помещик или вотчинник похочет у себя в поместье или в вотчине на реке плотину делать и мельницу устроить вново и берега оба тое реки будут его, а выше тое плотины у иных помещиков и у вотчинников на тое же реке старых мельниц и пашенных земель и сенных покосов блиско берегов тое мельницы не будет или и будет да от тое новья запрудныя воды тем верхним мельницам и пашням и сенным покосам никакия порухи не будет, и ему та мельница вновь строити волно». Руководствуясь этим положением, Тюменская воеводская канцелярия, прежде чем разрешить разночинцу Ф. Девятову строительство мельницы на р. Иске «на долгом

¹ Подсчет выполнен на основе масштаба, имеющегося на плане мельницы [ГАТОТ. Ф. 154, оп. 1622, д. 7].

плесе» близ д. Искинской, истребовала от «разных чинов» жителей деревни «подписку»: «...что от спрудной плотиною воды пашенным землям и санным покосам и состоящей выше того места мельнице ямщика Пелевина потопления не будет» [ГАТО. Ф. 47, оп. 1, д. 2259, л. 47]. Судя по документам, описанная процедура была стандартной, изменялись только правовые основания. В середине XIX в. Томская казенная палата на основании имперского «Устава о городском и сельском хозяйстве» желающим арендовать землю под водяную мельницу у крестьян Спасской волости д. Нижне-Больше Протопоповой капитану корпуса жандармов Катанскому и его компаньону крестьянину Колыванской волости Созонову вменяла при составлении соответствующего договора «определить, если возможно, высоту воды и прописать обязанности содержателей мельницы, в случае потопления чьих-либо других мельниц или заведений от излишнего поднятия воды» [ГИАОО. Ф. 3, оп. 3, д. 4239, л. 1–5].

Таким образом, обзаведение водяной мельницей было делом хлопотным. Замечательно в этом отношении прошение крестьянина Пятковской волости Ялutorовского уезда Василия Баушкина на имя генерал-губернатора Западной Сибири, поданное в 1833 г. В прошении Баушкин сообщал, что он вознамерился строить в д. Талице на одноименной речке «мукомольную мельницу» на один постав, на что получил от «волостного начальства» соответствующую «подписку». Проситель особо не верил в силу данной «подписки» и, опасаясь в будущем претензий от местных жителей, просил выдать ему «законное укрепление» на строительство мельницы. Однако, к неудовольствию просителя, генерал-губернатор А.И. Вельяминов оставил на прошении следующую резолюцию: «Просителю объявить, что я не имею права дозволить ему строить мельницу, и что он по сему предмету должен руководствоваться законами» [Там же, д. 1253, л. 1].

В этом же, 1833 году решилась на сделку с «Курганской округи Смоленской волости деревни Курганской крестьянами» по строительству мельницы на 6 поставов на старице р. Тобола «ростовская первой I-й гильдии купечская жена Мясникова». Условия к договору, выдвинутые крестьянским обществом, касались прежде всего сохранения целостности и доступности прилегающих к участку, выделенному под строительство «неудобной ни к пашне, ни к покосу земли три десятины», угодий. Так, плотина должна была поднимать воду в Тоболе таким образом, чтобы поемные покосы не затоплялись, а сама мельничная плотина снабжалась настилом, по которому скот можно было перегонять на пастбища на противоположный от деревни берег реки. Плотина устраивалась «из земляной насыпи без всяких труб и свинок». Здесь имелась в виду не просто земля, а дерн². В теле плотины по середине устраивался «проход... для стоку воды и прохода барок шириною в 5-ть сажень» [Там же, д. 1295, л. 21–22].

Мельничные плотины существенно меняли условия речного стока. С точки зрения наблюдателей-современников, на малых реках последствия зарегулированности стока скорее имели положительный хозяйственный характер. В 1860-е гг. об этом писал И.И. Завалишин: «Там они не вредны (плотины. — С. Т.), даже полезны, образуя резервуары чистой воды для нужд окрестных деревень» [1862, с. 198]. В этом с И.И. Завалишиным в начале 1830-х гг. согласны, например, жители д. Зырянской Тюменского округа на речке Большой Кармак: «...жители чрез запружение реки пользуются водою. Бude мельницу уничтожить, то вода в зимнее время, по мелкоте речки, будет вымерзать». На этом основании крестьяне даже оброка с владельца мельницы не требовали [ГАТОТ. Ф. 154, оп. 20, д. 62, л. 87]. На р. Малый Кармак жители д. Рябовой пользовались водою «чрез спружение речки» мельничной плотиною. Так же удовлетворяли потребности жителей в воде мельничные пруды на той же речке в дд. Гилевой, Скородумской, Кошкарковой, Мальцовой.

Вообще складывается впечатление, что назначением многих мельниц на малых речках, по большей части, являлось водоснабжение населенного пункта, а уже потом — помол. Отчетливо это сформулировано крестьянским обществом с. Успенского Тюменской округи по поводу платежа оброка за две мельницы на р. Малом Кармаке их владельцами: «...мельницы оныя написанным крестьянам такой пользы, за которую бы они могли платить оброк, не приносят. Мелют тогда только, когда бывает скопление воды весною и летом во время бываемых дождей» [Там же, л. 19–24]. Того же мнения и по той же причине придерживались жители д. Скородум [Там же, л. 90 об.].

Еще одно преимущество для местных жителей от мельничных прудов на малых реках состояло в том, что они со временем становились продуктивными рыболовными угодьями. В 1830 г.

² Дерн нарезался при помощи плуга. Участок целины нарезали на пласты. Такой пласт тянулся, не разрываясь, на несколько сажень. Во время строительства в 1752 г. мельницы на р. Тобол, «выше Гаева истоку, под Каминским бором», близ Каминской слободы Исетской провинции хозяевам было разрешено «на закрепление пруда траву косить и дерну орать» [ГАТОТ. Ф. 154, оп. 20, д. 62, л. 217].

крестьяне д. Никитинской и с. Покровского Тюменского округа при заключении договора с хозяином мельницы, построенной на р. Бобровке, отдельным пунктом оговаривали свободный доступ для лова рыбы на мельничном пруду [Там же, л. 114 об.]. Имелись и негативные следствия для рыбной ловли от запруживания малых рек. Те же крестьяне д. Никитинской в 1833 г. жаловались, что местная водяная мельница вредна «за непропуском в весеннее время в озера белой рыбы» [Там же, л. 3]. По этой же причине отказались от продления аренды земли под мельницей татары юрт Варваринских, стоящих на одноименной реке, Тюменского округа [Там же, л. 41]. Крестьяне дд. Иски и Артамоновой Гилево-Липовкой волости Тюменского округа отказали владельцу мельницы в продлении аренды на том основании, что «от спруживания речки Иски в малое разлитие воды рыба в оную из реки Тобола не проходит и жители как их 2-х селений, равно и все живущие по реке Иске, в рыболовстве остаются без пользы» [Там же, л. 147–147 об.]. Но были и исключения. Жители д. Ереминой на р. Китменке близ устья р. Тавды получали выгоды от такого рыбного места, однако и мельница им была нужна. В результате они заключили сделку с владельцем, по которой он должен был «во время бываемого в реке Тавде духа рыбе то останавливать действие мельницы до 4 суток для лову жителями рыбы, а по прибывании воды у мельниц, вешники³ для проходу рыбы разбирать» [Там же, л. 43]. Жители д. Мостовщицкой Нижнетавдинской волости включили в договор с владельцем мельницы условие: «...в зимнее время отнюдь воду течением не останавливать для скопления оной, ибо от того ниже пруду для продовольствия скота бывает недостаток» [Там же, л. 92].

На крупных реках плотины создавали массу проблем. В середине XIX в. р. Ишим из-за мельничных плотин была несудоходна. Мало того, Ю.А. Гагемейстер считал, что зарегулированность мельницами ишимского стока обусловила малорыбность этой реки [1854, с. 19–20]. Не лучше обстояли дела на р. Тоболе в это же время. Река была во многих местах перепружена плотинами, чаще всего «состоявшими из навоза и нечистот». Особенно выделялась мельница шадринского купца Тимофея Вагина: «...в 8 верстах от города крупчатный завод купца Вагина, крупнейший в Сибири... он многим вредит краю закрытием судоходства по Тоболу, а самому городу и ближайшим селениям — застою Тобола, который летом цветет, плеснеет и убил здесь прежде обильное рыболовство» [Завалишин, 1862, с. 197]. Крупное крупчато-мукомольное производство, принадлежащее ялуторовскому второй гильдии купцу Балакшину, находилось на р. Тоболе в 6 верстах от города Кургана [Ершов, 1994, с. 91]. Перепруженность рек препятствовала сплаву леса. Так, в начале 1860-х гг. сплав леса вверх по Тоболу от Ялуторовска до Кургана был «невозможен или, лучше, очень труден, потому что от Ялуторовска, отстоящего от Кургана в 160 верстах, до Кургана на Тоболе устроено шесть мукомольных мельниц (из них одна в четырех, а другая в девяти верстах от Кургана)» [Статистические описания Сибири..., 2022, с. 253]. Плотины этих мельниц не были оборудованы шлюзами, хотя шлюзование было бы выгодно самим владельцам мельниц. Плотины смогли бы успешнее противостоять паводкам. В результате плотины зачастую прорывались весенними водами, а лес из ялуторовских боров доставлялся в Курган гужевым транспортом, что делало древесину настолько дорогой, что кирпичный дом строить было выгоднее, нежели деревянный [Там же, с. 253]. Впрочем, часть леса доставлялась к потребителю в половодье, когда мельничные плотины не выдерживали напора воды. Еще правительство Алексея Михайловича пыталось решить проблему помех судоходству и рыбной ловле от строительства мельничных плотин [Люцидарская, 2018, с. 459], но, как видим, проблема решения не находила и значительно позже. Положение начинает меняться в конце XIX в. — крупные мельницы все чаще переходят на паровую тягу. Так, только в 1911 г. в Тобольской губернии было испрошено 11 разрешений на строительство мельниц «с установкой нефтяного двигателя» и только одно на строительство водяной [ГАТот. Ф. И. 353, оп. 1, д. 823, 824, 827, 835, 839–841, 848–850, 853, 854]. В 1914 г. Алтайская фабричная мукомольная компания, Южно-алтайская мукомольная компания и Новониколаевское мукомольное товарищество объединились в синдикат с центром в Новониколаевске. Пять крупных паровых мельниц работали в Омске. Омск и Новониколаевск господствовали на региональном рынке [Горюшкин, 1967, с. 149], да так успешно, что в Тюкалинском уезде в 1911 г., скорее всего по этой причине, работала всего одна водяная мельница на р. Омь близ д. Усть-Горы [ГАТот. Ф. 417, оп. 1, д. 360, л. 134]. Впрочем, чем далее от индустриальных монополистов, тем лучше

³ Вешнячный прорез, или вешняк, предназначался для спуска из пруда излишней воды. «Уровень воды сильно поднимается весной и во время дождей, почему излишняя вода пропускается через вешняки...» [ГАТот. Ф. И. 417, оп. 1, д. 360, л. 40].

обстояли дела у традиционного мельничного производства. В Тобольском уезде в 1911 г. работало 69 мельниц, а в Туринском — 43 [Там же, л. 13–19, 27–32]. Своеобразным символом уходящей эпохи водяных мельниц и наступающей в отрасли индустриализации является упоминаемый далее некий мукомольный гибрид. В 1911 г. владелец мельницы в с. Сарагульском Туринского уезда просил Строительное отделение Тобольского губернского управления разрешить «строительство помещения для локомобиля к водяной мельнице» [ГАТОН. Ф. И353, оп. 1, д. 824].

Анализ картирования и ЦМР показал некоторые особенности и выявил структурные паттерны размещения водяных мельниц. По материалам С.У. Ремезова установлено, что использовались не только крупные реки, но и основные притоки зауральских рек (рис. 3). Как правило, мельницы располагались не по одной, а последовательно от двух до трех, формируя небольшую систему подпруживания русла реки. Если имелась единичная мельница, то она располагалась обычно в русле крупных рек — Тобол, Исеть, Тура, Тавда, при этом мельниц на самом Иртыше отмечено не было, скорее всего ввиду сложности возведения из-за размеров русла, сильного течения, большой глубины реки и судоходства. Как правило, мельницы, организованные в систему, имеют небольшой площади водосбор, но всегда размещены с определенным, равным интервалом, что свидетельствует о понимании населением основ наполнения участков реки, а также, вероятно, о некоторых инженерных расчетах, которые применялись при формировании бассейнов в заводах. Типологически мельницы могли располагаться в устье реки у притоков с малой протяженностью, в среднем или нижнем течении, если приток незначительной протяженности.

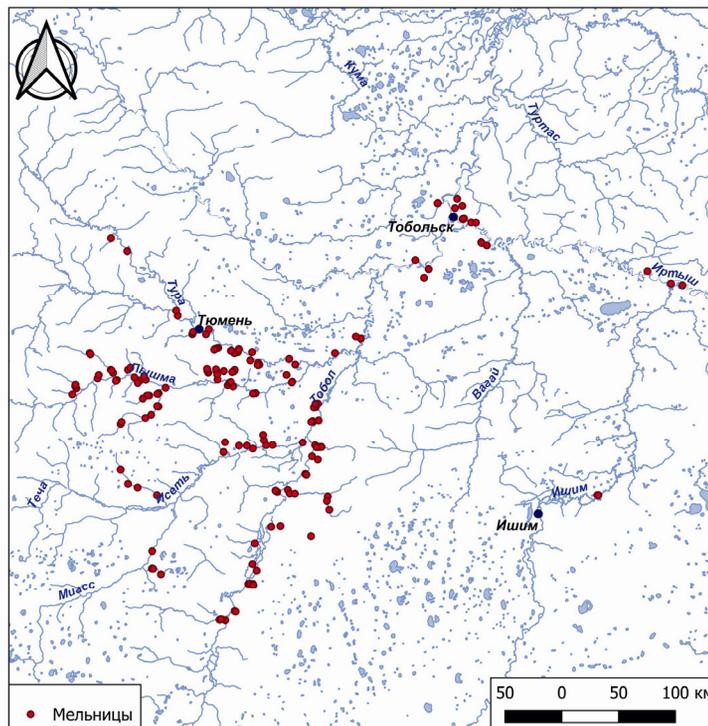

Рис. 3. Итоги картирования мельниц по материалам Чертежной книги С.У. Ремезова.

Fig. 3. Results of the mapping of mills based on the materials of the Drawing Book of Siberia by S.U. Remezov.

Наиболее подробно с позиции моделирования водосбора нам удалось рассмотреть территорию Тоболо-Исетья (рис. 4). На Исети и Тоболе есть единичные мельницы, но, как правило, они все сосредоточены на притоках этих крупных рек. Рассматривая водную систему Исети, мы определили две схожие схемы, связанные с расположением последовательно трех сооружений на рр. М. Бешкилька и Бешкиль (порядка 6 км между пунктами), хотя эти притоки не считаются крупными. На данном участке имеется р. Бешкилька с более протяженным руслом и питанием из болотной системы водораздела Пышмы и Исети, но при этом на ней не было размещено мельниц в начале XVIII в. Если рассматривать русло р. Тобол, то мы наблюдаем несколько иной принцип. Здесь мельницы есть и на крупных притоках, таких как р. Емуртла, и на более мелких — Нияпский канал, р. Упоровка. Здесь отмечается по 2–3 объекта на расстоянии 1–3 км друг от друга. Достаточно интересная ситуация на р. Ук. Здесь

отмечено сразу четыре мельницы с интервалом 1 км, при этом данный водоток можно отнести к одним из основных и крупных на этом участке.

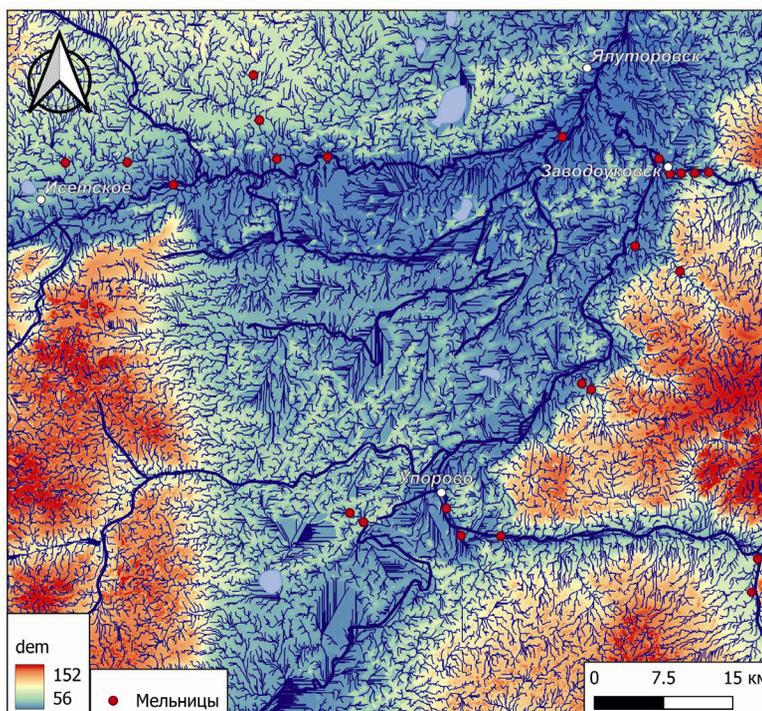

Рис. 4. Анализ водосборной сети по материалам цифровой модели рельефа.
Fig. 4. Analysis of catchment based on digital elevation model data.

Обсуждение результатов

Исследованные источники свидетельствуют о самобытной традиции развития водного мельничного хозяйства. Поселенцы изначально размещали мельницы с учетом водосборной сети, обеспечивающей полноводность запруд и возможность их многофункционального использования. Однако со временем возникла проблема нерационального расположения мельниц: местное население нарушало сложившиеся практики, что наносило ущерб соседним хозяйствам и угодьям, о чем говорят судебные документы. Это отражает переход от системного освоения ресурсов к хаотичному потреблению. Осознание стихийных угроз (разливы, засухи, последствия мелиорации) стимулировало нестандартные решения, часто противоречащие устоявшимся гидротехническим нормам. Мельницы прошли путь от крестьянских построек к инструменту контроля территорий, а их механизация подтверждает этот процесс. Техническая подготовка населения варьировалась, а единых регуляторных норм не существовало. Некоторые мельницы перегораживали судоходные пути или обуславливали дефицит воды.

Заключение

Анализ ландшафта и архивных данных показал, что русское население размещало мельницы с учетом гидрологического режима, регулируя уровень воды в русле. Материалы подтверждают их полифункциональность: иногда они использовались не для помола, а ради водных ресурсов. Отсутствие проработанного нормативного регулирования отражает как частые конфликты, так и восприятие воды как неисчерпаемого ресурса в XVII–XIX вв.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00936, <https://rscf.ru/project/24-28-00936/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балюк Н.А.* Родословие от земли. Тобольск: Изд-во Тоб. пед. ин-та. 1992. 84 с.
Балюк Н.А. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI — начале XX в. Изд-во: Тюм. ун-та. Тюмень, 2003. 186 с.

Белянин Д.Н. Организация гидротехнических и мелиоративных работ в колонизируемых районах Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Вестник ТГУ. 2013. № 374. С. 82–87.

Большаник П.В. Трансформация ландшафтов и системы природопользования в лесных зонах Омского Прииртышья // Актуальные проблемы математики и естественных наук. Сургут, 2022. С. 133–138.

Борисов В.Г. От водяной мельницы до современного предприятия: 100-летняя история Челябинского комбината хлебопродуктов имени Григоровича. Челябинск, 1998. 226 с.

Ведерникова Н.М. Мельницы и мельник в русской мифологии // Научный диалог. 2014. № 12. С. 6–22.

Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX — начало XX). Новосибирск: Наука, 1967. 412 с.

Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII веке: Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск: Наука, 1965. 267 с.

Ершов М.Ф. О внегородской недвижимости жителей Кургана в середине XIX в. // Земля Курганская: Прошлое и настоящее. Курган: Исеть, 1994. Вып. 7. С. 90–96.

Зяц И.С. Архитектура водяных и ветряных мельниц Северо-Западного региона России: История и перспективы сохранения. СПб., 2012. 320 с.

Люцидарская А.А. Мельницы сибирского региона в XVII веке как знаки становления и развития мукомольного производства // Баландинские чтения. 2018. Т. 13. № 1. С. 457–461. <https://doi.org/10.24411/9999-001A-2018-10037>

Никифорова Н.Б. Водяные мельницы Пинежского уезда XIX в. на примере мукомольных мельниц Ярушевской волости // Традиционная культура Пинежья: V Пинежские краеведческие чтения, посвященные 100-летию со дня рождения писателя-земляка Ф.А. Абрамова. Карпогоры, 2021. С. 427–436.

Пундани В.В. Государственная деревня Западной Сибири во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Челябинск: Изд-во Чел. пед. ин-та, 1984. 80 с.

Сафонова Г.Б. Водяные мельницы в хозяйственной деятельности монастырей Калужского края // Боровск: Страницы истории. 2005. № 5. С. 114–122.

Тарновский, В.В. Водяная мельница первой половины XVIII века: Исторические аспекты и условия современного функционирования // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. 2023. Т. 1. № 1. С. 103–116.

Татаурова Л.В., Воробьев-Исаев А.А. Мельницы Тарского уезда конца XVII — XVIII века по археологическим и письменным источникам // Культура русских в археологических исследованиях: В 2 т. Братск; Омск: Наука, 2024. С. 224–233. <https://doi.org/10.17746/978-5-98806-347-6-2024-2-224-233>

Тершукова Е.В., Маслюженко Д.Н. Мельницы и мельничное дело на территории современной Курганской области в дореволюционный период // Сибирский сборник. Екатеринбург: УрО РАН, 2023. С. 278–295. https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.28.16.022

Туров С.В. «Огненный вал»: Пиротехнологии в традиционном хозяйстве Западной Сибири и трансформация среды обитания // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 5. С. 1753–1766. <https://doi.org/10.15826/qr.2020.5.556>

Туров С.В. Наводнения в Западной Сибири в контексте природно-хозяйственных взаимосвязей (XVIII — начало XX в.) // УИВ. 2022. № 1 (74). С. 109–115. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1\(74\)-109-115](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1(74)-109-115)

Филиппова Л.А. Из истории новгородских мельниц XVI–XVII вв. // Новгородский исторический сборник. 1997. Вып. 6 (16). С. 200–210.

Шатровская М.О., Шатровский Н.О. Сравнительный анализ цифровых моделей рельефа водосбора реки Донская Царица // Известия Нижневолж. агроуниверситет. комплекса: Наука и высшее профессиональное образование. 2023. № 2 (70). С. 306–315. <https://doi.org/10.32786/2071-9485-2023-02-35>

ИСТОЧНИКИ

ГАТО — Государственный архив Тюменской области. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2259. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 632.

ГАТОТ — Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 20. Д. 62; Ф. 154. Оп. 1622. Д. 7; Ф. 185. Оп. 1. Д. 112; Ф. 353. Оп. 1. Д. 1059; Ф. 417. Оп. 1. Д. 360; Ф. И. 353. Оп. 1. Д. 823, 824, 827, 835, 839–841, 848–850, 853, 854.

ГИАОО — Государственный исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1224, 1253, 1295; Ф. 3. Оп. 2. Д. 1842; Ф. 3. Оп. 3. Д. 3389, 4067, 4239; Ф. 3. Оп. 9. Д. 15236.

РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 529.

РС НИА СПб ИИ РАН — Русская секция научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 187. Оп. 1. Д. 123. Д. 803.

Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. Вел. канцелярии, 1854. Ч. 1. 359, IV с.

Завалишин И.И. Описание Западной Сибири: В 3 т. М.: О-во распространения полезных кн., 1862–1867. Т. 1: [Западная Сибирь — Тобольская губерния]. 1862. 419 с.

Книга переписная «Софийских монастырских вотчин» // Вотчины Тобольского Софийского Дома в XVII в. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 2001. 85 с.

Статистические описания Сибири середины XIX века: (Из Научного архива Русского географического общества) / Исслед., публ., коммент.: Н.И. Загороднюк, Е.Н. Коновалова, О.В. Трофимова и др. Тюмень: Тюм. ун-т [и др.], 2022. 435 с.

Тюмень в XVII столетии: Собрание материалов для истории города П.М. Головачева с «Введением» и заключительной статьей «Экономический быт Тюмени в XVII в.» с приложением плана старинной Тюмени и 2 видов Благовещенского собора начала XVIII в. Тюмень: Мандр и К, 2004. 198 с.

Kostomarov V.M. *, Turov S.V., Krestyannikov K.Yu.

Tyumen State University, Volodarskogo st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: vkostomarov@yandex.ru (Kostomarov V.M.); svtur57@mail.ru (Turov S.V.);
k.y.krestyannikov@utmn.ru (Krestyannikov K.Yu.)

Traditional hydraulic engineering in the context of landscape-spatial interconnections in Western Siberia (17th — early 20th century)

The article presents the results of analysis of the use of hydrological resources through the construction of special structures known in the literature as watermills. The aim of this research is to examine the utilisation by the Russian population of the Trans-Urals of watermills in their economy. It has been hypothesized that the watermills were not only structures for processing grain, but also hydraulic engineering facilities. The research methods included landscape analysis based on a digital elevation model, reconstruction of catchment areas at the watermill locations, and the survey of regulatory and administrative documents evidencing the mutual influence of landscape systems and hydraulic structures. The landscape analysis in GIS and the analysis of historical sources confirmed the hypothesis. Patterns were identified that demonstrate the profound expertise of the Russian population in Siberia in the construction of complex engineering structures, as well as significant spontaneous and deliberate changes in floodplain-type landscape systems. It has been therefore concluded that watermills had a multifunctional purpose, and that this tradition was widely distributed both chronologically and geographically.

Keywords: watermills, hydraulic engineering, modeling, landscape, GIS, Russian population of the Trans-Urals.

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant № 24-28-00936, <https://rscf.ru/project/24-28-00936/>.

REFERENCES

- Balyuk, N.A. (1992). *Genealogy from the land*. Tobolsk: Izdatelstvo Tobolskogo pedagogicheskogo instituta. (Rus.).
- Balyuk, N.A. (2003). *Peasant economy of the Trans-Urals from the late 16th to early 20th century*. Tyumen: Izdatelstvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Belyanin, D.N. (2013). Management of hydroengineering and land-reclamation works in the colonized areas of Western Siberia in late 19th early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (374), 82–87. (Rus.).
- Bolshaniuk, P.V. (2022). Transformation of landscape and land use systems in the forest zones of the Omsk Irtysh Region. In: *Aktualnye problemy matematiki i estestvennykh nauk*. Surgut, 133–138. (Rus.).
- Borisov, V.G. (1998). *From a water mill to a modern enterprise: The 100-year history of the Chelyabinsk bakery plant named after Grigorovich*. Chelyabinsk. (Rus.).
- Ershov, M.F. (1994). On the extramural real estate of Kurgan residents in the middle of the 19th century. *Zemlya Kurganskaya: proshloe i nastoyashchee*, (7), 90–96. (Rus.).
- Filippova, L.A. (1997). From the history of Novgorod mills of the 16th–17th centuries. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik*, 16(6), 200–210. (Rus.).
- Goryushkin, L.M. (1967). *Siberian peasantry at the turn of two centuries (late 19th — early 20th century)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Gromyko, M.M. (1965). *Western Siberia in the 18th century: Russian population and agricultural development*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Lyutsidarskaya, A.A. (2018). Mills of the Siberian Region in the 17th Century as Signs of the Formation and Development of Flour Milling. *Balandinskie chteniya*, 13(1), 457–461. (Rus). <https://doi.org/10.24411/9999-001A-2018-10037>
- Nikiforova, N.B. (2021) Water mills of the Pinega district of the 19th century, on the example of the flour mills of the Yarushevskaya volost. In: *Tradicionnaya kul'tura Pinezh'ja: V Pinezhskie kraevedcheskie chteniya, posvjashhennye 100-letiju so dnja rozhdenija pisatelja-zemljaka F.A. Abramova*. Karpogory, 427–436. (Rus.).
- Pundani, V.V. (1984). *The state village of Western Siberia in the second half of the 18th — first half of the 19th century*. Chelyabinsk; Izdatelstvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. (Rus.).
- Safonova, G.B. (2005). Water mills in the economic activities of monasteries in the Kaluga region. *Borovsk: Stranitsy istorii*, (5), 114–122. (Rus.).

* Corresponding author.

Shatrovskaya, M.O., Shatrovsky, N.O. (2023). Comparative analysis of digital models of the relief of the drainage collection of the Donskaya Tsaritsa River. *Izvestiya Nizhnevolzhskogo agrouniversitetskogo kompleksa: Nauka i vysheye professional'noye obrazovaniye*, 70(2), 306–315. (Rus.). <https://doi.org/10.32786/2071-9485-2023-02-35>

Tarnovskiy, V.V. (2023). Water mill of the first half of the 18th century: Historical aspects and conditions for modern operation. *Zhurnal Rossiyskogo natsionalnogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki*, 1(1), 103–116. (Rus.).

Tataurova, L.V., Vorobyov-Isaev, A.A. (2024). Mills of Tara's District of the end of the 17th–18th century AD according to archaeological and written sources. In: *Kultura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: V 2 tomakh*. Bratsk; Omsk: Nauka, 224–233. (Rus.). <https://doi.org/10.17746/978-5-98806-347-6-2024-2-224-233>

Tershukova, E.V., Maslyuzhenko, D.N. (2023). Mills and mill business on the territory of the modern Kurgan region in the pre-revolutionary period. In: *Sibirskiy sbornik*. Yekaterinburg: Uralskoe otdelnie RAN, 278–295. (Rus.). https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.28.16.022

Turov, S.V. (2020). "Barrage Fire": Pyrotechnics in the Traditional Economy of Western Siberia and the Transformation of the Environment. *Quaestio Rossica*, 8(5), 1753–1766. (Rus.). <https://doi.org/10.15826/qr.2020.5.556>

Turov, S.V. (2022). Floods in Western Siberia in the context of natural and economic relationships (XVIII — early XX century). *Ural'skij istoricheskij vestnik*, (1), 109–115. (Rus.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1\(74\)-109-115](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1(74)-109-115)

Vedernikova, N.M. (2014). Mills and the miller in Russian mythology. *Nauchnyi dialog*, 36(12), 6–22. (Rus.).

Zayats, I.S. (2012). *Architecture of water and windmills in the North-Western region of Russia: History and prospects for conservation*. St. Petersburg. (Rus.).

Костомаров В.М., <https://orcid.org/0000-0002-8667-3809>

Туров С.В., <https://orcid.org/0000-0002-6985-8799>

Крестьянников К.Ю., <https://orcid.org/0000-0001-6021-9459>

Сведения об авторах:

Костомаров Владимир Михайлович, кандидат исторических наук, директор Института социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет, Тюмень.

Туров Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Тюменский государственный университет, Тюмень.

Крестьянников Кирилл Юрьевич, ассистент, Тюменский государственный университет, Тюмень.

About the authors:

Kostomarov, V.M., Candidate of Historical Sciences, Director of the Institute of Social and Humanitarian Sciences, Tyumen State University, Tyumen.

Turov, S.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Tyumen State University, Tyumen.

Krestyannikov, K.Yu., Assistant, Tyumen State University, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 09.06.2025

Article is published: 15.09.2025

Рудь А.А. *, Карась П.Л.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008
E-mail: raa@bk.ru (Рудь А.А.); karas.polin@gmail.com (Карась П.Л.)

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САКРАЛЬНЫХ ЛАНДШАФТОВ ХАНТОВ СУРГУТСКОГО ПРИОБЬЯ

Цель исследования — выявление природных особенностей ландшафтов, определяющих их сакрализацию сургутскими хантами. Задачи: обзор механизмов сакрализации пространства и факторов, влияющих на этот процесс; категоризация природных ландшафтов, ассоциирующихся у сургутских хантов с разными видами сверхъестественных существ — божествами и духами; выявление закономерностей расположения сакральных ландшафтов. Источниками для исследования послужили публикации о священных местах сургутских хантов, а также архивные материалы — отчеты о научно-исследовательской работе, учетная документация по культовым объектам хантов Сургутского района ХМАО — Югры, а также полевые материалы А.А. Рудя, собранные с 2002 по 2017 г. У хантов Сургутского Приобья наиболее предпочтительными для сакрализации являются доминирующие в равнинном рельефе высоты, участки коренных террас водоемов, устья рек, острова и мысы озер и рек, глубокие места водоемов, а также другие ландшафты, в которых ханты фиксируют уникальность. Еще одной причиной сакрализации природных объектов является окказиональный фактор. Природный ландшафт может быть связан с каким-либо необычным (или историческим) событием в жизни человека (или сообщества) или же ассоциироваться с мифологическими персонажами традиционной картины мира. В таком случае наблюдается приуроченность сакрального ландшафта к любой точке таежного пространства.

Ключевые слова: Сургутское Приобье, сургутские ханты, сакральный ландшафт, божества, духи.

Ссылка на публикацию: Рудь А.А., Карась П.Л. Природно-географические особенности сакральных ландшафтов хантов Сургутского Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 187–197. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-16>

Введение

Настоящая работа является продолжением исследований, посвященных сакрализации пространства у коренных жителей Западной Сибири [Балалаева, 2002; Jordan, 2003; Адаев, Карась, 2022; и др.]. Космос сургутских хантов, проживающих в Среднем Приобье, еще недавно был населен множеством сверхъестественных существ [Карьяланен, 1994, 1995]. Одухотворенность всего таежного пространства в мировоззрении сургутских хантов предполагает наличие точек проявления деятельности персонажей (обитателей, хозяев, покровителей) этих сфер. Авторы придерживаются подхода о разделении всех существ традиционных верований сургутских хантов как минимум на две группы — персонифицированных фигур (божеств 'лункэт') и неперсонифицированных (духов). В соответствии с этим вполне уместно выделить у сургутских хантов места обитания божеств, которые маркируют как *йымынг тохи* («священное место», «святилище»), а также места обитания духов, которые информанты часто снабжают эпитетом — *атым тохи* («нехорошее место») [Рудь, 2023]. В силу того что не все персонажи, отнесенные к группе «духи», имеют негативные коннотации, последний тип ландшафтов предложено обозначить термином «почитаемые места». Места пребывания божеств и духов являются точками коммуникации человека и этих персонажей. В настоящей работе они будут обозначены термином «сакральный ландшафт».

Методологическим основанием исследования служит концепция сакральных ландшафтов, истоки которой восходят к дихотомии «священное»/«мирское». Разработка значений и дефиниции этого термина были предметом изучения разных ученых начиная с идеи «иерофании» М. Элиаде [1994]. Понятие «сакральный ландшафт» вошло в нормативные документы ЮНЕСКО как составная часть «ассоциативных ландшафтов», являющихся одним из элементов «культурного ландшафта» [Кулешова, 2002, с. 11–13]. Мы придерживаемся определения «сакрального

* Corresponding author.

ландшафта» как «результата интеллектуальной и духовной деятельности людей по организации, управлению природных... ландшафтов. Управляющее воздействие людей на природный ландшафт в процессе его сакрализации выражается в наделении природных и рукотворных объектов... необычными качествами (священным содержанием)» [Окладникова, 2014, с. 22–23]. В процессе обобщения сведений о локализации святилищ и почитаемых мест сургутских хантов, а также в ходе анализа их соотношения с определенными природными ландшафтами использован картографический подход в комбинации с открытыми данными космоснимков.

Цель исследования — выявление природных особенностей ландшафтов, определяющих их сакрализацию сургутскими хантами. Для достижения цели решался ряд задач, в число которых входило: обзор механизмов сакрализации пространства и факторов влияющих на этот процесс; категоризация природных ландшафтов ассоциирующихся у сургутских хантов с разными видами сверхъестественных существ — как с божествами, так и с духами; выявление закономерностей месторасположения сакральных ландшафтов.

Практическая реализация цели исследования может найти применение в прогнозировании выявления сакральных ландшафтов коренного населения таежной зоны Западной Сибири с целью их сохранения или минимизации негативного воздействия. Результаты исследования могут быть использованы при этнологической экспертизе территорий проживания коренных малочисленных народов Севера перед промышленным освоением [Головнев и др., 2014; Адаев и др., 2019; Данилова, 2024].

Не менее востребована теоретическая составляющая исследования — выявление предпочтительных характеристик ландшафтов, ассоциирующихся у сургутских хантов с местами обитания божеств и духов, которые могли бы выступить одним из этноидентифицирующих факторов при сравнительном анализе с другими традиционными культурами Сибири.

Регулярные упоминания о сакральных ландшафтах коренного населения Сургутского Приобья фиксируются как в работах исследователей рубежа XIX–XX вв. [Карьялаенен, 1995, с. 63–96, 154–155; Мартин, 2004, с. 32; Дунин-Горкавич, 1996, с. 160], так и в публикациях XX в. [Лехтисало, 1998, с. 45–48; Шатилов, 1931; Кулемзин, 1984; Головнев, 1995; Зенько, 1997; и др.]. С 1970-х гг., в связи с индустриализацией Сургутского Приобья, при отводе земельных участков испрашиваемых под промышленное освоение, стали активно проводиться исследования, целью которых выступало сохранение объектов культурного наследия, в том числе священных мест. Такие работы осуществлялись археологами, этнографами, архитекторами, антропологами и по-разному отражали специфику и характеристики сакральных ландшафтов. Неотъемлемой частью многих изысканий было натурное обследование для изучения ландшафтных характеристик, планировочной структуры, функциональных зон, фиксации сакральных построек, а также других аспектов хантыйских святилищ [Морозов, 1992; Морозов и др., 2002; Ведмидь, 2012; и др.]. К настоящему времени, после процедуры обоснования историко-культурной значимости и прохождения историко-культурной экспертизы, 16 святилищ, почитаемых сургутскими хантами, получили статус «объекта культурного наследия РФ» [Достопримечательные места Югры]. Основной массив сакральных ландшафтов Сургутского Приобья находится в статусе «объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия» и ожидает процедуры историко-культурной экспертизы.

Источниками для исследования священных мест, ассоциируемых с божествами, послужила учетная документация по святилищам Сургутского района ХМАО — Югры, подготовленная автором статьи (вместе с соавторами) в 2006 г. [Рудь, 2006; Ведмидь, Рудь, 2006], 2007 [Рудь, 2007], 2010 [Ведмидь и др., 2010а, 2010б], а также проекты обоснования достопримечательных мест на территории проживания сургутских хантов в Среднем Приобье [Липс, 2012; Рудь, 2014; Ведмидь и др., 2015; Данилова, Бахарев, 2015; Терехин и др., 2015]. Наиболее многочисленны и представительны материалы по священным местам бассейна р. Большой Юган (вместе с Малым Юганом) и бассейна р. Тромъеган — они явились основной базой исследования. В качестве дополнительных материалов привлечены сведения о священных местах Лямина, Пима и Агана.

Малоизученной является категория сакральных ландшафтов, связанная с персонифицированными фигурами — духами, условно обозначенная нами как почитаемые места. Духи часто выступают негативно настроенными к человеку существами. Места их обитания для человека — территории избегания, поэтому в границах таких урочищ ханты практически не осуществляют хозяйственную деятельность, а материальные маркеры традиционных культов фиксируются редко. Вместе с тем сведения о местах обитания этих персонажей содержат архивные источни-

ки [Карачаров, 2001] и публикации [Карьялайнен, 1995, с. 271–282; Кулемзин, Лукина, 1977, с. 130–131; Головнев, 1995, с. 265–266; Зенько, 1997, с. 44–51]. Современные материалы о местах обитания духов были получены в ходе полевых исследований А.А. Рудя 2002–2017 гг. к хантам рек Лямин, Пим, Тромъеган, Аган, Большой и Малый Юган, Демьянка.

Факторы сакрализации таежного пространства

Картина мира коренных жителей тайги формируется на протяжении всей жизни эмпирическим путем во время хозяйственной деятельности, гостевых поездок, в процессе посещения населенных пунктов и промышленных площадок, перемещения на современных видах транспорта. Несмотря на кажущуюся типичность и однородность таежно-болотных ландшафтов Западной Сибири, еще в работах географов XX в. отмечается, что коренные жители тайги четко видят даже незначительные различия природных характеристик окружающих их урочищ [Материалы по изучению Сибири, 1930, с. 68]. В настоящее время сургутским хантам широко доступен весь арсенал пользовательской картографии и навигации. Вместе с тем на картину мира таежного жителя определенное влияние оказывают и традиционные воззрения. В мифологической картине мира необычные ландшафты продолжают восприниматься как места пребывания или деяний божеств и духов, что предполагает формирование особого отношения к подобным объектам.

При сакрализации ландшафта в первую очередь происходит считывание особенностей рельефа, далее могут подключаться и другие факторы. Считывание характеристик ландшафта обитателем тайги может вызывать ассоциативную связь, которая актуализирует символы традиционных верований и фольклорные сюжеты. Наблюдаемые с определенных точек пространства, ярко выраженные черты рельефа таких природных объектов или же особенности микрорельефа, флоры и фауны делают их в сознании человека местом обитания разнообразных персонажей хантыйского космоса. С учетом субъективного восприятия ландшафта человеком с традиционной картиной мира перед нами предстает огромная вариативность поводов сакрализации, таких как: особенности рельефа; нетипичная флора (редкие для данного микрорельефа виды растений, необычного вида дерева) и наличие необычных представителей животного мира, обитающих в границах данных ландшафтов; необычный цвет воды в водоеме, ее прозрачность/мутность; долгое незаствывание водоема; наличие нетипичных геологических структур/образований; необычные явления или находки (в том числе артефакты), а также масса других критериев сакрализации — вплоть до знамений, видений и других okazji, случившихся с человеком.

Сакрализация определенных ландшафтов может соотноситься с рядом факторов, связанных с давними историческими или эпическими событиями, которые через миф стали одной из составляющих картины мира сургутских хантов. Визуальным подтверждением этих исторических или эпических вех могут выступать ярко выраженные в рельефе археологические объекты, которые, в представлениях информантов, являются домом (крепостью, стойбищем) божеств — участников эпических событий [ПМА. 2003, 2004, 2012]. Известны примеры, когда поводом для сакрализации ландшафта стала нетипичная растительность: *в этом месте сначала кедр рос, а затем с этого ствола стала береза расти — поэтому место священное* [ПМА. 2004]; *дерево в Сурламкиных видели — кедр такой сухой на берегу реки? Это дерево священное. Когда раньше на рыбалку ездили, то лункэт — «Девчонок-сестер» с Ачимовых всегда брали с собой, в лодке везли. И там, на берегу, их около дерева вытаскивали, приношение им делали* [ПМА. 2008]. Также местами, ассоциирующимися со сверхъестественными персонажами, выступают ландшафты, содержащие крупные камни, которые являются редкостью для Сургутского Приобья [Балалаева, 2002, с. 158].

С одной стороны, мы наблюдаем фактор субъективности при сакрализации природных объектов хантами, с другой стороны, анализ материалов показывает, что такие объекты могут иметь наиболее предпочтительные ландшафтные характеристики, привлекающие внимание носителей хантыйской культуры. При этом традиционная хантыйская терминология природных ландшафтов может не совпадать с таковой в ландшафтоведении. Учитывая перечисленные факторы, мы вынуждены ориентироваться на общепринятую терминологию природных объектов. Из водных объектов в фокус нашего исследования вошли: озеро (болотное озеро, лесное озеро), остров на озере, мыс на озере, ручей, старица, река и ее составляющие (устье, омут, плес, отмель, остров, русло). Среди объектов суши выделены: болото, залесенное болото (рям), останец и/или минеральный остров посреди болота, увал (материк), сопка (гора), коренная терраса, мыс коренной террасы, берег водоема, яр (высокий берег водоема).

Места обитания божеств — *ймынг тохи*

В ходе исследования были изучены характеристики 65 священных мест (*ймынг тохи*), ассоциирующиеся у сургутских хантов с местами пребывания божеств. В фольклоре такие места могут быть связаны единой сюжетной линией о деяниях фигур пантеона [Песикова, 2002; Рудь, 2014, с. 113–123].

I. В число мест обитания божеств *лунк* входят священные места *кот-мых*, которые, по представлениям хантов, являются точками «проживания» божеств-покровителей человека (рода, территориальной группы). С таких мест люди могут брать скол дерева для изготовления культового изображения божества. Наиболее частой характеристикой священных мест *кот-мых* является приуроченность их к ландшафтам с четкими визуальными границами:

а) возвышенности («сопки», «горы», «гривы»), расположенные на удалении от русел крупных водотоков: священное место *Йипэт ланки Кот-Мых* [Рудь, 2006], культовый ансамбль *Партен пев Кот-Мых* [Рудь, 2006], священное место *Камысь ях Кот-Мых* [Рудь, 2007], священное место *Коим Кот-Мых* в бассейне р. Большой Юган [Там же]; культовый ансамбль *Пырышкин Кот-Мых* [Рудь, 2006; ПМА. 2014], священное место *Олпинтах ыхтэ соим Кот-Мых* в бассейне р. Малый Юган [Там же];

б) возвышенности («горы» и «сопки») коренных террас водотоков, а также останцы коренных террас в пойме: священное место *Сихэл ях Кот-Мых* на р. Сэккынгяха в бассейне р. Малый Юган [Рудь, 2007]; священные места *Кот-Мых Ермаковых* [Там же], *Вать выс Кот-Мых* на р. Ингуягун в бассейне р. Тромъеган [Там же]; священные места *Келмэнг яун Кот Мых* и *Оккэн Колхэн Ко Кот Мых* на р. Тляттыягун в бассейне р. Тромъеган [Рудь, 2006]; священное место *Яун той Кот-Мых* [Рудь, 2006, 2014], священное место *Тулэк Кот-Мых* [Рудь, 2007], священное место *Йымынг рэп-Йымынг соим* [Рудь, 2006, 2014], приуроченные к берегам р. Тромъеган;

в) острова на поверхности водоемов: жертвенный остров в акватории священного озера Нумто [Терехин и др., 2015]; остров *йымынг пай* на священном озере Имлор [Рудь, 2006; Липс, 2012];

г) «острова» оригинальной растительности, произрастающей среди типичной таежной флоры: к примеру, «кедровый остров» *Лунк яун той* [Рудь, 2014]; остров коренной террасы, ограниченный со всех сторон старицами реки,— священное место *Мэлэх ури Кот Мых* [ПМА. 2004, 2010, 2012, 2017], приуроченные к притокам р. Тромъеган. К этому же подтипу можно отнести священное место *Вокы рэл* [Рудь, 2007] на р. Ингуягун в бассейне р. Тромъеган, расположенное в пойме водотока и ограниченное почти по кругу рекой и ее высокой левой коренной террасой.

II. Подобными же характеристиками (как место обитания божества, где берут скол дерева для изготовления его образа) могут обладать священные места категории *эвэт* («высокий священный берег реки»), которые практически всегда приурочены к высоким коренным террасам водоемов. К таким местам отнесены: священное место *Ляминская Гора (Лимин Ики Эвэт)* на р. Лямин [Рудь, 2006, 2014]; священные места *Кор Воч Эвэт* [Рудь, 2006, 2014] и *Эвэт Мых* [Рудь, 2006, Ведмидь и др., 2015] на р. Тромъеган; священное место *Эвэт (весенний лабаз Яун Ики)* в составе культового ансамбля *Яун Ики* [Рудь, 2006], культовый ансамбль *Сорвон-Эвэт-Ими* [Там же] и священное место *Еутская гора* [ПМА. 2004, 2007–2009, 2014] на Большом Югане; культовые ансамбли *Эвэт-Кот* и *Сапат-Сэвут-Эвэт-Ики* на Малом Югане [Рудь, 2006].

III. В отдельную категорию можно выделить сакральные ландшафты, приуроченные к устьям рек. Часто такие природные объекты ассоциируются у хантов с местами проживания божеств-хозяев впадающего притока. Необходимо отметить: приустьевые священные места, как правило, расположены в низких поймах и редко приурочены к коренным террасам. К таким священным местам можно отнести: *Кат яун кут Кот-Мых* в устье р. Нятлонгаягун [Рудь, 2007], *Тлятты яун оум* в устье р. Тлятты ягун [Рудь, 2006]. К этой же категории можно отнести священные места, расположенные на озерных мысах и ассоциирующиеся с местами обитания божеств-покровителей этих водоемов. Среди них можно отметить — священный мыс на оз. Пертят лор (бассейн р. Тромъеган) [ПМА. 2004, 2010], священные мысы на озерах Икиинклор и Виртльсамлор в бассейне р. Ингуягун [Рудь, 2007; ПМА. 2003, 2006], а также культовый ансамбль *Рапын-сор-Ики*, расположенный на озерном мысу в бассейне р. Айпим [Рудь, 2006]. В большинстве случаев такие ландшафты заболочены и не имеют заметных возвышений в рельефе.

Отметим, что идея острова или мыса (ограниченного другими ландшафтами оригинального пространства) является одним из краеугольных камней сакрализации территории хантами Сургутского Приобья. Термином «остров» (*пай*) или «мыс» (*вынтын*) часто маркированы и другие, не вошедшие в обзор типы священных и почитаемых мест сургутских хантов, не являющиеся при этом островами или

Природно-географические особенности сакральных ландшафтов хантов Сургутского Приобья

мысами с точки зрения географической терминологии. К примеру, этот термин применяется хантами в отношении многих святилищ, связанных с культами божеств-покровителей местных сообществ и территорий. Так, термином *йымынг пай* («священный остров») юганские ханты Тайлаковы обозначают месторасположение родового святилища, приуроченного к коренной террасе р. Сугмутеньях [ПМА. 2007], и аналогично малоюганские ханты — месторасположение святилища *Ай-Никен*, которое с точки зрения геоморфологии представляет собой окруженный старицей мысовидный фрагмент террасы Малого Югана [ПМА. 2004, 2009, 2014].

IV. Еще одной категорией сакральных ландшафтов (мест пребывания божеств) являются водоемы (или их участки) — омуты, места слияния рек, акватории крупных глубоких озер. Такие объекты могут восприниматься и как места проживания местных божеств — покровителей водоема (или его участка), и как места, где можно приносить жертву верховным божествам пантеона — покровителям водой стихии *Инк Ики, Ас Ики, Ас той Ики*. К таким священным местам можно отнести *Яун Йорт* в устье р. Аган [Рудь, 2007], священное место в устье р. Малый Юган [ПМА. 2004, 2008, 2009, 2014], а также священное место *Сапорки Вэс Имин Икин* в низовьях Тромъегана [Рудь, 2007].

Места обитания духов — *атым тоху*

В локализации мест обитания большей части духов (*илек канлэх от, пор-нэ, менк*) не выявлено четких ландшафтных закономерностей. Ассоциация природных объектов со злыми духами часто имеет окказиональный характер. К урочищам, населенным демоническими персонажами, ханты относят территории с захоронениями младенцев и мертворожденных детей, магическими изображениями *улэл*. Также, вне зависимости от приуроченности к какому-либо природному ландшафту, наблюдается связь таких персонажей с оставленными местами проживания человека — брошенными жилыми домами. Генезис таких мест в картине мира сургутских хантов часто связан с неудачами в промысле, поломкой техники, болезнями, смертью человека, а также с другими несчастными случаями и негативными событиями и ассоциируется с воздействием разнообразных злых духов на человека и места его проживания, технику, орудия промысла, или домашних животных [Рудь, 2011, 2023].

Места обитания некоторых из духов могут иметь общие характеристики. Ландшафты, ассоциирующиеся с великанами *менк*, почти всегда имеют характеристику возвышающихся над окружающей поверхностью «гор», «сопок», «грив». Одной из частых характеристик мест обитания *менк* является «чернолесье» (темнохвойная тайга) или густая смешанная растительность. К местам обитания *менк* могут относиться и другие характеристики — «обрывистые берега рек», «камни», песчаные выдувы, завалы из деревьев на крупных реках. Перечисленные характеристики, по сведениям информантов, содержат визуальные свидетельства воздействия силы великанов *менк* или их присутствия в прошлом.

При этом в правобережье и левобережье Оби места, ассоциирующиеся с *менк*, имеют свои локальные особенности. Так, в левобережье Оби у юганских хантов места проживания *менк* приурочены к удаленным от основного русла больших рек останцам или к краям высоких увалов с произрастающей на них смешанной растительностью [ПМА. 2003, 2004, 2007]. На Тромъегане, где в большинстве случаев на коренных террасах рек в микрорельефе отсутствуют большие перепады высот, даже небольшие возвышения рельефа (5–10 м), в том числе в светлых сосновых борах, могут маркироваться хантами как «места обитания *менк*». Объекты с такими характеристиками зафиксированы в верхнем течении Тромъегана [ПМА. 2003], в среднем течении р. Тляттыягун [ПМА. 2004], в нижнем течении р. Ингуягун [ПМА. 2006]. Нужно отметить, что на правых притоках Агана — в верхнем течении р. Ватьеган [ПМА. 2006], в бассейне р. Айкаеган (священное место *Овыр Мых*) [Рудь, 2007] и в верхнем течении р. Лямин (священное место *Шикъ ехом*) [Ведмидь и др., 2010b; ПМА. 2003, 2012] аналогичные ландшафты не ассоциируются с великанами *менк*, но являются местами пребывания божеств-хозяев этих урочищ и относятся к категории «священное место». В верхнем течении Лямина находится р. Менкалемынг, получившая название по причине нахождения на ее берегах множества камней и валунов «размером с человека» [ПМА. 2003, 2012], которые ассоциируются у хантов с окаменевшими великанами *менк*. Напротив, в левобережье, у юганских хантов, большие камни в руслах рек Большой Юган (в районе ю. Тайлаковых) и Малый Юган (в районе ю. Киняминых) почитаются как божества-хозяева участка водоема. В некоторых случаях наделение ландшафтов, обладающих схожими характеристиками, но соотносящихся с разными персонажами (божествами или же духами), наблюдается в пределах проживания одной территориальной группы. Так, в

среднем течении р. Лямин известен «*Семилиственный яр*», связанный фольклорным сюжетом с великанами *менк*. Он представлен высоким участком правобережной надпойменной террасы, поросшей смешанным лесом [ПМА. 2003, 2014]. Идентичные с «Семилиственным яром» ландшафтные характеристики содержит наиболее значимое святилище хантов нижнего Лямина — *Им воч ими* («*Хозяйка священного города*») [Рудь, 2014; ПМА. 2003, 2007, 2011]. В пределах полусотни километров к востоку от упомянутой выше р. Менкалемынг, на водоразделе Пима, Тромъегана и Казыма, существует священное место *Казым Ими Пэсан* («*Казымской Богини стол*»). Здесь основным объектом почитания является большой камень — жертвенный стол божества *Казым Ими*, этот камень никак не ассоциируется великанами *менк* [Балалаева, 2002, с. 158; ПМА. 2010, 2012].

Места обитания *пор нэ*, *илек канлэх от* («*маячек*») часто имеют характеристики урочища, покрытого густой смешанной растительностью или чернолесьем, и выделяются в ландшафте на фоне типичной флоры. Примером таких мест может быть кедровый остров *Чек мыным пай* («*Горе-беда пришло остров*») в верховье Большого Югана, ассоциирующийся с маячками [ПМА. 2009]. С маячками ассоциируется поросший кедром участок заболоченной коренной террасы одного из небольших притоков р. Айпим — *Пыхты юх пай* («*Черных деревьев остров*») [ПМА. 2007]. С персонажем *пор нэ* ассоциируется останец — «кедровый остров» *Ерхан ими юх пай* («*Ненецкой женщины островок леса*») на водоразделе Тромъегана и Пура [ПМА. 2004, 2005, 2006]. В нижнем течении р. Лямин с местом пребывания *пор нэ* информанты связывают высокий обрывистый берег реки — *Пор нэ рэп*, поросший сверху смешанным урманым лесом [ПМА. 2007].

Места обитания проживающих в воде чудищ *вес*, как правило, приурочены к самым глубоким участкам озер и стариц, а также к глубоким омутам на реках. Наиболее яркими признаками мест обитания *вес* являются осыпи речных и озерных яров, что часто интерпретируется информантами как *место, где вес землю ел* (*рыл*). Таким же важным признаком обитания *вес* является мутная толща воды или непросматриваемое (с берега, с лодки) дно водоема: *вода в нем темная — дна не видать* [ПМА. 2003, 2004, 2009, 2012].

Закономерности географической приуроченности сакральных ландшафтов

В процессе картографирования сакральных ландшафтов установлена их приуроченность к существовавшим до промышленного освоения традиционным маршрутам мобильности и хозяйственной деятельности хантыйских сообществ. У сургутских хантов, большинство населенных пунктов которых в прошлом было расположено на обских притоках первого порядка, значительное число священных мест, ассоциирующихся с наиболее почитаемыми божествами, локализуется около крупных водотоков. По руслу крупных обских притоков или на небольшом удалении пролегли традиционные магистральные дороги, обеспечивающие коммуникации между сообществами. К местам регулярной мобильности и деятельности человека тяготеет и большая часть природных объектов, связанных с духами. Другая закономерность наблюдается в локализации многих священных мест родовых божеств-покровителей (*кот-мых*), а также святилищ божеств-покровителей охотничьих промыслов, которые часто расположены на малых притоках в местах ограниченной деятельности небольших сообществ (семей, родов).

Необходимо отметить, что сакральные ландшафты часто выполняют функции ориентиров в таежном пространстве. Будучи приметными природными объектами, такие места издавна являются визуально наблюдаемыми ключевыми точками пространства при перемещении и хозяйственной деятельности. Также значимой является необходимость принесения жертвы при нахождении на землях «не своих» («чужих») божеств — что, по мнению информантов, способствует безопасности путешествия и его хорошему исходу. В местах обитания многочисленных духов существуют установленные традицией ограничения и ритуалы, которые требуется неукоснительно соблюдать для предотвращения негативных последствий пребывания человека.

На территориях совместного проживания ненецкого и хантыйского населения (к примеру, в верхнем течении р. Аган и бассейне р. Лямин [Перевалова, Карачаров, 2006, с. 90–138]), а также в местах смены одной территориальной группы хантов на другую (к примеру, бассейн р. Демьянка [Адаев, 2007, 2013]) наблюдается преемственность сакральной географии. При этом фольклорно-мифологическая составляющая предшествующей культуры может быть в значительной степени забыта, но сам природный объект у новопоселенцев часто сохраняет священный (или почитаемый) статус и наполняется новыми символами. В таких примерах важную роль играет как визуальное ассоциативное восприятие уникального ландшафта переселенцами, так и память о его сакрализации прошлым населением.

Природно-географические особенности сакральных ландшафтов хантов Сургутского Приобья

Переселенцы на новых землях могут приносить жертвы, адресованные родовым божествам-покровителям, чьи святилища находятся на большом удалении, на других крупных притоках Оби. При локализации таких мест отправления ритуалов в новом месте проживания может работать фактор расположения сакрального пространства за «спиной» жилого дома, в «ночную» (северную) сторону от жилья человека, обладание выбранной ритуальной площадки необычными характеристиками. В описанной схеме у мигрантов всегда остается в силе необходимость посещения святилищ божеств-покровителей своего рода и территориальной группы, расположенных на значительном удалении [Адаев, 2007, с. 142–147; ПМА. 2011]. И если для старшего поколения переселенцев такие поездки символизируют «возврат к корням», то для молодежи, родившейся в новом месте, они выполняют функцию расширения сакральной географии.

Как уже отмечалось выше, генезис мест обитания духов часто имеет окказиональный характер. Из этого следует приуроченность их расположения ко всей территории хозяйственной деятельности человека. Вместе с тем можно предположить, что отдельные приметные ландшафты обитания духов могут выполнять и функции маркеров границ освоенного человеком пространства, а в прошлом, возможно, и межэтнических рубежей. Так, некоторые из почитаемых ландшафтов — мест обитания великанов *менк* и негативных фигур *пор нэ* находятся на водоразделах крупных рек, на периферии проживания территориальных групп — в местах минимальной плотности населения и хозяйственной деятельности. К таким местам можно отнести урочище *Паур* на водоразделе Большого Югана и Демьянки, где, по преданию, обский хант победил последнего *менк* [ПМА. 2005, 2007], а также упомянутое выше почитаемое место *Ерхан ими юх пай* («Ненецкой женщины островок леса») на водоразделе Тромъегана и Пура, ассоциирующийся у тромъеганских хантов с местом пребывания *пор нэ* и «маячек» [ПМА. 2004, 2005]. В связи с активным промышленным освоением Сургутского Приобья еще одной версией появления «маячек» в таежных урочищах, по мнению Д.А. Вигета, является процесс трансформации понятных традиционному человеку домашних, сакральных и охотничьих ландшафтов в переходные (лиминарные) пространства, несущие следы воздействия индустриализации и часто ассоциирующиеся с Нижним миром хантыйского космоса [Вигет, 2025, с. 76–88].

Последние 50 лет, в связи с отчуждением земель в ходе промышленного освоения и вынужденными миграциями в пределах Сургутского Приобья, у хантов появились практики переноса ритуальных площадок святилищ. Выбор нового места отправления ритуалов часто выполняется с помощью традиционных видов гадания или шаманским камланием. В процессе подбора важными факторами могут служить схожие с характеристиками старого места природно-ландшафтные особенности. К примеру, при переносе святилища *Высокая Ель* на Тромъегане новое место ритуальной площадки было подобрано по подобию первоначального ландшафта, с высокими елями, в пойме р. Тромъеган [Рудь, 2016; ПМА. 2004, 2010, 2014].

До появления в Сургутском Приобье сети дорог преемственность сакрализации пространства осуществлялась в форме множества локальных вариантов в пределах территории хозяйственной деятельности отдельных сообществ. Крайними точками сакрализации пространства могли быть места проживания родственников, удаленные охотничьи угодья или оленеводческие пастбища, а также населенные пункты — центры местной администрации и социально-экономической деятельности. С развитием разветвленной сети автодорог у обычного таежного жителя появились широкие возможности для расширения своей деятельности, и в том числе сакральной географии. В результате сегодня сургутские ханты могут посещать удаленные от них святилища общеугорских божеств, о местах локализации которых поколение их предков знало только из фольклорных сюжетов.

Заключение

Подытожив проведенные исследования, можно сделать следующие выводы.

В основе сакрализации природных объектов у сургутских хантов наблюдается идея «острова» — имеющего четкие границы природного объекта, выделяющегося на фоне обычных таежно-болотных ландшафтов, который ассоциируется с местом пребывания персонажей традиционных верований — божеств или духов. С точки зрения ландшафтоведения многие из этих природных объектов, по сути, не являются островами.

Наиболее предпочтительными для сакрализации являются доминирующие на равнине возвышенности, устья рек, острова и мысы озер и рек, а также глубокие омуты водоемов и другие природные объекты, в которых носители традиционной культуры фиксируют уникальность — непохожесть на окружающие урочища. Маркером сакрального ландшафта также могут выступать

хорошо выраженные в рельефе археологические объекты (городища, укрепленные жилища). Большинство признаков сакральных ландшафтов, связанных с необычными природными объектами, имеет универсальные характеристики в границах проживания хантов в зоне тайги. Так, сакрализация подобных урочищ была зафиксирована у соседних групп — казымских [Балалаева, 2002, с. 154–160] и ваховских хантов [Дмитриев-Садовников, 2013; Шатилов, 1931, с. 102–109]. Вместе с тем природные характеристики мест обитания некоторых персонажей, к примеру *менк*, в правобережье и левобережье Оби могут иметь существенные различия, обусловленные локальной спецификой ландшафтов разных берегов Оби.

Не последнюю роль в сакрализации ландшафта может иметь окказиональный фактор. В этом случае природный объект, не обладающий уникальными характеристиками, становится местом явления мифологического персонажа или необычных событий и предметов, что для коренных жителей может стать указанием на связь ландшафта с миром божеств и духов. При повторении подобных случаев особый статус может закрепиться за таким объектом, и тем самым утвердятся его сакральность для более широкой публики. В случаях с местами обитания духов окказиональный характер генезиса сакрального ландшафта часто связан с реальными негативными событиями, случившимися в его границах.

В ходе анализа материалов обнаружилось, что во многих случаях места обитания божеств (священные места) и ландшафты, связанные с духами (почитаемые места), имеют большое число общих характеристик, а в некоторых случаях практически идентичны. Последнее подтверждает нашу гипотезу об обратимости сверхъестественных существ хантыйского космоса — возможности перехода персонажей категории «духи» в категорию «божества» и наоборот [Рудь, 2023].

Наделение носителями таежной культуры уникальных природных ландшафтов священными свойствами имеет историческую (в рамках территориальной группы, длительно проживающей на одной территории), а иногда межэтническую преемственность. В случаях смены культур часто наблюдается преемственность сакрального статуса природного объекта, который переселенцы могут наполнять своими символами и мифологией.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию FWRZ-2021-0006.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адаев В.Н. Ушедший хозяин Демьяна (почитание хантами духа-хозяина р. Демьянка в XX в.) // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 2007. Вып. 20. С. 186–205.

Адаев В.Н. История юганских хантов на р. Демьянке в 1970–2000-е гг.: Становление этнотерриториальной группы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 142–147.

Адаев В.Н., Карась П.Л. Ландшафтная приуроченность священных мест ненцев в свете проблем этноархеологии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Тюмень: Издатель-Полиграфист, 2022. С. 98–101.

Адаев В.Н., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Качество жизни в контексте этнологической экспертизы в Российской Арктике: Тазовский район ЯНАО. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 220 с.

Балалаева О.Э. Священные места хантов средней и нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): Научно-исторические очерки. 2-е изд., исправл. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 150–166.

Ведмидь Г.П. Святилище Лук Эвэт Ики на Барсовой горе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. Вып. 10. С. 262–266.

Вигет Д.А. «Те, кому нет препятствий»: Маячки в культурном ландшафте юганских ханты // Тульский научный вестник. Сер. История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 76–88. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-76-88>

Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1995. 606 с.

Головнев А.В., Лезова С.В., Абрамов И.В., Белоруссова С.Ю., Бабенкова Н.А. Этноэкспертиза на Ямале: Ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: АМБ, 2014. 231 с.

Данилова Е.Н. Этнологическая экспертиза в теории и практике современной российской науки. СПб.: МАЭ РАН, 2024. 241 с.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. М.: Либерия, 1996. Т. 2. 412 с.

Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров: Структура и вариативность. Новосибирск: Наука, 1997. 160 с.

Карьялайнен К.Ф. Религия Югорских народов: Соч.: В 3 т. / Пер. и публ. Н.В. Лукиной. Томск: Том. ун-т, 1994. Т. I. 152 с; 1995. Т. II. 284 с.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 192 с.

Природно-географические особенности сакральных ландшафтов хантов Сургутского Приобья

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в кон. XIX — нач. XX вв.: Этнографические очерки. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 226 с.

Кулешова М.Е. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках: (Дополнительные материалы к Стратегии управления национальными парками России; Вып. 6.). М.: Центр охраны дикой природы, 2002. 105 с.

Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. 136 с.

Материалы по изучению Сибири / Под ред. В.В. Ревердатто, А.М. Кузьмина, И.М. Мякова. Томск: Томское отделение Общества изучения Сибири и ее производительных сил, 1930. Т. 2. 351 с.

Мартин Ф.Р. Сибиряка. Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2004. 144 с.

Морозов В.М. О соотношении археологического и этнографического комплексов городища Ермаково I // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 37–50.

Морозов В.М., Ведмидь Г.П., Бакалдин М.Н. Историко-культурный комплекс «Святое» // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова гора», 2002. С. 113–123.

Окладникова Е.А. Сакральный ландшафт: Теория и эмпирические исследования. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 230 с.

Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН: ГРАФО, 2006. 352 с.

Песикова А.С. Глухаринная гора — Барсова Гора // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова гора», 2002. С. 75–85.

Рудь А.А. Сведения об антропоморфных изображениях на деревьях в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. Вып. 9. С. 339–354.

Рудь А.А. Культурные объекты восточных хантов в начале XXI в. // УИВ. 2016. № 4 (53). С. 136–141.

Рудь А.А. Божества и духи в представлениях хантов Сургутского Приобья (по материалам 2002–2017 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 4 (63). С. 210–219. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-63-4-17>

Шатилов М.Б. Ваховские остяки: Этнографические очерки. Томск: Томский краевой музей, 1931. 175 с. (Труды Томского краевого музея; Т. IV).

Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

Jordan P. Material Culture and Sacred Landscape: The Anthropology of the Siberian Khanty. AltaMira Press, 2003. 309 p.

ИСТОЧНИКИ

Ведмидь Г.П., Рудь А.А. Проект зон охраны святилища ханты Сут Похэль на Верхне-Надымском месторождении нефти в Сургутском районе ХМАО — Югры: (Пояснительная записка). Сургут, 2006 // БИИКФ (г. Сургут). Оп. 1. Ф. Р-4. Д. 371.

Ведмидь Г.П., Рудь А.А., Усова Л.И. Проект зон охраны комплекса объектов культурного наследия «Священное озеро Имлор» в Сургутском районе ХМАО — Югры. Сургут, 2010а // БИИКФ (г. Сургут). Оп. 1. Ф. Р-4. Д. 487 (Т. I), Д. 488 (Т. II), Д. 489 (Т. III).

Ведмидь Г.П., Рудь А.А., Тюрин В.Н. Проект зон охраны территории святилища ханты Ыымынг (Шикь) ехом в Сургутском районе ХМАО — Югры. Сургут, 2010б // БИИКФ (г. Сургут). Оп. 1. Р-4. Д. 491 (Т. I), Д. 492 (Т. II).

Ведмидь Г.П., Рудь А.А., Тюрин В.Н. Разработка научно-проектной документации по обоснованию достопримечательного места «Эвыт-ики (Шаман гора)» в Сургутском районе ХМАО — Югры. Сургут, 2015. // БИИКФ (г. Сургут). Оп. 1. Ф. Р-4. Д. 641.

Данилова Е.Н., Бахарев П.С. Разработка научно-проектной документации для обоснования достопримечательного места «Эвут Рап» в Нижневартовском районе ХМАО — Югры. Екатеринбург, 2015 // Архив неформального некоммерческого объединения археологов и специалистов смежных дисциплин Ассоциация «Северная Археология», г. Екатеринбург. Ф. 1., Д. 305.

Дмитриев-Садовников Г. Мои работы по Ваховской экспедиции Тобольского Губернского музея в 1913 году: Дневник (рукопись, 1913 г.) // Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Инв. № 135. 66 л.

Достопримечательные места Югры // Официальный сайт Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры (Госкультухрана Югры). URL: <https://nasledie.admhmao.ru/dostoprimechatelnye-mesta-yugry/> (дата обращения: 14.03.2025).

Липс С.А. Проект обоснования границ и характера использования достопримечательного места «Священное озеро Имлор». Нефтеюганск, 2012 // БИИКФ (г. Сургут). Оп. 1. Ф. Р-4. Д. 541/

Карачаров К.Г. Отчет о НИР: Рекогносцировочное археологическое обследование среднего течения р. Малый Юган от юрт Каймысовых до юрт Сурламкиных в Сургутском районе ХМАО в 2000 году. Екатеринбург, 2001 // БИИКФ (г. Сургут). Оп. 1. Ф. Р-4. Д. 100.

Рудь А.А. Учетные карточки на культовые объекты Сургутского района ХМАО — Югры (Большой Юган, Малый Юган, Тромъеган, Пим, Лямин). Сургут, 2006 // БИИКФ (г. Сургут). Ф. Р-4.

Рудь А.А. Учетные карточки на культовые объекты Сургутского района ХМАО — Югры (Большой Юган, Малый Юган, Тромъеган, Пим, Лямин). Сургут, 2007 // БИИКФ (г. Сургут). Ф. Р-4.

Рудь А.А. Обследование состояния объекта, описание предмета охраны и установление границ территории объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, представляющих ценность с точки зрения этнологии, расположенных в Сургутском районе ХМАО — Югры: (2 кн.). Сургут, 2014 // БИИКФ (г. Сургут). Оп. 1. Ф. Р-4. Д. 574 (Кн. 1), Д. 575 (Кн. 2).

Рудь А.А. Полевые материалы этнографических экспедиций 2002–2017 гг. (р. Лямин, р. Пим, р. Тромъеган, р. Аган, р. Большой Юган, р. Малый Юган) // Личный архив А.А. Рудя, г. Верхняя Пышма.

Терехин С.А., Мельников А.Ф., Терехин С.С., Блинова Т.Д. Отчет о выполнении государственного контракта № 44 от 14.08.2014 г. на выполнение НИР по теме «Разработка научно-проектной документации для обоснования достопримечательного места «Нумто». Ханты-Мансийск, 2015 // Архив ООО «Межрегиональный центр культурного и природного наследия», г. Ханты-Мансийск.

Rud' A.A. *, Karas' P.L.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Cherishchevskiy trakt st., 13, Tyumen, 625008, Russian Federation
E-mail: raa@bk.ru (Rud' A.A.); karas.polin@gmail.com (Karas' P.L.)

Natural and geographical features of sacred landscapes of the Khanty in the Surgut Ob region

The aim of the study was to identify the natural features of landscapes that determine their sacralization by the Surgut Khanty people. This was achieved by addressing the following objectives: conducting a review of the mechanisms of sacralization of space and factors influencing this process, categorization of natural landscapes associated by the Surgut Khanty with different types of supernatural beings (deities and spirits), and identification of patterns in the location of sacred landscapes. The sources for the study were represented by publications on the sacred places of the Surgut Khanty and archival sources (reports on scientific research, accounting documentation on cult objects of the Surgut Khanty of Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra, and field materials of A.A. Rud', collected in 2002–2017). Among the Khanty of the Surgut Ob region, the most preferable for sacralization are the heights dominating in the landscape, areas of bedrock terraces of reservoirs, river mouths, islands and capes of lakes and rivers, deep areas of reservoirs, as well as other landscapes which the Khanty consider unique. Another reason for the sacralization of natural objects may be an occasional factor. The natural landscape may be associated with certain unusual (or historical) event in life of a person or community, or with a mythological character from the traditional worldview. In this case, the sacred landscape can be confined to any point in the taiga space.

Keywords: Surgut Ob region, Surgut Khanty, sacred landscape, deities, spirits.

Funding. The work was completed under state assignment FWRZ-2021-0006.

REFERENCES

- Adaev, V.N. (2007). The departed master of Demyan (veneration of the spirit-master of the Demyanka river by the Khanty in the 20th century). In: *Zemlya Tyumenskaya: Ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya. T. 20*. Tyumen: Izd-vo Tyumenskogo gos. universitetata, 186–205. (Rus.).
- Adaev, V.N. (2013). History of Ugansk Khanty at the Demyanka river in 1970–2000: Development of an ethnoterritorial group. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 22(3), 142–147. (Rus.).
- Adaev, V.N., Karas', P.L. (2022). Landscape confinement of sacred places of the Nenets in light of the problems of ethnoarchaeology. In: *Integration of Archaeological and Ethnographic Research: A Collection of Scientific Papers*. Omsk; Tyumen': Izdatel'-Poligrafist, 98–101. (Rus.).
- Adaev, V.N., Martynova, E.P., Novikova, N.I. (2019). *Quality of life in the context of ethnological expertise in the Russian Arctic: Tazovsky district of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (Rus.).
- Balalaeva, O. (2002). Sacred places of the Khanty of the middle and lower Ob. In: *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniia khantov: Nauchno-istoricheskie ocherki*. Ekaterinburg: Tezis, 150–166. (Rus.).
- Golovnev, A.V. (1995). *Speaking cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugric peoples*. Yekaterinburg: IIA UrO RAN. (Rus.).
- Golovnev, A.V., Lezova S.V., Abramov I.V., Belorussova S.Yu., Babenkova N.A. (2014). *Ethnoexpertise in Yamal: Nenets nomadhood and gas fields*. Yekaterinburg: AMB. (Rus.).
- Danilova, E.N. (2024). *Ethnological expertise in the theory and practice of modern Russian science*. St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).
- Dunin-Gorkavich, A.A. (1996). *Tobolsk North. Vol. II*. Moscow: Libereia. (Rus.).
- Eliade, M. (1994). *The Sacred and the Profane*. Moscow: Izdatelstvo MGU. (Rus.).
- Jordan, P. (2003). *Material Culture and Sacred Landscape: The Anthropology of the Siberian Khanty*. AltaMira Press.
- Kar'yalaynen, K.F. (1994). *Religion Ugra peoples. Vol. I*. Tomsk: Tomskii universitet. (Rus.).

* Corresponding author.

Природно-географические особенности сакральных ландшафтов хантов Сургутского Приобья

- Kar'yalaynen, K.F. (1995). *Religion Ugra peoples. Vol. II*. Tomsk: Tomskii universitet. (Rus.).
- Kulemzin, V.M. (1984). *The person and the nature in beliefs of Khanty*. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Kulemzin, V.M., Lukina, N.V. (1977). *Vasyugan-Vakh Khanty at the end of XIX — beginning of XX centuries: Ethnographic essays*. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Kuleshova M.E. (2002). *Management of cultural landscapes and other objects of historical and cultural heritage in national parks: (Additional materials to the Strategy for the management of national parks in Russia, Iss. 6)*. Moscow: Tsentr okhrany dikoy prirody. (Rus.).
- Lehtisalo, T. (1998). *Mythology of the Yurako-Samoyeds (Nenets)*. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Martin, F.R. (2004). *Sibirica: A contribution to the knowledge of the prehistory and culture of Siberian peoples*. Ekaterinburg; Surgut: Uralskiy. (Rus.).
- Morozov, V.M. (1992). On the relationship between the archaeological and ethnographic complexes of the Ermakovo I hillfort. In: *Model' v kul'turologii Sibiri i Severa*. Ekaterinburg: UrO RAN, 37–50. (Rus.).
- Morozov, V.M., Vedmid, G.P., Bakaldin, M.N. (2002). Historical and cultural complex “Svyatoe”. In: *Barsova Gora: 110 years of archaeological research*. Surgut: Barsova Gora, 113–123. (Rus.).
- Okladnikova, E.A. (2014). *Sacred landscape: Theory and empirical research*. Moscow; Berlin: Direct-Media. (Rus.).
- Perevalova, E.V., Karacharov, K.G. (2006). *River Agan and its inhabitants*. Ekaterinburg; Nizhnevartovsk: UrO RAN. (Rus.).
- Pesikova, A.S. (2002). Capercaillie Mountain — Barsova Gora. In: *Barsova Gora: 110 years of archaeological research*. Surgut: Barsova Gora, 75–85. (Rus.).
- Reverdatto, V.V., Kuzmin, A.M., Myagkov, I.M. (Eds.) (1930). *Materials on the study of Siberia. Vol. 2*. Tomsk: Tomskoye otdeleniye Obshchestva izucheniya Sibiri i eye proizvoditelnykh sil. (Rus.).
- Rud', A.A. (2011). Information about anthropomorphic images on trees in the Surgut Ob region. In: *Khanty-Mansiyskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo. Vyp. 9*. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomskii universitet, 339–354. (Rus.).
- Rud', A.A. (2016). Ritual Sites of the Eastern Khanty in the XXI century. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 53(4), 136–141. (Rus.).
- Rud', A.A. (2023). Deities and spirits in the ideas of the Khanty of the Surgut Ob region (based on materials from 2002 to 2017). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 63(4), 210–219. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-63-4-17>.
- Shatilov, M.B. (1931). *Vakhovsky Ostyaks: Ethnographic essays*. Tomsk: Tomskiy krayevoy muzey. (Rus.).
- Vedmid', G.P. (2012). Sanctuary The Luk Evet Iki on Barsova Gora. In: *Khanty-Mansiyskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo. Vyp. 10*. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta, 262–266. (Rus.).
- Wiget, D.A. (2025). “Those Who Have no Barriers”: Mayachki in the Cultural Landscape of the Yugan Khanty. *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie*, 21(1), 76–88. (Rus.). <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-76-88>.
- Zen'ko, A.P. (1997). *Representations of the supernatural in the traditional worldview of the Ob Ugrians: Structure and variability*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Рудь А.А., <https://orcid.org/0000-0002-0438-8159>
Карась П.Л., <https://orcid.org/0000-0002-3034-5734>

Сведения об авторах:

Рудь Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

Карась Полина Леонидовна, младший научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the authors:

Rud', A.A., Candidate of Historical Sciences, , Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

Karas', P.L., Junior Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 09.06.2025

Article is published: 15.09.2025

Глушенко М.А.^{а,*}, Федоров Р.Ю.^б

^а Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары
ул. Комсомольская, 38, Братск, 665717

^б Тюменский научный центр СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: gromov_1@mail.ru (Глушенко М.А.); r_fedorov@mail.ru (Федоров Р.Ю.)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И АДАПТАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ ПОЗДНИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ СРЕДНЕГО ПРИАНГАРЬЯ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX в.)

Рассмотрены этнокультурные и адаптационные факторы развития народной архитектуры крестьян-переселенцев начала XX в., проживавших на территории Среднего Приангарья. Сделан вывод, что в первой четверти XX в. поздние переселенцы стремились максимально сохранять свои строительные технологии, изменяя лишь те из них, которые препятствовали адаптации в новых условиях. При этом строительная культура переселенцев Братского района претерпела трансформацию в значительно большей степени, чем у большинства их земляков, обосновавшихся в других регионах, ввиду необходимости более интенсивной адаптации к специфике природно-климатических условий Среднего Приангарья.

Ключевые слова: народная архитектура, Среднее Приангарье, Братский район, поздние переселенцы, этнокультурная адаптация.

Ссылка на публикацию: Глушенко М.А., Федоров Р.Ю. Этнокультурные и адаптационные аспекты трансформации народной архитектуры поздних переселенцев Среднего Приангарья (первая четверть XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 198–205. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-17>

Введение

На протяжении последних десятилетий для отечественной этнологии характерен рост интереса к этнокультурным и адаптационным факторам, оказывающим влияние на вариативность народной архитектуры разных регионов России. Данное направление исследований имеет особую актуальность для Сибири, на территории которой в результате крестьянских переселений оказалось представлено многообразие этнокультурных особенностей народной архитектуры представителей разных этнических и этнолокальных общностей, проживавших на территории Российской империи. На сегодняшний день наиболее последовательно изучены особенности адаптации народной архитектуры поздних переселенцев на территории западной и центральной Сибири [Майничева, 1998, 2002; Коровушкин, 2008] и др. В Восточной Сибири исследователи чаще обращались к изучению народной архитектуры русского старожильского населения, тогда как строительная культура переселенцев начала XX в. редко становилась объектом специальных исследований. Подобная ситуация оказалась характерной для территории Среднего Приангарья, большая часть которой относится к современному Братскому району Иркутской области. В 1975 г. экспедиция под руководством О.М. Леонова при участии А.В. Ополовникова и Е.А. Ополовниковой изучала деревянное зодчество деревень и сел, расположенных на юге Братского р-на, однако результаты этого исследования так и не были опубликованы [Отчет о работе..., 1975]. Лишь на протяжении последнего десятилетия на этой территории стали проводиться систематические полевые исследования. В 2014, 2016–2018 гг. Братским городским объединенным музеем истории освоения Ангары под руководством М.А. Глушенко были осуществлены экспедиции, изучавшие особенности материальной и духовной культуры потомков крестьян-переселенцев, проживающих в деревнях Зарьбь, Илир, Чистяково, Карай, Кардой, Леоново и Ключи-Булак. Результаты этих полевых исследований, позволяющие выявить общие тенденции адаптации культуры жизнеобеспечения, а также результаты историко-дендрохронологического анализа народной архитектуры переселенцев отражены в наших предыдущих публикациях [Глушенко, 2017; Федоров, Аболина, 2018; Глушенко и др., 2022]. Несмотря на нали-

* Corresponding author.

Этнокультурные и адаптационные аспекты трансформации народной архитектуры...

чие этих публикаций, на сегодняшний день в научный оборот еще не были введены этнографические материалы, дающие детальное представление об этнокультурных особенностях народной архитектуры поздних переселенцев. Восполнению этого пробела посвящена эта статья¹. В ней приведены данные об особенностях конструкций построек и их планировочных решениях, а также предпринято сопоставление с типичными образцами архитектуры в местах выхода переселенцев и у местных старожилов.

Рис. 1. Особенности конструкции и планировочных решений построек:

а) стропила с выпусками на избе д. Илир; б) подстропильные следи на избе 1908 г. д. Карай; в) дом 1906 г. в д. Леоново; г) крыша «на козлах» бани в д. Карай; д) курица на крыше избы 1907 г. в д. Карай; е) печной угол избы 1908 г. в д. Карай; ж) передняя часть печи в сенях дома в д. Карай; з) припазованные потолочные балки избы 1908 г. в д. Карай.

Fig. 1. Features of the construction and planning solutions of buildings:

a) rafters with releases on the house in the village of Ilir; б) adjusting sleeves on the house of 1908, the village of Karay; в) house of 1906 in the village of Leonovo; г) the roof "on the goats" of the bath in the village of Karay; д) "kuritsa" on the roof of a 1907 house in the village of Karay; е) furnace corner of the house of 1908 in the village of Karay; ж) the front of the furnace in the canopy of a house in the village of Karay; з) located ceiling beams of the house of 1908 in the village of Karay.

Полевые исследования позволили выявить наиболее значимые группы переселенцев, сохранившиеся на территории Братского р-на. По отношению к ранее заселившим эти места русским старожилам переселенцы употребляли название «чалдоны». Оно имело широкое распространение в земледельческой зоне от Зауралья до Прибайкалья. В качестве специфической

¹ Из-за ограниченных рамок объема статьи архитектурное описание каждой деревни и ее построек приведено во внешнем приложении, размещенном по адресу: <https://cloud.mail.ru/public/GuuL/WG6hynCxJ>.

группы восточнославянского населения Сибири чалдоны складывалась в XVII — первой половине XIX в., однако свое название и отождествление с особой этнокультурной общностью получили лишь в процессе контактов с переселенцами [Бережнова, 2012]. Среди переселенцев, активно заселявших территорию района в начале XX в., преобладали выходцы из Псковской губернии, а также белорусы и малороссы. Крестьяне из Псковской губернии, проживавшие в деревнях Кардой, Илир, Зарь, Леоново и др., использовали самоназвание «скобари», которое было широко распространено на их родине [Манакон, Евдокимов, 2013]. В этнокультурной идентичности выходцев из Белоруссии и с Украины, проживавших в д. Карай, Чистяково, Илир, Зарь, Леоново, Ключи-Булак и др., первоначально преобладали региональные черты, в соответствии с которыми они могли себя отождествлять с «могилевскими», «гродненскими», «черниговскими» и т.д. Позднее по отношению к ним нередко использовалось обобщающее название «хохлы», которое можно отнести к своеобразным этнокультурным стереотипам, сложившимся по отношению к этой группе переселенцев у их нового этнического окружения [Сибирь и сибиряки..., 2022].

Обширная география мест выхода крестьян-переселенцев, охватывающая Белоруссию, Украину и ряд регионов Европейской России, оказала влияние на разнообразие народной архитектуры Среднего Приангарья. Вместе с тем наблюдается некое единство в архитектурном облике переселенческой застройки. Прежде всего, это отражается в соблюдении землеустроительного порядка в виде протяженных улиц шириной 40–60 м с двухрядной застройкой. Столь строгий регламент не позволял переселенцам воспроизводить привычные архитектурно-планировочные схемы. В деревнях Ключи-Булак и Илир переселенцы также вынуждены были вписаться в уже существующую старожильческую планировку с узкими улицами. Помимо вынужденного планировочного регламента, переселенцев объединяет использование стропильных крыш с длинными выпусками стропил наружу (рис. 1, а). На родине переселенцев данные выпуски на стропилах были необходимы для поддержания свесов крыши, которую крыли соломой или камышом, но повторение их в Среднем Приангарье, скорее всего, является технологической привычкой. При этом не исключено, что на ранних этапах адаптации в новых условиях переселенцы могли пытаться соорудить привычные им соломенные кровли, примеры которых иногда фиксировались в более южных районах Иркутской обл. [Колганова, 2014, с. 35–36]. Помимо соломы переселенцы могли использовать кору лиственницы, а в дальнейшем, по мере сил, они могли заменять кровли на более надежные тесовые и драничные. Однако почти на всех осмотренных домах переселенцев Братского р-на нет признаков частой обрешетки, без которой было бы невозможно закрепить солому и кору даже на первое время. Стропила на затяжках, характерные для старожилов, достаточно редки в переселенческой застройке и чаще всего присущи четырехскатным крышам. В деревнях Карай, Чистяково, Леоново и Зарь во многих постройках переселенцы дополнительно усиливали крепление стропил к срубу при помощи подстропильных слег, в которых просто дублировался упор стропил как на верхнем венце (рис. 1, б). Аналогичный прием использования подстропильных слег встречается только в Невельском районе Псковской области [Ланцев, 2015, с. 66], который до 1924 г. входил в территориальные рамки Витебской губернии. Кроме этого, переселенцев объединяет пренебрежение прятать стык двух скатов кровель коньковыми бревнами либо досками. Чаще всего один скат расположен выше другого и прикрывает, таким образом, стык от осадков. Наибольший консерватизм строительных приемов наблюдается в д. Леоново, где, как и в местах выхода переселенцев, воспроизводили четырехскатные крыши «с залобком», наружное замазывание щелей между бревнами глиной, забеливание срубов снаружи и гонтовую кровлю (рис. 1, в). Впрочем, последние два признака, по мнению одного из старожилов (Федотова Л.П., 1921 г.р.), появились в деревне только после Великой Отечественной войны вместе с новой волной переселенцев из Белоруссии, в которой гонтовые кровли были наиболее распространены [Бломквист, 1956, с. 108]. Также в Леоново и в Карае на некоторых хозяйственных постройках использовали крыши на «козлах» (рис. 1, г), которые характерны для Белоруссии [Локотко, 1991, с. 119; Бломквист, 1956, с. 99]. Изредка на крышах вместе со стропилами использовали курицы (рис. 1, д), причем не в качестве обязательного элемента безвозводной крыши [Отчет..., 1975, с. 4], а только для поддержания свесов кровли, что наблюдалось в том числе в Белоруссии [Бломквист, 1956, с. 106]. То есть вместо желобов на курицы укладывали небольшие жерди либо доски.

Окна в переселенческих деревнях довольно часто оставляли без наличников и ставень, чего нельзя было наблюдать на старожильческих домах. В торцевых фасадах домов чаще всего устраивали по два окна, что встречалось крайне редко у старожилов Приангарья. Во многих

домах было и по три окна, но без асимметрии, присущей тем же старожильческим домам, когда окно напротив устья печи отставлялось от двух других немного дальше. У переселенцев голбцы традиционно отсутствуют, печь ставилась в углу и вход в подполье осуществляется через западню. Характерных для западной части Российской империи случаев, когда на торцовый уличный фасад выходит только одно окно [Юрченко, 1941, с. 28], в Братском районе не зафиксировано, так как традиционная планировка переселенцев в Сибири претерпела изменения (рис. 1, е). Поселившись на территории с более суровым климатом, переселенцы перестают использовать западнорусский тип планировки с ориентацией печи в сторону входа и переходят на северорусский тип, при котором устье печи смотрит на переднюю стену для более равномерного прогрева жилого помещения. Подобная перемена планировки происходила и в более холодной северной части Белоруссии [Локотко, 1991, с. 166]. Переориентация печи должна была, таким образом, переместить кухонный угол от входа к передней стенке, как и у старожилов. Организация остального пространства жилища в переселенческих деревнях Среднего Приангарья пока остается неизученной.

Уже на ранних этапах переселения начинают наблюдаться признаки отхода от традиционной планировки жилища за счет использования пятистенков с двумя отапливаемыми помещениями [Глушенко и др., 2022, с. 205–206]. Кроме того, в 1920-х гг. появляется тенденция к расширению отапливаемого пространства за счет дополнительных прирубов. Отдельного интереса заслуживает зафиксированное в д. Карай решение вынести кухню в сени за счет переноса печи с ориентацией устья прямо в переруб (рис. 1, ж). Таким образом, остальное помещение освободили от выполнения в нем грязной работы по обслуживанию печи и приготовлению пищи, вернув преимущество западнорусской планировочной схемы жилища. Подобный вариант отмечен П.Г. Юрченко на Украине и отнесен ко второй стадии преобразования жилища [Юрченко, 1941, с. 32].

Технологической привычкой можно объяснить и использование в одном помещении 2–3 припозванных или Т-образных потолочных балок (рис. 1, з), между которых укладывались короткие доски. Зачастую такие балки ориентировали вдоль входа в помещение, по его более длинной стороне. Данная технология возникла в связи с дефицитом ровного строевого леса на родине переселенцев. В результате распиловка бревен более короткими досками давала значительную экономию древесины. Но в условиях Приангарья, богатого качественным строевым лесом, вполне можно было пилить полубревна на всю длину помещения, как делали старожилы. Также необходимо отметить, что, в отличие от старожилов, у переселенцев врубки в стенах под потолочные балки были сквозными (рис. 2, а), что дополнительно влекло тепловые потери.

В Карае и Кардое получило распространение устройство с продольной стороны дома сеней, в которых сделан дополнительный выход прямо на улицу (рис. 2, б). В Поволжье такие сени появились в конце XIX в. и назывались «колидорами» [Бломквист, 156, с. 155]. К сеням со стороны улицы часто пристраивали небольшое крыльцо на столбах с двускатной крышей (рис. 2, в). Подобные особенности были характерны и для Псковской губернии, откуда, по устным сведениям, прибыли переселенцы в д. Кардой. Также стоит отметить редкий случай использования крытого двора, совершенно не типичного для Среднего Приангарья. Вероятно, этот элемент был привнесен выходцами с севера Псковской области, для которого было характерным бытование крытых дворов [Ланцев, 2002, с. 36]. Зафиксированное в Кардое соединение жилых помещений сенями через столбы также было распространено на территории Псковщины [Там же, с. 62] и Белоруссии.

В строительстве амбаров у переселенцев наметились две тенденции. Часть амбаров напоминает местные старожильческие, так как они имеют предамбарники, самцовые крыши и вход, расположенный с продольной стороны (рис. 2, г). От полного повторения их отличают однокамерность, сравнительно большой угол крыши и рубка слег через каждый салец. Подобные амбары являлись типичными в Псковской области [Там же, с. 110–111]. Другая часть амбаров несет больше типичных для переселенцев элементов, к которым относится вход с торцовой стороны, отсутствие предамбарника, чаще всего стропильная крыша с длинными выпусками стропильных ног и иногда довольно крупные размеры амбара (рис. 2, д). Последний признак позволял иногда переделывать часть амбаров в жилые дома. Такие амбары тоже не имеют деления на камеры, сусеки в них расположены только по одну сторону, а оставшееся пустое пространство, скорее всего, служило кладовой-спальной. Существует мнение, что на амбарах с самцовой крышей переселенцы врубали частые слегы для предотвращения возможности вора́м забраться через крышу [Отчет..., 1975, с. 4]. Но надо заметить, что расстояние между слегами некоторых амбаров вполне позволяет пролезть в них взрослому человеку. Если же заглянуть

внутри таких амбаров, то под слоем дранья на крыше можно обнаружить остатки первоначальной кровли из лиственничной коры (рис. 2, е). Для укладки этой коры как раз и требовалась обрешетка из частых слег, что, как было замечено выше, отсутствует у жилищ.

Рис. 2. Конструктивные и планировочные особенности построек:

а) боковая стена дома 1908 г. в д. Чистяково; б) дом в д. Кардой; в) дом в д. Карай; г) амбар в д. Леоново; д) амбар в д. Карай; е) листы коры лиственницы под драничной кровлей амбара 1912 г. в д. Карай; ж) погреб, пристроенный к дому в д. Чистяково; з) сомнение в углах амбара в д. Карай; и) изба с асимметрией окон в д. Ключи-Булак.

Fig. 2. Structural and planning features of buildings:

а) side wall of the house of 1908 in the village of Chistyakovo; б) house in the village of Kardoy; в) house in the village of Karay; г) barn in the village of Leonovo; д) barn in the village of Karay; е) sheets of larch bark under the ram roof of a barn of 1912 in the village of Karay; ж) a cellar attached to the house in the village of Chistyakovo; з) confusion in the corners of the barn in the village of Karay; и) hut with asymmetry of windows in the village of Klyuchi-Bulak.

К числу характерных особенностей народной архитектуры переселенцев в Среднем Приангарье следует отнести погреба, пристроенные к неотапливаемым сням жилых домов (рис. 2, ж). Над погребами сооружались срубы небольших размеров без наружных проемов. Войти в них можно было лишь через небольшую дверку прямо из сеней. Подпольные ямы в самих жилищах иногда обрамляли вертикально уложенными досками, подобно дубовым «платкам» в Белоруссии [Косич, 1906, с. 82]. В Белоруссии погреба к жилищу стали пристраивать в начале XX в. [Локотко, 1991, с. 128], в середине XX в. они уже имели два входа — с улицы и из хаты через люк в полу [Там же, с. 203].

В некоторых жилых домах можно обнаружить достаточно узкие продольные пазы-канавки между венцами, которые иногда сходят «на нет» в теплом объеме. Такое качество подгонки бревен тоже можно признать унаследованным признаком, так как качество строевой древесины ряда западных регионов Российской империи не позволяло выдерживать ширину паза, поэтому

щели приходилось замазывать глиной. На многих рубленых «в угол» постройках можно заметить следы сомления бревен в углах и даже полноценные затески, используемые для технологий «самозахлапывающихся чаш» (рис. 2, 3).

Выводы

Сравнение материалов полевых исследований, проведенных на территории Братского р-на Иркутской обл., с этнографическими описаниями, сделанными на территории Белоруссии, Украины и Псковской губернии, свидетельствуют, что почти все зафиксированные особенности народной архитектуры поздних переселенцев Братского р-на одинаково типичны для перечисленных мест выхода. Исключение представляет лишь применение подстропильных слег, которое, вероятно, произошло от переселенцев из Невельского р-на Псковской обл. Однако нельзя исключать, что данный элемент могли использовать в качестве заимствования и другие переселенцы, ранее не знакомые со срубной технологией, как это могло быть с некоторыми выходцами с юга Украины. Поэтому определить этническое происхождение строителей исходя только из архитектурного облика построек в Братском р-не не представляется возможным. Вместе с тем необходимо отметить, что строительная культура поздних переселенцев Братского р-на претерпела трансформацию в значительной степени, чем у большинства их земляков, которые переселились в другие регионы. В поселениях сопредельных регионов с разной степенью преобладания фиксировалась западнорусская планировка жилища, местами отмечено использование соломенных и камышовых крыш, срубы из досок, каркасные постройки, глинобитный пол. Закономерность встречаемости таких признаков сводится только к степени схожести новых природно-климатических условий и ресурсных возможностей с местами выхода переселенцев. Данная логика наглядно видна на примере Иркутской обл. В ее лесостепном Тулунском р-не еще можно встретить западнорусскую планировку жилища. Южнее, в более бедных лесом Баяндаевском и Зиминском районах, зафиксированы соломенные крыши и срубы из досок. В богатом лесом и обладающем более суровым климатом Братском р-не переселенцы были вынуждены разворачивать печи устьем вглубь жилища для сохранения тепла, а для временных кровель вместо соломы охотно использовали листы лиственничной коры. Благодаря изобилию строевого леса переселенцы не нуждались в экономии и не рубили срубы из досок. С другой стороны, следует отметить, что новоселы Братского района не до конца рационализировали свою строительную культуру в новых условиях, продолжая рубить узкие межвенцовые пазы, замазывая их глиной, и врубать множество потолочных балок с несколькими стыками пиленых досок для потолка. Таким образом, можно сделать вывод, что поздние переселенцы старались максимально сохранять свои строительные технологии, изменяя лишь те из них, которые препятствовали выживанию в новых условиях.

В пользу массового перехода с западнорусской планировки на севернорусскую указывает частая встречаемость трехконного фасада с асимметрией окон у переселенцев деревень Ключи-Булак и Илир (рис. 2, и). Попав в эти деревни со старожильческим населением, новоселы скопировали местную планировку вплоть до столь мелких деталей, что присущи лишь народной архитектуре Приангарья.

Перечисленные особенности в совокупности с результатами дендрохронологического анализа [Глушенко и др., 2022] позволяют заключить, что архитектура переселенцев Братского района во всем своем многообразии сложилась в первые же годы переселения в начале XX в. как сумма множества архитектурных приемов обширной территории западных губерний Российской империи. Переселенцы использовали в Среднем Приангарье приемы как давно сложившиеся в местах выхода, так и только появившиеся там в конце XIX — начале XX в. При этом в каждой переселенческой деревне есть неповторимые устойчивые архитектурные черты, связанные с привычками отдельных преобладающих групп родственников, массово переселившихся из конкретных населенных пунктов. Ввиду более суровых климатических условий и обилия древесины переселенцы не стали воспроизводить некоторые привычные им дома строительные приемы, в отличие от своих земляков, попавших в другие, более теплые и малолесные регионы Сибири. Заимствования переселенцами у местного старожилого населения ограничены лишь планировкой жилища и кровельными материалами. Впрочем, и в архитектуре старожилов не приходится наблюдать каких-либо признаков, взятых позже у переселенцев, что подтверждает взаимную замкнутость на протяжении первой половины XX в.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FWRZ-2021-0006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бережнова М.Л. Загадка челдонов: История формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири. М.: Форум, 2012. 280 с.

Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 31. С. 3–461.

Глушенко М.А. Опыт проведения этнографических экспедиций БГОМ // Братская земля: От истоков — до города: Материалы регион. науч.-практ. конф. (Братск, 2 дек. 2016 г.). Братск, 2017. С. 26–31.

Глушенко М.А., Федоров Р.Ю., Жарников З.Ю., Мыглан В.С. Архитектура крестьян-переселенцев первой четверти XX в. в Среднем Приангарье по данным комплексного историко-дендрохронологического анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 4 (59). С. 200–208.

Колганова Е.Ю. Этнокультурное наследие столыпинских переселенцев Предбайкалья. Иркутск: Тальцы, 2014. 116 с.

Коровушкин Д.Г. Природно-климатические условия региона расселения как детерминанта трансформации техники жилищного строительства в сельских переселенческих диаспорах Западной Сибири // Вестник Новосибир. ун-та. Сер. История, филология. 2008. Т. 7. № 3. С. 165–174.

Косич М.Н. О постройках белорусского крестьянина Черниговской губернии, Мглинского уезда: с. Рассуха, д. Бородинка и Амелькин хутор // Живая старина. 1906. Т. XV. № 1. С. 74–93.

Ланцев В.В. Архитектура крестьянской усадьбы Псковской области (конец XIX — середина XX века). Псков: Псков. ун-т, 2015. 186 с.

Локотко А.И. Белорусское народное зодчество. Минск: Навука і тэхніка, 1991. 287 с.

Майничева А.Ю. Крестьянские усадьбы севера Верхнего Приобья (конец XIX — начало XX вв.) // ЭО. 1998. № 3. С. 56–65.

Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: Проблемы эволюции и контактов (середина XIX — начало XX вв.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 144 с.

Манаков А.Г., Евдокимов С.И. Скобари: Историческая зрелость границ и региональная идентичность в Псковской области // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1. С. 28–38.

Сибирь и сибиряки: Этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XIX — начало XXI в.) / Е.Ф. Фурсова, Р.Ю. Федоров, Н.И. Шитова, О.В. Голубкова, М.В. Васеха; Отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. 284 с.

Федоров Р.Ю., Аболина Л.А. Некоторые особенности материальной культуры белорусских переселенцев Братского района Иркутской области: Маркеры идентичности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 147–155.

Юрченко П.Г. Народное жилище Украины. М.: Гос. архит. изд-во Акад. архит. СССР, 1941. 88 с.

ИСТОЧНИКИ

Отчет о работе экспедиции Братского отделения по обследованию памятников деревянного народного зодчества. Август 1975 г. // Фонды Братского объединенного музея истории освоения Ангары. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 38. 5 л.

Glushenko M.A.^{a,*}, Fedorov R.Yu.^b

^a Bratsk City Joint Museum of the History of Angara Development
Komsomolskaya st., 38, Bratsk, 665717, Russian Federation

^b Tyumen Scientific Centre SB RAS, Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: gromov_1@mail.ru (Glushenko M.A.); r_fedorov@mail.ru (Fedorov R.Yu.)

Ethnocultural and adaptation aspects for the development of folk architecture of the late peasant resettlers in the Middle Angara region (first quarter of the 20th century)

The article examines the ethnocultural and adaptation factors for the development of folk architecture of peasant resettlers of the early 20th century who lived in the Middle Angara region. It has been concluded that in the first quarter of the 20th century, the late resettlers sought to preserve their building technologies as much as possible, changing only those of them that prevented adaptation to new conditions. At the same time, the construction culture of the resettlers of the Bratsk District has undergone a much greater degree of transformation than that of most of their compatriots who settled in other regions, due to the need for more intensive adaptation to the specifics of the natural and climatic conditions of the Middle Angara region.

Keywords: folk architecture, the Middle Angara region, the Bratsk district, late migrants, ethnocultural adaptation.

Funding. The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Project No. FWRZ-2021-0006).

* Corresponding author.

REFERENCES

Berezhnova, M.L. (2012). *Riddle of cheldon: History of formation and feature of culture of Old settlers population in Siberia*. Moscow: Forum. (Rus.).

Blomkvist, E.E. (1956). Peasant buildings of Russians, Ukrainians and Belarusians (settlements, dwellings and farm buildings). In: *Vostochnoslavjanskij etnograficheskiy sbornik: Ocherki narodnoj material'noj kul'tury russkih, ukraincev i belorusov v 19 — nachale 20 v.* T. 31. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 3–461. (Rus.).

Glushenko, M.A. (2017). Experience of carrying out ethnographic expeditions of BGOM. In: *Bratskaya zemlya: Ot istokov — do goroda: Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii (Bratsk, 2 dekabrya 2016 g.)*, Bratsk, 26–31. (Rus.).

Glushenko, M.A., Fedorov, R.Yu., Zparnikov, Z.Yu., Myglan V.S. (2022). Architecture of peasant-migrants of the first quarter of the 20th century in the Middle Angara River region according to the complex historical and dendrochronological analyses. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 59(4), 200–208. (Rus.).

Kolganova, E.Yu. (2014). *Ethnocultural heritage of Stolypin immigrants of the Pre-Baikal region*. Irkutsk: Tal'cy.

Korovushkin, D.G. (2008). Natural and climatic conditions of the settlement region as a determinant of the transformation of housing construction equipment in rural resettlement diasporas of Western Siberia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya*, 7(3), 165–174. (Rus.).

Kosich, M.N. (1906). About the buildings of the Belarusian peasant of the Chernigov province, Mglinsky district: s. Rassukha, the village of Borodinka and Amelkin farm. *Zhivaya starina*, 15(1), 74–93. (Rus.).

Lancev, V.V. (2015). *The architecture of the peasant estate of the Pskov region (late 19th — mid 20th century)*. Pskov: Pskovskij gosudarstvennyj universitet. (Rus.).

Lokotko, A.I. (1991). *Belarusian folk architecture*. Minsk: Navuka i tekhnika. (Rus.).

Majnicheva, A.Yu. (1998). Peasant estates of the north of the Upper Ob region (late 19th — early 20th centuries). *Etnograficheskoe obozrenie*, (3), 56–65. (Rus.).

Majnicheva, A.Yu. (2002). *Architectural and construction traditions of the peasantry of the northern part of the Upper Ob region: problems of evolution and contacts (mid-19th — early 20th centuries)*. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN. (Rus.).

Manakov, A.G., Evdokimov, S.I. (2013). Skobari: A historical maturity of borders and regional identity in the Pskov region. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya*, 2(1), 28–38. (Rus.).

Fursova, E.F. (Ed.). (2022). *Siberia and Siberians: Ethnocultural identity of the Russian and other East Slavic peoples in Siberia (19th — early 21st century)*. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN. (Rus.).

Fedorov, R.Yu., Abolina, L.A. (2018). Material culture of Belarusian migrants in the Bratsk district: Identity markers. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 43(4), 147–155. (Rus.).

Yurchenko, P.G. (1941). *People's dwelling of Ukraine*. Moscow: Izd-vo Akad. arhitektury SSSR. (Rus.).

Глушенко М.А., <https://orcid.org/0000-0002-0991-9422>

Федоров Р.Ю., <https://orcid.org/0000-0002-3658-746X>

Сведения об авторах:

Глушенко Максим Александрович, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары, Братск.

Федоров Роман Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the authors:

Glushenko, M.A., Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Scientific Work, Bratsk City Joint Museum of the History of Angara Development, Bratsk.

Fedorov, R.Yu., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 09.06.2025

Article is published: 15.09.2025

Перевалова Е.В. *, Киссер Т.С.

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034
E-mail: Elena_Perevalova@mail.ru (Перевалова Е.В.); tkisser@bk.ru (Киссер Т.С.)

КОЛГУЕВСКИЕ НЕНЦЫ: ОСТРОВНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И КРИЗИС ОЛЕНЕВОДСТВА

Колгуевские ненцы — обособленная группа, сформировавшаяся в результате миграций с материка на остров во второй половине XVIII — XIX в. Их история и культура тесно связаны с оленеводством. Поморско-самоедскую колонизацию о. Колгуева, где хозяевами моря выступали поморы, а хозяевами тундр — самоеды, можно назвать взаимовыгодным «партнерским» освоением. Хозяйственно-экономические трансформации советского и постсоветского периодов способствовали укреплению островного менталитета колгуевских ненцев. Массовый падеж оленей в 2014 г. продемонстрировал уязвимость традиционного хозяйства и устойчивость островной культуры. С одной стороны, кризис привел к усилению «осадного сознания» и недоверия к внешнему миру (бытование мнения о намеренной потраве оленей), с другой — к переосмыслению роли оленеводства и поиску новых форм хозяйствования (создание КФХ «Нэрм» и СПО «Салды»). Ментальность колгуевских ненцев характеризуется замкнутостью и консерватизмом, привязанностью к родной земле («страх потерять свой остров»), особым отношением к оленям («остров без оленей — пустыня»), высокой степенью взаимозависимости группы и ее зависимости от внешнего мира. В условиях ограничения доступа к ресурсам семья играет ключевую роль в обеспечении безопасности, вместе с тем остро проявляются «клановые» разногласия и противоречия между тундрой (оленеводами) и поселком (жителями Бугрино).

Ключевые слова: ненцы (самоеды), остров Колгуев, оленеводство, ментальность, традиция.

Ссылка на публикацию: Перевалова Е.В., Киссер Т.С. Колгуевские ненцы: островная ментальность и кризис оленеводства // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 3. С. 206–217. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-18>

Введение

Арктические острова представляют собой уникальные территории формирования адаптационных стратегий коренных народов Севера. Островная изоляция, ограниченность ресурсов и особые природно-климатические условия способствуют возникновению локальных вариантов традиционных культур, которые демонстрируют устойчивость даже в условиях кризисов. Остров Колгуев в этом отношении представляет особый интерес как пример территории, где относительно недавно (во второй половине XVIII — XIX в.) сформировалась обособленная группа ненцев — *холнугов ненэча*, чья идентичность и хозяйственные практики складывались и развивались в специфических островных условиях.

Административно Колгуев относится к Ненецкому автономному округу. Площадь 3728 км²; меридиональная протяженность около 100 км, широтная — около 60 км. Остров отделен от материка незамерзающим Поморским проливом, расстояние до береговой полосы 60–100 км. Колгуев расположен в самой мелководной части Баренцева моря, со всех сторон окружен песчаными мелями («кошками»). Остров не имеет удобных бухт, устья рек мелководны, что осложняет подход к нему морских судов. Теплое атлантическое течение и скопление льдов определяют природно-климатическую специфику Колгуева — его называют «островом туманов» [Перфильев, 1928а, с. 3] и островом, «запертым льдами», отсюда у него нелестная репутация «скверного» [Шульга, 1909, с. 37], «негостеприимного» и «пагубного» места среди путешественников и мореплавателей [Максимов, 1984, с. 449]. Несмотря на значительный интерес исследователей к истории и культуре Колгуева [Лепехин, 1805; Тревор-Бетти, 1897; Перфильев, 1928а, 1928b; Солнцев, 1938; Хомич, 1966; Карпетова, 1990; Подэкрат, 2018; Давыдов, 2006; и др.], социокультурные трансформации и ментальность колгуевских ненцев остаются малоизученным аспектом.

Цель данной статьи — анализ социокультурной адаптации колгуевских ненцев к кризисным явлениям в контексте островной ментальности и исторически сложившихся практик природо-

* Corresponding author.

пользования, включая трансформацию хозяйственно-экономических стратегий, переосмысление традиционных ценностей и изменение внутригрупповых отношений в условиях ограниченности ресурсов и географической изоляции.

Методологически исследование опирается на концептуальные разработки А.В. Головнева: «антропология движения» [2009] дает возможность представить исторический путь колгуевских ненцев как динамичный адаптационный процесс, где мобильность становится механизмом социокультурной трансформации; «феномен колонизации» [2015] позволяет выявить особенности «партнерской» поморско-самоедской модели освоения острова; «северность России» [2022], как особый тип цивилизационного развития, где ключевую роль играют адаптивные стратегии, ведет к пониманию островной ментальности колгуевских ненцев как устойчивого элемента локального варианта арктической культуры. Источниковую базу составляют полевые материалы авторов (август 2024 г.), включающие серию глубинных интервью с оленеводами и жителями о. Колгуев, архивные документы и опубликованные историко-этнографические исследования.

Холгуов ненэча

Остров Колгуев (уст. Калгуев, нен. Холгуов), упоминаемый в «Книге Большому чертежу», был хорошо известен поморам с середины XVI в. Однако долгое время он оставался необитаем¹. В отличие от западноевропейских мореплавателей русское старожильческое население (мезенцы, пустозерцы, двиняне) считало Колгуев «не погибельным», а вполне «гостеприимным» местом — своей промысловой вотчиной [Максимов, 1984, с. 447–450]. По данным И.И. Лепехина и Н.Я. Озерецковского, промышленники и купцы ежегодно на трех-четыре карбасах приезжали на остров в летний период для охоты на линную птицу [Лепехин, 1805, с. 195–196]. Птицы здесь было настолько много, что ее добывали тысячами, устраивая облавы во время линьки и запаса в огромных количествах соленое мясо, гусиный, гагачий и лебязжий пух, перо и кожуки [Тревор-Бетти, 1897, с. 135–140, 146, 178; Козмин, 1913, с. 4–5].

На колгуевские птицеловные промыслы русские промышленники брали самоедов с материка. Некоторые из них оставались зимовать, занимаясь добычей морского зверя, дикого оленя и пушного зверя. В 1767 г. мезенский купец Иван Котин вместо вымерших по неизвестной причине диких оленей завез на остров домашних, для выпаса которых были наняты два самоеда [Лепехин, 1805, с. 194–196]. Целью переселения самоедов была необходимость снабжения прибывавших артельщиков пропитанием и транспортом, доставка и погрузка продукции промыслов на суда. Природные условия острова, прежде всего «морской арктический» климат и сплошная зона тундр, способствовали быстрому развитию оленеводства. Так сложился вариант поморско-самоедской островной колонизации, где хозяевами моря выступали поморы, а хозяевами тундр — самоеды; «партнерское» освоение было взаимовыгодным (см.: [Головнев, 2015, с. 370–420]).

Активная промыслово-олeneводческая колонизация Колгуева привела к формированию обособленной локально-территориальной (островной) группы — *холгуов ненэча* (колгуевские ненцы). По наблюдениям Ф.П. Литке во время его третьего плавания на Новую Землю (1823), на Колгуеве постоянно проживали «несколько семей самоедов, надзирающих за стадами оленей, принадлежащих... мезенским купцам». Гнездящиеся на острове «великие стада разных пролетных птиц» (гуси, лебеди) и «изобилие рыб в реках и озерах (кумжа, гольцы, омули, сиги)» заметно расширяли их пищевой рацион. Хотя остров совершенно безлесый, «выкидного» (проносимого морем) леса хватало для отплевания жилищ и прочих хозяйственных нужд [Литке, 1948, с. 244].

Складывалась и увеличивалась в численности колгуевская группа самоедов, переселившаяся на остров «на правах оленных пастухов по найму» и частично «по доброй воле», за счет как естественного прироста [Максимов, 1984, с. 450], так и притока мигрантов с материка. В 1841 г. на острове кочевало более 60 чел. [Saweliew, 1852, с. 317]. В 1852 г. здесь числилось 105 самоедов, в основном это были переселенцы из Канинской, Тиманской и Большеземельской тундр [Васильев, 1979, с. 143]. В 1900 г. на острове насчитывалось 70 самоедов, в 1902 г. — около 80 [Есипов, 1933, с. 91], а в 1912 — уже 172 (85 муж., 87 жен.); помимо самоедов на острове жили «оседло два чума зырян, в количестве 10 человек» [Козмин, 1913, с. 3].

В XIX в. монополия в промыслах и торговле с колгуевскими самоедами находилась в руках нескольких кланов мезенцев, пустозерцев, печорцев. В начале XX в. только две самоедские

¹ Первыми поселенцами на Колгуеве были раскольники. Опыт их пребывания на острове был неудачен: обосновавшаяся в 1767 г. в устье р. Гусиная раскольничья община смогла продержаться, по разным источникам, от одной до нескольких зим; почти все ее члены умерли от цинги [Лепехин, 1805, с. 194; Литке, 1948, с. 244; Максимов, 1984, с. 449; Солнцев, 1934, с. 211–212; и др.].

семьи вели «свободную меновую торговлю» с промышленниками, остальные находились в зависимости от последних, выпасали их олени стада и промышленляли для них зверя (нерпу, песца, лисицу, белого медведя, водоплавающую птицу), получая взамен все необходимое для зимовки — муку, соль, чай, сукно, ситец, металлические изделия, порох, свинец, водку [Латкин, 1853, с. 44–45; Шульга, 1909, с. 45–47, 63–64]. Если последних сюда влекла возможность получения хорошего дохода, то самоедов, основным занятием которых стало оленеводство, удерживало богатство оленьих пастбищ и отсутствие хищников. Сложившаяся русско-самодийская хозяйственно-экономическая система Колгуева представляла «уникальный опыт освоения Арктики» двумя народами [Давыдов, 2006, с. 41–44]. «Жители острова» были «разделены» между «ходальщиками», у которых они находились «в полной зависимости», чему способствовали система кредитования и завоз на остров спиртных напитков [Жилинский, 1919, с. 195]. Цены на товары были высокими, так как конкуренции между торговцами не было: «у каждого торговца» — «свой покупатель», именуемый «задатчиком»; торговцев же самоеды называли «хозяевами» [Козмин, 1913, с. 4]. Немалую роль в складывании зависимости играли устойчивые личные связи: потеря хозяина (своего «русского») вела к разорению самоеда [Тревор-Бетти, 1897, с. 183; Максимов, 1984, с. 451].

Судя по карте английского путешественника-натуралиста О. Тревор-Бетти, побывавшего на острове летом 1894 г., земли Колгуева были распределены между самоедами на пять «округов». При этом большая часть оленьего поголовья острова принадлежала русским промышленникам и купцам [Тревор-Бетти, 1897, с. 178, 185–188, 192–193, 200–201]. Их доход от забоя оленей намного превышал доход от других промыслов [Козмин, 1913, с. 4–5].

Численность поголовья оленей на Колгуеве во второй половине XIX — начале XIX в. была подвержена резким колебаниям: названный максимум составлял 22–25 тыс., минимум — 2,7–5 тыс. голов [Подэкрат, 2018, с. 34–35]. Такие скачки объяснялись погодными катаклизмами и плохим состоянием пастбищ. Особенно губительными были падежи (моры) оленей из-за регулярно случавшихся гололедец [Тревор-Бетти, 1897, с. 186], когда от бескормицы гибло до 60 % [Есипов, 1933, с. 95] и даже до 80 % поголовья, а у некоторых самоедов не оставалось «ни копыта». По оценкам специалистов, на деградацию «моховых пажитей» (пастбищ) влияли произвольное увеличение самоедами оленьего поголовья и нерегулируемый выпас стад [Козмин, 1913, с. 4, 14].

Советские трансформации

С утверждением в начале 1920-х гг. советской власти административным центром на Колгуеве становится русское становище Бугрино. Численность населения острова растет. Если в 1921 г. на Колгуеве насчитывалось 148 самоедов обоего пола (19 чумов), то к концу 1920-х гг. их численность увеличилась до 207 чел. (28 чумов) [Перфильев, 1928а, с. 5]. В начале 1930-х гг. численность всего проживающего на острове населения составляла 270 чел. [Есипов, 1933, с. 91], из них около 30 русских, остальные — самоеды. Однако среди последних не было ни одной оседлой семьи [Солнцев, 1938, с. 207–208].

Основным занятием коренного населения оставалось кочевое оленеводство. В 1920-х — начале 1930-х гг. на Колгуеве насчитывалось 34 самостоятельных оленеводческих хозяйств. Кроме этого, на острове выпасались стада оленесовхоза, созданного в 1921 г. из реквизированных оленей у пустоозерцев и ижемцев. Принадлежавшее губернскому исполкому стадо последовательно передавалось Госторгу, Комсеверопути и Морзверпрому, Главному управлению Северного морского пути. Хотя вопрос об обобществлении личных стад ставился довольно жестко, вплоть до выселения с острова, колгуевские ненцы не спешили объединяться в коллективные хозяйства [Продэкрат, 2018; с. 44, 45, 51–53]. В 1923–1924 гг. Госторгу принадлежало чуть больше половины островного поголовья (3585 оленей), 23 из 25 ненецких семей имели личные стада (3155 оленей) [Давыдов, 2006, с. 52]. С установлением советской власти сменилась система выпаса. Вместо ранее существовавших «округов» был законодательно закреплен выпас по всей территории острова с меридианным кочеванием в течение года и сезонным разделением пастбищ [Перфильев, 1928b, с. 78]. Но, в отличие от других территорий, колгуевские оленеводы по-прежнему не дежурили в стадах круглосуточно, а лишь раз в сутки собирали стадо «к чуму»; при свободном режиме выпаса они держали «караульную нарту с запряженной в нее парой оленей», «чтобы в случае необходимости иметь возможность собрать стадо» [Архив МАЭ РАН. Ф. 2, д. 130, л. 11].

По заключениям специалистов 1930-х гг., оптимальное стадо для острова Колгуев составляло 5–6 тыс., а предел определялся в 10–12 тыс. голов. Численность оленей подвергалась природной корректировке. Так, гололедица зимой 1932/33 г. привела к гибели почти 50 % поголовья. Ягельники острова к этому времени были сильно выбиты и потравлены. Выделение

ягельных заповедников в бассейне р. Васькиной и Песчаных сопок не решало проблему [Солнцев, 1938, с. 230, 254; Продэкрат, 2018, с. 40–42, 52–53; Перфильев, 1928b, с. 78]. Кроме оленеводства колгуевские ненцы по-прежнему занимались прибрежным промыслом морского зверя, охотой на линную птицу и куропатку, промыслом песцов и лисиц, добычей рыбы по озерам. В советское время «вывоз дичи с Колгуева не производился» [Есипов, 1933, с. 94–96].

Значительные хозяйственно-экономические трансформации на Колгуеве начались с середины XX в. В 1956 г. на базе промыслово-олeneводческой артели «Красный Север» и торгово-промышленной фактории «Бургино» был создан оленеводческий совхоз «Колгуевский» (центральная усадьба в п. Бургино). В совхоз вступило два хозяйства (39 чел.) с поголовьем в 2,5 тыс. оленей. В 1958 г. в совхозе работало 44 чел., стадо увеличилось до 3,1 тыс. К 1970 г. совхозное стадо насчитывало уже 7,36 тыс. голов [АО АА НАО. Ф. № Р-112, оп. 1, д. 4, л. 11–17 об.; д. 7, л. 1; д. 8, л. 1; д. 9, л. 19 об.; д. 34, л. 1].

В 1987 г. при численности совхозного стада в 6,1 тыс. голов (после отела — 9 тыс.) ощущалась перегруженность пастбищ. В традиционных отраслях было занято 30 чел.: 28 оленеводов и чумработниц, 2 промысловика морского зверя. Стадо выпасали две оленеводческие бригады. Одна занимала западную, вторая — восточную часть острова. Оленеводы круглый год проводили в тундре, совершая перекочевки от северной оконечности острова (лето) к южной (зима), в отличие материковых, чьи летние пастбища находились на севере, около моря, а зимние — на юге, в лесах. В обеих бригадах практиковалось семейное кочевание. Ввиду отсутствия хищников, как и в прежние времена, практиковался свободный режим выпаса, т.е. пастухи не дежурили постоянно в стаде, а лишь раз в сутки собирали оленей. Просчет оленей проводился в тундре, забой — в Бургино. В поселке работала мастерская мехпошива, продукция которой отправлялась в Нарьян-Мар [Карапетова, 1990, с. 248, 251].

Сложившаяся ситуация была типична для территорий Российской Арктики. Ввиду перевода ненцев на оседлый образ жизни, обучения молодого поколения в интернатах с отрывом от семейных традиций уже к 1970–1980-м гг. колгуевцы усвоили обряды и поведенческие нормы, типичные для советского человека, нормы советской культуры и менталитета [Давыдов, 2006, с. 55–56]. В начале 1970-х гг. на Колгуеве началась нефтеразведка. В 1983 г. на севере острова было открыто Песчаноозерское нефтяное месторождение, а с середины 1980-х развернута опытно-промышленная добыча нефти. Значительная часть отельных пастбищ по реке Песчанке была изъята, построен вахтовый поселок Песчанка, от месторождения до резервуарного парка на северном побережье проведен нефтепровод. Инициированные в конце 1990-х — начале 2000-х гг. программы устойчивого развития оленеводства, создания охраняемой территории природного и культурного наследия, призванные в том числе выстроить взаимовыгодные отношения между оленеводами и недропользователями [Там же, с. 56–58], никаких результатов не дали. С 2016 г. нефтедобычу, хранение и транспортировку сырой нефти на острове осуществляет ЗАО «Арктикнефть». Отношение коренного населения к недропользователям «устойчиво отрицательное», поскольку оленеводы считают, что лучшие пастбищные места находились в зонах нефтедобычи [Михайлова, 2015, с. 148].

Как олени «съели» остров

Советская система оленеводства сохранялась до конца 1990-х гг. С крушением плановой экономики совхоз «Колгуевский», как и многие оленеводческие хозяйства, пришел в упадок: добыча морского зверя была запрещена, организованный сбыт оленепродукции рухнул, процветал обмен продукции промыслов на водку с судами, идущими по трассе Севморпути. Вместе с тем созданный на базе совхоза СПК (сельскохозяйственный производственный кооператив) «Колгуевский» являлся «градобразующим предприятием» острова. В СПК работало около 60 человек, из которых 20 было занято непосредственно в оленеводстве. Стадо в 10 тыс. для Колгуева по-прежнему определялось «экологически оптимальным»; сохранялась двухбригадная система выпаса [Давыдов, 2006, с. 53].

Островная жизнь наложила определенный отпечаток на схему выпаса оленей, на работу оленеводческих бригад, на процесс организации забойных кампаний и вывоза продукции. В отличие от совхоза, в СПК «Колгуевский» закрепился так называемый вольный выпас оленей. Это было возможно, поскольку остров сам по себе является естественным природным «коралем», откуда «олени не могут убежать» и где они «не могут смешаться с чужими стадами». Более мягкая, чем на материке, зима, прохладное ветренное лето, малое количество хищников, овода и комаров, редкие эпидемические болезни, наличие солей на побережье — олений рай. Колгуевские олени («колгуевская порода») превосходили материковых сородичей по размерам и упитанности.

«...Колгуев — оленье царство. Сам остров маленький, 60 на 90. Сплошная тундра... Климат теплее, от нарьян-марского на 5–10 градусов отличается. Лето всегда туманно и ветрено, а зима влажная, море кругом... Колгуевские олени выше и агрессивнее материковых. Такой генотип еще есть на Канине. На остров-то ненцы с Канина пришли, олени и культура (одежда, шапки) там канинские» [ПМА, Колгуев, 2024].

Постепенно колгуевские оленеводы отказались от традиционных кочевых жилищ. Из-за большой влажности крыши чумов приходилось постоянно сушить, да и «на чумовой шест-то надо было бревна колоть». По маршруту кочевания появлялись «амбарчики» и «сарайчики» — до десяти стоянок с 2–7 небольшими дощатыми домиками. Благоприятная ситуация позволила СПК «Колгуев» быстро нарастить стадо. Однако в управлении были допущены серьезные просчеты: должного регулирования численности стада не осуществлялось, и контроль за популяцией был утрачен. В марте 2012 г. в СПК насчитывалось 12 тыс. оленей при оленеемкости пастбищ 4–6 тыс. Весной 2013 г. от бескормицы погибло 570 оленей. В период с 26 ноября 2013 г. по 10 февраля 2014 г. было забито 1500 голов, однако это уже не могло исправить ситуацию, и в апреле 2014 г. начался массовый падеж. В конце того же года на Колгуеве оставалось всего 153 оленя (из них 145 — важенки) [Причинами массового падежа..., 2014]. Так за пару лет из-за перевыпаса многочисленное колгуевское стадо было потеряно.

Комиссия по расследованию причин массовой гибели животных установила, что главными причинами чрезвычайной ситуации являлись [Чистякова, 2015]: неблагоприятные погодные условия — гололедица (истощение и гибель оленей в связи с обледенением пастбищ из-за «ледяного дождя»); неправильная организация забойной компании (убойный пункт построен с нарушением технологий, качественный забой производить было невозможно; в целях получения хоть какой-то прибыли на забой гнали обессиленных оленей, большая часть которых пала в пути); некомпетентность руководства СПК и отсутствие профессиональных кадров («не оленеводы, а водители снегоходов, которые ездили в тундру за мясом», так о колгуевцах отзывались их соплеменники с материка); негативная практика бессистемного вольного выпаса и отсутствие регулирования численности поголовья; истощение и деградация пастбищ из-за перевыпаса («попросту олени съели остров»).

«Главная ошибка руководства — свободный выпас. Гуляйте, олени, где хотите. Но, если оленей не держать в руках, т.е. каждый день не сгонять в кучу, осенью их не собрать. Зимние и летние пастбища важно контролировать. Олени выпасались несколько лет на зимних пастбищах и съели все подчистую» [ПМА, Колгуев, 2024].

Однако сами колгуевские оленеводы уверены, что падеж оленей 2014 г. — это «направленная на истребление оленьих стад акция»:

«У нас ведь это не первый гололед. Были времена, когда оленеводы рубили лед, чтобы добыть корм для оленей, но такого падежа не было... Человеческий фактор, т.е. вольный выпуск, допустим. Но буквально до падежа видели странные самолеты. Летали низко, может, что-то распылили. Может, наложилось одно на другое. Но и какая-то химия все-таки в этом деле была!» [ПМА, Колгуев, 2024].

В результате потери оленьего стада СПК «Колгуевский» был ликвидирован. Зарегистрированный новый СПК «Колгуев» был ориентирован на рыбоводству, сбор ламинарии (морской капусты) и дикоросов, однако продержался недолго.

Колхозно-фермерское хозяйство «Нэрм» и семейно-родовая община «Салды»

После падежа оленей и ликвидации СПК «Колгуевский» большинство оленеводов перешли в КФХ «Нэрм» (глава Вера Ивановна Варницына) и семейно-родовую общину «Салды» (председатель Инна Николаевна Варницына). Инициатива их создания исходила от главы поселка Бугрино А.Ф. Ледковой. Женщинами, принявшим вызов и ставшими главами оленеводческих хозяйств, во многом руководили личностные мотивы.

«В 2014 г. главой поселка Бугрино стала Ледкова Анастасия Филипповна, наша двоюродная сестра. К тому времени у нас осталось 150 важенок, а хоров-производителей не было совсем. Она мне предложила создать КФХ. Отговаривали все. Но мои братья выросли в тундре, другую работу делать не могут. Вот я и согласилась. И отец выбор одобрил. Он всю жизнь в оленеводстве. Пастбища СПК были переданы нашему КФХ» [ПМА, Колгуев, 2024, В.И. Варницына].

В 2015 г. с подачи А.Ф. Ледковой, пытаясь сохранить отрасль, правительство и департамент природных ресурсов, экологии и агропромышленного комплекса НАО завезли с материка на вертолете 14 быков-производителей ненецкой породы (подарок округа на День оленя) [Михневич, 2020].

«В августе 2015 администрацией был организован первый рейс, на котором привезли с материка быков-производителей. С этого все началось. Тогда нам 10 голов передали. Братья поехали в тундру, нашли важенок. Туда и посадили вертолет. В следующем году важенки дали небольшой приплод: только у половины телята родились» [ПМА, Колгуев, 2024, В.И. Варницына].

Рис. 1. Вера и Ольга Варницыны. Стойбище Хой Яр, о. Колгуев, 2024 г. Фото Е.В. Переваловой.
Fig. 1. Vera and Olga Varnitsyn. Khoi Yar camp, Kolguev Island, 2024. Photo by E.V. Perevalova.

Рис. 2. Иван Афанасьевич Ваницын, старейшина, бывший бригадир СПК «Колгуевский». Стойбище Хой Яр, о. Колгуев, 2024 г. Фото Т.С. Киссер.
Fig. 2. Ivan Afanasyevich Vanitsyn, elder, former foreman of the Kolguevsky agricultural production complex. Khoi Yar camp, Fr. Kolguev, 2024. Photo by T.S. Kisser.

В 2018 г. с материка во вновь созданные хозяйства были доставлены еще 10 важенок, 10 телят и 12 ездовых быков. Важенок и телят передали КФХ, ездовых оленей — общине. Однако возрождение колгуевского поголовья оказалось делом непростым. С задачей справилось только КФХ. В хозяйстве числятся шесть пастухов, они родственники: три брата Веры Ивановны Варницыной, ее муж и племянник. Вера Ивановна «боевая» и пользуется авторитетом у братьев (рис. 1, 2). Численность небольшого стада у них постепенно увеличивается:

«В 2018-м нам привезли 10 важенок и 10 оленят. Братья распределили их между собой и клеймили. У каждого свое клеймо. Дело потихоньку пошло в гору. Теперь у нас чуть больше ста голов» [ПМА, Колгуев, 2024, О.И. Варницына].

Для выпаса оленеводы КФХ используют пастбища и маршруты бригады № 2 СПК «Колгуевский», в которой работали до падежа. Протяженность маршрута составляет 62 км в одну сторону. По маршруту находятся 10 стационарных стоянок с 2–7 жилыми постройками. Окарауливать стадо и в зимний, и в летний периоды ездят на упряжках и снегоходах (рис. 3, 4). У каждого пастуха по две «упряжки» (обученных ходить в упряжке оленей), по одному-два снегохода и по три-четыре собаки-оленегонки. В осенне-зимний период в КФХ практикуется вахтовый метод, в стаде посменно дежурят по 1–2 пастуха. Сначала, когда «только оформили КФХ, дежурили по две недели, но транспорт гонять накладно», смену увеличили до месяца. Зимой, когда олени выпасаются недалеко от поселка, пастухи живут с семьями и ежедневно ездят проверять стадо. Лето семьи оленеводов проводят в тундре. В августе, к школе, женщины, дети и имеющие в поселке работу мужчины возвращаются в Бугрино. Летом 2024 г. в стаде КФХ было 120 оленей. Увеличивать поголовье пытаются за счет стопроцентного сбережения телят. Домашних оленей не забивают даже на еду. Но, как говорят сами оленеводы, «породу колгуевских оленей им уже не возродить», так как ввиду потери всех местных быков-производителей произошла «смена масти» (рис. 5). Знаменитые колгуевские олени, по наблюдениям пастухов, стали мельче и поменяли окрас.

«В 2018-м оленей завезли из семейно-родовой общины «Барк» (Малоземельская тундра). Теперь большинство оленей уже смешанные. Колгуевские олени были крупные, а сейчас — средние. Наверное, таких оленей, что у нас раньше были, уже не будет. Наши были в основном белые, черные, серенькие, теперь масти поменялись. Есть, например, черно-белые, а посередине белые пятна, как рыбы хвосты. Теперь наши олени больше похожи на коров» [ПМА, Колгуев, 2024, В.И. Варницына].

Доходов у КФХ пока нет, налоги платить нечем. Зарплата пастухи не получают. Семьи оленеводов живут за счет выплат «мнэсок», т.е. 3 тыс. руб. представителям КМНС, ведущим традиционный образ жизни, и детских пособий. Вера Ивановна, ее муж и одна из снох работают в поселке.

У семейно-родовой общины «Салды» дела идут совсем плохо: «они существуют только на бумагах». После падежа общинникам передали упряжных оленей. Начинали работать вахтовым методом: две недели выпасали своими силами, а на две недели отдавали на выпас пастухам крестьянско-фермерского хозяйства (двоюродным братьям). Но осенью они объявили, что «вахту закрывают и оленей распускают». Пастухи КФХ просили не распускать стадо, так как «оленей потом не собрать, оди-

чают». Но переубедить родственников не смогли («глава хозяйства на контакт не пошла»). «Сейчас общинники держат в тундре на привязи всего семь оленей», «своих пастухов нет: один из них ушел на СВО, один устроился на работу в поселке, еще один как-то тоже от этого отошел».

Рис. 3. Корраль. Стойбище Хой Яр, о. Колгуев, 2024 г. Фото Е.В. Переваловой.

Fig. 3. Corral. Khoi Yar camp, Kolguyev Island, 2024. Photo by E.V. Perevalova.

Рис. 4. Отлов оленей на упряжку.
Петр Варницын. Стойбище Хой Яр,
о. Колгуев, 2024 г. Фото Е.В. Переваловой.

Fig. 4. Reindeer capture for a sled. Petr Varnitsyn.
Khoi Yar camp, Kolguyev Island, 2024.
Photo by E.V. Perevalova.

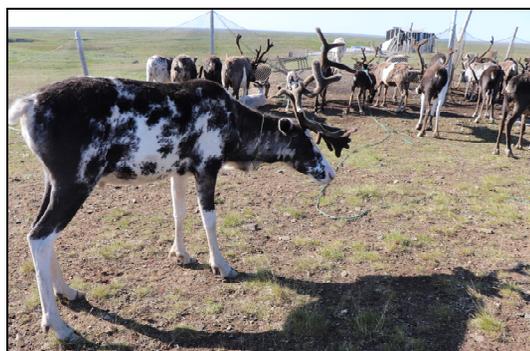

Рис. 5. Смена масти: пятнистые олени
в стаде КФХ. Стойбище Хой Яр, о. Колгуев, 2024 г.
Фото Е.В. Переваловой.

Fig. 5. Change of color: sika deer in a herd of a peasant farm. Khoi Yar camp, Kolguyev Island, 2024. Photo by E.V. Perevalova.

Общая беда не объединила оленеводов. Между двумя оленеводческими хозяйствами — КФХ и СРО — усугубился старый конфликт. Раздор между братьями начался еще «во времена совхоза», когда бригадиром первого стада был Егор Афанасьевич Варницын (дядя В.И. Варницыной), а второго — Иван Афанасьевич Варницын (отец В.И. Варницыной). Конкуренция между бригадами вылилась в «агрессивное противостояние», вплоть до болезненного восприятия победы в гонках на оленях на Дне оленя, отказа от чаепития во время отбора прибывших к чужому стаду оленей, а ныне — от выплаты налога на землю (пастбища).

КФХ, считают оленеводы, не выгодная для них форма хозяйствования, поскольку в округе грантовая поддержка «на приобретение техники, покупку материала для строительства и благоустройства жилья оказывается только общинникам». Переоформить хозяйство как СРО пока не получается, однако сестры Вера и Ольга Варницыны планируют зарегистрировать новую общину, чтобы «арендовать пастбища и купить оленей у КФХ», «выйти на агростарт как вновь открывающемуся предприятию» (получить стартовую финансовую поддержку) и иметь возможность подавать заявки на гранты. Есть еще одна большая проблема, которую самим колгуевским оленеводам не решить. Оказалось, что после массового падежа около 500 оленей выжили. Обнаружили их случайно немецкие орнитологи, запускавшие дроны для своих исследований.

«Отбившихся оленей сразу не обнаружили. Была информация, что вообще оленей на острове не осталось. А потом увидели следы. Если бы тот кусок стада сразу собрали и стали окарауливать, они бы не стали дикими. Но у нас тогда не было ездовых оленей, а техники они боятся» [ПМА, Колгуев, 2024, О.И. Варницына].

Колгуевские ненцы: островная ментальность и кризис оленеводства

Несколько лет потерянное стадо выпасалось само по себе, бесконтрольно передвигаясь по пастбищам. Сейчас это настоящая «дикая дивизия», численность которой по разным подсчетам достигала уже трех-пяти тысяч голов. Во-первых, одичавшее стадо представляет угрозу, поскольку легко может отбить и увести домашних оленей. Во-вторых, столь быстрый рост поголовья может привести к перевыпасу и к новому падежу. Время от времени оленеводы отлавливают по несколько оленей арканами, чтобы заново приучить. Но взять стадо «в руки» (под контроль) сложно: «необходимо несколько лет постоянно ходить с ними по маршруту, прикармливая и приучая к человеку, т.е. круглогодично жить в тундре» [ПМА, Колгуев, 2024].

«Под контролем у нас более 120 оленей. Часть весной убежала, с диким стадом смешалась. Дикое, наверное, уже больше трех тысяч... Они куда захотели, туда и идут. Были на западе, ближе к Песчано-Озерскому месторождению... Теперь уже переходят на нашу сторону, надо бить тревогу... Не дай бог, опять начнется падеж» [ПМА, Колгуев, 2024, В.И. Варницына].

«С 2018 г. просчета оленей на Колгуеве не проводилось. Осенью, когда олени слабые, пастухи на снегоходах вылавливают по несколько голов. Снегоходная техника старая. Нет запчастей, бензин стоит 120 рублей за литр, и его нет. И скоро грядет время, когда олени остатки острова доедят и снова сдохнут» [ПМА, Колгуев, 2024].

Отстрел оленей из одичавшего стада оленеводы ведут исключительно для своих нужд, поскольку массовый забой должен производиться на сертифицированных условиях, т.е. поголовье должно быть привито. Проводить забойную компанию попросту негде: «убойный пункт, отремонтированный в 2014 г., за десять лет был растащен местными жителями».

«Желание восстановить колгуевское стадо оленеводы имеют, но никому это больше не надо. Это не надо государству, это не надо округу. Забить одичавших оленей, мясом которых мог бы кормиться тот же поселок, оленеводы не могут, потому что олени не привиты» [ПМА, Колгуев, 2024].

В сегодняшней ситуации колгуевским оленеводам необходима государственная поддержка. Однако помощи от государства и недропользователей практически нет. Даже получить ГСМ у нефтяников (по соглашению с округом, это 4 тонны газа) из-за бумажной волокиты и бюрократических разборок непросто. «Дать бензинчику» оленеводам, получив взамен мясо оленя, как это было в советское время, невозможно: «дисциплина на нефтеобъектах жесткая, везде камеры».

В целом, события после падежа 2014 г. привели, с одной стороны, к усилению «осадного сознания» и недоверия к внешнему миру, с другой — к переосмыслению роли оленеводства в жизни сообщества и к поиску новых форм хозяйственной деятельности, а также к росту интереса к традиционной культуре как способу сохранения идентичности (двоюродный брат Веры и Ольги Варницыных настоял на возрождении одного из колгуевских святилищ и установке на летнем стойбище чума, которого дети оленеводов никогда прежде не видели). Падеж оленей на Колгуеве продемонстрировал, с одной стороны, уязвимость традиционного хозяйства в современных условиях, с другой — устойчивость островной культуры. Несмотря на затяжной кризис, сообщество показало способность к адаптации и поиску новых путей развития. Конечно, Колгуев в скором будущем, как и в округ в целом, столкнется с проблемой нехватки кадров в оленеводческой отрасли. Из молодежи в оленеводстве планирует остаться только тринадцатилетний Афанасий Варницын. У него уже есть свои олени и упряжка, «он чувствует оленя, понимает все тонкости кочевания», он — главная надежда колгуевцев, считающих, что «без оленей остров станет пустыней».

Тундровые и поселковые: противостояние

Кроме конфликта между оленеводами КФХ и СПО на острове очевидно противостояние между тундровыми ненцами и жителями Бугрино. В какой-то степени оно было спровоцировано административными преобразованиями постсоветского периода, когда полномочия администрации муниципального образования «Колгуевский сельский совет» стали распространяться исключительно на территорию поселения. Даже День оленя «стали проводить отдельно для тундровиков и поселковых». Ключевую роль в усугублении конфликта сыграли личные интересы. До падежа 2014 г. практически «у каждой семьи в совхозном стаде выпасалось от 2–3 до 20 оленей». Сейчас поселок попросту остался без своего мяса. Оленей из одичавшего стада пастухи «на еду, конечно, бьют, но обеспечить могут только себя и своих родственников» (догнать дикаря не просто!).

«В поселке не любят оленеводов. Поселок, как и тундра, всегда жил на мясе, а не на морской рыбе. У каждой семьи было немного оленей. Понемногу, но тем не менее... После падежа оленеводы-то мясо едят, а остальные-то нет. Привезут 2–3 туши, кому-то втихаря продадут, а остальные без мяса. Продукты в магазинах очень дорогие — и до седьмого колена «Будь ты проклят!»» [ПМА, Колгуев, 2024].

В Бугрино, как в других российских северных поселках, проблем хватает. Главная беда — безработица. Рабочие места ограничены бюджетной сферой (поселковый совет, ЖКХ, ФАП, ДК, начальная школа, детский сад). Поселок живет за счет пенсий, детских пособий и натурального

хозяйства. Это отнюдь не выращивание овощей («пробовали, но у нас на острове ничего не растет»), а сбор яиц водоплавающих птиц и дикоросов, «примитивный рыболовство, так — сеточки, удочки, катеров или карбасов, чтобы выехать в море, нет».

«Пенсии и зарплаты здесь хорошие. Но живут натуральным хозяйством. Колгуев — это гусиное царство. Каждая семья весной собирает по 500–700 яиц. Летом заготовка морошки (ягода соленая, вкусная!)» [ПМА, Колгуев, 2024].

Раз в год в ходе морской навигации в Бугрино завозят топливо и товары первой необходимости. Крайне нерегулярно вертолетами из Нарьян-Мара в два поселковых магазина «доставляются продукты с материка», «цены неподъемные». При крайне слабом снабжении возникают конфликты даже из-за заказа оленеводами хлеба в местной пекарне («поселковые возмущаются, что мол оленеводы заказывают по двадцать буханок, хотя сами на выходные берут по пять и по семь»). Сам поселок выглядит весьма плачевно. Жилфонд давно исчерпал себя: 80 % жилья не подлежит ремонту. Школа, которую ждали почти двадцать лет, «стоит посреди поселка как памятник недобросовестному подрядчику». До строительства очистного сооружения воду очень плохого качества «получали с дамбы или заготавливали лед». Главный вид транспорта — передвижающаяся по деревянным мосткам «колгуевская тележка» с колесами из найденных на побережье пластиковых поплавков (рис. 6, 7).

«Пекарню построили... Округ и район пытаются с теми же домами помочь. Но строительные компании сюда не заходят, мешают транспортная составляющая, логистика, да и сама почва (езде болото, все по мосткам!). Недостроенную школу растащили, остался только железный каркас. Дети ютятся в бывшем здании сельского совета» [ПМА, Колгуев, 2024].

Тем не менее коренные колгуевцы не стремятся покинуть остров². Колгуев для них — «больше, чем для малая родина».

«Проблем в поселке много, но люди там счастливы, потому что это их остров. У них менталитет островных людей. Особая каста! Пусть нет канализации, нет воды, нет транспортного сообщения. Они уверены, что над Колгуевым летает самолет, который сбрасывает какой-то порошок, а дырки в земле сверлят и нефть добывают, чтобы остров утонул. У колгуевцев вечный страх, что их выселят с острова. Этот страх заложен в них генетически» [ПМА, Колгуев, 2024].

Рис. 6. Поселок Бугрино (вид с вертолета).
2024 г. Фото Е.В. Переваловой.
Fig. 6. Bugrino village (helicopter view). 2024.
Photo by E.V. Perevalova.

Рис. 7. «Колгуевская тележка».
Бугрино. 2024 г. Фото Т.С. Киссер.
Fig. 7. «Kolguevskaya cart». Bugrino. 2024.
Photo by T.S. Kisser.

Итак, колгуевские ненцы представляют собой обособленную группу, сформировавшуюся в результате миграций с материка во второй половине XVIII — XIX в. Их история и культура тесно связаны с оленеводством, которое на протяжении веков оставалось основой жизнедеятельности. Группа отличается от материковых ненцев рядом особенностей, сложившимся благодаря изолированному островному существованию и специфическими условиями среды. Изолированность сформировала особую островную ментальность колгуевских ненцев, характеризующуюся:

² Согласно данным Всесоюзных переписей, в 2002 г. численность населения составляла 400 чел., в 2010 г. — 424 чел., в 2020 г. — 432. Отток населения происходит в основном за счет молодежи и нененецкого населения.

— *замкнутостью и консерватизмом*. Несмотря на то что большинство представителей коренного населения не носит и не шьет ненецкую одежду, языком общения выступает русский и к возрождению ненецкого языка и культуры многие относятся скептически, ограниченный контакт с внешним миром в определенной степени способствует сохранению традиционных укладов и ценностей, способствует обособлению группы;

— *привязанностью к родной земле*. Стремление сохранить первозданный облик острова с его природой и ресурсами глубоко укоренены в сознании колгуевцев. Колгуев — не просто место проживания, а неотъемлемая часть их идентичности («страх потерять свой остров»);

— *особым отношением к оленям*. Олени — источник существования; падеж оленей воспринимается не только как экономическая, но и как культурная и духовная трагедия («остров без оленей — пустыня»);

— *высокой степенью взаимозависимости группы и ее зависимости от внешнего мира*. В условиях жесткой борьбы за выживание взаимопомощь и коллективизм внутри сообщества приобретают первостепенное значение. Семья и родственные связи играют ключевую роль в обеспечении безопасности. Однако из-за ограничения доступа к ресурсам остро проявляются «клановые» разногласия и противоречия между тундрой (оленеводами) и поселком (жителями Бугрино).

Опыт колгуевских ненцев показывает, что сохранение этнической идентичности в условиях глобализации требует не только поддержания традиционных практик, но и гибкого реагирования на новые вызовы. Ментальность при этом может выступать как ресурсом устойчивости, так и фактором, затрудняющим понимание и принятие необходимых перемен.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг., проект «Коренные малочисленные народы: обновление этничности» (рук. А.В. Головнев).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев В.И.* Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 1979. 243 с.
- Головнев А.В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.
- Головнев А.В.* Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.
- Головнев А.В.* Северность России. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 450 с.
- Давыдов А.Н.* Этнохабитат на краю Ойкумены: Ненцы острова Колгуев // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. М.: Стратегия, 2006. С. 34–60.
- Есипов В.К.* Остров Колгуев // В.К. Есипов, Н.В. Пинегин. Острова Советской Арктики. Новая Земля — Вайгач — Колгуев — Земля Франса-Иосифа. Архангельск: Севкрайгиз, 1933. С. 89–96.
- Жилинский А.А.* Крайний Север Европейской России: Архангельская губерния. Пг., 1919. 296 с.
- Карапетова И.А.* Этнокультурные изменения у колгуевских ненцев // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 247–253.
- Козмин Н.Д.* Остров Колгуев и его обитатели: (К вопросу о необходимости открытия школы для самоедов). Отдельный оттиск из журн. «Церковные ведомости» за 1903 год. СПб.: Синодальная типография, 1913. 17 с.
- Латкин В.Н.* Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 годах. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1853. Ч. I. 154 с.; Ч. II. 143 с.
- Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. Ч. IV: Путешествия академика Ивана Лепехина в 1772 году. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1805. 458 с.
- Литке Ф.П.* Четырехкратное путешествие в Северный ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821–1824 годах. М.: ОГИЗ, 1948. 334 с.
- Максимов С.* Год на Севере. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1984. 607 с.
- Михайлова Г.В.* Основы жизни ненцев арктического острова Колгуев // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 144–150.
- Перфильев И.А.* Краткий очерк самоедского быта на острове Колгуеве // Северное хозяйство. Архангельск, 1928а. № 1–2. С. 3–12; 1928б. № 10–12.
- Подэкрат А.Г.* Оленеводство острова Колгуев // Ненецкое оленеводство: География, этнография, лингвистика. СПб: МАЭ РАН, 2018. С. 25–56. (Сер. «Кунсткамера — Архив»; Т. VIII).
- Солнцев Н.А.* Остров Колгуев: (Физико-географический очерк) // Учен. записки МГУ. 1938. Вып. XIV. С. 205–271.
- Тревор-Бетти О.* Во льдах и снегах: (Путешествие на Колгуев) / Пер. с англ. А. Филиппова. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1897. 214 с.
- Хомич Л.В.* Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Наука, 1966. 339 с.
- Шульга И.А.* Лето на Колгуеве // Землеведение. М., 1909. Т. XVI. Кн. I–II. С. 13–66.
- Saweliew A.S.* Die Insekolgujen Archiv fur wissenschaftliche Zunde von... Zehunter Band. Berlin, 1852.

ИСТОЧНИКИ

Архив МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1: Вербов Г.Д. Полевые материалы и научные труды (1829–1941). Д. 130: Оленеводство у ненцев. 1938. 42 л.

АО АА НАО — Архивный отдел Аппарата администрации НАО. Ф. № Р-112. Оп. 1: Совхоз «Колгуевский». Планы, отчеты, штаты. Д. 4, 7–9, 34.

Михневич Ю. Северные олени Колгуева // Элементы. 10.08.2020. URL: https://elementy.ru/kartinka_dnya/1203/Severnnye_oleni_Kolgueva?ysclid=ltjqxa8tz9247721618 (дата обращения: 17.01.2025).

Причинами массового падежа оленей на о. Колгуев стали избыток поголовья и недостаток пастбищ // Няръянавындер: Общественно-политическая газета Ненецкого АО. 14 апр. 2014. URL: <https://nvinder.ru/news/2997-prichinami-massovogo-padezha-olenev-na-okolguev-stali-izbytok-pogolovya-i-nedostatok> (дата обращения: 17.01.2025).

Чистякова А. Почему в НАО массово гибнут олени // Экономика Северо-Запада. Российская газета. № 16842 (271). 1 дек. 2015. URL: <https://thehrd.ru/articles/2682/?ysclid=lrclj183y76629164077> (дата обращения: 17.01.2025).

Perevalova E.V. *, Kisser T.S.

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS
Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: Elena_Perevalova@mail.ru (Perevalova E.V.); tkisser@bk.ru (Kisser T.S.)

The Kolguev Nenets: island mentality and the crisis of reindeer herding

The Kolguev Nenets are a distinct group that formed in the result of migrations from the mainland into the island in the second half of the 18th — 19th century. Their history and culture are closely linked to reindeer herding. The Pomor-Samoyed colonization of the Kolguev Island, where the Pomors were the masters of the sea and the Samoyeds were the masters of the tundra, can be called a mutually beneficial “partnership” development. The economic transformations of the Soviet and post-Soviet periods contributed to the strengthening of the “island” mentality of the Kolguev Nenets. The mass mortality of reindeer in 2014 demonstrated the vulnerability of traditional economy and the resilience of the island culture. On the one hand, the crisis led to an increase in the “siege mentality” and mistrust of the outside world (the prevailing opinion about the deliberate poisoning of reindeer), on the other hand, it prompted rethinking of the role of reindeer herding and a search for new forms of management (the creation of the peasant farm “Нерм” and the SRO “Saldy”). The mentality of the Kolguev Nenets is characterized by isolation and conservatism, attachment to their native land (“fear of losing their island”), a special attitude to reindeer (“an island without reindeer is a desert”), a high degree of interdependence of the group and its dependence on the outside world. In circumstances of limited access to resources, family plays a key role in ensuring security; at the same time, “clan” disagreements and contradictions between the tundra (reindeer herders) and the village (residents of the village of Bugrino) have become acutely evident.

Keywords: Nenets (Samoyeds), Kolguev Island, reindeer herding, mentality, tradition.

REFERENCES

- Davydov, A.N. (2006). Ethnohabitat on the edge of the Oikumene: Nenets of Kolguev Island. In: *Mezhetnicheskiye vzaimodeystviya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya narodov Severa Rossii*. Moscow, 34–60. (Rus.).
- Esipov, V.K. (1933). Kolguev Island. In: V.K. Esipov, N.V. Pinegin. *Ostrova Sovetskoy Arktiki. Novaya Zemlya — Vaygach — Kolguev — Zemlya Fransa-Iosifa*. Arkhangel'sk: Sevkraygiz, 89–96. (Rus.).
- Golovnev, A.V. (2009). *Anthropology of Movement (Antiquities of Northern Eurasia)*. Ekaterinburg: UrO RAN; Volot. (Rus.).
- Golovnev, A.V. (2015). *The Phenomenon of Colonization*. Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).
- Golovnev, A.V. (2022). *Northernness of Russia*. St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).
- Karapetova, I.A. (1990). Ethnocultural changes among the Kolguev Nenets. In: *Problemy izucheniya istoriko-kul'turnoy sredy Arktiki*. Moscow, 247–253. (Rus.).
- Khomich L.V. (1966). *Nenets: Historical and Ethnographic Essays*. Moscow; Leningrad: Nauka.
- Latkin, V.N. (1853). *Diary of Vasily Nikolaevich Latkin, during a trip to Pechora in 1840 and 1843*. St. Petersburg. (Rus.).
- Lepekhin, I.I. (1805). *Daily notes of the journey of Doctor and Academy of Sciences adjunct Ivan Lepekhin through various provinces of the Russian state. Part IV: Travels of Academician Ivan Lepekhin in 1772*. St. Petersburg. (Rus.).
- Litke, F.P. (1948). *Four-time voyage to the Arctic Ocean on the military brig Novaya Zemlya in 1821–1824*. Moscow. (Rus.).
- Maksimov, S. (1984). *A Year in the North*. Arkhangel'sk. (Rus.).
- Mikhailova G.V. (2015). Basics of life of the Nenets of the Arcticislandof Kolguev. *Arktika i Sever*, (21), 144–150. (Rus.).

* Corresponding author.

Колгуевские ненцы: островная ментальность и кризис оленеводства

Podokrat, A.G. (2018). Reindeer herding on Kolguev Island. In: *Nenets reindeer herding: geography, ethnography, linguistics*. St. Petersburg. (Rus.).

Saweliew, A.S. (1852). *Die Insekolgujen Archiv fur wissenschaftliche Zunde von... Zehunter Band*. Berlin.

Shulga, I.A. (1909). Summer on Kolguyev. In: *Zemlevedenie*. T. 16. Kn. 1–2. 13–66. Moscow. (Rus.).

Solntsev, N.A. (1938). Kolguev Island (Physical and Geographical Essay). *Uchonyye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, (14), 205–271. (Rus.).

Trevor-Betty, O. (1897). *In Ice and Snow: (Journey to Kolguyev)*. St. Petersburg. (Rus.).

Vasiliev, V.I. (1979). *Problems of the Formation of the Northern Samoyedic Peoples*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Zhilinsky, A.A. (1919). *The Far North of European Russia: Arkhangelsk Province*. Petrograd. (Rus.).

Перевалова Е.В., <https://orcid.org/0000-0002-9480-715X>

Киссер Т.С., <https://orcid.org/0000-0001-9246-2787>

Сведения об авторах:

Перевалова Елена Валерьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.

Киссер Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-организационной работе, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.

About the authors:

Perevalova, E.V., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg.

Kisser, T.S., PhD, Deputy Director for Scientific and Organizational Work, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 09.06.2025

Article is published: 15.09.2025

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде:

1) одного файла, включающего сведения об авторе (авторах), название статьи, УДК статьи, аннотацию, ключевые слова, список сокращений, основной текст статьи со вставленными иллюстрациями, подрисуночными подписями, таблицами, названиями таблиц, библиографическим списком в формате *.doc или *.rtf, озаглавленного по фамилии автора(ов) (Романов.doc; Романов и др.doc);

а) сведения об авторе(ах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи: строчными буквами; не используйте заглавные буквы для всего названия;

в) аннотация на русском языке **объемом 1000–1500 знаков**: необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы;

г) таблицы: представляются без разрывов при переходе с одной страницы на другую, должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовки. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается;

д) иллюстрации: должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.** В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисуночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями;

2) дополнительных файлов с иллюстрациями в форматах jpg, tiff, bmp (Романов.jpg, Романов_рис.1.tiff, Романов_рис.2.jpg);

3) файла со сведениями статьи на английском языке;

4) файла со списком возможных рецензентов;

5) одновременно с рукописью высылается заполненное автором/авторами авторское соглашение (публичная оферта).

Сведения статьи на английском языке должны содержать:

— ФИО авторов, место работы, адрес учреждения;

— Article title (название статьи);

— Summary (на английском языке) объемом 1000–1500 знаков с пробелами. Summary должно включать указания: на географическую и хронологическую привязку исследований (если не указано в названии), цель исследования, материалы и источниковую базу, методы исследования, а также основные результаты и выводы. В скобках надо дать перевод на английский язык специфических терминов и названий (например, названия археологических культур, орудий, сырья, методов, технологий и т.д.);

— Keywords;

— Figure captions (подрисуночные подписи);

— Table giving the names (названия таблиц);

— **Acknowledgements (благодарность за содействие и помощь в подготовке работы, а также спонсорам);**

— **Funding (сведения о финансировании проектов);**

— References (список литературы на латинице).

Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

В конце статьи необходимо дать расширенные сведения об авторах на русском и английском языках для размещения на сайте «Российские научные журналы» (РНЖ):

ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, город.

Сведения об авторах: Иванов Иван Иванович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the authors: Ivanov, I.I., Candidate of Historical Sciences, Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

Кроме того, в конце статьи необходимо указать **ORCID** автора(ов) (напр., <https://orcid.org/0000-0002-3277-2414>) (если номера нет, то следует зарегистрироваться по ссылке <https://orcid.org/signin>).

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для References) редакция отклоняет статью.

Список возможных рецензентов (не менее трех) — квалифицированных специалистов по тематике рецензируемых материалов, имеющих в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи, должен содержать следующую информацию: ФИО рецензента полностью; место работы; ученая степень; e-mail. Возможные рецензенты не должны работать в одном учреждении с авторами статей.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют вариант статьи по адресу: vestnik.ipos@inbox.ru. Между автором (авторами) и гл. редактором журнала «Вестник археологии...» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи в одном текстовом файле на русском языке (включая аннотацию, основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список на русском языке, разделы «Благодарность», «Финансирование») не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». «Summary» и «References» не входят в этот объем, однако не должны превышать 10 тыс. знаков с пробелами. Статья должна содержать не более 5–6 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. **Рукописи объемом свыше 1 авт. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей не рассматриваются.**

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

7. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В раздел «Источники» включаются публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях, диссертации и авторефераты диссертаций. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d** и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.** Кроме того, следует указать DOI (при наличии соответствующих данных).

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы нужно придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Агапов М.Г. «Яптик-сити»: В поисках идентичности северного села // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 181–191. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191>.

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Зах В.А., Рафикова Т.Н. Тарханский острог XVII–XVIII вв.: по материалам геофизических и археологических исследований 2020–2021 гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 2 (57). С. 71–84. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-57-2-6>

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Чукунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

(Необходимо указывать фамилии и инициалы всех авторов монографии; не использовать *и др.* или *et al.*)

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Jin Zh. Natural Science Research of Erlitou Bronze and Exploration of Xia Civilization // Cultural relics [文物], 2000. № 1. P. 56–69. (China).

(В иероглифике приводится лишь название журнала (сборника). Оно дается в квадратных скобках после перевода этого названия на английский.)

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787. <https://doi.org/10.1016/j.crv.2014.06.004>.

ИСТОЧНИКИ

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Источники в список References не вносятся.

8. Текст статьи должен быть тщательно выверен.

Плата за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции и издателя:

625008, Тюмень, ул. Червишевский тракт, 13, ТюмНЦ СО РАН

Тел. (3452) 688-768

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru>

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИИКФ — Библиотечно-информационный историко-культурный фонд
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИА УрО РАН — Институт истории и археологии УрО РАН
ИИАЭ ДВО РАН — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИЦАИ — Международный институт центральноазиатских исследований
ПМА — Полевые материалы автора
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СМАЭ — Сборник МАЭ
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СЭ — Советская этнография
УИВ — Уральский исторический вестник
УрО РАН — Уральское отделение РАН

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

16+

Сетевое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 3 (70)

2025

Главный редактор
доктор исторических наук В.А. Зах

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский	С.В. Святко

*Точка зрения авторов публикуемых материалов не всегда отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статьи журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна*

Дата выхода: 15.09.2025. Уч.-изд. л. 24,2. Объем 52 Mb.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции и издателя: 625008, Тюмень, Червишевский тракт, 13, тел. (3452) 688-768
E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru
Размещение журнала: <http://www.ipdn.ru>

ISSN 977-2071-0437-05

9 772071 043705

Е.М. Корнеев. Гравюра «Самоеды»
[Rechberg, 1813]

Тюменский научный центр СО РАН

Подписной индекс 80385
ООО «Урал-Пресс-Округ»
+7 (343) 385-87-24